

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Москва
2003

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск девятнадцатый)
М., 2003 290 стр.

Ответственный редактор

М.Р.Арунова

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-100-4

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-100-4

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

**МАЛАЙЗИЯ
И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Конец 2002 – начало 2003 г. были отмечены небывалой активностью малазийской дипломатии, отличающейся и без того особым динамизмом. Главным действующим лицом на данном поприще, как всегда, выступал премьер-министр Махатхир Мохамад. За полгода он нанес визиты в десяток различных стран: посетил Индию, Пакистан, Саудовскую Аравию, Ливан, Египет, ряд латиноамериканских государств. Однако преимущество явно отдавалось мусульманскому миру, к которому официально причисляет себя сама Малайзия. В Исламабаде Махатхир говорил о том, что исламским государствам-производителям нефти следует выработать стратегию ее использования в качестве действенного средства кардинального изменения ситуации и мышления в мире. В Эр-Рияде он сделал глубокий реверанс в сторону Саудовской Аравии, заявив, что ныне мировое исламское сообщество, как никогда ранее, нуждается в том, чтобы влиятельное мусульманское государство стало державой мирового уровня. Именно такой страной, по мнению Махатхира, является саудовское королевство. Основной темой на встрече с президентом Египта Х.Мубараком было укрепление единства мирового сообщества правоверных – уммы (общины), ныне обремененной острыми внутренними противоречиями. В Бейруте Махатхир откликнулся на призыв ливанского премьера Р.Харири принять участие в создании фонда развития стран Западной Азии. Малайзия внесла в него 300 млн. долл.¹

Нет ничего удивительного, что Малайзия придает особое значение отношениям с исламскими странами и Движением неприсоединения, «мини-ООН третьего мира». На шкале внешнеполитических приоритетов Куала-Лумпура они занимают соответственно второе и третье места, непосредственно следуя за Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Уместно, видимо, вспомнить, что в 1969 г. Организация исламской конференции (ОИК) была учреждена по инициативе Абдул Рахмана, первого премьер-министра и «отца-основателя» Малайзии.

Его начинание воспринял и поднял на новый уровень Махатхир Мохамад, четвертый по счету малазийский премьер. Сверх того, приняв эстафету от своих предшественников, Махатхир как главный и фактически единоличный архитектор внешнеполитического курса Ма-

лайзии утвердил за собой репутацию самого деятельного трибуна мусульманского мира, чей голос на различных международных форумах по конкретным проблемам и перспективам уммы приобрел особое звучание и авторитет. Именно Махатхир утвердил никем не оспариваемое мнение, что возглавляемое им правительство и правящая партия ОМНО вывели страну на положение наиболее передовой по многим параметрам мусульманской страны, на пример которой могут ориентироваться другие члены исламского сообщества².

Что касается повышенной активности малазийской дипломатии в последнее время, она определялась тем важным обстоятельством, что на февраль 2003 г. в Куала-Лумпуре намечалось проведение саммита Движения неприсоединения (ДН), а на октябрь – встречи в верхах ОИК. Они и стали стержневыми моментами внешнеполитической деятельности страны и главы ее правительства. Существенную роль играл и субъективный фактор. Дело в том, что Махатхир публично заявил, а затем неоднократно подтверждал намерение уйти в отставку с поста премьер-министра в конце октября 2003 года в связи с преклонным возрастом (в декабре ему исполнилось 78 лет). Однако сделать это он хотел лишь после того, как обеспечит Малайзии председательство в ДН и ОИК. Более того, предполагалось, что на куалалумпурском саммите ОИК специально для Махатхира будет учрежден пост постоянного главы организации, т.е. малазийский лидер вовсе не собирается окончательно отказываться от международной политической карьеры.

Основные положения внешнеполитического видения Малайзии были обкатаны Махатхиром в ходе последних зарубежных поездок и изложены в выступлениях на февральском саммите ДН. Они должны стать основой малазийской позиции на октябрьской встрече лидеров стран-членов ОИК. Дипломатия Куала-Лумпура подчеркивает, что фундаментальные цели неприсоединения и ОИК близки или совпадают. Тем более, что из 116 неприсоединившихся государств 57 являются мусульманскими.

Выступая с трибуны саммита ДН, Махатхир подчеркнул, что стратегической целью стран «третьего мира» должно стать создание нового, более демократического и справедливого мирового порядка. У Движения имеется на сей счет собственная концепция, суть которой заключается в том, что Северу и Югу надлежит выступать равноправными партнерами в решении коренных политических, экономических и социальных проблем современности.

Главная задача, стоящая перед ДН, по словам Махатхира, состоит в освобождении от негативного имиджа пустопорожного «ток-шоу», переводе упражнений в риторике в плоскость конкретных практических шагов. Необходима консолидация рядов Движения, совершенствование его организационной структуры и механизма (расширение полномочий председателя, открытие региональных отделений). Не

случайно в этой связи, что куала-лумпурский саммит проходил под девизом «продолжения возрождения дееспособности Движения». Оно призвано выступать единым фронтом, дабы реагировать на такие новые вызовы современности, как международный терроризм, пагубные последствия глобализации, растущая интегрированность Юга в мировую экономику, революция в информационно-коммуникационных технологиях, расширяющийся разрыв между развитыми и развивающимися государствами³.

В качестве одной из важнейших целей ДН малазийский руководитель определил полную ликвидацию угрозы войны. По его мнению, пока такая опасность нависает над развивающимся миром, Юг никогда не сможет отстаивать и продвигать собственные интересы. Мировое сообщество должно поставить войну вне закона, ликвидировать ядерное оружие, остановить разработку, производство и торговлю наиболее смертоносными видами обычных вооружений. Махатхир высказал точку зрения о желательности сокращения военных ассигнований всеми странами мира до одного процента ВВП. Касаясь этого вопроса, малазийская пресса в ходе саммита отмечала, что в прошлом году военный бюджет США превышал аналогичный показатель всех остальных стран мира, вместе взятых, включая ядерные державы⁴. Следует отметить, что антивоенная тональность выступлений Махатхира во многом объяснялась нараставшей в тот период угрозой американо-британского вторжения в Ирак, являвшийся одним из близких друзей Малайзии на Ближнем Востоке. С санкции малазийских властей в стране были организованы массовые митинги с резким осуждением воинственных планов США и Великобритании, с выражением солидарности с Багдадом.

Позиция Куала-Лумпура по иракской проблеме определилась еще до американо-британского вторжения. В начале февраля 2003 г. в беседах в Лондоне с министром обороны Дж.Хуном и другими высокопоставленными представителями Великобритании глава малазийского оборонного ведомства Наджиб Разак указал, что имеется масса способов урегулирования проблемы, помимо силовой. Он от имени своего правительства подчеркнул, что не обнаружено убедительных фактов наличия у Багдада оружия массового поражения, выразил недоверие к разведывательным данным, обнародованным Вашингтоном и Лондоном. Но даже если такое оружие будет найдено, вопрос следует решать без применения силового варианта. В любом случае все акции в отношении Ирака должны получить однозначное одобрение ООН. Наджиб выразил также мнение Малайзии, что крупные державы не имеют юридического и морального права своевольно менять правительство какой-либо страны, даже в том случае, если оно нарушает права человека и занимается политическим преследованием собственных граждан. Министр акцентировал особое внимание на том, что для Малайзии и всего мусульманского мира не Ирак, а урегули-

рование палестинской проблемы в долгосрочном плане имеет перво-степенное значение⁵.

Под влиянием обострения иракской проблемы, Малайзия вновь подтвердила на саммите ДН, что развивающимся странам необходимо способствовать созданию многополярного мира центральным элементом которого должна быть ООН – ведущий орган по поддержке международного мира. Недопустимо, чтобы проблемы войны и мира решались в обход ООН путем односторонних действий крупных держав. Малайзия и ее партнеры по Движению выразили готовность оказать полную поддержку сохранению ключевой роли ООН в мировых делах на основе системы многосторонней дипломатии. Однако при этом они выразили мнение, что для укрепления авторитета и демократического характера ООН необходимо ее реформирование. В нынешнем виде она не соответствует современным реалиям, во многом оставаясь отражением итогов Второй мировой войны. Следует пересмотреть функции и состав Совета Безопасности, наделить большими полномочиями Генеральную Ассамблею.

И наконец, Махатхир выразил мнение, что для успешной деятельности ДН необходимо избегать конфронтации между Югом и Севером, расширять диалог и конструктивное взаимопонимание с промышленно развитыми партнерами, в первую очередь с «большой восьмеркой».

Непосредственно после завершения саммита ДН в Куала-Лумпуре прошла неформальная встреча в верхах ОИК, целиком посвященная проблеме Ирака. От имени Организации Махатхир получил мандат обратиться к Совету Безопасности ООН с предложением отвергнуть представленный США проект резолюции, открывающий путь для военной акции против Багдада. Однако малазийский лидер с самого начала выразил серьезное сомнение, что подобное обращение будет должным образом услышано. Он подчеркнул, что ОИК не обладает военной и финансовой мощью, чтобы адекватным образом влиять на политику великих держав. Остается лишь уповать на моральное воздействие и растущие антивоенные выступления западной общественности.

Неформальный саммит обсудил также вопрос об использовании «нефтяного оружия» для предотвращения войны. Консенсусом было принято решение изучить данный вопрос. Однако в Куала-Лумпуре, предвидя резкую негативную реакцию Вашингтона и его союзников в арабском мире, предпочли занять осторожную позицию. Последовали заверения, что подобная инициатива не исходит от Малайзии; ведь хотя сокращение добычи нефти и повышение мировых цен было бы выгодно для страны как экспортера углеводородного сырья, но это болезненно скажется на положении наименее развитых стран и состоянии мировой экономики в целом⁶.

Малазийцев не удивило, что Саудовская Аравия, ведущий мировой производитель нефти, наперекор куала-лумпурскому кон-

сенсусу ОИК договорилась с США о повышении уровня добычи нефти в случае войны с Ираком на том основании, что «черное золото» не может быть орудием политической войны, а является средством обеспечения национальных интересов, а также дала согласие на использование своей территории для нападения на Ирак⁷. В Куала-Лумпуре предвидели и то, что Катар, другой американский союзник, весьма неохотно согласился на проведение в начале марта 2003 г. в своей столице Дохе чрезвычайного саммита ОИК, посвященного иракской проблеме. Как и предполагалось, встреча закончилась безрезультатно.

Первую реакцию Малайзии на американско-британскую агрессию против Ирака озвучил Махатхир, заявивший, что мир оказался в шоке, лицемеря, как крупные державы, считавшиеся высокоцивилизованными, прибегли к массированному убийству во имя достижения своих целей. По его словам, это указывает, насколько упала мораль таких держав, как Соединенные Штаты и Великобритания, сделавших убийство основой государственной политики. Он охарактеризовал действия Вашингтона и Лондона как попытку разрушить систему приоритета международного права.

Махатхир указал также, что Малайзия как председатель ДН и член ОИК обратилась к Генеральному секретарю ООН К.Аннуну с требованием созвать чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи. По его словам, ООН не способна остановить агрессию, однако необходимо показать американцам, что их действия противоречат позиции подавляющего большинства членов ООН.

Комментируя получившее в Малайзии широкое распространение мнение, что «нападение на Ирак является делом рук евреев, использующих США в качестве своего орудия», Махатхир заявил, что не считает его конфликтом христиан с мусульманами. Однако полагает, что он является войной влиятельной еврейской части американского истеблишмента против исламского государства⁸.

Несколько недель спустя малазийский премьер заявил в интервью катарскому спутниковому телеканалу Аль-Джазира, что истинной целью американско-британского вторжения в Ирак являлось не освобождение народа этой страны от тирании Саддама Хусейна, а устранение серьезной внешней опасности, исходившей от Багдада. Вашингтон и Тель-Авив заинтересованы, чтобы Ирак никогда вновь не поднялся на ноги, а также в том, чтобы активно приобщиться к его нефтяным богатствам. По мнению Махатхира, утверждения, что американцы серьезно намерены восстановить иракскую экономику, являются чистым обманом, как и в случае с Афганистаном. Махатхир выразил также убеждение, что США не удастся создать новую дееспособную администрацию в Багдаде, поскольку иракцы никогда не согласятся сотрудничать с марионеточными властями⁹.

Малазийское руководство устами вице-преьера Абуллы Ахмада Бадави, будущего преемника Махатхира на посту главы правительства, выразило мнение, что совершив агрессию против Ирака, Вашингтон утратил моральное право возглавлять борьбу против международного терроризма. Если поначалу никто не оспаривал американское лидерство, то после иракских событий даже многие традиционные друзья и союзники отвернулись от администрации Дж.Буша. Особенно тревожно, что оккупация Ирака чревата опасностью спровоцировать новую волну терроризма, поскольку рассматривается многими в мусульманском мире, особенно его радикальным крылом, как оскорбление и вызов исламу. Что касается Малайзии, то, по словам Бадави, действия США в Ираке весьма затруднили деятельность на территории страны регионального антитеррористического центра, спонсированного американцами¹⁰.

Касаясь причин скорого поражения багдадского режима в войне, официальный Куала-Лумпур неоднократно возвращался к словам, сказанным Махатхиром в Каире в январе 2003 г.: «Мы не следуем предписанию Корана, что Аллах не изменит наши судьбы, если мы не будем стремиться сделать это сами». В переводе на общедоступный язык это означало, что мусульмане во всем мире уделяют львиную долю времени и усилий теологическим диспутам и выяснению взаимных претензий. Война показала, по его словам, что пока мусульмане не могут защитить себя, поскольку не владеют военным искусством, способным устранить врагов ислама. Хотя мусульмане во всем мире усердно возносили молитвы, нападение все же состоялось¹¹. Для уммы жгучей необходимостью является овладение всей суммой знаний, накопленных человечеством, приобщение к достижениям современных технологий, особенно информационно-коммуникационных. Без этого, как неустанно повторял Махатхир, исламское сообщество останется на обочине прогресса мировой цивилизации, будет легкой добычей крупных держав Запада, что наглядно продемонстрировали события в Ираке.

Именно по этой причине Малайзия весьма скептически восприняла прозвучавший в октябре 2002 г. призыв главнокомандующего Корпусом стражей исламской революции Ирана Яхьи Рахима Сафари собрать 100 млн. добровольцев для сокрушения Израиля и полного освобождения Палестины. Как отметил Махатхир, даже при наличии самого высокого морального духа они неизбежно станут жертвами применения современных систем оружия¹². Малайзия также не поддержала резолюцию конференции Всемирного форума улемов, призывавшую к созданию «исламского военного блока», отказу от закупок западного оружия и налаживанию собственного производства. Задача, по мнению малазийцев, состоит в ином, а именно в том, чтобы многочисленные решения, принимавшиеся в рамках исламского со-

общества, оставались не на бумаге, а претворялись в конкретные согласованные дела¹³.

Несмотря на давление США, Малайзия не разорвала дипломатические отношения с Ираком и не закрыла иракское посольство. Малазийский министр иностранных дел Сайед Хамид Албар заявил в апреле 2003 г., что Куала-Лумпур выступает против плана наделения США и Великобритании полномочиями по управлению Ираком. Его страна, подчеркнул министр, признает только такое правительство Багдада, которое демократическим путем будет избрано самими иракцами при непосредственном содействии ООН. Он сказал также, что не следует винить К.Аннана за неспособность остановить американско-британскую агрессию. Ныне факты свидетельствуют, что Генеральный секретарь серьезно взялся за оказание гуманитарной помощи, разработку планов послевоенного восстановления Ирака. Важно, однако, чтобы в реализации этих планов участвовали азиатские страны, а не только те, которые выберут американцы. Вместе с тем, по мнению Малайзии, преждевременно снимать экономические санкции ООН в отношении Багдада, поскольку это может быть расценено как легализация оккупационного режима¹⁴.

Малазийская дипломатия приняла самое активное участие в совещании глав внешнеполитических ведомств 57 стран-членов ОИК в Тегеране в конце мая 2003 г. В одобренной министрами декларации в связи с событиями вокруг Ирака отвергалось использование силы и односторонних действий, угрожающих суверенитету, нарушающих международное право и Устав ООН. Была выражена поддержка права иракского народа сформировать демократическое правительство, при содействии ООН восстановить суверенитет страны. Не в последнюю очередь иракская часть Декларации являлась ответом ОИК на прозвучавшие со стороны США угрозы приступить к насильственной смене неугодных режимов в Сирии и Иране.

В Декларации содержалось резкое осуждение политики террора, проводимой Израилем в отношении палестинского населения, обращение к США, России, Евросоюзу и ООН с призывом продолжить усилия по урегулированию палестино-израильского конфликта, реализации законных прав народа Палестины во имя достижения справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке. В своих основных положениях этот раздел документа повторял соответствующий раздел заявления куала-лумпурского саммита ДН.

Конференция потребовала полной ликвидации ядерного оружия и призвала все страны, особенно ядерные державы, оказать давление на Израиль, дабы побудить его присоединиться к договору о нераспространении, поставить все израильские ядерные объекты под контроль МАГАТЭ. Данное решение было реакцией на американские об-

винения Тегерана в стремлении создать собственное оружие массового поражения.

Следуя в русле заявлений Махатхира, сделанных после событий 11 сентября 2001 г., министерская конференция ОИК резко осудила попытки поставить знак равенства между международным терроризмом и исламом. Из Тегерана прозвучал призыв создать международную встречу с целью дать определение терроризма, а также провести четкую грань между терроризмом и борьбой за национальное освобождение¹⁵. Как известно, со своей стороны, еще в апреле 2002 г. на чрезвычайном совещании министров иностранных дел стран ОИК по терроризму в Куала-Лумпуре Махатхир предложил свое определение терроризма, включая государственный. По его мнению, «любую вооруженную или иную акцию против гражданского населения, предпринятую индивидуально или с официальной санкции или по приказу, можно считать терроризмом». В качестве примеров этого международного зла он назвал атаку на Международный торговый центр в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., акции палестинских и тамильских боевиков-смертников, действия израильской армии на территории палестинской автономии, массовые убийства мусульман в Боснии. По словам малазийского лидера, терроризм не является монополией какой-то конкретной нации, расы, религии или идеологии. Что касается мусульман, к террору их постоянно подталкивает иностранное угнетение, безысходность и растущая отчужденность в глобализирующемся мире¹⁶. Махатхир считает, что одним из главных направлений деятельности ОИК должна стать тщательная разработка проблемы международного терроризма.

По понятным причинам в центре внимания Малайзии, одного из признанных лидеров мусульманского сообщества, главы ДН и будущего председателя ОИК, находится палестинская проблема. В Куала-Лумпуре считают, что если в годы второй мировой войны европейское еврейство пережило «первый холокост», ныне палестинские арабы являются жертвами «второго холокоста»¹⁷.

Малазийцы полагают, что правительство Ариэля Шарона проводит политику государственного терроризма в отношении Палестины, выступают с требованием прекращения насилия против мирного палестинского населения за вывод израильских войск с Западного берега Иордана и сектора Газа. Они осуждают блокаду резиденции главы палестинской администрации Ясира Арафата в Раммале, а также планы его депортации. При этом Куала-Лумпур исходит из того, что нейтрализация Арафата или его физическое устранение лишь осложнят ситуацию: ему на смену придут лидеры более радикального направления, что окончательно загонит палестино-израильский конфликт в тупик. Создается впечатление, отмечают в столице Малайзии, что израильские «ястребы» не понимают того важного факта, что сторонники Хамас, Исламского джихада и других радикальных пале-

стинских организаций составляют по меньшей мере половину взрослого населения Палестинской Автономии¹⁸. Все говорит за то, что на саммите ОИК проблема поиска путей урегулирования ближневосточной проблемы станет одной из центральных.

На октябрьской встрече в верхах Малайзия предполагает предложить вернуться к золоту (в виде так называемого «золотого динара») в расчетах во взаимной торговле и погашении финансовых обязательств. Предполагается, что «золотой динар» будет находиться в обращении параллельно с основными международными валютами, однако станет «страховым полисом» на случай резких колебаний их обменных курсов. Эта идея была выдвинута Махатхиром в 2001 г. по свежим следам азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг. Куала-Лумпур понимает, что введение новой валюты займет длительное время, однако уже договорился с Ираном перейти к использованию «золотого динара» в двусторонней торговле уже в конце текущего года¹⁹.

В Куала-Лумпуре весьма оптимистично оценивают перспективы работы саммита ОИК, будучи практически уверены, что малазийской дипломатии удастся в целом достичь поставленных задач. Залогом этого, как здесь считают, станет высокий авторитет страны в исламском мире, завоеванный благодаря внутренней политической стабильности, успехам на экономическом фронте, активной и независимой внешней политике. У малазийцев не вызывает серьезных сомнений, что Махатхир Мохамад, будучи в октябре 2003 г. единодушно избран генеральным секретарем ОИК, продолжит дело, начатое в 1969 г. Абдул Рахманом. На этом посту благодаря личному авторитету, энергии и целеустремленности «доктор М» (как называют Махатхира в Малайзии) сможет вдохнуть новую жизнь в деятельность этой международной организации²⁰.

Выступая на Куала-Лумпурском саммите ОИК уже в ранге ее председателя, Махатхир вновь вернулся к ранее обозначенным им главным проблемам, стоящим перед мусульманским сообществом: разобщенности рядов и резкому отставанию от мирового севера в научно-технологической и производственной областях. Заметим в скобках, что саммит проходил под девизом «Повышение научного и морального потенциала ислама».

Махатхир подчеркнул, что по этим причинам страны исламской цивилизации, несмотря на свой огромный потенциал, по-прежнему прозябают в полузависимом состоянии, «угнетаются европейцами и евреями». В изложении российских печатных СМИ, Махатхир в своем выступлении неоднократно возвращался к тезису о том, что «евреи – враги ислама», «сегодня евреи правят миром... но 1,3 млрд. мусульман не могут потерпеть поражения от нескольких миллионов евреев». Так, например, «Известия» в редакционном комментарии назвали высказывания нового главы ОИК «антисемитским скандалом»²¹, а

«Независимая газета» на первой полосе поместила статью под характерным заголовком «Протоколы малазийского мудреца»²².

Действительно, для незнакомых с высоко эмоциональной манерой, присущей всем публичным речам Махатхира, его слова показались шокирующими. Но только не для руководителей исламских государств, а тем более для малазийцев. В частности, три года назад, выступая на очередном съезде правящей партии в присутствии официальных иностранных делегаций, Махатхир назвал соотечественников «тупоголовыми бездельниками» и даже «идиотами» из-за их нежелания по-настоящему приобщиться к достижениям современной цивилизации. Слова премьера были встречены собравшимися, привыкшими к «риторической шокотерапии “доктора М”», бурными аплодисментами, что казалось непостижимым для непосвященных.

¹ Berita Harian (BH), Kuala Lumpur, 20.10.2002, 23.01.2003.

² Panorama, Manila, 2000, № 2, с. 62.

³ New Straits Times, Kuala Lumpur, 25.02.2002.

⁴ Berita Harian, 25.02.2002.

⁵ Berita Harian, 05.02.2003.

⁶ Berita Harian, 28.02.2003.

⁷ Berita Harian, 28.02.2003.

⁸ Berita Harian, 22.03.2003.

⁹ Utusan Malaysia, Kuala Lumpur, 06.04.2003.

¹⁰ Berita Harian, 03.04.2003.

¹¹ Berita Harian, 10.05.2003.

¹² Berita Harian, 14.10.2002.

¹³ Utusan Malaysia, 14.07.2003.

¹⁴ New Straits Times, 20.04.2003.

¹⁵ Berita Harian, 01.06.2003.

¹⁶ Kompas, Jakarta, 03.04.2003.

¹⁷ Kompas, Jakarta, 11.04.2003.

¹⁸ Kompas, Jakarta, 11.04.2003.

¹⁹ Berita Harian, 02.07.2003.

²⁰ Не лишне, очевидно, отметить, что Панисламская партия Малайзии (ПАС), возглавляющая оппозиционный Альтернативный фронт, весьма низко оценивает эффективность ОИК, считая, что регулярно проводимые ею саммиты и другие встречи представляют собой дорогостоящие сборища мировой светской мусульманской элиты, раздираемой внутренними противоречиями и личными честолюбивыми амбициями. Такое положение, по мнению ортодоксальных исламистов, объясняется тем, что руководители стран-членов ОИК, за редким исключением, являются светскими, но не духовными лидерами, для которых вопросы исламской солидарности, прежде всего с народом Палестины, являются делом третьестепенным. Более того, в собственных странах эти руководители, называемые ортодоксами, фарисеями, безжалостно подавляют партию и движения, стоящие на позициях истинного ислама.

²¹ Известия, 18.10.2003.

²² Независимая газета, 17.10.2003.

**ПАКИСТАН
И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Создание в 1969 г. Организации Исламская Конференция (ОИК), в которую входят практически все мусульманские страны, было результатом растущего стремления к единству в мусульманском мире. Уже появились отдельные региональные объединения (например, союз Пакистана, Ирана и Турции – «Региональное сотрудничество для развития»), росли и укреплялись многосторонние отношения между мусульманскими странами. Все это создавало базу для образования общемусульманской организации, главная задача которой в соответствии с ее Уставом – укрепление исламской солидарности и сотрудничества между входящими в нее государствами. В широком смысле слова создание этого постоянного форума для значительной части человечества было продиктовано стремлением мусульманской уммы найти и защитить свое место в будущем мировом океане политических пристрастий, взглядов, направлений, противостояния различных систем и созданных ими блоков. Более непосредственной причиной подобного шага были неудачная «шестидневная война» (третья арабо-израильская) и настойчивые и разнообразные попытки преодоления ее печальных последствий.

Пакистан вступил в ОИК в год ее образования и сделал немало для проведения встречи глав государств и правительств мусульманских стран в Рабате, где и было объявлено о рождении этой организации. Впоследствии Пакистан принимал активное участие в работе ОИК, во всех ее мероприятиях, в некоторые периоды времени, например, в 80-е – начале 90-х годов, т.е. когда в центре внимания стояла афганская проблема, Исламабад выходил на ведущие позиции в рамках ОИК.

Вхождение в эту организацию и деятельность в ее рядах были для Пакистана закономерным этапом его политики в отношении исламского мира, результатом развития всесторонних связей со странами Западной и Юго-Восточной Азии. Тем не менее Пакистан вступил на этот путь не сразу, был период, когда его внимание привлекали другие государства, иные центры силы.

Возникший в 1947 г. независимый Пакистан сразу же оказался в крайне тяжелом экономическом положении. В его состав вошли самые отсталые окраинные районы бывшей английской колонии в Индостане.

Молодое государство практически не имело промышленных предприятий и было вынуждено основную часть промышленных товаров импортировать. В экономике страны преобладал аграрный сектор с полфеодальными чертами. Урожайность продовольственных культур была очень низкой.

Помимо этих коренных вопросов развития нового государства возникли чрезвычайно острые проблемы, связанные с разделом Индии. Среди них – огромный ущерб, нанесенный в результате кровавых индуско-мусульманских погромов, наплыв миллионов беженцев-мусульман и вопросы их размещения и трудоустройства, создание собственной армии и другие.

В ходе раздела Британской Индии возникли жгучие пакистано-индийские разногласия. Вопрос о принадлежности крупнейшего княжества Кашмир не решен до сих пор, и он является главным и самым глубоким раздражителем между двумя соседними странами. Напряженными были и отношения Пакистана с другим соседом – Афганистаном, который протестовал против вхождения районов, населенных пуштунами, в пакистанское государство, и никогда не признавал разделившую в конце XIX века пуштунские племена на две примерно равные части «линию Дюранда» в качестве государственной афгано-пакистанской границы.

Правящая пакистанская элита, состоявшая из представителей земельной аристократии и крупной торговой буржуазии, переселившейся из других районов Индии, была слаба и экономически, и политически. Она не имела большого опыта «цивилизованной» борьбы с противниками, не знала практики компромиссов и политического маневра. Выход из постоянно возникающих кризисных ситуаций власти обычно искали на путях ужесточения своего курса, усиления репрессивных действий, привлечения к конфликтам армии и даже передавали ей бразды правления.

Эту внутреннюю политику правящий блок Пакистана сочетал с курсом на получение помощи и поддержки извне. Государство нуждалось в больших финансовых поступлениях, масштабной помощи по укреплению и расширению госаппарата, вооруженных сил, в поддержке на мировой арене, особенно в спорах с Индией и Афганистаном.

Поэтому сразу после образования Пакистана начался «поиск друзей», способных максимально удовлетворить внутренние и внешние потребности Пакистана. С самого начала в качестве таких «друзей» рассматривались мусульманские страны, а базой их взаимных действий – идеологическая близость. Созданный на религиозной основе Пакистан уже тогда понимал важность конфессионального фактора, и как бы ни развивались его связи с мусульманскими странами, какие бы взлеты или падения эти отношения ни претерпевали в будущем, пакистанские лидеры никогда не упускали из поля своего зрения исламский фактор, довольно часто подходили к международным проблемам

с учетом именно этого фактора. Профессор американского университета Миннесоты, пакистанец по происхождению С.М.Бурке в одной из своих книг отмечал, что мусульманские государства – это «самая большая любовь Пакистана, верным которой он останется навсегда»¹. Хотя надо прямо сказать, что эта «любовь» не была абсолютно бескорыстной. Так, создание пакистанской атомной бомбы считалось в мусульманском мире «общим делом», и называли ее «исламской бомбой» – защитой ислама от его врагов, прежде всего «израильских оккупантов». Пакистан получал большую финансовую помощь от богатых ближневосточных стран. Когда эта бомба была создана и прошли успешные испытания в мае 1998 г., вызвав большой восторг в различных частях мусульманского мира, Пакистан, опасаясь еще более суровых международных санкций и полной изоляции на мировой арене, заявил, что не может никому передать атомную бомбу или ракету-носитель².

Вернемся к начальному периоду, когда Пакистан решил сделать исламский мир своим главным союзником. Были предприняты активные попытки создать союз мусульманских государств, в котором Пакистан как самая крупная из этих стран, должен был занять руководящее положение. Организация такого блока во главе с Пакистаном призвана была усилить внешнеполитическое положение последнего; во внутренней жизни успехи в сплочении исламских государств помимо материальных выгод были направлены на усиление чувства мусульманского единства пакистанцев и содействие стабилизации политической ситуации в стране. Для осуществления подобных планов пакистанские руководители совершили серию поездок по мусульманским странам; им удалось организовать несколько политических, экономических и религиозных форумов (практически все они проходили в Карачи). Однако усилия по созданию коалиций этих стран не увенчались успехом. Главной причиной этого явилось нежелание других мусульманских государств признать претензии правящей верхушки Пакистана на руководство в мусульманском мире. Да и в самом Пакистане понимали, что в тех условиях и при том уровне развития от этих стран не так уж много можно было получить в финансово-экономическом плане. Во внешнеполитическом аспекте никто не горел желанием ссориться с Индией.

В рассматриваемый период в политике Пакистана господствовали идеи панисламизма; его устремления были направлены вовне, на сплочение и укрепление мусульманского мира и в этой связи – на поднятие роли Пакистана. В дальнейшем в государственной политике этой страны возобладали идеи панисламизма, что означало стремление сначала укрепить свое государство как ведущий компонент исламского мира и таким путем сплотить и усилить весь мир ислама. Представляющий это направление в пакистанской научной литературе А.Хуссейн назвал панисламизм «формой национализма»³.

Тем временем «поиск друзей» продолжался. Все большее внимание Карачи привлекала богатая заокеанская держава, которая могла бы предоставить значительные средства на упрочение положения правящей элиты Пакистана. За союз с США выступала армейская верхушка, имевшая большое политическое влияние в стране. К началу 50-х годов власти Пакистана все больше связывали свои интересы с США. Как отмечал известный канадский специалист К.Коллард, «богатство и престиж США делали их желанным другом»⁴.

В свою очередь США после провала их планов в Китае стали отводить особое место в своей глобальной политике южноазиатскому субконтиненту. Значение Пакистана для США резко возросло после того, как Индия отказалась от американских планов создания военно-политических блоков и от участия в них, заняв позиции неприсоединения. Пакистан, учитывая его важное стратегическое положение на стыке трех регионов и непосредственную близость к границам СССР и Китая, представлял важное звено в блоковой политике, которую проводили тогда западные державы. Цитируемый выше К.Коллард, анализируя причины сближения США и Пакистана, коротко заключил: «Даллес хотел пактов. Пакистан хотел денег и оружия»⁵. Вашингтон также надеялся использовать Пакистан как средство давления на Индию, чтобы заставить ее отказаться от политики позитивного нейтралитета. Более того, западные державы рассчитывали с помощью этого крупнейшего мусульманского государства усилить свое влияние на другие страны ислама и даже оказать воздействие на мусульман Советского Союза и Китая⁶.

Результатом такого взаимного влечения стало формирование к середине 50-х годов пакистано-американского экономического и военно-политического союза, а также вступление Пакистана в блоки СЕАТО (1954 г.) и Багдадский пакт (1955 г.; с 1959 г. – СЕНТО). В этот период Пакистан был сторонником блоковой системы в международных отношениях и выступал против политики неприсоединения, называя ее «аморальной».

Однако реализация задуманных планов оказалась делом весьма непростым, поскольку каждый из участников союза добивался действий, соответствующих его интересам. США, другие западные страны прежде всего хотели придать блокам антикоммунистическую направленность, а также использовать их для противодействия антиколониалистской борьбе азиатских народов, среди которых было много мусульманских стран. Пакистан старался добиться от своих союзников ужесточения позиций в отношении Индии и вовсе не хотел ссориться со своими «братьями по вере». В сложных конфликтных ситуациях он стремился выступать вместе с другими азиатскими членами блоков (Иран, Ирак, Турция), держаться нейтрально, избегал откровенной поддержки западных стран по азиатским делам. Пакистан предпринял ряд мер, непопулярных в странах Ближнего и Сред-

него Востока, таких как поддержка доктрины Эйзенхауэра в 1957 г., одобрение действий западных держав против Ливана и Иордании и осуждение иракской революции в 1958 г., участие в военных маневрах СЕНТО и СЕАТО и др. В то же время в период Суэцкого кризиса в 1956 г. Пакистан осудил тройственную агрессию против Египта и потребовал от Англии и Франции прекращения военных действий. Вместе с другими азиатскими странами он выступал против колониальной политики Франции в Алжире, поддерживал Индонезию по проблеме Западного Ириана, занимал антиизраильскую позицию в конфликте на Ближнем Востоке.

В дальнейшем противоречия в стане союзников по проблемам мусульманских стран постоянно росли и в конечном итоге явились одной из причин отказа Пакистана от блоковой политики и вступления его в Движение неприсоединения.

В 60-е годы особенно широко развивались связи между Пакистаном, Ираном и Турцией. Широилось экономическое сотрудничество трех стран. На международной арене они активно поддерживали друг друга. В июле 1964 г. эти страны создали организацию «Региональное сотрудничество для развития» (РСР; ныне, после подключения к ней государств Центральной Азии и Азербайджана, она носит название «Организация экономического сотрудничества – ОЭС»). Это была одна из первых региональных коопераций государств. В том же году (сентябрь 1964 г.) по образцу РСР была создана Индонезийско-пакистанская организация экономического и культурного сотрудничества (ИПОЭС). Однако большой роли в развитии двусторонних связей между двумя странами этой организации не было суждено сыграть главным образом из-за событий 1965 г. в Индонезии.

Также активно развивались связи Пакистана с арабскими государствами. Этому в немалой степени содействовала твердая линия Пакистана на ликвидацию остатков колониальной системы, признание завоевавших независимость государств, поддержка их на международной арене. Пакистан признал временное правительство Алжирской Республики, республиканский режим в Северном Йемене, выступил против сохранения на тунисской территории французской военной базы. Через несколько дней после революции в Ливии в 1969 г. Пакистан признал новое республиканское правительство страны. В 1966 г. Пакистан снял свою кандидатуру в пользу Сирии во время выборов непостоянных членов Совета Безопасности. Пакистан неоднократно выступал в миротворческой роли, содействовал нормализации отношений между мусульманскими странами (так, в 1968 г. он выступил в роли посредника между Ираном и ОАП).

Начальный период пребывания Пакистана в ОИК совпал с резкой активизацией его деятельности на Ближнем и Среднем Востоке. В 1971 г. в Восточном Пакистане в результате победы национального движения местного населения – бенгальцев – при поддержке Индии

возникло независимое государство Народная Республика Бангладеш. Пакистан потерял больше половины своего населения. Оказались разорванными все торгово-экономические связи между двумя частями бывшего единого государства, потеряны источники сырья и рынки сбыта. В кратчайшие сроки под руководством энергичного руководителя З.А.Бхутто внешнеэкономические связи Пакистана были переориентированы на мусульманские страны Западной Азии. Между ними вскоре развились широкие финансово-торговые отношения, культурные и военные связи. В этом регионе Пакистан нашел новые рынки сбыта для своих традиционных и промышленных товаров, источники получения финансовых средств от неожиданно разбогатевших стран, которые только в 1971–1972 г. предоставили Пакистану займов на сумму в 1196 млн. долл. (четверть всех средств по иностранным займам). Ежегодно из Пакистана выезжали на заработки в ближневосточный регион десятки тысяч человек, результатом чего было резкое увеличение валютных переводов в страну. В этом же направлении, помимо военно-политического эффекта, действовала и посылка в некоторые арабские страны военных советников и целых военных подразделений.

Одновременно Пакистан активно действовал в рамках ОИК. Особенно значительной в этом плане была подготовка и проведение в Лахоре в 1974 г. второй встречи глав государств и правительств исламских стран. Пакистан выступил с рядом инициатив, которые были одобрены участниками встречи. По его предложению был создан Исламский банк развития. Представитель Пакистана стал одним из его директоров, а также членом руководства Исламского фонда солидарности, созданного по решению Лахорской конференции, для финансирования пропаганды исламской идеологии. Пакистан участвовал в работе важных межгосударственных органов мусульманских стран, прежде всего в ежегодно проводившихся конференциях министров иностранных дел. Первое заседание созданной в 1976 г. Исламской конференции по экономическим, социальным и культурным вопросам было проведено в Карачи в январе 1977 г. З.А.Бхутто выступил с предложением о заключении мусульманскими государствами договора об обороне⁷.

Но своей высшей точки деятельность Пакистана в ОИК достигла во время известных событий в Афганистане. Пакистан в этот период представлял собой «прифронтовое государство», основной плацдарм для ведения подрывных действий против ДРА. В начале января 1980 г. пакистанское правительство потребовало срочного созыва Совета Безопасности для обсуждения «афганского вопроса». По инициативе Пакистана и Саудовской Аравии в январе 1980 г. была созвана чрезвычайная сессия Генеральной Ассамблеи ООН для обсуждения «положения в Афганистане»; принятая на сессии резолюция была подготовлена Пакистаном.

Исламабад максимально использовал афганские события и свою роль в мире для укрепления собственных позиций в мусульманском мире как в рамках ОИК, так и вне их. Вместе с Саудовской Аравией

Пакистан был главным инициатором созыва чрезвычайной конференции министров иностранных дел стран-членов ОИК, которая состоялась в Исламабаде в январе 1980 г. В принятой конференцией резолюции содержался призыв к членам ОИК прекратить все виды отношений с ДРА; членство Афганистана в этой организации было приостановлено. В мае того же года в Исламабаде состоялась очередная XI конференция министров иностранных дел стран-членов ОИК. На ней был создан комитет ОИК для «решения афганского кризиса». Ведущую роль в комитете играл глава внешнеполитического ведомства Пакистана. На III конференции глав государств и правительств мусульманских стран в Эт-Таифе (Саудовская Аравия) в январе 1981 г. пакистанский руководитель генерал М.Зия-уль-Хак всячески стремился активизировать «афганский вопрос», призывал к «постоянному вниманию» к нему исламских государств⁸. В Пакистане располагался офис спецпредставителя генерального секретаря ОИК по Афганистану. В 1984–88 гг. генеральным секретарем ОИК был пакистанский министр иностранных дел С.Пирзада. Пакистанские лидеры постоянно подчеркивали, что решение афганского вопроса – это «восстановление исламского характера Афганистана». Такая постановка вопроса содействовала повышению роли и престижа Пакистана в мусульманском мире.

Афганская ситуация позволила Пакистану расширить сферу своего влияния в ОИК, активизировать свою деятельность и на других направлениях. На XXXV сессии генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 1980 г. Зия-уль-Хак выступил в качестве представителя всех мусульманских стран – членов ОИК. Президент Пакистана был включен в посредническую миссию ОИК для урегулирования ирано-иракского конфликта. Пакистан вошел в состав комитета, созданного в 1981 г. для наблюдения за осуществлением принимаемых ОИК решений. Пакистанский представитель возглавил комиссию ОИК по научному и техническому сотрудничеству. Используя обстановку в Афганистане, пакистанские руководители настойчиво выступали за создание «коллективной безопасности исламского сообщества», надеясь таким образом еще больше поднять свою значимость. Эта идея была выдвинута генералом Зия-уль-Хаком в январе 1980 г. на чрезвычайной сессии ОИК и затем регулярно повторялась на различных международных форумах представителей мусульманских стран. Пакистан выступал также за создание «единого исламского рынка».

В подобных условиях Пакистан успешно развивал экономические, торговые, военные и другие двусторонние связи с богатыми ближневосточными странами. Увеличились финансовые поступления из Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Исламского банка развития, фонда ОПЕК. С начала 80-х годов на первое место в торговом обороте Пакистана вышла Саудовская Аравия, Кувейт занял четвертое, а ОАЭ – пятое место⁹. Умножились переводы иностранной валюты от работающих в странах

Ближнего Востока пакистанцев, число которых в середине 1983 г. достигло 2 млн. человек, а поступления составили 2,5 млрд. долл.¹⁰

Ближневосточные страны предоставляли Пакистану значительные средства и на военные нужды. Понимая временный характер этих благодеяний, Пакистан стремился к осуществлению совместных проектов в области энергетики, разведки и эксплуатации нефтяных месторождений, промышленного производства. Пакистанские руководители настойчиво призывали к созданию совместно с государствами Персидского залива предприятий по производству оружия.

Ослабление остроты афганской проблемы означало и понижение роли Пакистана в ОИК. Он по своей значимости вернулся на прежнее место обычного члена этой организации, правда, активно выступающего по проблемам, затрагивающим мусульманский мир. В сентябре 1994 г. в Исламабаде проходила чрезвычайная сессия ОИК, на которой основное внимание было уделено ситуации в Боснии и Герцеговине. В марте 1997 г. состоялась внеочередная сессия ОИК в Исламабаде под девизом «Подготовка исламских государств к вступлению в XXI век».

Энергично выступая по проблемам, касающимся исламского мира, Пакистан действовал очень осторожно и взвешенно, когда события выходили за рамки этого мира. Далее во время антииракской кампании в 1991 г., когда немало мусульманских стран поддерживало борьбу с агрессией против Кувейта, Пакистан держался весьма отстраненно. Выступая публично против агрессивных действий вообще, он воздержался от какого-либо участия в подобных акциях. Единственно, что он сделал, это была посылка воинского подразделения, но не в зону боевых действий, а в Саудовскую Аравию для «защиты святых мест», которым никто не угрожал. Это была демонстрация поддержки Пакистаном общеисламских ценностей, независимо от конкретной ситуации. Во время антитеррористической кампании в Афганистане Пакистан поддерживал коалицию во главе с США. Но, во-первых, сделал он это не сразу, постепенно, довольно осторожно, во-вторых, Пакистану пришлось выступать не против мусульман всей страны, а только их части, и поддерживать другую часть «единоверцев». В-третьих, ему благоприятствовала довольно вялая реакция мусульманских государств на эти события. Действия США в Ираке вызвали в Пакистане реакцию, характерную для многих стран: осуждение действий государств вне рамок ООН, без ее одобрения. Несмотря на давление США, Пакистан не послал свои войска в Ирак. Хотя полностью исключить этого шага в будущем нельзя – он может быть сделан в условиях значительного расширения круга иностранных участников и желания закрепить свои позиции в этой богатой стране, а также в ожидании больших финансовых вливаний со стороны США, особенно при принятии ООН решений, в какой-то степени оправдывающих подобный шаг.

И еще одно, что хотелось бы подчеркнуть. Для Пакистана ОИК является тем практически единственным международным форумом, где

можно «отвести душу» для нападков на Индию, что непозволительно делать в других международных организациях. В ОИК такие заявления не только выслушиваются, но и получают одобрение. В периоды обострения пакистано-индийских отношений, во время конфликтов между ними (как, например, было в 1971 г.) ОИК стояла на стороне Пакистана, официально заявляла о его поддержке. Эта организация одобряет требования Пакистана о проведении референдума в Кашмире, об интернационализации этой проблемы, против чего резко выступает Индия. ОИК считает необходимым назначение представителя Генерального секретаря ООН по Кашмиру, а также создание специальной миссии по мониторингу ситуации в конфликтном регионе. На упомянутой выше сессии ОИК «Подготовка исламских государств к вступлению в XXI век» была принята Декларация по Кашмиру, в которой зафиксирована поддержка усилий правительства Пакистана по урегулированию кашмирской проблемы. На саммите ОИК в 2002 г. обсуждался вопрос о нарушении прав человека в Кашмире. Было подтверждено право кашмирского народа на самоопределение и принято обращение ко всем странам-членам Организации оказать в этом плане давление на правительство Индии. В связи с резким обострением с конца 2001 г. пакистано-индийских отношений и взрывоопасной ситуацией на «линии контроля», разделяющей «индийскую» и «пакистанскую» части Кашмира, конференция ОИК приветствовала сдержанность, проявленную Исламабадом перед лицом «индийских провокаций» и призвала Нью-Дели и Исламабад предпринять шаги для скорейшего отвода войск от линии их соприкосновения. Однако вся поддержка Пакистана со стороны ОИК в его споре с Индией носила исключительно моральный или морально-политический характер. Никаких практических действий не предпринималось. Никто не хотел столкновений с великой Индией, руководителем Движения неприсоединения, которое, кстати, входит в ОИК на правах наблюдателя.

5 августа 2003 г. в Куала-Лумпуре на встрече с вице-премьером Малайзии А.Бадави президент России В.Путин заявил о желании России – страны с большим мусульманским населением вступить в Организацию Исламская Конференция и выразил надежду на то, что Малайзия после того, как займет пост председателя в ОИК, поддержит Россию в этом стремлении. По его словам, «Россия должна быть представлена в Организации Исламская Конференция, на первом этапе – хотя бы на уровне наблюдателя»¹¹.

Напомним, что в соответствии с Уставом ОИК для принятия решения о вступлении или получении статуса наблюдателя любой мусульманской стране необходима поддержка двух третей государств-членов Организации. В связи с этим следует представить себе позиции по этому вопросу основных участников ОИК, среди которых, несомненно, находится Пакистан, крупная мусульманская страна, авторитетный член Организации¹².

Спустя чуть больше недели после заявления В.Путина в Куала-Лумпуре официальный представитель министерства иностранных дел Пакистана заявил, что Исламабад будет открыто выступать против предоставления членства в ОИК какому-либо немусульманскому государству, в том числе и России¹³.

По мнению официальных властей, предоставление России членства в ОИК создаст опасный прецедент. Заявление руководства России о том, что в стране проживает более 20 миллионов мусульман и ислам является одной из государственных религий, не может служить поводом для вступления в ОИК. По словам представителя МИД Пакистана, практически в каждой стране есть определенный процент мусульман, и если Организация станет на основании этого условия принимать новых членов, завтра многие государства с мусульманским меньшинством заявят о намерении вступить в ОИК¹⁴.

Главное беспокойство Пакистана в связи с желанием России вступить в Организацию Исламская Конференция или даже получить статус наблюдателя связано, конечно, с тем, что это откроет туда путь для Индии, чего Исламабад никогда не допустит.

В индийских политических кругах отмечают, что с момента основания ОИК Пакистан активно противодействует участию Индии в этой организации. По словам бывшего индийского посла в Марокко Гурбаччана Сингха, еще в 1969 г. на конференции в Рабате Индии – третьей в мире по численности мусульманского населения – было отказано в праве вступить в ОИК в связи с тем, что она не отвечает необходимым критериям и прежде всего требованию, что в стране должно быть мусульманское большинство¹⁵.

За последние два года Индия несколько раз пыталась войти в ОИК либо на правах полноправного члена, либо в качестве наблюдателя. Однако ключевые страны-члены ОИК, в том числе Пакистан, накладывали свое вето на решение по этому вопросу. После очередной индийской попытки в июне 2002 г. в ходе встречи министров иностранных дел государств-членов ОИК в Хартуме президент Пакистана генерал Первез Мушарраф пригрозил, что выведет Пакистан из состава ОИК, если Индия получит право на вступление в нее¹⁶.

Таким образом, позиция Пакистана по поводу приема России в ОИК представляется жесткой и непреодолимой. Но это только с первого взгляда, с точки зрения приведенных официальных заявлений, носящих непреклонно-идеологический характер. Здесь, как и по другим глобальным вопросам, подход Пакистана определяется, как уже указывалось, его конфронтацией с Индией. Вступление России в ОИК не так уж сильно волнует Исламабад, но для него будет трагедией, если по единожды проложенной дороге устремится и Индия. Поэтому если какими-либо средствами добиться исключительности факта приема России в мусульманское содружество (сделав, например, упор на евразийство России; на активную деятельность ее мусульман и в Азии, и в Европе; на

значимость той роли, которую в течение длительного времени мусульмане играют в экономической, политической, культурной и духовной сферах российского общества и др.), то с учетом этих усилий можно добиться эксклюзивности вступления России в ОИК, и негативная ныне позиция Пакистана по этому вопросу может значительно измениться.

Пакистан крайне заинтересован в развитии многостороннего сотрудничества с нашей страной, в ее поддержке на мировой арене. Главное здесь для Исламабада – некоторое уменьшение крена России в сторону Индии. Конечно, для России это будет очень непростое решение и действие. Но в нынешних международных условиях оно представляется возможным. И пример Китая, а теперь и США, которые поддерживают хорошие отношения с обеими конфликтующими странами, подтверждает такое предположение.

Таким образом, ныне неприступная пакистанская позиция – защита ОИК от вступления в нее России – может в результате определенных усилий смягчиться и допустить исключение из общего правила. Однако надо иметь в виду, что Пакистан – хотя и важный, но далеко не единственный защитник нынешней «чистоты» ОИК. И в каждом отдельном случае с учетом особенностей отношений между Россией и другими мусульманскими странами придется проводить буквально титаническую работу для достижения поставленной цели. Конечно, вступление в ОИК будет огромным достижением нашей страны. Даст ей новые возможности для воздействия на ход мировых событий. Но при этом возникает вопрос, на который надо ответить прежде всего: будут ли соответствовать результаты достигнутой цели той гигантской работе, которую придется провести, включая шаги к сложнейшим компромиссам, уступкам, неизбежным потерям и т.д. Другими словами, в самом широком смысле понимания проблемы возникает весьма банальный вопрос: стоит ли игра свеч?

¹ Burke S.M. Mainspring of Indian and Pakistani Foreign Policies. Minneapolis, 1974, с. 23.

² Ядерное нераспространение. – М., 2000, вып.2, с. 60.

³ Hussain A. Pakistan. Its Ideology and Foreign Policy. L., 1966, с. 50.

⁴ Collard K. Pakistan. A Political Study. L., 1957, с. 320.

⁵ Ibid, с. 321.

⁶ Asian Survey. Berkeley, 1958, № 5, с. 406.

⁷ Москаленко В.Н. Внешняя политика Пакистана (формирование и основные этапы эволюции). – М., 1984, с. 210–220.

⁸ Viewpoint. Lahore, 02.01.1981, с. 19.

⁹ Pakistan Economic Survey 1982–83. Statistical Annexure. Islamabad, 1983, с. 168–169, 173, 195.

¹⁰ Muslim. Islamabad, 03.06.1983.

¹¹ www.ln.mid.ru/va_sob.n.../f73d430a9d535ce643256d7a004d8e4a?OpenDocument

- ¹² Charter of The OIC. www.oic-oci.org/english/main/main-documents.htm
- ¹³ www.dawn.com/2003/08/18/top4.htm
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ www.thehindu.com/2002/11/17/stories/2002111703830800.htm
- ¹⁶ www.hinduonnet.com/thehindu/thscrip/print.pl?file=2.../&prd=th

**ОБ УЧАСТИИ ТУРЦИИ
В ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

Современную Турцию принято называть «мостом между Западом и Востоком», центром взаимодействия и слияния европейской и азиатской культур. Данное своеобразие отразилось и на характере ее участия в международной жизни. Будучи евразийской страной с почти стопроцентным мусульманским населением, она одновременно является членом таких разноплановых организаций, как НАТО, Организация экономического сотрудничества, Организация Черноморского экономического сотрудничества и, собственно, Организация Исламская конференция.

ОИК была основана 25 сентября 1969 г. на конференции глав государств и правительств мусульманских стран в г.Рабат (Марокко), на которой также присутствовали наблюдатели Организации освобождения Палестины. Непосредственным поводом для встречи в Рабате, как известно, послужил поджог израильянами в августе 1969 г. иерусалимской мечети Аль-Акса, считающейся третьей по значению святыней исламского мира после Мекки и Медины. Таким образом, самоопределение и консолидация исламского мира, его превращение в самостоятельный субъект международных отношений происходили в немалой степени через конфронтацию с Израилем.

Основными целями ОИК были заявлены: «укрепление солидарности между странами-участницами организации; развитие сотрудничества между ними в политической, экономической, социальной, культурной и научной сферах; поддержка борьбы всех мусульманских народов в защиту своего достоинства, независимости и национальных прав; оказание помощи палестинскому народу в борьбе за восстановление его законных прав и возвращение оккупированных территорий». Организация также провозгласила своей задачей «противостояние любым формам расовой дискриминации и колониализма, а также создание благоприятных условий для сотрудничества и взаимопонимания между государствами-членами и другими государствами»¹.

Турция является членом ОИК с момента ее основания. Вместе с тем при вступлении Анкара сделала оговорку относительно того, что ее членство в блоке не затронет основ светского государственного строя. По этой причине Турция не ратифицировала Устав этой организации.

До середины 70-х годов на конференциях министров иностранных дел исламских стран Турцию представлял первый замминистра иностранных дел, а на саммитах ОИК – глава внешнеполитического ведомства. Причем в турецком руководстве дискутировался вопрос о самом участии страны в мусульманских форумах.

Сближение Турции с государствами Ближнего Востока в целом происходило в условиях определенного ослабления ее прозападного, прежде всего проамериканского курса. Так, в конце 70-х – начале 80-х годов отношения Турции с США приобрели проблемный характер – сказывалась общая напряженность американо-турецких отношений в связи с вводом турецких войск на Кипр в 1974 г. и последовавшим вслед за этим введением США эмбарго на поставки оружия в Турцию в 1975 г. Новым важным стимулом активизации отношений с исламскими странами стал мировой энергетический кризис 1973 г., усиливший зависимость Турции от поставок арабской нефти.

В 1975 г. турецкий министр иностранных дел впервые принял участие в министерской конференции ОИК в Джидде. В 1976 г. (вторично – в 1991 г.) по инициативе Турции это мероприятие состоялось в Стамбуле. Тогда же было принято решение о создании в Анкаре и Стамбуле соответственно *Центра статистических, экономических, социальных исследований и обучения* и *Исследовательского центра исламской истории, искусств и культуры*. Последний по совместительству также осуществляет функции Генерального секретариата комиссии ОИК по охране исламского наследия. В настоящее время активность этих центров невысока.

В начале 80-х годов Турция продолжила сближение с членами ОИК, преимущественно со странами ближневосточного региона, особенно на волне неприятия Западом военного переворота 12 сентября 1980 г. Освоение новых рынков сбыта турецкой продукции, прежде всего исламских, стало важным направлением внешнеэкономической политики Турции. В тот период европейский и американский рынки были перенасыщены товарами и к тому же удерживали высокие тарифы на турецкий импорт. Линия Турции на расширение и углубление связей с ОИК в определенной мере противоречила общей ориентации страны на Запад, однако представлялась целесообразной и оправданной исходя из ее экономических интересов. Вот почему тогдашний премьер-министр Турции Тургут Озал без колебаний «повернулся лицом к Востоку», рассчитывая использовать все возможности для укрепления торговых и экономических связей с мусульманскими соседями. Результаты оказались достаточно впечатляющими для турецкого экспорта – за период 1978–1987 гг. доля исламских стран в турецком экспорте возросла с 16% до 30%, а в импорте при его общем росте более чем в два раза, напротив, несколько снизилась – с 26% до 22%².

Активно налаживая связи с нефтедобывающими исламскими государствами, Турция понизила уровень дипломатических отношений с

Израилем. Одновременно в 1978 г. в Анкаре было открыто представительство ООП, а в 1988 г. Турция, единственная из стран НАТО, инициативно заявила о признании палестинской независимости.

На встречах ОИК на высшем уровне и на уровне министров иностранных дел Турция в отношении проблем арабского мира стремилась оставаться нейтральной, лишь по вопросам Иерусалима и Палестины поддерживала политику арабов. Анкара также прилагала всевозможные усилия, чтобы оставаться в стороне от обсуждения религиозных и идеологических вопросов, подчеркивая тем самым, что основной принцип ее политики в этой деликатной сфере – светскость. В то же время Турция стремится играть важную роль в обеспечении внешне-торговых, финансовых и промышленно-торговых инициатив ОИК через посредство возглавляемого ею с 1984 г. Постоянного комитета по торгово-экономическому сотрудничеству (СОМСЕС)³.

Комитет по торгово-экономическому сотрудничеству был основан в 1981 г. и является одним из трех постоянных комитетов ОИК наряду с Комитетом по сотрудничеству в области науки и техники (возглавляет премьер-министр Пакистана) и Комитетом по делам информации и культуры (председатель – премьер-министр Сенегала). В рамках СОМСЕС созданы два рабочих органа: Президиум и Наблюдательный комитет, который отслеживает выполнение решений. Последний проводит свои заседания на уровне министров ежегодно в апреле-мае в Стамбуле.

В соответствии с резолюцией, принятой на третьем саммите ОИК, целями СОМСЕС являются наблюдение за выполнением решений в экономической и торговой сферах, которые принимаются или будут приняты ОИК, содействие развитию экономического и торгового сотрудничества между странами-членами, а также подготовка программ и предложений, направленных на увеличение торгового и экономического потенциала стран-членов⁴.

На саммите в 1981 г. за основу рабочей деятельности Комитета был принят (переработанный и дополненный в 1994 г. при содействии Центра статистических, экономических, социальных исследований и обучения) «План действий по укреплению экономического сотрудничества между странами». Основное внимание в нем уделено сотрудничеству в сферах торговли, промышленности, сельского хозяйства и пищевой промышленности, транспорта, связи, туризма, науки и техники, а также проблемам энергетики, занятости, здравоохранения, социальным проблемам, финансовым и денежным вопросам.

С момента основания по настоящее время состоялось 17 заседаний СОМСЕС, причем первые 7 были посвящены непосредственно вопросам реализации «Плана действий...»⁵. Ведущую роль в осуществлении проектов Комитета в рамках ОИК играют Исламский банк развития (ИБР, Джидда), Центр статистических, экономических, социальных исследований и обучения исламских стран (Анкара), Исламский

центр развития торговли (Касабланка, Марокко), Исламская торгово-промышленная палата (Карачи, Пакистан)⁶.

Турция подписала и ратифицировала следующие документы, регламентирующие торгово-экономические связи в ОИК:

1. Общий договор по техническому, экономическому и торговому сотрудничеству стран-членов ОИК (подписан в 1977 г. 41 государством-участником, ратифицирован 21);

2. Договор об охране, поддержке и гарантировании инвестиций (подписан в 1981 г., вступил в силу в 1988 г., присоединилось 29 стран, ратифицировало 19);

3. Рамочное соглашение о системе преференциальной торговли (подписано в 1990 г., однако не имеет юридической силы, т.к. ратифицировано всего 8 странами из подписавших 22 при необходимых 10);

4. Договор о страховании экспортных кредитов и гарантировании инвестиций (принят в 1991 г., вступил в силу в 1995 г.; подписан 30, ратифицирован 12 членами).

Из упомянутых соглашений наибольший интерес для Турции представляет Договор об охране, поддержке и гарантировании инвестиций, предусматривающий частичную либо полную компенсацию затрат местных предпринимателей на вывоз товаров в страны ОИК из средств особого фонда, созданного на базе ИБР, в случае, если совокупная доля продукции данной экспортной отрасли в товарообороте между странами-членами составляет менее 20%.

В настоящий момент Турция относится к странам с низким уровнем товарообмена в ОИК, поэтому указанное нововведение прежде всего выгодно ей. По данным на конец 1998 г., Фонд принял решение о выделении турецким экспортерам 295 млн. долл., из которых получено 110 млн. долл. В 1993 г. на базе турецкого Эксимбанка – местного представителя Фонда ИБР – был создан отдельный источник кредитования экспорта объемом в 29 млн. долл., а также фонд кредитования импорта из государств ОИК – 23 млн. долл. Единственная проблема – турецкое экспортное предложение зачастую превышает допустимый лимит на ввоз товаров в такие страны, как Алжир, Иран, Пакистан.

В числе других проектов, находящихся в повестке дня Комитета и пока только ожидающих вступления в силу, необходимо отметить Статут о единстве исламских телекоммуникаций (14 стран подписало, 9 ратифицировало), Статут об учреждении Совета исламской гражданской авиации (подписало 14, ратифицировало 5), проект документа о взаимобмене информацией в сфере торговли, а также многостороннее клиринговое соглашение стран-членов ОИК.

Торговля с нефтедобывающими государствами Ближнего Востока на клиринговой, т.е. безналичной основе опять-таки особенно привлекательна именно для Турции с ее хроническим дефицитом энергоресурсов. Однако страны-экспортеры нефти отнюдь не торопятся с

ратификацией документа либо обещают дать согласие при условии, что нефть будет исключена из сферы клиринговой торговли.

Турция также отвечает за такую немаловажную сферу деятельности СОРСЕС, как унификация стандартов мер и весов. Эту функцию осуществляет учрежденный в 1985 г. Турецкий институт стандартов, Устав которого был подготовлен и одобрен совместно с Исламской организацией мер и весов в 1998 г.⁷

Помимо экономического блока, важным направлением активности Анкары в ОИК являются усилия по мобилизации исламских государств на поддержку турецкой линии в кипрских делах. Для Турции всегда был важен подход участников ОИК к кипрской проблеме, и здесь она, как правило, получала поддержку. Еще в 1984 г. на встрече руководителей мусульманских городов и столиц в рамках ОИК премьер-министр Т.Озал выразил надежду на то, что «все дружественные и братские исламские страны молят Бога, чтобы ТРСК стала полноправным членом международного сообщества»⁸. Аналогичное пожелание было озвучено на последней конференции министров иностранных дел ОИК в Тегеране в феврале 2003 г. вице-премьером, министром иностранных дел страны Абдуллахом Полем⁹.

В ходе обсуждения внешнеполитических вопросов в ОИК турецкие представители в последние годы регулярно выступают в защиту мусульманских народов и меньшинств, в том числе, в Боснии, Чечне, Азербайджане (за возвращение Баку Нагорного Карабаха).

Новый период активности Турции в ОИК приходится на середину 90-х годов. Анкара принимает участие в обсуждении многих международных, экономических и культурных проблем в рамках ОИК. По ее инициативе в феврале 2002 г. в Стамбуле впервые в истории прошло совместное совещание министров иностранных дел стран-членов ОИК и Европейского Союза, на котором обсуждались пути смягчения конфронтации между исламским миром и Западом¹⁰.

Вместе с тем, отношения Турции и ОИК явно далеки от идиллии. Неудачей закончилась попытка Анкары в 2000 г. утвердить на посту Генерального секретаря «мусульманского ООН» своего представителя. Хотя в пользу турецкого кандидата высказались все государства Средней Азии, а также Пакистан, Албания и Новая Гвинея, Генеральным секретарем с подачи Саудовской Аравии и Ирана был избран представитель Марокко Абдельвахед Белькезиз. В качестве причин поражения турецкого кандидата назывались неприятие ключевыми странами-участницами ОИК светской модели развития Турции, ее дружба с Израилем, а также тот факт, что Устав ОИК до сих пор не одобрен Анкарой. Турция безуспешно попыталась опротестовать решение конференции, напомнив, что лидеры светских Сенегала, Нигерии и Туниса в свое время уже поочередно возглавляли генсекретариат¹¹.

Неприятным моментом для Турции стали решения восьмой встречи ОИК на высшем уровне, состоявшейся в Тегеране в декабре 1997 г. по

вопросам целостности территорий Северного Ирака и сотрудничества с Израилем. Первое из этих решений предписывает мусульманским странам «уважать право Ирака на территориальную целостность, национальный суверенитет и нерушимость границ», а во втором говорится, что «мусульманские страны, сотрудничающие с Израилем в военной сфере, должны отказаться от своих намерений. Ни одна мусульманская страна не должна поддерживать отношения с сионистским режимом»¹². Учитывая то, что с подачи турецких официальных кругов в прессе постоянно поднимается вопрос о «воссоединении мосульских и киркукских турок», живущих в Турции, с их «матерью-родиной» – нефтеносными районами Северного Ирака, когда-то входившими в состав Османской империи, а также давние связи Турции с Израилем, ясно, что именно Турция является мишенью этих резолюций. Правда, на той же конференции было принято чрезвычайно важное для Анкары положение о признании равных прав всех жителей Кипра и поддержке турецкой общины, что несколько смягчило горечь от предыдущих решений¹³.

Нынешняя линия турецкого руководства на активизацию сотрудничества с ОИК диктуется не только соображениями экономической выгоды, но и общим оживлением на политической арене страны происламских сил, которые, как известно, традиционно симпатизируют идее общемусульманского рынка. Сомнения значительной части населения в необходимости интеграции в европейские структуры и ориентации на Запад, влиятельные лидеры которого постоянно откладывают на будущее решение вопроса о принятии Турции в ЕС, делают происламскую концепцию все более популярной в турецком обществе. Положения о необходимости тесного сотрудничества со странами ОИК содержатся практически во всех программных документах турецких исламистов – партии Фазилет¹⁴, ее преемницы Саадет¹⁵, а также нынешнего правительства «умеренного ислама», сформированного Партией справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом. Один из разделов программы ПСР, касающийся внешнеполитических связей Турции, гласит: «Наше правительство придает первостепенное значение контактам с арабскими странами. Оно будет прилагать все усилия к тому, чтобы наши двусторонние отношения развивались, а Организация Исламская конференция заняла бы более почетное место на мировой арене и превратилась в более инициативное и динамичное образование. В этой связи мы постараемся четче определить рамки деятельности Комитета по торгово-экономическому сотрудничеству ОИК, возглавляемого нашим президентом»¹⁶.

Практическая попытка осуществления данной идеи была предпринята еще правительством Партии Рефах в 1996 г., когда премьер-министр, исламист Неджметтин Эрбакан объявил об образовании «исламской восьмерки», задуманной как альтернатива «семерке»

индустриально развитых стран Запада (в составе Турции, Ирана, Пакистана, Египта, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Нигерии).

В то же время для некоторых представителей турецких консервативных кругов фактор сходства языка и культуры зачастую является более существенным при выборе союзников, нежели мусульманская риторика. Они мечтают объединить под исламскими знаменами прежде всего тюркоязычный мир. Мысль о миссионерской роли турок среди тюркских народов, которые к тому же еще и мусульмане, высказывается, например, в сочинении одного из учредителей турецкого «Общества просвещения» (İlim Yayıma Vakfı), известного своей происламской направленностью, декана экономического факультета университета Сакарья Сабахаттина Займа «Переустройство турецкого и исламского мира». Автор полагает, что «ОИК и ее вспомогательные и специальные органы утратили былую активность и динамизм, поэтому инициативу в привлечении на свою сторону потенциально мусульманских союзников, вновь обретших независимость, должна взять на себя Турция»¹⁷. При этом он отрицает какие-либо претензии Турции на лидерство или же попытки импорта «турецкой модели» в Среднюю Азию, а также то, что интересы Турции в этом регионе явно сталкиваются с интересами таких влиятельных членов ОИК, как Саудовская Аравия и Иран. Турция, утверждает С.Займ, преследует здесь исключительно гуманные цели – помочь этим странам обрести свободу, минимальные гражданские права, самоидентификацию, избавить их от российского диктата, а вовсе не подчинить другому государству¹⁸.

¹ <http://www.oic-oci.org/>

² İktisadi Rapor 1988. Ank., 1988, с. 206.

³ Турция между Европой и Азией. / Под ред. Н.Г.Киреева. – М.: ИВ РАН Крафт +, 2001, с. 464.

⁴ <http://www.dpt.gov.tr/deigm/isedak/gorev.html>

⁵ <http://www.dpt.gov.tr/deigm/isedak/plan.html>

⁶ <http://www.dpt.gov.tr/deigm/isedak/olusum.html>

⁷ <http://www.dpt.gov.tr/deigm/isedak/proje.html>

⁸ Turgut Özal'ın konuşma, beyanat ve mülakatları. Ank., Başbakanlık yay., 1984, с. 691.

⁹ <http://www.turtsia.ru/search/?keyword=%CE%C8%CA&category=all>

¹⁰ <http://alltr.by.ru/news/002.htm>

¹¹ <http://www.byeqm.gov.tr/YAYINLARIMIZ/DISBASIN/2000/05/03x05xO.O.HTM#%207>

¹² <http://www.princeton.edu/~turkish/islamkonferans.html>

¹³ Турция между Европой и Азией. Там же.

¹⁴ см. <http://anap.org.tr/anap/dokuman/huk-prog/54hukprog.htm>

¹⁵ см. <http://www.saadetistanbul.org/prg-5-2.asp>

¹⁶ <http://www.belgenet.com/hukumet/program/58-3.html>

¹⁷ http://www.yuksehedef.com/kozet/sosyal/turk_ve_islam_dunyasinin_yeniden.htm

¹⁸ Там же.

ИНДОНЕЗИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Подходы Индонезии к международному исламскому движению претерпели существенную эволюцию, определявшуюся прежде всего внутривластными процессами в этой стране. Утвердившийся у власти в 1966 г. режим «нового порядка» поначалу занял в отношении участия в ОИК весьма осторожную позицию, подчеркивая, что Индонезия не является мусульманской страной, а ее философско-идеологической базой являются не догматы ислама, а самобытные принципы Панчасилы. На практике взявшие в руки бразды правления государством светские националисты в армейских погонах рассматривали многие местные партии и организации исламского толка как опасных противников, претендующих на власть. К тому же у индонезийских военных имелся богатый опыт борьбы с антиправительственными выступлениями под знаменем ислама еще в 50-х – начале 60-х годов. При «новом порядке» в провинции Аче на Северной Суматре началось и продолжается до сих пор сепаратистское движение, пользовавшееся поддержкой некоторых членов ОИК. Лидеры режима считали, что активное участие в ОИК и других международных исламских организациях лишь упрочит позиции их политических оппонентов.

Однако по мере укрепления «нового порядка», особенно с середины 80-х годов наметился поворот Джакарты в отношении исламского мира. Обеспечив за собой надежный контроль во внутривластной сфере, ее руководители усмотрели в упрочении «исламской солидарности» и членстве в ОИК важное средство динамизации внешнеполитического курса Индонезии как крупного развивающегося и неприсоединившегося государства, «первого среди равных» в Юго-Восточной Азии. В этот период обозначилась претензия Джакарты на одну из ведущих ролей как в мировом исламском сообществе – «умме», так и в ОИК на том основании, что Индонезия является самой крупной по населению мусульманской страной в мире¹. Указанная тенденция сохранялась вплоть до отстранения от власти президента Сухарто в мае 1998 г. и крушения «нового порядка».

В постсухартовскую эпоху Индонезия стартовала в условиях острейшего социально-экономического и политического кризиса. Достаточно сказать, что за четыре года (1998–2001 гг.) сменилось три президента (в предыдущие 53 года их было всего лишь двое). Перед

Республикой во весь рост встала угроза распада как унитарного государства. В такой обстановке для индонезийской дипломатии приоритетное значение приобрела практическая задача обеспечить благоприятные внешние условия для сохранения единства страны-архипелага, а также притока из-за рубежа массивной финансовой помощи на двусторонней и многосторонней основе. На передний план выдвинулись взаимоотношения с США, МВФ/Всемирным банком, членами Парижского клуба кредиторов, а вопросы солидарности в рамках исламского мира и движения неприсоединения приобрели в целом довольно абстрактный характер.

Тем не менее официальная Джакарта не могла игнорировать это направление дипломатической деятельности. Власти оказались под мощным давлением «демократии улицы», опьяненной атмосферой свободы слова, собраний и манифестаций. Возникшие, как грибы после дождя, многочисленные мусульманские партии и организации, вышедшие из подполья радикальные исламские группировки живейшим образом реагировали на все события, связанные с Афганистаном, Палестиной и Ираком, принуждая власти действовать адекватным образом, в том числе через ОИК.

Наглядным примером в этом отношении явилась реакция в Индонезии на военную акцию США и их союзников по НАТО против режима талибов в Афганистане в октябре 2001 г. В принципиальном плане поддержав начатую Вашингтоном кампанию против «гнезда международного терроризма», Джакарта сочла на официальном уровне используемые американцами в Афганистане средства и методы несоответствующими поставленным задачам, когда наносятся удары не столько по терроризму, сколько по гражданскому населению. Кроме того, операция в Афганистане, по мнению индонезийских властей, несла опасность распространения конфликта на весь регион, создавая угрозу международному миру. В этой связи, как заявил министр-координатор по политическим, социальным, а также проблемам безопасности Бамбанг Юдойоно, Индонезия планировала внести в Совет Безопасности ООН предложение предпринять активные шаги для взаимоприемлемого решения афганской проблемы².

Нельзя не отметить и тот важный факт, что афганская проблематика активно затронула эту страну Юго-Восточной Азии еще в начале 80-х годов. Так или иначе к Афганистану имели отношение, включая непосредственное участие в боях против «русских кафиров», свыше 30 тыс. индонезийцев. Ныне к числу «ветеранов Афганистана» принадлежат амиры таких радикальных организаций, как Фронт защиты ислама, Дар-уль-Ислам, Джихад Ах-Алам, Аль-Вальджамаа и др. Все они выразили готовность вместе со своими сторонниками вернуться в Афганистан для отражения американского вторжения³. В целом во многих индонезийских политических и академических кругах действия США в Афганистане, создание американских военных баз в Узбеки-

стане, Таджикистане и Киргизстане расценили как первый шаг к установлению гегемонии Вашингтона в этом регионе⁴.

Еще более чувствительной для Индонезии является ближневосточная проблематика. По мнению, преобладающему в джакартской политической элите, причиной «непотопляемости» израильского корабля в бурном арабском океане является мощная военная, дипломатическая и финансовая поддержка США, еще более возросшая при нынешней администрации Вашингтона. В Индонезии считают, что президент Дж.Буш смотрит на ближневосточную проблему через очки, прописанные «сионистскими ястребами». В этой связи здесь держат в памяти тот факт, что еще в 1998 г. Дж.Буш, тогдашний губернатор штата Техас, получил приглашение посетить Израиль от американской Еврейской коалиции конгрессменов-республиканцев. Индонезийцы отмечают, что гидом в поездке губернатора, включая посещение Восточного Иерусалима, выступал не кто иной, как Ариэль Шарон, занимавший в тот период пост министра иностранных дел Израиля. Он, считают в Индонезии, оказал существенное влияние на формирование подходов будущего хозяина Белого дома к израильско-палестинскому конфликту. Как писал джакартский еженедельник «Гатра» со ссылкой на западные СМИ, вернувшись домой, Буш-младший воскликнул, что «размеры его техасского ранчо больше всей территории Израиля», имея, очевидно, в виду возможность округлить его территорию за счет соседей⁵. Кроме того, губернатор прошел «учебный класс» по ближневосточному предмету» под руководством конгрессмена-республиканца от Техаса Ф.Цейдмана, видного члена «сионистского лобби» в Вашингтоне. Касаясь темы произраильской ориентации США, глава индонезийской комиссии по правам человека Асмара Набабан выразил мнение, что «как только дело касается осуждения Израиля, Америка становится в позу глухонемого». По его словам, перед США стоит дилемма: либо защищать Израиль, либо отстаивать интересы международного мира⁶.

Отношение к Израилю является крайне чувствительным и щекотливым вопросом в контексте внутривосточной жизни Индонезии. Бурную негативную реакцию общественных кругов, заговоривших в полный голос в постсухартовскую эпоху, вызвало публично высказанное в мае 1998 г. Абдуррахманом Вахидом, лидером одной из ведущих мусульманских партий Нахдатул Улама, мнение о целесообразности установления торговых связей с Израилем. В одном из телеинтервью он заявил, что «было бы большой глупостью поддерживать отношения с такими коммунистическими странами, как Россия и Китай, игнорируя при этом государство, признающее существование бога», т.е. Израиль. В Джакарте тут же вспомнили, что Вахид еще в 1994 г. в составе группы мусульманских богословов посетил Израиль, а вернувшись на родину, призвал Сухарто установить официальные отношения с Тель-Авивом. Достоянием гласности тут же стал факт, что во время поездки он обзавелся личными друзьями-израильянами⁷.

Не менее бурно в Джакарте откликнулись на очередное прозвучавшее в октябре 1999 г. заявление Вахида, избранного новым президентом страны, о намерении установить торговые отношения с Израилем. В комментарии тогдашнего министра иностранных дел Индонезии Алви Шихаба данный шаг способствовал бы привлечению в страну дополнительных иностранных инвестиций, а также стал бы инструментом влияния на Израиль в интересах урегулирования ближневосточного конфликта. Однако министр при этом подчеркнул, что налаживание двусторонней торговли не будет означать дипломатического признания Израиля⁸.

Рейтинг президента (известного в стране как Гус Дур) в глазах местных мусульман вновь покатился вниз после его отказа покинуть пост главы созданного им же Фонда Шимона Переса, названного в честь израильского премьер-министра. С ним у Гус Дура в свое время сложились дружеские отношения, его он считал единственным политиком в Тель-Авиве, способным установить мир на Ближнем Востоке. Обосновывая свой отказ, президент утверждал, что участие Индонезии в деятельности Фонда способствует процессу сближения сторон в палестино-израильском конфликте и его мирному разрешению.

Противоположного мнения придерживались политические оппоненты главы государства. В ответ Амин Раис, спикер Народного консультативного конгресса, высшего законодательного органа Республики, заявил перед многотысячной толпой протестующих, что мусульманам следует сохранять повышенную бдительность в отношении «лиц с малайской внешностью, но с сионистским нутром»⁹. Так или иначе, «нетрадиционный», мягко говоря, для индонезийцев-мусульман подход Гус Дура к Израилю стал одной из важных причин, приведших к его импичменту в июле 2001 г. Сменившая его Мегавати Сукарнопутри внесла существенные коррективы в ближневосточную политику Джакарты, с повестки дня был полностью снят вопрос о налаживании отношений с Израилем.

Так, например, со стороны Индонезии последовала незамедлительная реакция на действия израильской армии по блокированию в марте прошлого года штаб-квартиры Ясира Арафата. Через вице-президента Хамзу Хаза, представителя мусульманских кругов, Мегавати направила палестинскому лидеру приглашение приехать в Джакарту, хотя она, очевидно, понимала, что в силу сложившихся обстоятельств тот не сможет им воспользоваться. Тем не менее в джакартских политических кругах этот шаг расценили как свидетельство растущей зрелости главы государства. С одной стороны, таким образом она повышала свой имидж в глазах местных мусульман, что представлялось особенно важным в преддверии парламентских и президентских выборов 2004 г. С другой, лишней раз привлекала к себе внимание лидеров и общественности исламских стран, весьма скептически воспринимающих роль женщины у руля крупнейшего в мире мусульманского государства. Более того, в

этом плане Мегавати перехватила инициативу у Махатхира Мохамеда, премьер-министра Малайзии и одного из признанных лидеров исламского мира. Как отмечал в этой связи известный индонезийский политолог Фахри Али, если Мегавати удастся выдержать и продолжить заявленную активность, Индонезии суждено вернуться в число «заметных фигур на шахматной доске международной дипломатии»¹⁰.

Тем временем Совет улемов Индонезии, высший религиозный орган, вынес заключение – «фатву» о необходимости продолжения борьбы с Израилем. Совет охарактеризовал действия израильской армии на территории палестинской автономии как «грубейшее нарушение международного права и преступление против человечества». Государство, попирающее права Палестины, было названо «кафиром – злостным врагом ислама». Индонезийские улемы напомнили заключение богословов Аль-Азхар от 1968 г., что война против Израиля является «священным долгом» правоверных. Как заявил представитель Совета, «мусульмане всего мира должны начать войну против сионистского государства»¹¹.

По понятным причинам официальная позиция Джакарты по ближневосточной проблеме отмечалась большей сдержанностью. Она нашла в общих чертах отражение в декларации министерской конференции ОИК по борьбе с терроризмом в Куала-Лумпуре в апреле 2002 г. В ней было подтверждено право палестинского народа на создание независимого государства со столицей в Восточном Иерусалиме, содержалось требование к Израилю прекратить силовые действия против мирного палестинского населения и вывести войска с Западного берега Иордана и сектора Газа, решительно отвергнуты попытки идентифицировать национально-освободительную борьбу народов Палестины, Ливана и других исламских стран как терроризм¹².

На подготовительной стадии куала-лумпурского саммита ОИК дипломатия Джакарты поддержала предложенную Генеральным секретарем организации Абдель Вахид Бельказимом точку зрения, что намерения Израиля депортировать Арафата – грубейшее нарушение обязанностей оккупационных властей, определенных соответствующей Женевской конвенцией. Вместе с тем индонезийцы не высказали возражения против плана «дорожная карта», считая, что на сегодня он предлагает приемлемое решение палестино-израильского конфликта и создания суверенного палестинского государства¹³.

Так же, как и Малайзия, возглавившая в октябре 2003 г. ОИК, Индонезия официально осудила нападение США и Великобритании на Ирак, хотя не в такой резкой и эмоциональной форме. В Джакарте расценили действия англосаксов, не имевших веских свидетельств наличия у Багдада оружия массового поражения, как одностороннюю акцию в нарушение международного права и Устава ООН; в то же самое время они закрывают глаза на наличие ядерного оружия у Израиля, всячески избегающего подключения к договору о нераспространении.

В комментариях в Джакарте по горячим следам иракских событий прозвучал вывод, что как в этой стране, так ранее в Афганистане администрация Дж.Буша действовала на основе стратегии установления мирового господства США, определенной в обнародованной в сентябре 2002 г. доктрине национальной безопасности. «Эта доктрина не только игнорирует принципы суверенитета других государств, но предусматривает исключительное право США определять, что позволено и что запрещено им делать не в соответствии с документами ООН, а по американским меркам», писала в июле с.г. влиятельная джакартская газета «Компас»¹⁴. О настроениях в индонезийском обществе во многом говорил тот любопытный факт, что «Компас», близкий к местным католическим, а вовсе не к мусульманским кругам, поместил в апреле с.г. на своей аналитической полосе статью исследователя из Гамбурга Петера Р.Гарсиа под красноречивым заголовком «Американский ковбой ошибся в расчетах». В ней давался прогноз развития международных отношений на ближайшую перспективу и говорилось, что, «вероятнее всего, после Афганистана и Ирака США и Великобритания не исчезнут с лица земли, а Дж.Буш не окажется перед международным трибуналом. Американские корпорации вырвут право на разработку иракской нефти, пока принадлежащие французским и российским компаниям. Однако политические карьеры нынешних британского и испанского премьеров, поддержавших агрессию, как, впрочем, и лидеров некоторых других англоязычных стран, скоро завершатся». Далее в статье говорилось, что в недалеком будущем, возможно в течение 20 лет, возникнут два новых центра силы, которые покончат с гегемонией США. В Европе нарастает взаимодействие Германии, Франции и России. В Азии Китай в одиночку или в союзе с другими азиатскими странами также образует центр силы. «Ковбойский» подход Буша к мировым делам весьма способствует такому процессу¹⁵.

Вместе с тем, несмотря на всю важность происходящих на Ближнем и Среднем Востоке драматических событий, жизнь диктует Джакарте свои «суровые законы», требует концентрации на первоочередных национальных интересах. Все это нашло отражение в иерархии внешнеполитических приоритетов страны, изложенных министром иностранных дел Хассаном Вираудой. Для джакартской дипломатии главным направлением остается АСЕАН. Далее непосредственно следуют ближние и дальние соседи, расположенные в западной части Тихого океана (Восточный Тимор, Папуа-Новая Гвинея, Австралия и Новая Зеландия), поскольку характер отношений с ними прямо влияет на обстановку в восточной части индонезийского архипелага. На третьем месте – отношения с Восточной Азией (Япония, Китай, Южная Корея) и заманчивая перспектива создания обширной зоны свободной торговли, в дальнейшем – Восточноазиатского экономического сообщества. Затем, исходя из геоэкономических интересов Индонезии, следуют про-

мышленно развитые страны за пределами Азии. И лишь на последнем месте, невзирая на идеологическую близость и принципы солидарности, стоят отношения с ОИК, Движением неприсоединения, Группой-77¹⁶. Для Индонезии как развивающейся страны, обремененной внутренними финансово-экономическими и социальными проблемами, взаимодействие с «третьим миром» важно главным образом с прагматической точки зрения для выработки солидарной позиции в торге с «богатым Севером» за место под солнцем.

Не случайно, видимо, лейтмотивом выступления Мегавати Сукарнопутри на 10-м саммите ОИК в Куала-Лумпуре стало решение задач всеобъемлющего реформирования организации, включая ее внутреннюю структуру и механизм исправления ошибок прошлого и выдвижения реальных практических целей¹⁷. Для Джакарты важно, чтобы ОИК не являлась ареной фрондерства с США и Израилем, а по мере сил и возможностей становилась достаточно эффективным инструментом, способствующим реализации ее собственных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов. Хотя на куала-лумпурском саммите Мегавати, следуя дипломатическому этикету, приветствовала вступление Махатхира Мохамеда на пост председательствующего в ОИК, высоко оценила его государственную мудрость и опыт, индонезийцы явно опасаются, что этот не по возрасту темпераментный и эмоциональный политик может наломать слишком много дров в политике с США и Западом в целом. При таком обороте дела Джакарта, по всей видимости, постарается деликатно дистанцироваться от ОИК.

¹ Подробнее см.: Ефимова Л.М. Религиозные традиции в политической жизни современной Индонезии / Московский государственный институт международных отношений. – М., 1992, с. 1598–173; Сычев В.Ф. Индонезия и мусульманский мир в XX веке. – М.: Русаки, 2003, с. 398–403.

² Utusan Malaysia, Kuala Lumpur, 18.10.2001.

³ Utusan Malaysia, 14.10.2001.

⁴ Kompas, Jakarta, 23.07.2003.

⁵ Gatra, Jakarta, 13.04.2002, с. 29.

⁶ Gatra, 13.04.2002, с. 30.

⁷ Massa, Kuala Lumpur, 13.11.1999, с. 50.

⁸ Ibid.

⁹ Utusan Malaysia, 126.10.2000.

¹⁰ Gatra, 13.04.2002, с. 26.

¹¹ Ibid.

¹² Kompas, 04.04.2002.

¹³ OIC SG Press Release, Jeddah, 12.09.2003.

¹⁴ Kompas, 23.07.2003.

¹⁵ Ibid, 04.04.2003.

¹⁶ Ibid, 19.08.2002.

¹⁷ AntaraNews Agency website, 16.10.2003.

ФИЛИППИНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С ОИК И ГОСУДАРСТВАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Филиппины принадлежат к числу государств Юго-Восточной Азии (ЮВА), географически удаленных от ближневосточного региона и не имевших непосредственных контактов со странами Ближнего Востока ни в историческом прошлом¹, ни в колониальный период, когда внешнеполитические приоритеты определялись метрополиями (Испанией с конца XVI до конца XIX вв., затем США – с 1901 по 1946 гг.). Тем не менее в постколониальное время развитие многосторонних отношений с государствами Ближнего Востока и такой авторитетной в исламском мире международной структурой, как ОИК, вышло на одно из первых мест во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Филиппин. Происходило это постепенно, по мере того, как страна освобождалась от традиционно односторонней проамериканской ориентации во взаимоотношениях с внешним миром, вынуждавшей бывшую колонию США поддерживать тесные военно-политические, дипломатические и экономические связи на Ближнем Востоке лишь с Израилем и западными американскими союзниками и партнерами в этом регионе. Кардинальные перемены в филиппинской внешней политике начались на рубеже 70-х годов XX в. при президентстве Ф.Маркоса (1965–1986). Впервые разработанная в то время внешнеполитическая доктрина (сохраняющая свою силу до сих пор) основана на субъектности в международных отношениях, первоочередности задачи обеспечения национальных интересов, самостоятельности, активности, многосторонности дипломатии, многополюсной системе внешнеполитических и внешнеэкономических связей Филиппин. Последнее прямо относилось к ближневосточной политике Манилы. Для иллюстрации используем свежие данные, приводимые в недавно вышедшей книге «Внешняя политика Филиппин на рубеже XXI в.», написанной российским дипломатом и специалистом в области международных отношений в ЮВА и Восточной Азии (ВА) Ю.А.Райковым. Вот несколько конкретных фактов: до 1972 г. Филиппины имели официальные дипломатические отношения только с Саудовской Аравией, Ливаном и Египтом. К 1981 г. были установлены дипотношения еще с 14 ближневосточными государствами. В 1974 г. Манила признала Организацию освобождения Палестины (ООП) «единственным представителем палестинского народа» и проголосовала за предоставление ей статуса наблюдате-

ля в ООН. Более того, в ноябре 1988 г. Филиппины приветствовали алжирскую декларацию (о провозглашении Палестинским национальным советом создания Государства Палестина), и в ходе дебатов в ООН страна голосовала за принятие всех резолюций по палестинскому вопросу².

В упомянутой книге Ю.А.Райков также ссылается на высказывание министра иностранных дел Филиппин в конце 80-х годов XX в. Л.Шахани, заявившей: «С точки зрения национальных интересов государства Ближнего Востока занимают исключительно важное, если не ключевое место, особенно в усилиях Филиппин по развитию их экономики»³.

Именно экономический фактор служит важнейшим стимулом для выработки Манилой сбалансированной модели «Филиппины – Ближний Восток», требующей немалого дипломатического и политического искусства: сохраняя традиционную прозападную ориентацию, расширять и укреплять отношения с ближневосточными государствами (и не только с консервативными режимами). Отсутствие на Филиппинах собственных нефтяных ресурсов ставит их в положение зависимости от поставок ближневосточной нефти, без чего невозможна реализация проектов по модернизации национальной экономики. С начала 70-х годов XX века нефть – ведущая статья филиппинского импорта, причем 75% его объема шло из стран Ближнего Востока⁴. Арабские страны – экспортеры нефти на Филиппины занимают особое привилегированное положение в филиппинской экономике. Филиппины ввозят нефть и нефтепродукты из многих арабских стран; в Кувейте, Саудовской Аравии, Омане это единственная статья экспорта на Филиппины. В 80-х гг. XX в. общий товарооборот между Филиппинами и арабскими государствами (за счет нефтеторговли) достигал почти 10 млрд. долл. Как отмечает Ю.А.Райков, стремясь хотя бы в какой-то мере сбалансировать торговый обмен с ближневосточными нефтедобывающими странами, Филиппины приняли ряд мер по увеличению своего собственного экспорта в этот регион. Здесь Филиппины нашли новые рынки для вывоза своей избыточной рабочей силы. Лидирует Саудовская Аравия, где в 1983 г. по контрактам работали 250 тыс. филиппинцев. Между тем стабильность в экономических связях между Филиппинами и странами Ближнего Востока, базирующаяся на устойчивости системы нефтяного импорта, во многом, если не целиком, зависит от политических факторов. Не случайно, начиная с президента-диктатора Ф.Маркоса, практически все поставторитарные главы демократических Филиппин стараются не только поддерживать регулярные отношения с ОИК, но и прилагают немалые усилия, пытаясь обеспечить Филиппинам членство или хотя бы статус наблюдателя в этой влиятельной международной организации. Но все эти попытки официальной Манилы, несмотря на несомненную заинтересованность и взаимовыгодность нефтеторговли для обеих сторон, встречают отказ. Представляется, что на позицию ОИК в данном вопросе более всего влияет политикопсихологический фактор.

Для государств Ближнего Востока Филиппины, вопреки их «дипломатическим играм» в ООН, остаются прежде всего ближайшим союзником США, Израиля, крупных стран Запада (в отличие, скажем, от мусульманских стран ЮВА Индонезии и Малайзии, где преобладает антизападничество) и, кроме того, страной, в которой христианское большинство проводит политику дискриминации и угнетения мусульманского меньшинства. Подтверждение данного предположения – предоставление в 70-х годах XX в. статуса наблюдателя в ОИК самой влиятельной и массовой сепаратистской организации филиппинских мусульман – Фронту национального освобождения моро (ФНОМ)⁵. В то же время ОИК, выступая за мирное решение «мусульманского вопроса» на Филиппинах, не отказывает филиппинским лидерам в поддержке и посредничестве в переговорном процессе между правительством и мусульманами-сепаратистами (см. ниже). Сложность и особая специфика отношений между Филиппинами и ОИК требуют разъяснения сущности «мусульманского вопроса» на Филиппинах.

Общие сведения: Филиппины имеют исторически сложившуюся биконфессиональную структуру населения. Жители северных и центральных районов Филиппинского архипелага (о-ва Лусон и группа Бисайских) – преимущественно христиане (до 80%), были обращены в католичество испанцами еще в XVII в. Население южных районов страны (о-ва Минданао, Сулу, Басилан, Палаван), в свое время (конец XVI в.) устоявшее против испанской колониальной экспансии, – мусульмане (см. примеч. 1 и 6). В антропологическом плане все коренное население Филиппин однородно (южные монголоиды). На сегодняшний день (по самым последним данным) на Филиппинах проживает свыше 84 млн. чел., причем, по разным оценкам, лишь 5–8% от общей численности составляют мусульмане⁶. Мусульманское население «разбавлено» христианами в новейшее время главным образом за счет переселенчества из демографически перенапряженных территорий Лусона и Бисайев на малозаселенный мусульманский Юг⁷. По конституции 1935 г., действовавшей на Филиппинах и после обретения ими независимости (1946), и ныне действующей конституции 1987 г.⁸ Филиппинская Республика – унитарное государство, мусульманский Юг является его неотъемлемой частью⁹. Именно политика жесткого государственного унитаризма, проводимая центральными властями, немало способствовала возникновению сепаратистского движения среди филиппинских мусульман с традиционными экстремистскими методами борьбы¹⁰.

Другими источниками конфликта являются: культурная отчужденность между двумя конфессиональными группами, отсутствие у филиппинских мусульман самоощущения принадлежности к единой национальной филиппинской общности и, бесспорно, факторы социально-политического и экономического характера. Это утвердившаяся исторически, так и не преодоленная практика политической и социальной дискриминации мусульманского меньшинства, социально-

экономическая отсталость мусульманской периферии сравнительно с христианским центром, усложненная проблемой христиан-мигрантов в южные районы, расселяющихся на землях, которые мусульмане считают исконно своими. Факторы социально-экономического плана, а не религиозная нетерпимость в чистом виде, служили, как правило, причиной перманентных вспышек кровавых столкновений между мелкими группировками мусульман и местных христиан. С начала же 70-х годов мусульманское движение, приобретая более или менее организованный характер, превратилось в составляющую радикальной антиправительственной оппозиции, в долговременный дестабилизационный фактор. С этого же времени в кругах элитарной мусульманской молодежи, получавшей религиозное образование в зарубежных исламских центрах (Ливия, Саудовская Аравия), стали распространяться фундаменталистские и исламистские идеи. Носители этих идей («реформаторы») выступали за «очищение» синкретического ислама и создание организованного вооруженного движения за выход мусульманских территорий из состава унитарного государства и создание независимой исламской республики (Bangsa Moro). Основателем и лидером первой сепаратистской организации ФНОМ (1968) был Нур Мисуари, пользовавшийся большой популярностью и в филиппинской мусульманской общине, и известный за пределами Филиппин. В 70-х годах ФНОМ установил контакты с фундаменталистскими организациями Индонезии и Малайзии, отсюда, а также из стран Ближнего Востока шли оружие и деньги. Именно тогда ОИК признала ФНОМ единственным законным представителем мусульман южных Филиппин, предоставив ему статус наблюдателя¹¹.

В 1977 г. в результате раскола ФНОМ возникла еще более радикальная сепаратистская организация Исламский фронт освобождения моро (ИФОМ) во главе с Хашимом Саламатом. Центр деятельности этой организации расположен на о.Минданао, в него входят главным образом представители одной народности магинданао¹². В 80-х годах отдельные мусульманские лидеры (в частности, основатель ультра-радикальной группировки Абу Саяф Абдуразак Абубакар Джанджалани) сражались на стороне моджахедов против советских войск в Афганистане, где, возможно, установили контакты с людьми Усамы бен Ладена. И все же в 70–80-х годах идеология филиппинского мусульманского движения, в котором преобладало сепаратистское течение, была далека от ортодоксального политического ислама. В этом смысле характерны программы ФНОМ и ИФОМ, в которых отсутствуют четкие формулировки о подчинении нормам шариата будущего общественного устройства независимой Республики моро. Кроме того, в 70–90-е годы среди мусульман росло число сторонников разных вариантов мусульманской автономии в пределах филиппинского государства.

Еще при Ф.Маркосе начался переговорный процесс о перемирии и автономизации между правительством и Нур Мисуари (ФНОМ) при посреднической роли ОИК. Переговоры закончились неудачно из-за

нехватки средств на программы социально-экономического развития Юга и непроработанности приемлемой версии создания мусульманской автономии¹³. Серьезный прорыв в решении мусульманской проблемы сделал президент Фидель Рамос (1992–1998), которому удалось в 1996 г. заключить договор с ФНОМ о прекращении боевых действий, причем Нур Мисуари перешел на автономистские позиции, став первым лидером-мусульманином во главе созданной мусульманской автономии. Важно, что при этом центральное правительство приступило к реализации проекта по развитию мусульманского Юга. Подписание договора предшествовал ряд поездок Ф.Рамоса (1995) в Иран, Турцию, ОАЭ, обращение к ОИК, которая поддержала посредничество Индонезии и Малайзии в организации этой чрезвычайно сложной акции. Позиция ОИК, Индонезии и Малайзии фактически оказалась решающей в положительном завершении переговоров¹⁴. Сам Ф.Рамос трезво оценивал соглашение, которое давало лишь некоторую передышку в кровопролитном конфликте, учитывая жесткие сепаратистские позиции ИФОМ, действия полубандитской малочисленной, но крайне агрессивной Абу Саяф, разногласия по мусульманской проблеме в филиппинской политической элите. Разхождения между правительством и руководителями мусульманской автономии приобретали иногда взрывоопасный характер. В октябре 2000 г. ОИК направила на Филиппины специальную комиссию в составе представителей Индонезии, Ливии, Пакистана, Саудовской Аравии, Сенегала для проверки исполнения решений мирного договора. Доклад комиссии по результатам визита на Филиппины был зачитан в Катаре в ноябре 2000 г. на саммите государств-членов ОИК. В результате был подтвержден статус ФНОМ как единственного представителя филиппинских мусульман в качестве постоянного наблюдателя в ОИК.

События 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне и последовавшая военная кампания США в Афганистане, вызвавшая открытое или скрытое осуждение в мусульманских странах, расширили сферу влияния политического ислама, включая регион ЮВА. На Филиппинах происходит быстрая радикализация мусульманского движения. Она выражается в росте масштабов вооруженной борьбы во всех провинциях мусульманского Юга, возобновлении военной активности ИФОМ (склонявшегося к переговорам с правительством), возвращении в лагерь сепаратистов Нур Мисуари, во все более кровопролитных террористических акциях Абу Саяф (убийства, захват заложников, взрывы и т.п.), усилении цивилизационного фактора, преобладании элементов чисто межконфессионального конфликта, «конфронтации идентичностей». Откровенный проамериканизм администрации Г.Макапал Арройо, вплоть до приглашения группы американских разведчиков и специалистов по контртеррористической борьбе для помощи национальной армии в качестве советников в боевых действиях против Абу Саяф и в целом вооруженного сепаратистского движения (в формате, не нарушающем конституционные нормы, запре-

щающие иностранным военным участвовать в боевых действиях) вызвал резкую вспышку антиамериканских настроений среди мусульманского населения. Отчасти подобные чувства затронули и христианское население, но поскольку речь шла о помощи в борьбе с мусульманскими сепаратистами, эта акция правительства была встречена вполне спокойно. Массовые обывательские чувства филиппинцев-христиан с их глубоко укоренившейся в сознании исламофобией весьма откровенно выразил «любимец народа», смещенный в 2000 г. по обвинению в крупномасштабной коррупции экс-президент Дж.Эстрада, позволив себе такое высказывание: «Для меня лучший мусульманин – мертвый мусульманин».

Правительство Г.Макапагал Арройо находится в трудном положении. Вполне возможно осложнение отношений Филиппин с региональными партнерами (прежде всего Малайзией и Индонезией) и, что особенно тревожит правительство, ухудшение позиций страны в ближневосточном регионе. В настоящее время Филиппины ориентируются на консервативную группу стран-членов ОИК (Саудовскую Аравию, Эмираты, остающиеся главными поставщиками нефти на филиппинский рынок).

Г.Макапагал Арройо старается вести очень осторожную и гибкую политику, ее публичные заявления содержат заверения во временном характере и ограниченных целях пребывания американских военных на Филиппинах исключительно в интересах устранения угрозы местного терроризма на мусульманском Юге. В то же время, активно участвуя в созданной американцами международной антитеррористической коалиции, она не может не поддерживать любые акции США, в частности, войну в Ираке. Как показывают дебаты на последней конференции министров иностранных дел стран-членов ОИК в Тегеране (конец мая 2003), позиции Манилы все более расходятся с позициями этой организации по ряду кардинальных вопросов. К примеру, осуждая международный терроризм, конференция оценила акцию США в Ираке как террористическую и, следовательно, сделала вывод о неприемлемости роли США как лидера в борьбе с международным терроризмом. Кроме того, обсуждался вопрос об определении понятия терроризма и осуждалась его идентификация с современными исламскими движениями. Подчеркивалась негативная роль глобализации и интернетизации в углублении разрыва между процветающим богатым Севером и бедностью и нищетой в странах третьего мира. Все эти выводы не совместимы с позициями Манилы, но Г.Арройо, заинтересованная в сохранении оптимального уровня в отношениях с ОИК, старается вести по возможности нейтральную политику. Что касается непосредственно Филиппин, то министерская конференция ОИК отвергла очередную просьбу Манилы о предоставлении статуса наблюдателя в этой организации. Напротив, вновь подтвердила статус постоянного наблюдателя ФНОМ, тем самым фактически продемонстрировав солидарность с филиппинским мусульманским движением.

В близкой перспективе, когда с октября 2003 г. место председателя ОИК займет малазийский лидер Махатхир, известный своим антиамериканизмом и вообще антизападничеством, можно предположить, что он будет проводить еще более сдержанную политику в отношении Филиппин, но и вряд ли поощрять дальнейшую политизацию ислама на филиппинском Юге, поскольку угроза роста радикальной исламистской оппозиции существует и в Малайзии.

¹ В средневековые контакты с Ближним Востоком поддерживали страны, расположенные на территории современных Индонезии и Малайзии. Примерно с XI-XII до XVIII вв. происходила исламизация этого ареала, ислам приносили туда арабские, персидские, индийские торговцы-миссионеры. В XV-XVI вв. из индонезийско-малайских султанатов ислам проник и укрепился на южных островах Филиппинского архипелага. Эпизодически торговля прибрежных жителей островов с арабскими или персидскими купцами происходила при посредничестве индонезийцев и малайцев.

² См.: Райков Ю.А. Внешняя политика Филиппин на рубеже XXI века. – М., 2001, с. 131.

³ Райков Ю.А. Там же, с. 130. Цит. по книге: Shahani L, *Essays on Philippine Foreign Policy*. Quezon City, 1989, с. 63.

⁴ Там же, с. 130.

⁵ Там же, с. 132.

⁶ Моро – исп. мавр, оставшееся со времен испанского колониализма обобщенное название народностей филиппинского Юга, исповедующих ислам.

⁷ <http://www.geohive.com./cd/rp.php>.

⁸ *The Philippine Constitution of 1987*, Metro Manila 1992, с. 10.

⁹ *The Cambridge, History of Southeast Asia*, v. II, L. 1999, с. 92–93.

¹⁰ Стереотип жестокой кровопролитной конфронтации между двумя конфессиональными группами складывался в течение столетий, начиная с «войн моро» под лозунгом «война креста и полумесяца»: пиратских нападений мусульман на христианизированные районы и ответных карательных экспедиций испанцев на мусульманские территории. Причем филиппинские мусульмане видели врагов «истинной веры» не только в иностранных колонизаторах, но и в обращенных в католичество жителях центральных и северных районов Архипелага. Столь же глубоки были корни исламофобии у филиппинцев-христиан, значительный вклад в разжигание которой вносила католическая церковь.

¹¹ См. сборники: Юго-Восточная Азия в 2000 г. – М., 2001, с. 38–47; Юго-Восточная Азия в 2001 г. – М., 2002, с. 179–191.

¹² <http://www.fas.org/irp/world/para/milf.htm> В августе 61-летний Хашим Саламат, по некоторым сведениям, решивший вновь начать переговоры с правительством президента Глории Макапагал Арройо, умер от сердечного приступа. В настоящее время новый лидер ИФОН – Мурад Ибрагим. См.: Коммерсант, 6.08.2003, с. 10.

¹³ См.: Левтонова Ю.О. Эволюция политической системы современных Филиппин. – М., 1985, с. 187–189.

¹⁴ См.: Ramos F.V. Break not the Peace. (The Story Of GRP-MNLF Peace Negotiations 1992–1996), Manila, 1996.

**ОБ ИСТОЧНИКАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ
ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА**

Согласно информации группы экспертов Совета Безопасности ООН, Усама бен Ладен и «Аль-Каида» имеют доступ к средствам, обеспеченным за счет личного состояния бен Ладена и осуществляемых им инвестиций, поддержки со стороны членов и сторонников «Аль-Каиды» и взносов, получаемых от ряда благотворительных организаций или через них, или присвоенных средств таких благотворительных организаций, а также прибыли, получаемой различными группами от деятельности малых предприятий, доходов от незаконной деятельности, включая контрабанду, мелкие преступления, грабежи, присвоение имущества и мошенничество с кредитными картами.

По данным из правительственных источников и по мнению экспертов по проблеме терроризма, крупный портфель внешне законных активов сохраняется и управляется от имени Усамы бен Ладена и «Аль-Каиды» некоторым числом пока еще не установленных посредников и компаньонов в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Европе и Азии. По одним оценкам, стоимость этого портфеля составляет примерно 30 млн. долл. США, по другим данным, – до 300 млн. долл. США. Сюда входят инвестиции, осуществленные в крупных финансовых центрах в Африке, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Сотни миллионов долларов, по имеющимся предположениям, вложены в недвижимость в Европе и других районах мира¹.

Кроме того, как предполагается, «Аль-Каида» продолжает получать частные пожертвования от богатых сторонников, их объем составляет, по оценкам, до 16 млн. долл. США в год и с течением времени практически не уменьшается. Считается также, что «Аль-Каида» занимается вымогательством денег, прибегая к применению угроз в отношении коммерческих предприятий или отдельных лиц².

Исламские благотворительные и некоммерческие организации также служат источником финансирования сети «Аль-Каиды». Многие из них занимаются сбором «зьяката» – подаяния, которое является в исламе одним из пяти столпов веры, обязанностью каждого мусульманина. Эти организации собирают ежегодно миллиарды долларов. Основная часть этих денег используется в благотворительных целях. Радикальные группы, составляющие в структуре этой сети незначительное меньшинство, могут применять в нелегальных целях какую-то

часть собранных средств. Для этого осуществляется внедрение в авторитетные благотворительные организации.

Переориентированные таким образом средства расходуются на поддержание разветвленной сети радикальных фундаменталистских структур, школ и общественных организаций, которые, как предполагается, предоставляют убежище, оказывают материальную поддержку, занимаются вербовкой и обучением боевиков.

Ячейки «Аль-Каиды», обладающие широкой самостоятельностью, сами обеспечивают себе значительную часть финансирования. По имеющимся данным, они ведут как законную предпринимательскую деятельность, так и противоправную. Виды преступной деятельности на местах весьма разнообразны – от розничной торговли наркотиками до ограбления банков, мошеннических операций с кредитными картами и подделки документов.

Нередко законный бизнес сочетается с секретной миссией эмиссаров бен Ладена. Член группировки «Аль-Каида» Вади аль-Хаг, осужденный в Нью-Йорке за взрывы американских посольств, ранее был направлен в Баку, чтобы открыть там благотворительное общество, которое служило бы прикрытием для поддержки боевиков, воюющих в Чечне. Одновременно он занимался торговлей велосипедами. Благотворительная организация обеспечивала необходимую конспирацию. Так, в частности, было и при подготовке взрыва американского посольства в Кении в 1998 г. Законный бизнес, благотворительность и политическое насилие сосуществовали и сосуществуют поныне.

После трагических событий 11 сентября 2001 г. международное сообщество предприняло беспрецедентные усилия, направленные на борьбу с терроризмом. Большое число государств осуществило шаги, направленные на ужесточение правил, регулирующих банковскую деятельность, с тем, чтобы более эффективно выявлять, отслеживать и блокировать сомнительные банковские операции. Эти правила возлагают на банки новые требования, заключающиеся в том, что банки должны «знать своих клиентов», проверять все подозрительные операции и сообщать о них властям.

Сентябрьские же события сделали финансовую битву решающим фронтом в «новой войне» США. «Америка, – заявил министр финансов Пол О'Нил, – ведет не обычную, а финансовую войну против этих людей и призывает лидеров стран цивилизованного мира и их финансовые институты помочь нам установить, кто эти люди, где находятся их деньги, и отнять их у них»³.

Президент Буш еще до начала военной операции возмездия в Афганистане подписал постановление о замораживании банковских счетов частных лиц и организаций, имеющих отношение к террористической деятельности. Американским банкам предписывалось прекратить обслуживание таких счетов, гражданам же США запрещалось

поддерживать деловые контакты с организациями и физическими лицами, попавшими в «черный список».

Примеру США последовала «семерка» ведущих индустриальных держав. Министры финансов Великобритании, Канады, Франции, ФРГ, Италии, США и Японии договорились заморозить все счета, которые могут быть использованы террористами. Они объявили о намерении усилить свое сотрудничество с целью блокировать использование различных фондов международным терроризмом.

Первоначальные успехи были весьма внушительны. Удалось обнаружить и заморозить принадлежащие «Аль-Каиде» и связанным с ней лицам и организациям активы на сумму примерно 112 млн. долл. США. Руководство «Аль-Каиды» быстро отреагировало на эти меры, и впоследствии было дополнительно заморожено лишь около 10 млн. долл. По признанию правительственных должностных лиц, оказалось чрезвычайно трудно выявить эти дополнительные средства и ресурсы, к которым «Аль-Каида» имеет отношение.

«Аль-Каида», очевидно, вывела часть своих раскрытых активов из финансового сектора и вложила средства в не поддающиеся отслеживанию ценности. Как предполагается, средства были вложены в золото и драгоценные камни. Их можно сбрасывать на рынок в небольших количествах, не вызывая подозрений.

Поскольку банки и другие классические финансовые институты привлекают внимание и являются объектом пристального контроля, «Аль-Каида» при переводе денежных средств пользуется не только услугами курьеров, но и неофициальной финансовой сетью, известной под названием на языке хинди как «хауваля». Этот способ обеспечивает быстрый, надежный и недорогой перевод денег и ценностей по всему миру, строится исключительно на доверии и не оставляет никаких следов. Суть его состоит в том, что теневой валютный меняла, получив наличность в одном населенном пункте и связавшись по телефону со своим корреспондентом в другом городе, дает ему поручение выплатить адресату клиента соответствующую сумму.

По оценке экспертов, ежегодно таким образом переводится более 200 млрд. долл. США. Механизм «хауваля» издавна опирался на традиционные исламские и другие неформальные банковские системы и использовался как инструмент осуществления торговли в Юго-Восточной Азии.

Поступает все больше данных о том, что «Аль-Каида» все активнее осуществляет финансовые операции в этом регионе. Такая практика включает создание фиктивных компаний, открытие счетов на подставных лиц, сбор благотворительных и иных взносов, осуществление незаконной деятельности. Предполагается, что «Аль-Каида» создала структуры финансовой поддержки в Индонезии, Малайзии, Сингапуре и на Филиппинах.

Террористическая деятельность в ЮВА и те, кто ее персонифицируют, находятся под сильнейшим влиянием Усамы бен Ладена и его

«Шуры маджлис», своего рода «высшего совета», генератора воодушевления, а иногда, кроме того, и источника финансовой и материальной поддержки.

О силе влияния «Аль-Каиды» свидетельствует, к примеру, то, что она оказалась способной в Индонезии убедить несколько радикальных исламских группировок возвыситься над своими узкими политическими, национальными и религиозными взглядами и интересами и объединиться в коалицию «Anti-American Terrorist Soldiers», чтобы противостоять действиям Соединенных Штатов в Афганистане.

Среди индонезийских исламских партий, выступающих за исламское право, многие прямо или косвенно ведут пропагандистскую деятельность и агитацию в поддержку целей и задач «Аль-Каиды». Насчитывается примерно 60 групп, а число сторонников весьма значительно⁴.

Действующая в Юго-Восточной Азии экстремистская мусульманская группировка «Джамаа Исламия», ставящая своей задачей создание панисламского государства на территории Индонезии, Малайзии, Сингапура, Филиппин и Брунея, базирующаяся в Индонезии и имеющая отделения, как предполагается, в ряде других стран ЮВА, оказывает активную финансовую и иную поддержку «Аль-Каиде». Последняя в свою очередь предоставляет оружие и боеприпасы связанным с нею группам Абу Сайафа и Исламского фронта освобождения мору (ИФОМ) на Филиппинах, «Джамаа Исламия» в Индонезии и других странах Юго-Восточной Азии.

О том, что исламские фундаменталисты региона в своей деятельности все больше втягиваются в международную террористическую сеть, беря на вооружение отработанные ею методы борьбы и опираясь на ее материально-финансовую базу, свидетельствуют уже первые признаки реакции в ЮВА на события в Ираке. Лидеры правого крыла мусульман в Малайзии уже в самом начале военных действий призвали мусульман всего мира к священной войне против США и Великобритании, к войне, в которой, вне всякого сомнения, «первые скрипки» принадлежат бен Ладену. Индонезийское правительство заранее предупреждало, что удар США по Ираку способен дестабилизировать весь регион Юго-Восточной Азии, мусульманские организации этой страны заявили о том, что американцы более не будут жить в мире.

Соединенные Штаты оказывают давление на страны ЮВА с целью поставить под контроль финансовые институты для выявления тех из них, кто связан с терроризмом. В сентябре 2001 г. президент Филиппин Глория Арройо дала поручение правительству составить список подозрительных финансовых организаций и «нейтрализовать их деятельность легальными способами». Реакции со стороны правительства практически не было.

В Индонезии правительство выступило с осуждением международного терроризма, заявило о своей готовности пресечь возможную

деятельность в стране коммерческих организаций, подконтрольных бен Ладену, и официально сообщило о том, что приняло постановление, в соответствии с которым спецслужбы могут расследовать деятельность подозрительных банков.

Тем не менее в ноябре 2001 г. Банк Индонезии отклонил запрос генеральной прокуратуры с требованием заморозить по просьбе Совета Безопасности ООН 28 счетов компаний, подозреваемых в связях с бен Ладеном, ссылаясь на закон о тайне вклада. В стране хорошо известно, какие компании имеются в виду. По слухам, называются такие исламские группировки, как «Маджлис Муджахидин» в Джокьякарте, «Фронт защитников ислама» и «Воинство джихада», создание которых, как полагают в Индонезии, могло быть осуществлено на деньги «Аль-Каиды». Такая ситуация отражает состояние индонезийского общества, в котором уже сделана пока не состоявшаяся попытка провести через парламент шариатизацию конституции.

Предметом особого подозрения в Юго-Восточной Азии в причастности к финансированию террористической деятельности являются мусульманские благотворительные фонды. Но они столь многочисленны, что практически невозможно проконтролировать их деятельность. Только в Индонезии насчитываются тысячи исламских фондов. Выделить из числа подлинных служителей благотворительности относительно небольшой ряд тех, кто связан с терроризмом, представляется немалой проблемой. По мнению представителей американской администрации, прибывших в Индонезию специально для разрешения, это равносильно поиску иголки в стоге сена⁵.

В конце 2001 г. в Индонезии был принят закон, в соответствии с которым негосударственные финансовые организации должны представлять регулярные отчеты аудиторских проверок однако, по-прежнему большая часть мусульманских фондов далека от транспарентности.

Изучая каналы финансирования исламских террористов, очевидно, следует иметь в виду, что поступление денежных средств и других ценностей в их распоряжение является лишь одной стороной вопроса. Не меньшую значимость имеет и то, каким образом эти средства расходуются.

«Американцы не понимают мусульманское общество, – считает саудовский диссидент в Лондоне, возглавляющий Движение за реформу ислама в Аравии д-р Саад аль-Фаги. – Они не понимают, как обстоит дело с деньгами». По его словам, американцы недооценивают преобладающую роль наличных денег и преувеличивают стоимость совершения террористического акта, даже сопровождаемого крупным бедствием. Чтобы совершить операцию, подобную той, которая была 11 сентября 2001 г., этим людям не нужны миллиарды или даже миллионы долларов. Им нужно несколько тысяч, считает аль-Фаги.

Действительно, как заявил прокурор, расследовавший взрыв во Всемирном торговом центре в 1993 г., вся операция стоила террори-

стам менее 10 тысяч долларов. Террористические акты 11 сентября, как и взрывы американских посольств в Кении и Танзании, были осуществлены с небольшими денежными затратами.

Показательно, как провели двое угонщиков самолетов свои последние дни – с 26 августа по 9 сентября. Они остановились в мотеле во Флориде, снимая номер на двоих за 250 долларов в неделю. Владелец мотеля рассказывал, что они сами стирали белье в общей стиральной машине в мотеле и приносили продукты, чтобы готовить их на кухне в номере, напрокат выбирали самые дешевые автомобили. Больше всего они заплатили за уроки пилотирования. По данным газеты «Уолл-стрит джорнел», один заплатил 20, а другой – 18 тысяч долларов. Один из них был студентом, но занимался и другими делами, в том числе торговал на открытой площадке подержанными автомобилями⁶.

Когда бен Ладену понадобилось доставить автоматы Калашникова радикальной группировке в Египте «Исламский джихад», он не нанял самолет, судно или грузовик. Вместо этого, как было установлено в суде в связи со взрывами американских объектов, он купил два каравана верблюдов.

В Индонезии производство взрывных устройств, задействованных во многих террористических акциях, налажено местными жителями на одном из островов в восточной части страны. Стоимость каждого из таких устройств, именуемых в Индонезии «бомбами Молотова», составляет всего около 10 долларов⁷.

Ясно, что терроризм может действовать и при небольшом бюджете. Широко разветвленная сеть бен Ладена показала себя простой и дешевой силой, часто финансируемой мелким бизнесом, преступниками и низкооплачиваемой рабочей силой.

Разница между высокой стоимостью создания террористической организации и руководством ею на больших расстояниях при относительно скромной стоимости проведения операций значительно усложняет борьбу с терроризмом.

Даже финансово уязвленная сеть бен Ладена представляет серьезную угрозу, поскольку ею уже создан значительный задел в лице тысяч обученных, воспитанных на враждебности и непримиримости к иной цивилизации боевиков, способных при относительно незначительных материальных затратах совершать большие злодеяния.

¹ Документ Совета Безопасности ООН, S/2002/1050, 20.09.2002.

² Там же.

³ ИТАР-ТАСС, 11.10.2001, КОМПАС, № 41.

⁴ INSIDE AL QAEDA: Global Network of Terror (Columbia University Press, New York).

⁵ Far Eastern Economic Review, Hongkong, 15.11.2001.

⁶ ИТАР-ТАСС, 11.10.2001, КОМПАС, № 41.

⁷ Tempo, Jakarta, 20.08.2001, № 25.

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ЕГИПТЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ

Проблема терроризма, в различных своих проявлениях известная с давних пор, к началу XXI столетия превратилась в одну из опаснейших по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми когда-либо сталкивалось человечество.

Распространение терроризма и исламского радикализма является сегодня одним из наиболее острых вопросов на Ближнем Востоке. Нестабильность в регионе, огромный спектр нерешенных социально-экономических задач, неспособность широких слоев населения принять технологические и культурные аспекты западной модернизации, неустроенность жизни – это те причины, которые играют на руку исламистам. Они позволяют радикально настроенной части населения, оперируя исламскими ценностями, призывать народ к борьбе за освобождение от «гнета» светских режимов, к возврату к истокам ислама и созданию исламского государства во главе с истинным мусульманином.

Экстремизм в исламе представляет собой политическое движение, стремящееся повлиять на процесс общественного развития исходя из собственных религиозно-правовых норм. Именно политические институты и структуры власти – как законодатели новой жизни – являются мишенями для религиозных экстремистов.

В последнее время во всем мире наблюдается активизация различных исламских экстремистских организаций и движений. О некоторых из них знает лишь узкий круг специалистов, но другие уже успели получить широкую известность благодаря громким террористическим актам и захватам заложников. В настоящее время в арабских странах такие организации, как «Хизбалла» в Ливане, «Исламский фронт спасения» в Алжире, «Аль-Гамаа аль-Исламия» и «Братья-мусульмане» в Египте, относят к «политическому исламу». Эта исламская оппозиция призвана реально напомнить о «третьей силе» в том подлинном смысле этого определения, в каком оно впервые прозвучало из уст имама Хомейни, заявившего после исламской революции в Иране, что «мы ни Восток, ни Запад».

Таким образом, исламисты в отличие от прочих «правоверных» представляют собой реальную политическую оппозицию существующим

в арабских странах режимам, а также «официальному исламу», который, как они считают, является орудием в руках правящих элит.

Арабская Республика Египет – колыбель зарождения терроризма на Ближнем Востоке, страна, в истории которой в XX веке, как в зеркале, отразились все этапы становления и развития организованных террористических группировок, а также государственных институтов, призванных защитить общество от посягательств террористов и не допустить расшатывания политического строя в стране.

Основатель египетской террористической организации «Ат-Такфир валь-Хиджра» Шукри Ахмад Мустафа назвал Египет страной, погрязшей в неверии и варварстве, в которой властвуют многобожники, «неверные», где «борются против каждого, кто призывает к священной войне во имя Аллаха». По его мнению, именно этой стране уготовано «божье наказание»¹.

В 50–60-х годах исламское экстремистское движение в Египте стало набирать силу и расширяться. Многие исследователи этой проблематики склонны утверждать, что возникшие еще в начале XX века исламистские группы обнажили только верхушку айсберга. Большинство из них еще находится в тени.

В АРЕ пробуждение ислама, как «спящего гиганта», рост авторитета террористических организаций стали закономерными историческими процессами.

Во время британского господства Египет представлял собой «хлопковую плантацию» для британских текстильных промышленников. Вся местная промышленность находилась в их руках, а рабочие-египтяне не имели никаких прав. Крупные землевладельцы составляли 0,5% всего населения, но им принадлежало больше 50% всех земель. Крестьян покупали и продавали вместе с землей. Безграмотность составляла около 85%². Высшее образование было доступно только богатым людям. Царящий произвол британских властей и коррупция задевали религиозные убеждения народа. Население страны считало, что следование религии может изменить его положение и решить социальные, экономические трудности. Именно эту идеологию проповедовала возникшая в 1928 году религиозная организация «Братья-мусульмане» под руководством египетского учителя Хасана аль-Банни. Применение насилия рассматривалось ею как «законный способ» самозащиты. А религия стала единственно возможным способом разрешения проблем³.

Революция «свободных офицеров» в 1952 г. принесла в Египет радикальные изменения: аграрную реформу, индустриализацию, бесплатное образование, создание государственного сектора; она дала права рабочим, вывела английские войска из зоны Суэцкого канала, укрепила арабскую солидарность. Тем не менее все это не смогло модернизировать арабское общество, не изменило существенно жизнь людей, не сломало сложившиеся стереотипы. Огромный разрыв

между провозглашенными лозунгами и реальными действиями: свободой, социализмом, арабским единством в теории и деспотизмом, богатством политической элиты, разобщенностью на практике – заставляли население страны с подозрением относиться к политике Гамалы Абдель Насера. В последние пять лет своего правления президент Насер настойчиво пытался использовать религию с целью дискредитации оппозиционных режиму группировок. В СМИ начали печататься призывы на молитву пять раз в день, мужчины стали носить бороды, а женщины «хиджаб», президент проповедовал такие ценности, как терпение, любовь, мир. Но все это лишь было, по мнению арабского исследователя Хасана Ханафи, «опиумом для народа», попыткой «усыпить бдительность»⁴. Большим ударом для арабского народа стало поражение в войне 1967 г.

Придя к власти в 1971 г., новый президент Анвар Садат начал процесс денасеризации. В экономике вместо расширения государственного сектора стала проводиться политика «инфитаха» – политика «открытых дверей», во внешнеполитической деятельности акцент был сделан на сближении с США и налаживании отношений с Израилем. Для борьбы с насеристами, оправдания «инфитаха», придания режиму легитимности Садат стал апеллировать к исламу. В сентябре 1971 г. была принята Конституция АРЕ, согласно которой ислам объявлялся государственной религией, а по «конституционной реформе» от 22 мая 1980 г. исламский шариат был назван источником законодательства.

Садат рекламно-демонстративно ходил в мечеть, в газетах регулярно печатались фотографии молящегося президента. На радио и телевидении появились многие программы, посвященные исламу.

Однако резкая смена внешнеполитического курса (подписание сепаратного мирного договора между Египтом и Израилем, автоматически приведшего к изоляции страны в арабском мире); экономический кризис, достигший своего апогея в январе 1977 г. во время «хлебного бунта»; вынесение смертного приговора Сейиду Кутбу, почитаемому всеми религиозными организациями; запрет политических партий (приведший к тому, что население Египта стало аполитичным и уязвимым перед влиянием мусульманских групп) – все это привело к тому, что религиозный экстремизм не только не пошел на убыль, а, наоборот, начал действовать еще более решительно и дерзко.

Таким образом, активизация деятельности «Братьев-мусульман», а впоследствии и других организаций в Египте стала реальной альтернативой терявшему свои силы социализму Насера, а затем и непопулярной политике Садата.

В 1981 г. Хосни Мубарак, ставший президентом Египта, столкнулся с такими же трудностями, что и его предшественники. Террористические акции в АРЕ в середине 90-х годов достигли нового, небывалого уровня. Как писал Хасан Ханафи, они стали угрозой не только для государственной системы страны, но в равной степени и для ее экономики,

социально-политической безопасности, культурных и идеологических достижений. Война, которую разожгли террористы, стала страшнее любых других войн, которые вел Египет со своими внешними врагами в XX столетии. Эту войну «ведут наши сыновья, которыми завладела идея терроризма, они выбрали жестокость как средство достижения своих желаний, подрывая стабильность нации»⁵. То, что пережил Египет, – это человеческая и культурная трагедия, это политическая и экономическая катастрофа.

Ислам экстремистского толка является самым серьезным политическим противником властей. Это направление весьма неоднородно. В его рамках действуют полуполигальная Ассоциация «Братья-мусульмане», подпольные организации («Аль-Гамаа аль-Исламия», «Аль-Джихад», «Ат-Такфир валь-Хиджра» и другие), оппозиционные политические партии «исламского блока», негосударственные, религиозные структуры, а также значительная часть религиозных деятелей, состоящих на службе у государства.

Политическое руководство АРЕ прекрасно понимает, что на фоне общего расширения влияния религии на египетское общество наличие нерешенных острых социально-экономических проблем может стать катализатором массового перехода умеренных или лояльных властям мусульман, особенно из беднейших слоев населения, в ряды радикальных исламистов, а это в свою очередь чревато опасными для режима последствиями.

Египетская модель представляет собой уникальный пример противодействия терроризму на Ближнем Востоке; это одно из немногих государств в регионе, которое подошло со всей серьезностью к решению данной проблемы, призвав весь Арабский Восток объединиться в борьбе с этим злом.

Для Египта, страны, в которой подавляющее число населения, а именно около 90% – мусульмане, вести борьбу с терроризмом, исходящим от исламских фанатиков, намного сложнее, чем для стран, в которых ислам не является доминирующей религией. Ведь ислам – это и культура, и традиции, и религия страны. Это то, на чем основано египетское общество. Именно поэтому правительству приходится находить компромиссные решения, которые могут дать ожидаемые результаты в борьбе с исламистами, и в то же время не заденут «официальный ислам».

Начало 80-х (убийство Садата) и середина 90-х годов (покушения на президента Хосни Мубарака, высших должностных лиц, череда взрывов, в результате которых погибли иностранные туристы) стали для жизни АРЕ самыми страшными периодами, когда волны исламского терроризма и экстремизма захлестнули Египет и заставили власти по-новому посмотреть на эту проблему. Исламский экстремизм стал одной из основных угроз национальной безопасности страны⁶.

Конец XX – начало XXI столетия является переломным моментом в борьбе с терроризмом. Египетское руководство, осознав всю опасность, исходящую от этого зла, начало своевременно проводить комплекс мер по борьбе с ним. Можно обозначить два направления в политике правительства – противодействие терроризму *внутри страны и за рубежом*. Что касается первого аспекта, то сюда можно отнести законодательное регулирование, политический диалог, взаимодействие с официальным исламом и судебное преследование. Второе направление связано с тесным сотрудничеством спецслужб Египта с их коллегами за рубежом. Остановимся поподробнее на каждом из пунктов.

Первое направление. Законодательно борьба с терроризмом в Египте регулируется Уголовным кодексом, в который были внесены необходимые поправки. В настоящее время в соответствии с УК терроризм рассматривается как любое применение силы или запугивания для осуществления преступного замысла, целью которого является подрыв общественного порядка или создание угрозы целостности и безопасности общества, если при этом граждане подвергаются недостойному обращению, среди людей распространяется страх, возникает опасность для жизни, наносится ущерб окружающей среде, средствам связи, капиталам, общественной или частной собственности или они захватываются и присваиваются, создаются помехи или препятствия работе органов власти, нарушается действие конституции, законов и распоряжений.

Согласно Конституции Египта, религиозным организациям запрещено заниматься какой-либо политической деятельностью.

Одной из важнейших контртеррористических мер является Закон «О чрезвычайном положении» (ЧП), принятый в Египте после убийства исламскими боевиками президента А.Садата в 1981 г. В феврале 2003 г. его действие было продлено на очередной трехлетний срок. Однако в сентябре 2003 г. на закрытии ежегодной конференции правящей в стране Национальной демократической партии президент Египта Хосни Мубарак объявил об отмене военных указов, составляющих основополагающую часть Закона. Речь здесь идет об упразднении военных трибуналов Минобороны и чрезвычайных судов госбезопасности МВД⁷. Согласно решению президента, судьи в них назначались непосредственно президентом по рекомендации соответственно министров обороны и внутренних дел. В 1992 г. Верховным конституционным судом президенту АРЕ было предоставлено право передавать любые дела, даже носящие гражданский характер, на рассмотрение судам госбезопасности. Приговоры, которые выносились этими судами, после утверждения президентом являлись окончательными и не подлежали обжалованию в Кассационном суде. Все дальнейшие апелляции рассматривались только президентом страны. Суд над гражданскими лицами, осуществляемый военными три-

буналами и судами госбезопасности, рассматривался западными правозащитными организациями как серьезное нарушение основных прав человека со стороны египетских властей, т.к. подсудимый лишился возможности рассчитывать на беспристрастное, независимое расследование и судебное разбирательство. В ежегодных докладах Государственного департамента США «О соблюдении прав человека в мире» особо акцентировался именно этот факт. С 1 октября 2003 г. официально вступил в действие Закон об отмене судов госбезопасности, согласно которому все дела передаются в обычные уголовные суды. Такое важное решение, принятое президентом страны, является существенным продвижением Египта по пути строительства демократического государства. Этот политический ход, несомненно, повысит престиж АРЕ на мировой арене и даст возможность заручиться еще большей поддержкой у международного сообщества.

Нужно заметить, что принятие столь важного решения было бы невозможным, если бы в стране по-прежнему царил напряженная атмосфера, если бы терроризм, как прежде, угрожал национальной стабильности и безопасности страны. Этот шаг является существенным доказательством того, что предпринимаемые Египтом меры по противостоянию терроризму приносят положительный, прогрессирующий результат.

Дополнительным доказательством происходящих изменений в стране стало досрочное освобождение одного из организаторов убийства президента Садата – лидера радикальной исламской группировки Карам Зохди, который был приговорен к пожизненному заключению за организацию убийства. Его освободили в сентябре 2003 г. Зохди публично раскаялся в содеянном и заявил, что «теперь бы он боролся за то, что бы предотвратить убийство»⁸. Он назвал Садата мучеником, а убийство – ошибкой. Министр внутренних дел Х.аль-Адли объяснил, что причиной освобождения является плохое здоровье заключенного.

На сегодняшний день, согласно закону о ЧП, можно вводить ограничения на деятельность политических партий и организаций, а также допускается введение чрезвычайного положения не только в пределах всего государства, но и на территории какой-то отдельной его части.

Помимо действующего Закона «О чрезвычайном положении» с внесенными в него изменениями Народное Собрание АРЕ в марте 2002 г. приняло новый закон, регулирующий деятельность египетских неправительственных организаций (НПО). Общественным организациям в стране запрещено заниматься какой-либо политической или профсоюзной деятельностью; необходимы утверждение их руководящего состава Министерством социальных дел, получение разрешений на зарубежное спонсорство и обязательное предоставление регулярной финансовой отчетности. Согласно этому закону, министр социальных дел имеет право распускать, накладывая арест на иму-

щество и активы НПО за нарушения положений о деятельности общественных организаций.

Западные правозащитники считают, что этот Закон полностью контролирует деятельность любой неправительственной организации и фактически перекрывает все возможности для независимой деятельности. Парижская группа наблюдения за защитой прав человека заявила, что ряд положений Закона полностью противоречит международным соглашениям по правам человека, которые были ратифицированы Египтом.

Египетские официальные власти, в частности, министр социальных дел А.Гинди, министр юстиции Ф.Сейфуль Наср и министр по делам парламента К.Шазли, напротив, подчеркивают, что согласно именно этому закону, НПО предоставляются льготы в налогообложении и при взимании таможенных пошлин. Что же касается определенных ограничений, то они продиктованы лишь необходимостью обеспечения национальной безопасности страны.

Особую роль правительство АРЕ отводит борьбе с финансированием терроризма, пресечением денежных потоков, направленных на поддержание террористических группировок. К сожалению, привести точные данные, подтверждающие данный факт, не представляется возможным. Египет стал одной из немногих стран Ближнего Востока, которые активно откликнулись на инициативу Международной группы финансовых действий по борьбе с отмыванием незаконных доходов (Financial Action Task on Money Laundering – FATF) и начали предпринимать ряд мер, связанных с ограничением и последующим пресечением перевода денежных средств из стран Персидского залива, не говоря уже о том, что страна во многом пересмотрела свое законодательство в банковской сфере и максимально приблизила его к международным стандартам⁹.

С учетом мусульманского характера египетского государства властям достаточно сложно в правовом плане оказывать противодействие внешне умеренным исламистским течениям. Однако ряд положений законодательства позволяет до определенной степени регулировать политико-идеологическую деятельность исламистов внутри страны. Так, государство на законном основании отказывает в регистрации исламским политическим организациям, прибегает к замораживанию деятельности уже существующих легальных оппозиционных партий происламского толка, ограничивает создание общественных и неправительственных организаций. Кроме того, власти осуществляют плотную цензуру печати, сопровождаемую при необходимости закрытием исламистских печатных органов, сайтов в Интернете, связанных с экстремистской деятельностью. Ведется также целенаправленная кампания по передаче частных мечетей, сбора закята под юрисдикцию министерства вакуфов (министерство, занимающееся имуществом, переданным государством или отдельными лицами на религиозные

или благотворительные цели), а также ряд других специальных мероприятий, имеющих целью отдалить лидеров террористических организаций от исламизированных слоев населения.

Большую роль в борьбе с исламистами правительство Египта отдает политическому диалогу. По мнению бывшего посла Египта в России Реды Ахмет Шехата, исламистские военно-политические организации просто не хотят, чтобы в стране была экономическая, политическая и социальная стабильность. «Все их действия носят разрушающий, деструктивный характер, облаченный в форму насилия. Желая создать исламское государство, они забывают о том, что ислам не призывает и не может призывать к насилию для решения политических проблем. Возможно, эти люди совершают свои террористические акты для достижения каких-то иных целей, диктуемых из-за пределов Египта»¹⁰.

К сожалению, достаточно часто диалог с террористами не приносит положительных результатов. Поэтому еще одним направлением борьбы египетских властей с исламистами является активное судебное преследование сторонников политического ислама. Из публикаций оппозиционной египетской прессы известно, что в 1995 г. в тюрьмах страны находилось около 10000 политических заключенных.

Еще одной альтернативой борьбы с исламистами является официальный ислам. В борьбе с исламскими радикалами важную роль в Египте играют муфтий, верховный шейх «Аль-Азхар» Мухаммед Сейид Тантави и министр вакуфов Махмуд Закзук, составляющие команду единомышленников. Многие мировые наблюдатели отмечают, что их роль в противостоянии исламскому радикализму чрезвычайно велика. Они достаточно лояльны к нынешнему руководству и полностью гармонируют с новым правительством, пришедшим к власти в 1996 г. Абсолютно понятно, что правительству Египта очень важно сохранить «мусульманский имидж» режима, фактически носящего секулярный характер, и обеспечить поддержку его политики официальными религиозными институтами, в первую очередь «Аль-Азхар».

Таким образом, комплекс мер, предпринимаемых правительством, наряду с работой, проводимой представителями официального ислама в стране, позволил существенно ослабить позиции фундаменталистов и добиться значительного снижения их активности. В 1997 г. экстремисты провели лишь несколько изолированных (хотя и получивших широкий международный резонанс) террористических акций против иностранных туристов в Каире и Луксоре. В 1998 г. им не удалось организовать ни одного теракта в городах. В 1999 г. крупнейшая подпольная организация «Аль-Гамаа аль-Исламия» объявила, что прекращает вооруженную борьбу.

Египетские политологи и эксперты, анализируя итоги политики Каира, отмечают, что исламское движение в Египте продолжает переживать углубляющийся идеологический и организационный кризис,

происходящий на фоне ужесточающегося противодействия исламистам со стороны всех государственных структур АРЕ.

Благодаря усилиям правительства и действиям правоохранительных органов исламистам был нанесен значительный урон. Уже сейчас с полной уверенностью можно сказать о том, что террористические организации этой страны ушли глубоко в подполье, во многом их влияние ослабело, и они уже не способны играть существенную роль в оказании давления на политику, проводимую Хосни Мубарак в Египте, как это было в середине 90-х годов.

И несмотря на довольно успешную работу спецслужб, сегодня еще рано говорить о том, что с терроризмом в Египте покончено. Хотя мало кто из египтян на вопрос, существует ли в их стране терроризм, даст положительный ответ. По их мнению, с терроризмом в АРЕ разделались еще в конце девяностых XX века, когда в стране прошла волна арестов лидеров террористических организаций и лиц, причастных к их деятельности, были закрыты некоторые египетские журналы и газеты, проводились зачистки в районах Верхнего Египта, в Каире и Александрии.

Второе направление. Опыт Египта интересен тем, что правительство АРЕ успешно проводит политику уничтожения терроризма как внутри страны, так и за ее пределами. В настоящее время активно реализуется план ликвидации египетских террористических филиалов за рубежом, налаживается тесное антитеррористическое сотрудничество со многими странами мира. Власти убеждены, что основная угроза для страны, для ее национальной безопасности исходит от зарубежных руководящих структур, находящихся в Европе и США. За последние годы были подписаны двусторонние соглашения о совместной борьбе с терроризмом со многими странами мира. В 90-е годы соглашения о сотрудничестве в области безопасности были заключены с Болгарией, Венгрией, Румынией, Пакистаном.

12 апреля 1998 года в Каире было подписано Межарабское соглашение «О борьбе с терроризмом». Внешнеполитические усилия Египта, направленные на активизацию межарабского взаимодействия по борьбе с терроризмом в рамках ЛАГ, создают реальную основу для сотрудничества на региональном уровне с целью нейтрализации деятельности на территории стран региона зарубежной сети египетских радикальных исламских группировок¹¹. Наиболее плодотворно на региональном уровне египтяне сотрудничают со своими коллегами из Иордании, Саудовской Аравии, Алжира и Туниса.

В сентябре 1997 г. было подписано Соглашение с Российской Федерацией о сотрудничестве в области борьбы с преступностью. Между спецслужбами двух стран осуществляется взаимодействие на основе данного Соглашения. Подходы России и Египта к вопросам противодействия терроризму во многом близки: неприятие терроризма, недопустимость его отождествления с отдельными странами или религиями,

необходимость противодействия этому феномену в строгом соответствии с нормами международного права под эгидой ООН, недопустимость одностороннего применения силы в обход СБ ООН под предлогом борьбы с ним, в том числе применительно к Ираку и т.д.

В период с 2000 по 2003 г. египетская сторона добилась экстрадиции из Австрии, Азербайджана, Боснии, Канады, Сирии, Швеции более 25 своих граждан, обвиняемых в террористической деятельности. Некоторые из них проходят по делу о причастности к проведению террористического акта в Луксоре, другие являются членами руководства «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа аль-Исламия». Всего, по предварительным данным, египетскими спецслужбами разыскивается около 290 египтян, находящихся за пределами страны. Вместе с тем представители спецслужб АРЕ отмечают и ряд трудностей, которые возникают при решении вопросов об экстрадиции исламистов, обвиняемых в сотрудничестве с экстремистскими группировками и совершении террористических актов. Так в Великобритании, Германии, Дании, Швейцарии и ряде других стран национальное законодательство не позволяет осуществлять выдачу иностранных граждан властям Египта. Во многом это объяснялось действием на территории страны Закона «О чрезвычайном положении», который нарушал права человека. Однако после отмены ряда его положений египетское руководство намерено активно добиваться экстрадиции террористов, находящихся в этих странах.

Таким образом, можно констатировать, что проводимые спецслужбами АРЕ активные мероприятия по пресечению деятельности исламистов на территории зарубежных стран оказывают положительное влияние на поддержание стабильности внутривнутриполитической обстановки в стране, недопущению выхода ситуации из-под контроля властей.

Несмотря на успешные действия египетских властей по перекрытию контактов египетских экстремистских организаций с зарубежными филиалами, в последние два года исламистам удалось восстановить организационное единство и централизованное управление исламистскими структурами. Одним из примеров является вхождение «внешнего командования» «Аль-Гамаа аль-Исламия» в созданные Усамой бен Ладеном «Исламский фронт Джихада» и «Всемирный исламский фронт», нацеленные на борьбу с империализмом, христианством и иудаизмом. Также, по данным руководства Египта, среди подозреваемых по делу о терактах в США в 2001 году, ответственность за которые возложена на «Аль-Каиду», проходят двое египтян. Руководство АРЕ не опровергает и тот факт, что в эту организацию входят многие члены группировки «Аль-Гамаа аль-Исламия» и «Аль-Джихад», а сам Айман Завахири является одним из главных идеологов «Аль-Каиды». В этой связи понятна обеспокоенность египетских властей тем, что оружие массового уничтожения, которое, по сведениям США, находилось на территории Ирака, могло попасть после военной операции в стране вес-

ной 2003 г. в руки международных террористов, так как именно правительство Саддама Хусейна англо-американская коалиция обвиняет в связях со всемирной организацией «Аль-Каида», которая в настоящее время стала олицетворением международного терроризма.

Сейчас уже можно констатировать, что некоторые египетские террористические группировки включены в международные террористические организации, представляющие угрозу всему миру. В этой связи Египту необходимо выходить на более высокий уровень сотрудничества с международным сообществом для противодействия терроризму.

Египетская модель противостояния терроризму во многом универсальна и вполне может быть применима в большинстве стран Арабского Востока. Возможно, какие-то идеи этой модели были бы полезны и для российского руководства.

Как сказал один из арабских исследователей терроризма Мухамед Ибрагим Аль-Фаюми, египетское руководство смогло «притушить пламя террора, но полностью не затушило его, смогло напугать террористических лидеров, но не ликвидировать полностью. Их дело живет и будет продолжать жить»¹².

Говоря о прогнозах, о возможном дальнейшем развитии терроризма в Египте, необходимо отметить, что наиболее благоприятной почвой для его процветания являются политическая нестабильность и экономические трудности.

Стабилизации внутриполитической обстановки способствует курс египетского руководства на «дозированную» демократизацию общества в сочетании с элементами либерализации, обеспечивающий пропрезидентским политическим силам доминирующую роль. Подобная система позволяет президенту сохранять за собой всю полноту как законодательной, так и исполнительной власти и при этом не допускать «перегрева» внутриполитической ситуации. Мубарак делает все, чтобы не нарушить внутриполитическую стабильность в Египте и создать образ демократического государства, хотя фактически АРЕ является страной с авторитарной формой правления. Именно поэтому в последнее время в рядах египетских студентов все чаще и чаще можно услышать недовольство как внешней, так и внутренней политикой, проводимой президентом. Такая ситуация достаточно опасна, так как молодежная среда является наиболее восприимчивой к влиянию исламистов.

Что касается экономического аспекта, то нельзя исключать возможность ухудшения в будущем экономической ситуации в Египте вследствие продолжающегося осложнения демографической ситуации, сокращения валютных поступлений и просчетов в политике руководства либо под воздействием всех этих факторов, вместе взятых.

Неизбежное в подобном случае обострение социальных проблем, скорее всего, повлечет за собой активизацию фундаменталистских движений, способных заручиться достаточно широкой поддержкой, особенно со стороны малоимущих слоев, по которым в первую очередь

и ударит экономический кризис. В случае дальнейшего нарастания негативных явлений в экономике и сползания страны к хаосу приход исламистов к власти вполне может стать реальностью. При этом им вряд ли удастся решить экономические и социальные проблемы Египта, так как у них нет достаточно проработанной альтернативы существующим в обществе порядкам, против которых они выступают. Напротив, стремление мусульманских «возрожденцев» претворить в жизнь свои утопические идеи, скорее всего, может привести лишь к дальнейшему обострению этих проблем.

К тому же в исламистских движениях ощущается нехватка харизматических лидеров уровня имама Хомейни. Все это существенно ослабляет их движение. Отсутствие единства в рядах исламистов – также трудно разрешимая проблема, с которой сталкиваются эти движения.

В то же время необходимо отметить, что зачастую слабость экстремистских организаций, кризисность их положения искусственно ими преувеличиваются с целью отвлечения внимания властей. На практике же исламисты действуют достаточно слаженно, приспосабливаясь и к репрессиям, и к кризисам.

По словам президента Египта Хосни Мубарака, «до тех пор, пока исламский фундаментализм имеет широкую поддержку и распространение, будь то в форме идеологии или в форме деятельности радикальных религиозных движений и организаций, его влияние на значительные территории мусульманского мира будет придавать ему законное право вести джихад. Важное значение могло бы иметь осуществление каждой из стран мер по пресечению поддержки, оказываемой экстремистским организациям с ее территории, принятие соответствующими правительствами решений не предоставлять политического убежища террористам, а также координация усилий всего международного сообщества. Этого было бы достаточно для решения проблемы терроризма»¹³.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод о том, что активность террористических группировок во многом зависит от той внутренней и внешней политики, которую проводит руководство страны. Опыт египетского правительства со всей очевидностью демонстрирует необходимость проведения политики «кнута и пряника» по отношению к исламистским группировкам. Совершенно очевидно, что только безальтернативная, бескомпромиссная, четко выработанная позиция властей позволяет им достаточно успешно проводить кампанию по борьбе с терроризмом, планомерно и постепенно сводя на нет их деятельность. Теперь все усилия египетского правительства должны быть сосредоточены на стабилизации экономической ситуации в стране и поддержании престижа государства как в арабском мире, так и на всей мировой арене. Египет, оставаясь страной со светской формой правления, ни на минуту не должен забывать о том, что он – мусульманская страна.

¹ Халид Мухаммед Гази. Аль-Анби'а ва Каталя: ат-Татаруф ад-Диний валь-Унф фи Мыср. Аль-Игляф Насыр Ирак. – Т. 1 – Аль-Гиза: Ситар Бурс лит-Тыбаа ван Нашр, 1995, с. 41.

² Islam in the Modern World. Tradition, Revolution and Culture by Hassan Hanafi. – Dar Kebaa Bookshop, 2000, с. 22.

³ Brynjar Lia. The Society of the Muslim Brothers in Egypt. The Rise of an Islamic Mass Movement 1928–1948. ITHACA PRESS, 1998, с. 39.

⁴ См.: Хасан Ханафи. Да'ава Лиль-Хивар. – Аль-Гейя Аль-Мысрия Аль-Амма Лиль-Китаб, 1993.

⁵ См. там же.

⁶ См.: Д. Сауд Аль-Мули. Мин Хасан Аль-Банна иля Хизб Аль-Васт. Аль-Харака Аль-Исламия Ва Кадая Аль-Иргаб Валь-Тааифия. – Бейрут: Аль-Уля лит-Тыбаа Ван-Нашр, 2001.

⁷ Аль-Ахрам, 30.09.2003.

⁸ Аль-Ахрам, 01.09.2003.

⁹ www.oecd.org/fatf/

¹⁰ <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/97/210/51/embassador.html>

¹¹ См.: Мухаммед Ибрагим Мужагид. Ат-Татаруф ва Адалят Аль-Ислам. – Д.М.: Д.Н.

¹² Мухаммед Ибрагим Аль-Фаюмий. Ат-Татаруф ва Назра Мавдуийя Лильджузур. Каир. Дар Аль-Ислам, 2001, с. 89.

¹³ Интервью Х.Мубарака газете «Фигаро» – Le Figaro, 25.11.1998.

**МАМУН АЛЬ-ХОДЕЙБИ – НОВЫЙ ЛИДЕР
ЕГИПЕТСКИХ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН»
(ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ)**

14 ноября 2002 г. в Каире скончался 81-летний Мустафа Машхур – пятый по счету «верховный наставник» (*аль-муршид аль-амм*) египетской Ассоциации «Братья-мусульмане»¹. Вопреки сложившейся в «Братстве» традиции, согласно которой присяга на верность новому лидеру приносилась чуть ли не на похоронах его предшественника, выборы нового «верховного наставника» затянулись. Многие египетские и другие арабские наблюдатели заговорили о борьбе за власть в старейшей исламистской организации страны. Лишь 27 ноября, через две недели после похорон Мустафы Машхура, в которых, по некоторым сведениям, участвовало несколько сотен человек, Руководящее бюро (управляющий орган) Ассоциации назвало имя нового лидера. Им стал Мамун аль-Ходейби – советник и заместитель покойного Машхура, в течение месяца исполнявший обязанности «верховного наставника» и считавшийся самым вероятным кандидатом на пост его преемника².

* * *

Мухаммад аль-Мамун бен Хасан Исмаил аль-Ходейби родился 28 мая 1921 г. в одной из деревень губернаторства (провинции) Сохаг в Верхнем Египте. Его отец, Хасан аль-Ходейби (впоследствии второй «верховный наставник» Ассоциации «Братья-мусульмане», возглавлявший эту организацию в 1951–1973 гг.) в то время работал судьей в системе министерства юстиции. По долгу его службы семье часто приходилось менять место жительства, и лишь в 1933 г. она окончательно осела в Каире. Завершив школьное образование, Мамун пошел по стопам отца. В 1942 г. он окончил юридический факультет Университета имени короля Фуада (ныне – Каирский университет) и вскоре был назначен помощником прокурора. В дальнейшем он работал на различных должностях в генеральной прокуратуре Египта, потом был назначен судьей и продвигался по должностной лестнице. Вершиной его карьерного роста стала должность председателя Каирского апелляционного суда.

По некоторым сведениям, в 1956 г., когда Мамун аль-Ходейби работал председателем уголовного суда города Газа³, он принимал участие в движении народного сопротивления израильским войскам, оккупировавшим сектор Газа в ходе англо-франко-израильской ин-

тервенции против Египта, и был арестован оккупационными властями, но вскоре вышел на свободу.

К «Братьям-мусульманам» Мамун аль-Ходейби примкнул уже после событий 1954 г., когда египетское революционное правительство Гамала Абдель Насера объявило Ассоциацию вне закона, а большинство его лидеров и активистов подверглось жестоким репрессиям. Тем не менее в 1965 г. Мамун аль-Ходейби попал под «вторую волну» насеровских гонений: за участие в подпольном совещании членов «Братства» (на котором он присутствовал вместе с отцом) он был арестован и приговорен к одному году тюремного заключения. Год спустя срок наказания был продлен еще на пять лет. Мамун аль-Ходейби побывал и в военной тюрьме, и в тюрьме Турра, где, по свидетельству многих бывших узников, с «братьями-мусульманами» обращались особенно жестоко.

Выйдя на свободу в 1971 г. (в числе 118 членов «Братства», амнистированных по указу нового египетского президента Анвара Садата), Мамун аль-Ходейби подал ходатайство о восстановлении в должности судьи. Судебные инстанции удовлетворили ходатайство, однако, как отмечается в официальной биографии нынешнего лидера «Братьев-мусульман», правительство, не объяснив причин отказа, не разрешило ему вернуться к прежней работе. Мамун аль-Ходейби уехал в Саудовскую Аравию и вернулся в Египет уже в начале 80-х годов, чтобы посвятить себя делу «призыва к исламу».

Первое десятилетие правления президента Хосни Мубарака, который возглавил Египет после гибели Анвара Садата, убитого в октябре 1981 г. членами террористической исламистской группы «Джихад», стало для «Братьев-мусульман» периодом активного самоутверждения на египетской политической сцене. Правительство амнистировало лидеров и многочисленных активистов «Братства», арестованных за месяц до убийства Садата в ходе массовых репрессий против исламистской оппозиции. В Египте стали вновь выходить печатные органы «Братьев-мусульман» – журналы «Ад-Даава» и «Аль-Итисам».

Отчасти либерализм властей по отношению к «Братьям-мусульманам» отвечал общей внутривнутриполитической стратегии правительства Хосни Мубарака, взявшего курс на налаживание диалога с оппозиционными силами, в том числе и с умеренными исламистами (экстремистские группы по-прежнему подвергались репрессиям). Свою роль здесь сыграли и внешнеполитические соображения: Каир добивался восстановления своего членства в Лиге арабских государств и в Организации Исламская конференция, приостановленного в качестве наказания за «предательское» примирение с Израилем, и рассчитывал на поддержку в этом со стороны Саудовской Аравии – традиционной покровительницы «Братьев-мусульман». Кроме того, «Братья» являлись в тот период естественным и весьма эффективным союзником Каира в поддержке афганского «джихада» против советских войск и кабульского режима⁴.

Хотя «Братья-мусульмане» формально оставались запрещенной организацией, власти допустили их к участию в парламентских выборах 1984 г., на которые они шли в блоке с партией «Новый Вафд» и по его спискам⁵. «Братьям-мусульманам» удалось собрать в свою поддержку 15,1% голосов и провести в Народное собрание (444 депутата) 8 своих кандидатов⁶.

На следующих выборах, состоявшихся в 1987 г. (до истечения полномочий парламента прежнего созыва), «Братья-мусульмане» выступали уже в качестве оппонентов «Нового Вафда» в союзе с двумя другими оппозиционными организациями – Либерально-социалистической партией (ЛСП) и Социалистической партией труда (СПТ). «Исламский альянс», как назывался этот блок, выступал под лозунгом «Ислам – это решение» и добился внушительного успеха, завоевав 60 депутатских мест. Из них 37 мест досталось кандидатам от «Братьев-мусульман», что сделало их фракцию второй по численности после фракции правительственной Национально-демократической партии (НДП).

Выборы 1987 г. уже не в первый раз в истории продемонстрировали популярность «Братства» среди широких слоев египетского населения. К этому времени «Братья-мусульмане» добились не менее внушительных успехов в борьбе за отраслевые профсоюзы. В 1985 г. они одержали победу на выборах в совет профсоюза инженеров (который в 1987 г. полностью стал «принадлежать» им), в 1986 г. завоевали профсоюз врачей, в 1988 г. – профсоюзы аптекарей и учителей, а в 1989 г. – клубы преподавателей крупных университетов (в том числе Каирского университета).

Как и большинство оппозиционных партий, «Братья-мусульмане» приняли решение бойкотировать парламентские выборы ноября – декабря 1990 г., которые были назначены президентом Мубараком после проведения референдума о роспуске парламента⁷. Это решение было настоящим подарком для властей: правительство уже проявляло беспокойство по поводу стремительного роста влияния «Братства» и опасалось, что в случае очередного успеха исламистов на выборах режим будет вынужден вступить с ними в открытое столкновение.

Когда в 1995 г. «Братья-мусульмане» решили вновь принять участие в парламентских выборах (в блоке с СПТ), выдвинув 160 кандидатов, власти пошли на жесткие административные меры. В результате «Братству» не удалось провести в Народное собрание ни одного из кандидатов.

С этого времени отношения между правительством Мубарака и «Братьями-мусульманами» вступили в затяжную фазу острой конфронтации. Причиной тому являлся не только страх властей перед растущей популярностью «Братьев». В середине 90-х годов Египет буквально захлестнула волна насилия со стороны исламистских экстремистских группировок, в которых активную роль играли египетские «афганцы». Эти группы устраивали диверсии и теракты против чиновников,

офицеров полиции и других представителей власти. Серьезной проблемой для правительства стало обострение межконфессиональных отношений в стране из-за нападений экстремистов на христиан-коптов.

Несмотря на то, что «Братья-мусульмане» в своих официальных выступлениях неизменно отмежевывались от этих групп и осуждали их действия, правительство стало рассматривать такие акции, как «тренировки» для захвата власти экстремистами, и даже обвинять Ассоциацию в подготовке государственного переворота.

Накануне выборов 1995 г. власти арестовали ряд молодых профсоюзных лидеров из числа «Братьев-мусульман» – представителей «среднего поколения», сыгравших решающую роль в обеспечении успехов «Братства» на выборах 1984 и 1987 гг. В ходе облав по всей стране в июле были арестованы 17 видных членов Ассоциации, которым было предъявлено обвинение в организации «террористического заговора против безопасности и стабильности Египта»⁸. Всего за год в стране были арестованы сотни членов «Братства», дела которых рассматривались военными трибуналами. После процессов 1995–1996 гг. 61 из них был приговорен к тюремному заключению сроком от 3 до 5 лет. Всего же за период с 1995 по 2000 год в Египте состоялось пять процессов над «Братьями-мусульманами».

Накануне парламентских выборов 2000 г. репрессии усилились: по утверждению представителей самой Ассоциации, власти арестовали тогда около 1000 потенциальных кандидатов от «Братьев-мусульман» и руководителей их предвыборной кампании. Тем не менее «Братству» удалось получить в Народном собрании 17 депутатских мест (его представители были официально зарегистрированы как «независимые» депутаты). Свою роль сыграл и удачный предвыборный маневр «Братства»: оно предложило в числе кандидатов женщину (жену одного из своих активистов, представшего перед военным трибуналом) и христианина-копта, продемонстрировав обществу, государству и внешнему миру свою умеренность и способность идти в ногу со временем⁹.

Именно в 80–90-е годы Мамун аль-Ходейби выдвигается в ряд влиятельных и авторитетных фигур в Ассоциации «Братьев-мусульман», и имя его становится известным не только в Египте, но и далеко за пределами страны.

Он дважды – в 1984 и 1987 гг. – становится депутатом Народного собрания, а в 1987–1990 годы выступает в роли официального представителя группы депутатов – «Братьев-мусульман». Видимо, в выполнении этой функции аль-Ходейби проявил большие способности. Не случайно в начале 90-х годов он получает статус, который до него не имел ни один из деятелей «Братства» и который не был предусмотрен уставом этой организации: тогдашний «верховный наставник» Мухаммед Хамед Абу н-Наср делает его официальным представителем Ассоциации. Впрочем, сам аль-Ходейби вспоминает об этом назначении как о случайности.

По его словам, во время войны в Заливе мировые средства массовой информации заинтересовались точкой зрения «Братьев-мусульман» на происходящее. «Корреспонденты информационных агентств, газет и мировых радиостанций начали буквально осаждать офис Ассоциации, чтобы получить заявления и интервью, – рассказывает аль-Ходейби. – Это сильно утомляло верховного наставника. Как-то раз корреспондент одного из иностранных агентств добивался возможности непременно встретиться с наставником. Войдя в мой кабинет, он сразу же спросил: «Ведь это вы – человек номер один в Ассоциации, не так ли?» Я ответил: «Нет, я не номер один и даже не номер два». – «Но я хочу побеседовать с номером один». Тогда я поручил покойному Ибрахиму Шарафу, начальнику канцелярии верховного наставника, проводить его в кабинет к профессору Абу н-Насру. Через некоторое время корреспондент возвращается ко мне. Я спрашиваю его, что случилось. Оказалось, верховный наставник сказал ему: «Возьми интервью у аль-Ходейби, он – человек номер один». Когда беседа закончилась, профессор Абу н-Наср поручил мне говорить от его имени и от имени Ассоциации. Он сказал мне: «С сегодняшнего дня ты – официальный представитель Ассоциации»¹⁰.»

В 1996 г., после смерти Абу н-Насра, новый избранный «верховный наставник» Мустафа Машхур назначил аль-Ходейби своим заместителем. Эту функцию он выполнял до конца 2002 г., совмещая ее с исполнением обязанностей официального представителя «Братьев-мусульман».

В октябре 2002 г. в связи с кровоизлиянием в мозг престарелый Мустафа Машхур был госпитализирован и оказался не в состоянии руководить «Братством». Мамун аль-Ходейби был назначен исполняющим обязанности «верховного наставника», а после смерти Машхура именно он рассматривался как один из наиболее вероятных кандидатов на высший руководящий пост. Тем не менее задержка с выборами нового лидера вызвала спекуляции в египетской и арабской прессе по поводу раскола в руководстве «Братьев-мусульман», соперничества между группировками, конфликта между «старой гвардией» и молодым поколением активистов «Братства»¹¹. И аль-Ходейби, и другие члены руководства «Братьев-мусульман» опровергали эти слухи, объясняя задержку с избранием нового «верховного наставника» необходимостью выполнения всех выборных процедур. Однако окончательно ситуация прояснилась лишь через две недели после смерти Машхура, когда аль-Ходейби был официально избран главой организации. Как позже выяснилось, избран он был не участниками Консультативного совещания Ассоциации (Маджлис аш-шура), как того требовал устав «Братства», а лишь несколькими десятками членов Руководящего бюро. Впоследствии в беседах с журналистами, обращавшими внимание на недостаточную «легитимность» результатов выборов, аль-Ходейби ссылался на невозмож-

ность созыва Консультативного совещания (последнее из них состоялось в 1995 г. в Каире) в условиях постоянных полицейских репрессий против «Братства». Что касается наличия среди членов Ассоциации различных мнений и идейных течений, то аль-Ходейби не только его не отрицал, но и признавал естественным. В то же время он категорически отвергал версии о «расколе» в Ассоциации или о конфликте между поколениями.

На протяжении десяти с лишним лет именно из уст Мамуна аль-Ходейби как официального представителя Ассоциации «Братьев-мусульман» египетские, арабские и другие иностранные журналисты узнавали о новостях из жизни «Братства» и очередных перипетиях его взаимоотношений с властями, о его реакции на те или иные события в Египте, в ближневосточном регионе и на международной арене. Поэтому политические взгляды Мамуна аль-Ходейби практически невозможно анализировать в отрыве от общей характеристики официального политического дискурса «Братьев-мусульман» в рассматриваемый период. Этот дискурс носил в целом умеренный характер и был подчинен одной из главных политических задач, которые «Братство» пыталось и пытается решить при правлении Хосни Мубарака: легализации в качестве партии, стремящейся к полноценному участию в Законодательной деятельности и политической жизни страны в целом. В этом плане «Братству» было важно показать себя силой, с одной стороны, востребованной «египетской улицей», а с другой, – открытой к диалогу с другими партиями и политическими течениями и не представляющей опасности ни для государства, ни для общества. В конце 2002 г., говоря об изменении принципиально негативного в прошлом отношения «Братьев-мусульман» к политическим партиям, аль-Ходейби заявил, что «Братство» теперь целиком принимает идею создания партий при условии, что эти партии будут придерживаться конституционных устоев.

Возражая представителям властей, говорившим о неразумности создания в Египте религиозных партий и об угрозе для национального единства страны, которая могла бы возникнуть в случае возникновения подобных партий, Мамун аль-Ходейби в 1998 г. заявил: «Братья-мусульмане» добиваются создания не религиозной, а «гражданской политической партии, авторитетом для которой являлся бы ислам». «Братья-мусульмане», добавил он, не собираются монополизировать деятельность в исламской сфере и «открыты для всех, кто хочет послужить исламу»¹².

Имидж «Братства» как умеренной исламистской силы были призваны подкрепить заявления о лояльности «Братьев» к христианскому меньшинству – коптам, о положительном отношении к участию женщин в общественной и политической жизни. Официальные «демократические» декларации по этим вопросам были опубликованы Ассоциацией (в виде «посланий») в 1994–1995 гг. Еще раньше были

сделаны конкретные жесты, демонстрирующие отсутствие у «Братства» предубеждений против коптов. Так, на парламентских выборах 1987 г. список «Исламского альянса» возглавлял копт Гамаль Асаад Абдель Малляк (член руководства СПТ), который победил на выборах. На выборах 1995 г. «Братья-мусульмане» поддержали кандидатуру видного коптского бизнесмена Мунира Фахри Абдель Нура¹³.

Правда, в 1997 г. в западной прессе было опубликовано (на английском языке) заявление Мустафы Машхура о том, что копты не должны служить в египетской армии и что, согласно шариату, они как «люди Писания» обязаны платить мусульманскому государству особую подушную подать – *джизью*. Общественностью Запада это заявление было воспринято как скандальное, тем более, что оно прозвучало на фоне сообщений о критическом положении египетских коптов, притесняемых мусульманскими экстремистами. Официальному представителю «Братьев-мусульман» пришлось выступить с «разъяснениями» по поводу инцидента: как утверждал аль-Ходейби, слова «верховного наставника» были неточно переведены на английский язык¹⁴.

В августе 2000 г. сенсацией стало беспрецедентное решение «Братьев-мусульман» выдвинуть кандидатом в депутаты Народного собрания женщину – Гихан Абдель Латыф аль-Хальфави, жену одного из активистов «Братства». Комментируя это решение, вызвавшее неодобрение более консервативного крыла египетских исламистов¹⁵, Мамун аль-Ходейби заявил, что, по убеждению Ассоциации «Братья-мусульмане», женщина имеет право избираться и выдвигать свою кандидатуру. Эта позиция, сказал он, опирается на мусульманское право и была выработана в ходе дискуссий среди мусульманских юристов (факихов) «Братства». При этом аль-Ходейби сослался на послание «Мусульманская женщина в мусульманском обществе», опубликованное в 1994 г. Возражая оппонентам, он отметил, что в шариате нет текстов, которые препятствовали бы участию женщин в общественно-политических делах, и добавил, что запрещение мусульманской женщине участвовать в выборах ослабляет шанс кандидатов-исламистов на прохождение в парламент¹⁶.

В ходе той же избирательной кампании «Братья-мусульмане» в очередной раз поддержали кандидата-христианина – адвоката Самира Мансура, одного из видных деятелей коптской общины¹⁷.

Вскоре после своего избрания «верховным наставником» Мамун аль-Ходейби в одном из своих «программных» интервью заявил: Ассоциация «Братья-мусульмане» выступает «за то, чтобы копты были представлены в парламенте пропорционально их численности и чтобы этот вопрос был решен одобренным всеми способом к благу страны»¹⁸. Говорил он и о том, что «Братство» не возражает против создания коптами христианской партии¹⁹.

В интервью арабской и иностранной прессе, в официальных заявлениях от имени Ассоциации, Мамун аль-Ходейби уделял много места

опровержению «клеветнических» утверждений об экстремизме и религиозной нетерпимости «Братьев-мусульман», об их стремлении к свержению существующей власти, неготовности к диалогу с оппонентами и др. В 90-е годы ему приходилось неоднократно излагать точку зрения «Братства» на деятельность исламистских организаций экстремистского толка – египетской группы «Гамаа исламийя», алжирской «Вооруженной исламской группы» и др. При этом он неизменно заявлял, что «Братья-мусульмане» осуждают терроризм в любых его формах. В 1998 г., давая оценку трагическим событиям гражданской войны в Алжире, он обвинял в насилии как экстремистские группировки, так и власти: «Ни те, ни другие не являются настоящими мусульманами, так как они убивают ни в чем не повинных людей». Довольно резко отзывался аль-Ходейби и об исламистском суданском режиме, который назвал коррумпированной военной диктатурой, угнетающей народ. Говоря о переменах в Иране после прихода к власти президента Хатами, он приветствовал постепенную либерализацию иранского режима и выражал надежду на утверждение в этой стране настоящего плюрализма, который дал бы возможность всем партиям действовать свободно²⁰.

В заявлениях Мамуна аль-Ходейби как официального представителя, а позже – как «верховного наставника» Ассоциации, значительное место уделялось вопросам внешней политики и прежде всего – ситуации на Ближнем Востоке. Позиция аль-Ходейби по израильско-палестинскому конфликту полностью соответствовала традиционной линии «Братьев-мусульман», всегда стремившихся выступать в глазах арабо-мусульманского мира в качестве единственных последовательных защитников «дела Палестины».

Визит нынешнего израильского премьер-министра Ариэля Шарона на Храмовую гору в сентябре 2000 г. аль-Ходейби назвал «преступной иудейской агрессией против мусульманских святынь». При этом он упрекнул правительства арабских и других мусульманских стран за то, что они не только сами «не предприняли никаких шагов для «отражения иудейской агрессии», но и не позволяют сделать этого «арабским и мусульманским народам, заявившим о своей готовности к самопожертвованию ради спасения Палестины, Иерусалима и Аль-Аксы»²¹. Мамун аль-Ходейби горячо поддержал палестинскую интифаду и прежде всего действия «Хамас». Например, в феврале 2003 г., выступая на одном из вечеров сторонников «Хамас» в Каире, он одобрил операции палестинских смертников. «Интифада есть законный джихад во имя Аллаха, а операции смертников являются оружием джихада в условиях, когда злобный враг окружает города и села Палестины», – сказал аль-Ходейби²².

Более сложную позицию занял «верховный наставник» в отношении американской интервенции в Ираке. В принципе египетские «Братья-мусульмане» не питали особых симпатий к режиму Саддама Ху-

сейна, а в августе 1990 г. осудили захват Ираком Кувейта. Тем не менее в оценках иракского кризиса 2002–2003 гг. лидер египетских «Братьев-мусульман» исходил прежде всего из антиамериканских позиций. Он резко осудил американское вторжение в Ирак и сделал целый ряд заявлений, оправдывающих вооруженное сопротивление иракцев американским оккупационным войскам, которое он назвал их «шариатским и патриотическим долгом»²³.

Вместе с тем в своей риторике по поводу Ирака аль-Ходейби всегда воздерживался от заявлений, которые могли бы слишком настояжить египетские власти. Так, он никогда не призывал своих сторонников в Египте к участию в джихаде против американцев. В одном из интервью в ответ на вопрос о том, что конкретно делают «Братья-мусульмане» для иракского народа, он сказал: «Если речь идет о военной поддержке Ираку, то мы – не государство, и у нас нет армий и оружия, и мы полагаем, вам известно, что военная помощь и военная деятельность являются функциями армий и правителей. Что касается материальной помощи, то она также является функцией правительств, а также долгом народов. Однако существуют ранее принятые законы, запрещающие сбор пожертвований для оказания поддержки народов, сталкивающихся с кризисами и катастрофами. Есть также законы и судебные органы, запрещающие помогать оружием палестинской интифаде в ее борьбе с оккупацией, как и любому арабскому мусульманскому народу, терпящему испытания и бедствия. Во многих арабских странах были и существуют суды, карающие смертной казнью или тюремным заключением за попытки передачи даже одной единицы оружия либо материальной помощи ни в чем не повинным людям, подвергшимся блокаде и изоляции...

Что же касается моральной и политической помощи, то мы ее оказывали и оказываем. Вместе с другими народными силами, действующими на арабской арене, мы призываем поддержать народ Ирака и выступить против американской агрессии. На своих конференциях и маршах протеста мы требовали и требуем от правительств отвергнуть агрессию и поддержать народ Ирака. Однако эта поддержка наталкивается на всевозможные ограничения, давление и полицейские угрозы. Стоит в любом городке собраться несколькими сотням человек, не более, как ее окружают десятки тысяч до зубов вооруженных полицейских, чтобы помешать принять гражданам участие в собрании»²⁴.

Довольно двусмысленной выглядела позиция, занятая лидером «Братьев-мусульман» в отношении вхождения ряда иракских суннитских исламистов (представителей Исламской партии Ирака и Исламской партии Курдистана – фактически местных организаций «Братьев-мусульман») в состав Переходного управляющего совета, созданного летом 2003 г. американской администрацией. Дело в том, что этот факт был весьма негативно воспринят многими ирак-

скими суннитами, усмотревшими в нем стремление иракских «Братьев» получить место в политическом устройстве послевоенного Ирака ценой сотрудничества с оккупантами. В сентябре 2003 года в интервью катарскому спутниковому телеканалу «Аль-Джазира» аль-Ходейби заявил, что «не одобряет, но и не осуждает» этой инициативы иракских исламистов, предпринятой, как подчеркнул он, без согласования с руководством Ассоциации. Он предложил не торопиться с оценками и «подождать, пока ситуация прояснится». Примечательно, что в этом интервью лидер «Братьев-мусульман» без особого энтузиазма отозвался об «иракском сопротивлении», заявив, что «не был в Ираке и не знает, кто стоит за этим сопротивлением – сторонники Саддама, сторонники суннизма или шииты» – в отличие, например, от палестинского движения «Хамас», облик которого «Братьям-мусульманам» хорошо известен²⁵.

Приведенные выше факты позволяют охарактеризовать нынешнего «верховного наставника» как человека, сохраняющего преемственность политического курса, взятого египетскими «Братьями-мусульманами» в первой половине 80-х годов. Учитывая его прежний опыт в деятельности «Братства», а также его преклонный возраст (все предыдущие лидеры Ассоциации приступали к исполнению своих обязанностей в более молодом возрасте), от Мамуна аль-Ходейби едва ли можно ожидать каких-то резких перемен в идеологии или методах политической борьбы старейшей исламистской организации Египта.

¹ После смерти основателя «Братства» Хасана аль-Банна, убитого в феврале 1949 г. агентами египетского короля Фарука, этот пост до Мустафы Машхура последовательно занимали: Хасан аль-Ходейби (1951–1973), Омар ат-Тильмйсани (1974–1986) и Мухаммад Хамед Абу н-Наср (1986–1996).

² После произошедшего у Мустафы Машхура 29 октября 2002 г. кровоизлияния в мозг он не мог исполнять свои обязанности.

³ Al-Ahram Weekly. 16–22, 11.1995.

⁴ Подробнее об этом см.: Кудрявцев А.В. Феномен «арабских афганцев» // Ближний Восток и современность. Вып. 17. – М: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2003, с. 163–173.

⁵ В 40-е годы основатель Ассоциации «Братья-мусульмане» Хасан аль-Банна и его соратники дважды пытались пройти в египетский парламент, но оба раза правительство Мустафы Наххаса (лидера светской националистической партии «Вафд») помешало им это сделать. После революции 1952 г. выборы в стране не проводились, в годы правления Г.А.Насера (1952–1970) единственной (правящей) партией являлся Арабский социалистический союз. В проведенных при Анваре Садате в 1976 г. выборах «Братья-мусульмане» участия не принимали. По иронии судьбы, в 1984 г. «Братья» впервые вошли в египетский парламент благодаря союзу с партией, сорок лет назад не допустившей этого!

- ⁶ Всего от блока в парламент прошло 58 депутатов.
- ⁷ В 1990 г. в Египте разразился политический кризис. Конституционный суд признал результаты выборов 1987 г. недействительными, а избирательный закон, по которым они проводились – противоречащим конституции. Проведя референдум о роспуске парламента, президент Мубарак назначил новые выборы, обеспечившие (в условиях их бойкота со стороны оппозиции) полную победу правительственной НДП.
- ⁸ <http://www.krugosvet.ru/articles/61/1006107/1006107a28.htm#1006107-L-188>.
- ⁹ Islam-Online.net. 19.10.2000.
- ¹⁰ Интервью Мамуна аль-Ходейби интернет-сайту Ikhwan Online. 13.09.2003. (<http://www.ikhwanonline.net/Article.asp?ID=2071&SectionID=0&Searching=1>).
- ¹¹ Одним из поводов к распространению подобных слухов являлся реальный факт выхода из «Братства» в 1995 году группы молодых активистов во главе с Абу ль-Ала Мады, который предпринял попытку (правда, безуспешную) создать на платформе «обновления» идеологии «Братьев-мусульман» собственную партию – «аль-Васат» (Партию середины).
- ¹² Islam-Online.net. 02.12.1999.
- ¹³ Islam-Online.net. 26.08.2000
(<http://www.islamonline.net/iol-arabic/dowalia/alhadath2000-oug-26/alhadath23.asp>).
- ¹⁴ Ibid.
- ¹⁵ Решение «Братства» резко осудили, в частности, лидер Ассоциации «Поборники сунны Мухаммедовой» шейх Сафват Нур ад-Дин и глава оргкомитета «Шариатской партии» Мамдух Исмаил, заявивший, что «естественное место для женщины – это дом», что «негоже женщине общаться с массами людей, особенно в наше время – время падения нравственных и моральных ценностей». См.: Islam-Online.net 25.08.2000.
- ¹⁶ Islam-Online.net. 25.08.2000
(<http://www.islamonline.net/iol-arabic/dowalia/alhadath2000-oug-25/alhadath4.asp>).
- ¹⁷ Islam-Online.net 26.08.2000
(<http://www.islamonline.net/iol-arabic/dowalia/alhadath2000-oug-26/alhadath23.asp>).
- ¹⁸ Интернет-сайт «Хакаик Мисрийя» (<http://www.egypt-facts.org>).
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Rouleau E. Sur fond de crise sociale et d'immobilisme politique: Les impasses des mouvements islamistes en Egypte // Le Monde diplomatique. Janvier 1998, с. 22–23.
- ²¹ Islam-Online.net. 13.07.2001.
- ²² Хакаик мысрийя (<http://www.egypt-facts.org>).
- ²³ Интервью Мамуна аль-Ходейби интернет-сайту Ikhwan Online. 01.10.2003.
- ²⁴ Al-Jazeera.net. 21.02.2003
(http://www.aljazeera.net/special_coverages/Iraq_crisis/2003/2/2-21-1.htm).
- ²⁵ Al-Jazeera.net. 08.09.2003
(<http://www.aljazeera.net/print.htm>).

**О ВОЗМОЖНОСТЯХ БОРЬБЫ
С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Исламский ренессанс последней четверти XX столетия, начало которому положила иранская революция 1978–1979 гг., привел к значительной политизации различных происламских сил в современном мире. Причем если 80-е годы XX в. прошли под знаком усиления политической активности радикальных исламистов в главных центрах мусульманского мира, таких как Иран, арабские страны Персидского залива, Египет, Пакистан и др., то начиная с 90-х годов политическая активность исламистов перемещается на периферию, т.е. туда, где мусульмане никогда не составляли большинства, или туда, где они давно утратили свои идеологические и политические позиции, а именно: в Россию, Центральную Азию, Турцию, Балканы, ряд стран Западной Европы, а также в Китай.

Что касается самих ведущих мусульманских стран, то отношение здесь к радикальным исламским группировкам, партиям и движениям к началу 90-х годов существенно изменилось. Это было связано прежде всего с провалом попыток «экспорта исламской революции» Ираном в соседние страны и резко негативной реакцией этих стран на активизацию проиранских, в основном шиитских, группировок, направленную на свержение существующих здесь режимов. Неудача с захватом центральной мечети в Саудовской Аравии, неудавшиеся попытки государственных переворотов в Кувейте и на Бахрейне, но главным образом провал планов иранского руководства в ирано-иракском конфликте привели к тому, что влияние радикальных и экстремистских группировок в этих странах стало неуклонно падать. В большинстве из них, даже у таких лидеров мусульманского мира, как Исламская Республика Иран и Саудовская Аравия, они вынуждены были перейти в официальную или скрытую политическую оппозицию. В других, таких как Алжир, Египет, Индонезия, – начали открытую вооруженную борьбу с правительствами своих стран. Лишь в Судане и Афганистане общий тон политическому развитию продолжали задавать исламские радикалы.

Западный мир оказался неподготовленным к такому повороту событий, так как это не соответствовало привычной для Запада схеме военно-политического противоборства, когда друг другу противостоят враждующие страны, военно-политические блоки или общественные системы. К такому противостоянию западный мир давно привык и

разработал целый арсенал средств от военного и экономического давления до психологической и информационной войны, апофеозом применения которых стало крушение коммунистических режимов в СССР и Восточной Европе. В случае же с воинствующим исламом «противник» в течение короткого периода времени переместился из традиционных мусульманских анклавов, где Западу, учитывая его абсолютное военное и информационное превосходство, было легко контролировать ситуацию, а если надо, то и осуществлять эффективные акты возмездия, в регионы, которые сами являются частью западного мира или находятся в сфере его влияния и ответственности. Сегодня эта тенденция отчетливо проявила себя в Чечне и на Балканах, завтра, по логике развития событий, то же самое может произойти в любом другом районе мира, где мусульмане проживают компактно или составляют достаточно большую часть населения.

Как известно, первым эту тенденцию заметил и обосновал американский политолог С.Хантингтон, выступивший с предостережением о возможном «столкновении» западной и мусульманской цивилизаций. Предостережение было услышано, и Запад стал предпринимать беспрецедентные меры для борьбы с исламским радикализмом и экстремизмом в своих странах, сделав это направление одним из главных в своей внешней политике.

Однако, на наш взгляд, в основу этой политики Запад и прежде всего США положили заведомо проигрышную концепцию о необходимости ведения глобальной борьбы с исламским терроризмом. В результате образовался правовой и политический тупик, выход из которого представляется маловероятным. Начать с того, что сегодня не существует общепризнанного определения понятия «международный терроризм», тем более, «религиозный» или «политический» терроризм. Даже в самых авторитетных словарях политических терминов авторы стараются обходить это понятие. И это понятно, так как тот же политический терроризм имеет такое название потому, что преследует определенные политические цели отдельных государств, этнических или конфессиональных сообществ, партий, движений и т.п., для которых эти самые цели являются или жизненно важными, или конъюнктурно необходимыми. Следовательно, они заинтересованы в том, чтобы придать своим экстремистским действиям ореол патриотизма, самопожертвования, мученичества и т.п. Поэтому в современной международной обстановке, когда мир поделен на блоки, союзы и сообщества, придерживающиеся различных политических взглядов и исповедующие различные идеологические ценности, прийти к общепризнанному определению понятий «международный» или «политический» терроризм не представляется возможным.

В качестве иллюстрации этого можно привести целый ряд примеров. Среди них – одна из первых попыток США и России заключить с ведущими мусульманскими странами соглашение о борьбе с между-

народным терроризмом. Это событие пришлось на середину 90-х годов, когда террористические акты и политические убийства захлестнули как США и Европу, так и страны мусульманского мира.

В 1995 г. исламские радикалы совершили покушение на президента Египта Х.Мубарака, что побудило его выступить с идеей созыва конференции в верхах для обсуждения проблем терроризма в регионе в контексте борьбы с международным терроризмом. В марте 1996 г. такая конференция состоялась в египетском городе Шарм аш-Шейхе. Кроме стран региона, в ней приняли участие США и Россия. По итогам конференции было опубликовано заявление, в котором говорилось об осуждении «любых актов терроризма, в каких бы формах они ни осуществлялись, какова бы ни была их мотивация и исполнители»¹. На конференции также была принята развернутая программа совместной борьбы против терроризма. Однако претворить ее в жизнь так и не удалось, так как среди участников с самого начала отсутствовало единство взглядов на понятие «международный терроризм». Вскоре это нашло свое отражение на состоявшейся в Каире в апреле 1998 г. Межарабской конференции по борьбе с терроризмом. В принятой на ней декларации говорилось, что «любая вооруженная борьба против иностранной оккупации за независимость и территориальную целостность не должна рассматриваться как проявление терроризма»².

В контексте идеологической доктрины воинствующего исламского радикализма, где пребывание мусульманских народов в составе немусульманских государств рассматривается как результат оккупации, перед этими народами ставится задача борьбы за независимость с целью последующего вхождения в состав «единого исламского дома». При этом сама борьба за независимость должна проходить параллельно с созданием «исламской государственности» и вестись любыми средствами, включая терроризм и геноцид в отношении инаковерующих.

Таким образом, стремление Запада отбросить «исламскую угрозу», встав на зыбкий путь борьбы с «международным терроризмом», представляется весьма проблематичным и малопродуктивным. А попытки найти некий единый центр «исламского терроризма» вообще не выдерживают никакой критики, так же как присвоение отдельным руководителям террористических организаций порядковых номеров («международный террорист № 1» и т.п.) и стремление возложить на них ответственность за все происходящие в мире проявления воинствующего экстремизма. Поиски противника на этом направлении привели американских стратегов к выработке концепции «оси зла», к которой отнесен целый ряд стран, причем их количество и состав меняются в зависимости от настроений в американской политической элите. Известно, что в начале своей политической карьеры Дж.Буш-младший относил к этой оси и Россию. В соответствии с этой концепцией США и их союзники привычно перенесли тяжесть борьбы с новоявленным противником вовне, то есть за пределы своих государств. Даже после 11 сентября 2001 г., когда

всем стало понятно, что этот противник предпочитает действовать изнутри, США не нашли ничего лучшего, как сокрушить его, объявив войну многострадальному Афганистану и, конечно, выиграли эту войну, не добившись при этом ни одной из поставленных целей.

Затем на очереди оказался Ирак. Но в этом случае даже для многих американских союзников стало очевидно, что к борьбе с терроризмом новая военная кампания не имеет никакого отношения. Серьезные аналитики заговорили о том, что политика США направлена не на борьбу с терроризмом, а на реализацию идеи однополярного мира, а в случае с Ираком – на взятие под контроль нефтяных богатств этого государства. Таким образом, борьба с «международным терроризмом» постепенно превращается в фарс, а главный борец с этим аморфным явлением – в мирового жандарма.

В то же время реальный терроризм, в том числе со стороны воинствующих происламских организаций, продолжает действовать, но не только в Афганистане и Ираке, но и в Москве, Париже, Лондоне, Центральной Азии и в Закавказье так же, как и во многих других частях планеты. Поэтому необходимость борьбы с терроризмом не вызывает сомнений. Но стоит добавить к этому понятию слова: «исламский», «христианский», «палестинский», «иракский», «чеченский» и т.п., и оно теряет свой первоначальный смысл, так как затрагивает религиозные и национальные чувства огромного количества людей и выводит противостояние между оппонентами на еще более высокий уровень.

Терроризм осуществляют конкретные террористы и их организации, в том числе представляющие мусульманский мир. Как правило, все они хорошо известны и позволяют себе достаточно открыто действовать как в самих мусульманских странах, так и за их пределами. Однако борьба с этими конкретными организаторами международного терроризма осуществляется мировым, в том числе западным, сообществом крайне вяло и неэффективно. Перед авторитетными международными трибуналами чаще предстают экс-руководители государств и члены правительств различных стран, а не общепризнанные международные террористы. Одна из причин этого видится в том, что к появлению и деятельности известных террористов, в частности исламского происхождения, и возглавляемых ими происламских радикальных организаций, осуществляющих сегодня активную террористическую деятельность, приложили руку правительства целого ряда западных стран, а некоторые из них, например, Великобритания, Дания, Голландия и сейчас попустительствуют пребыванию на своей территории штаб-квартир целого ряда воинствующих происламских организаций.

Причин этому может быть много, но главная, несомненно, заключается в желании использовать нерассуждающие, дисциплинированные и бесстрашные «исламские когорты» для достижения своих внутри- или внешнеполитических целей. Так, имеются убедительные доказательства того, что ЦРУ США активно поддерживало становление и деятельность такой радикальной мусульманской организации, как «Бра-

тя-мусульмане». В свое время США санкционировали выдвижение на руководящий пост в исламском экспедиционном корпусе, вербовавшем добровольцев из различных мусульманских стран для борьбы с просоветским режимом в Афганистане, т.н. террориста № 1 У.бен Ладена. На протяжении многих лет, вплоть до прихода к власти в Афганистане талибов, У.бен Ладен получал из США всестороннюю помощь и поддержку. То же самое можно сказать о роли США в создании захватившего в Афганистане власть радикально-террористического движения «Талибан». Известна поддержка Западом косовских албанцев и их явно ориентированных на террористические методы борьбы лидеров, которые, в конечном итоге, вышли из повиновения своим западным союзникам и довели ситуацию до нового балканского кризиса. Сюда же можно отнести и нынешнее отношение ряда европейских стран к чеченским событиям в России и поддержку ими лидеров чеченских боевиков. Наглядным примером этого может служить отказ от экстрадиции в Россию известного чеченского боевика А.Закаева.

Следует также отметить недальновидную национальную политику российских властей периода первых лет существования независимой Российской Федерации, когда субъекты федерации неоправданно наделялись излишним суверенитетом. В результате на территории России появились многочисленные президенты и правительства, часть которых, прежде всего в Чечне, взяла курс на выход из состава РФ и стала осуществлять террор и геноцид в отношении некоренного, в частности русского, населения в своих регионах. В последующем различными российскими, в том числе, правительственными кругами стала эксплуатироваться сомнительная идея о том, что «чеченский кризис явился прежде всего результатом внешних происков самых различных внешних сил, включая Соединенные Штаты, Украину, Иран, не говоря уже о странах Персидского залива, Афганистане, Турции и др.»³

Стоит также напомнить, что все экстремистские, фундаменталистские, ваххабитские и другие радикальные происламские организации и их лидеры возникли на деньги ведущих мусульманских государств, которые сегодня всячески отрещиваются от своих порождений и даже вводят запреты на их деятельность.

Таким образом, со всей очевидностью встает вопрос о том, что для нейтрализации воинствующего политического ислама как в самих мусульманских странах, так и за их пределами необходимо перенести акцент с борьбы против безликого «международного терроризма» на борьбу с конкретными, в том числе происламскими, террористическими организациями и их последователями. На наш взгляд, сегодня это достаточно успешно делается в КНР, где, как известно, проблема исламского радикализма существует, но не проявляет себя так агрессивно и разрушительно, как во многих других странах.

В то же время неправомерно в качестве положительного примера борьбы с терроризмом приводить политику Израиля против пале-

стинцев, как это делают отдельные авторы у нас в стране и за рубежом, поскольку на этот счет существует целый ряд резолюций СБ ООН, которые обязывают Израиль без каких-либо условий вывести войска с оккупированных палестинских территорий и предоставить палестинцам возможность создания собственного независимого государства. Только после этого можно будет квалифицировать деятельность тех или иных палестинских политических организаций с точки зрения их причастности к терроризму. При этом можно с большой долей уверенности предполагать, что после решения палестинской проблемы вопрос о «палестинском терроризме» отомрет сам по себе, поскольку, во-первых, исчезнет главная причина существования палестинского радикализма и экстремизма, а во-вторых, перед новым государством немедленно встанут нелегкие задачи социально-экономического и политического характера, решение которых потребует мобилизации всех материальных и людских ресурсов. Не пожелавшие участвовать в созидательном процессе, как всегда в таких случаях, вынуждены будут искать себе другое место пребывания.

В последние годы появился неплохой шанс для всех заинтересованных стран приступить к обсуждению проблемы терроризма в контексте выдвинутой президентом Ирана С.М.Хатами идеи «диалога цивилизаций». Как известно, эта идея была единодушно поддержана мировым сообществом на 53-й сессии ГА ООН, на которой ее участники единогласно одобрили инициативу иранского президента и даже объявили 2001 г. Годом диалога цивилизаций. Несомненно, что вопрос о борьбе с международными, в том числе происламскими, террористическими организациями должен стать приоритетным в повестке дня такого диалога. На это указывает, в частности, тот факт, что во время своих переговоров с представителями различных мусульманских государств западные, в том числе российские, руководители стали постоянно ставить вопрос о необходимости подписания соответствующих двусторонних обязательств, находя при этом взаимопонимание.

Симптоматично, что идею диалога цивилизаций поддержал Папа Римский Иоанн Павел II во время его встречи с президентом Ирана в 1998 г. О своей готовности начать диалог заявили президенты Франции, Италии и России. Конечно, для обеспечения успеха в этом вопросе необходимо, чтобы все заинтересованные стороны, в том числе ведущие мировые державы, отказались от практики применения двойных стандартов, когда речь заходит об угрозе терроризма для них самих или для других государств.

¹ Хрусталев М.А. Политика России на Ближнем и Среднем Востоке в 90-е годы // Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999. – М., 2000, с. 286.

² Там же, с. 287.

³ Малашенко А., Тренин Д. Время юга. Россия в Чечне. Чечня в России. – М., 2002, с. 79.

ИСЛАМИЗМ И СЕПАРАТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАШМИРЕ

История сепаратизма в Кашмире насчитывает многие десятилетия, в течение которых менялась основная его направленность. Первоначально это было автономистское движение за признание прав мусульман в составе княжества, где правила индусская династия Догра. С 1947 г. после присоединения основной части Джамму и Кашмира к Индии это движение превратилось в антииндийскую борьбу за независимость. Основное требование кашмирских националистов состояло в необходимости проведения плебисцита, в ходе которого народ Кашмира определил бы свое политическое будущее. Борьба велась под флагом самоопределения для кашмирцев, и в основе лежала идеология «кашмирской идентичности» (кашмириат). Пакистан поддерживал это движение потому, что оно было направлено против индийских властей, но его стратегической задачей было присоединение мусульманского Кашмира к Пакистану. Идеи кашмирского национализма отстаивала образованная в 1964 г. партия «Фронт освобождения Джамму и Кашмира», которую поддерживали некоторые другие небольшие организации.

Естественно, что движение мусульман за свои права порождало в Кашмире первые ростки исламистского движения. В первую очередь его представляли приверженцы ваххабитской организации ханафитской школы «Ахль-е-хадис», действующей в Кашмире с 1925 года¹. И несмотря на то, что ей не удалось собрать большого числа последователей, она подготовила благодатную почву для появления позднее других исламистских организаций. С 1952 г. в Джамму и Кашмире действует независимая политическая партия «Кашмирская Джамаат-и-ислами» (ДИ) (Jamaat-i-Islami Jammu and Kashmir). В этой связи следует отметить, что основанная Абу Алла Маудуди в 1941 г. в Индии исламистская партия Джамаат-и-ислами после 1947 года разделилась на несколько независимых друг от друга региональных партий, одна из которых обосновалась в Пакистане, превратилась в одну из крупнейших партий исламского фундаментализма в стране и стала играть важную роль в ее политической жизни). Действуя в Кашмире, ДИ быстро набирала сторонников среди молодых кашмирских мусульман во многом благодаря тому, что декларировала своей целью, используя демократические методы и средства политической борьбы, со-

здание исламского государства в Кашмире, основанного на законах шариата. Это было закреплено в партийной конституции, принятой в 1953 году².

С 1962 г. кашмирскую «Джамаат-и-ислами» возглавляет «ветеран антииндийского движения» Сайед Али Шах Гилани. Именно под его руководством ДИ развернула достаточно активную деятельность, которая, правда, до конца 60-х годов сводилась к изданию и распространению агитационной литературы, открытию специализированных библиотек, проведению лекций и созданию целой сети школ по всему штату. В 1962 г. руководитель кашмирской ДИ надолго попадает в тюрьму, тем не менее в 1969 г. ДИ впервые поддерживает беспартийных кандидатов на выборах в местные органы власти. В 1975 г. эта радикально-фундаменталистская партия было запрещена, однако это не уберегло Кашмир от подъема исламорадикализма, который следовал за усилением этого течения прежде всего в Пакистане и во всем мусульманском мире³.

В последний раз кашмирская «Джамаат-и-ислами» принимала участие в выборах в 1987 г. в составе Объединенного мусульманского фронта (Muslim Muttahida Mahad), своеобразного альянса 11 политических партий Кашмира, выступающих за его право на самоопределение. Массовое недовольство населения и обвинения в адрес индийских властей в подтасовке результатов голосования становятся одной из причин начавшегося в декабре 1989 г. «восстания» в Кашмирской долине. Именно в этот период кашмирский сепаратизм приобретает черты радикального исламизма, а Кашмир становится одним из центров международного исламского экстремизма.

В 1990 г. кашмирская «Джамаат-и-ислами» создает свою военизированную организацию «Хезб-уль-муджахидин». Националисты в лице «Фронта освобождения Джамму и Кашмира» видели штат независимым, светским и демократичным, тогда как «Джамаат-и-ислами» выступала за исламизацию Кашмира и присоединение его к Пакистану. Идеальный вождь этой организации Сайед Али Шах Гилани считал борьбу в Кашмире противостоянием мусульман Кашмира индийским властям ради, в конечном итоге, освобождения от индийского правления и присоединения Кашмира к Пакистану, ибо мусульмане, которых в Кашмире большинство, не могут жить свободно в немусульманском государстве. Исламизация Кашмира, т.е. приведение гражданских законов в соответствие с нормами шариата, становилась бы естественной уже в силу вхождения Кашмира в состав Пакистана. Во многом благодаря занимаемой пропакистанской позиции Гилани его организация получала большую поддержку из Исламабада. Нельзя сказать, что идеи Сайеда Али Шаха Гилани сразу нашли отклик среди кашмирцев. Однако в конце 80-х годов Кашмир все же захлестнула волна исламского радикализма и экстремизма.

То, что идеи исламо-радикализма попали в столь благодатную почву в Кашмире, обусловлено важными историческими процессами, начавшимися еще в конце 70-х годов. Военный переворот в Пакистане 1977 г. и последовавшая затем политика исламизации общества, победа исламской революции в Иране 1979 г., ввод в том же году советских войск в Афганистан и начало там почти десятилетней войны под лозунгами джихада кардинально изменили ситуацию в регионе. Пакистан оказался в самом эпицентре событий, а внутренние и внешние предпосылки превратили страну в один из ведущих центров исламского радикализма и экстремизма.

Для афганцев с самого начала война против советских войск приобрела характер войны религиозной, и многие мусульманские страны, в первую очередь страны Ближнего Востока, охотно жертвовали огромные суммы денег на «джихад», снабжали афганских моджахедов оружием, медикаментами, продовольствием. Основная помощь шла через Пакистан, который приобрел первостепенное геополитическое значение в условиях афганской войны.

К тому же Афганистан превратился в арену глобального противостояния сверхдержав того времени. США активно использовали территорию Пакистана, который стал своего рода перевалочным пунктом для огромного потока оружия и переправки отрядов добровольцев со всего исламского мира. За период 1982–1992 гг. для участия в афганском «джихаде» туда было отправлено около 35 тыс. человек из более чем 40 стран. Не без помощи спецслужб США, Пакистана и Саудовской Аравии на территории Пакистана возникли многочисленные тренировочные лагеря, где проходили подготовку моджахеды. С момента ввода советских войск в Афганистан в приграничные с ним районы Пакистана перебралось более 3 миллионов афганских беженцев, которые и стали основой для формировавшихся при поддержке ЦРУ и пакистанских спецслужб отрядов моджахедов⁴.

В 80-е годы там складываются многочисленные криминальные группировки, связанные с контрабандой оружия и наркоторговлей. Идеологической базой, или прикрытием для них служили ислам и лозунги джихада. Заинтересованные в пополнении своих рядов, эти криминальные объединения уделяли внимание религиозному образованию детей и подростков и вкладывали деньги в содержание частных медресе. Финансовую поддержку медресе получали также из зарубежных исламских фондов, а политическую – от исламистских партий. По некоторым данным, на территории Пакистана было образовано около 2,5 тыс. подобных религиозных школ, где проходили обучение молодые люди, которые готовились для операций в Афганистане и Кашмире. Пакистанцы, кашмирцы, таджики, узбеки и арабы, получив идеологическую обработку в этих школах и пройдя военную подготовку в специальных лагерях, реализовывали на практике полученные знания не только в Афганистане, но и у себя на родине. (Чуть позже в середине 90-х годов

создание тренировочных лагерей и сети религиозных школ экстремистской направленности финансировалось лично Усамой бен Ладеном).

Исламизация пакистанского общества в период правления генерала Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.), заручившегося моральной поддержкой влиятельной «Джамаат-и-ислами», также способствовала росту популярности исламистских партий и движений. Одним из последствий исламизации по суннитскому пути стала напряженность между суннитами и шиитами, которую можно наблюдать и по сей день. В стране появилось много радикальных организаций, которые прибегают к террористическим методам борьбы в рамках суннито-шиитского конфликта. (В данной работе не ставится цель рассмотреть деятельность этих экстремистских и террористических организаций).

Когда в Кашмире появились пропакистанские исламские партии и движения, Исламабад основную поддержку стал оказывать именно им. Несмотря на заявления пакистанского руководства о только лишь «моральной, политической и дипломатической поддержке кашмирских братьев», есть основания говорить о прямом влиянии Исламабада на эти группировки, в первую очередь через Объединенное разведывательное управление Министерства обороны Пакистана (Inter Service Intelligence). Многие исследователи предполагают, что организованные группы афганских моджахедов не могли бы перебраться в Кашмир без помощи пакистанских спецслужб. Направленная деятельность экстремистских группировок предполагала переход от периодических антииндийских вылазок к организации координированных операций с элементами партизанской войны. Это, несомненно, затрудняло попытку индийской армии и спецслужб удерживать ситуацию под контролем⁵.

В конце 80-х годов глобальные политические изменения в соседних с Кашмиром районах совпали со сложным внутренним положением в штате. Значительное ухудшение экономической ситуации, рост безработицы, нищета почти половины населения штата вынуждали многих молодых людей пополнять ряды оппозиционных террористических организаций. Вполне естественно, что военную подготовку молодые люди проходили в пакистанских тренировочных лагерях. Там же происходила и идеологическая «обработка».

Попытки центральных индийских властей взять ситуацию под контроль воспринимались как ограничение автономии штата, что усиливало антииндийские настроения.

После вывода советских войск из Афганистана в 1989 г. многие жители Кашмира, принимавшие там участие в боях, вернулись домой, принеся с собой идеи исламизма и готовность реализовывать их. Они принесли идеи, которые на подготовленной почве дали скорый урожай.

Сращивание кашмирского этносепаратизма с исламизмом в конце 80-х – начале 90-х годов сделало Кашмир частью мировой террористической сети. Это положило начало «второму этапу оппозиционного

движения, которое характеризуется двумя обстоятельствами – усилением «антииндийской и антииндусой» борьбы и его переходом под контроль исламского экстремизма⁶.

Совокупность всех этих внутренних и внешних факторов неминуемо привела к взрыву ситуации в Кашмире.

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризуется всплеском создания экстремистских организаций, участвующих в антииндийских акциях в Кашмире и получающих помощь Пакистана. Среди основных и наиболее известных можно назвать следующие. Уже упомянутая «Хезб-уль-муджахидин», создана в 1989 г. как военизированное крыло «Джамаат-и-ислами». В ее состав в основном входили пакистанцы, афганцы и арабы. С 1990 г. в операциях в Кашмире участвует «Аль-Бадр», выступающая за присоединение всего штата Джамму и Кашмир к Пакистану. В 1993 г. образована террористическая организация «Харкат-уль-ансар» (переименована в 1998 г. в «Харкат-уль-муджахидин»), которая связана с Движением талибов и пакистанской религиозно-экстремистской партией «Джамаат-и-улема-и-ислам». Боевики «Харкат-уль-ансар» проходят военную подготовку в лагерях Усамы бен Ладена⁷.

Среди более мелких – «Аль-Джихад», «Джамиат-уль-муджахидин». В 1987 г. основана «Лашкар-и-тайяба» как боевая организация ваххабитской пакистанской группировки «Марказ-уд-дава-валь-иршад». В Кашмире она начала действовать с 1993 г. и особенно известна своей террористической деятельностью в индийской части. Это лишь неполный список активных террористических организаций. Все они выступали за исламизацию Кашмира и присоединение его к Пакистану. Джихад в Кашмире рассматривается ими как этап борьбы за господство ислама во всем мире⁸.

Исламские экстремистские организации в Кашмире условно можно подразделить на две группы в зависимости от преобладания в них кашмирцев или иностранцев (пакистанцев, афганцев, арабов и др.). К первым можно отнести «Харкат-уль-ансар», «Армию освобождения Кашмира», «Аль-Джихад», «Муслим-джанбаз форс», «Исламский фронт» и другие. Ко вторым – «Хизб-уль-муджахидин», «Джайиш-и-мухаммад», «Лашкар-и-тайяба»⁹.

Экстремисты активно действовали в Кашмире на протяжении последних 10 лет, хотя к середине 90-х годов индийским властям удалось восстановить относительное спокойствие в долине Кашмира и прилегающих районах. В 1996 г. властям штата удалось провести выборы в местное законодательное собрание. Победу одержала партия «Национальная конференция» во главе с Фаруком Абдуллой, которая оставалась у власти до 2002 г. Сотрудничество кашмирских властей с правящей в Индии Бхаратия джаната парти было крайне негативно воспринято кашмирскими экстремистами, которые перешли к тактике террора и устрашения местного немусульманского населения, а также «коллабо-

рационистов» из числа мусульман¹⁰. Индийские власти были вынуждены дислоцировать здесь значительные регулярные армейские части.

Особенно напряженной оставалась ситуация на линии контроля в Кашмире, через которую и забрасывались в индийскую часть штата боевики. Частые перестрелки на линии контроля, террористические акты против военных и мирного населения постоянно осложняли обстановку в Кашмире и отравляли отношения между Дели и Исламабадом. Боевики принимали активное участие и в разразившемся в мае 1999 г. Каргильском кризисе, когда стороны вплотную подошли к возможности начала четвертой войны¹¹.

Однако и после разрядки напряженности ситуация в штате продолжала оставаться нестабильной. Индийские власти постоянно обвиняли Исламабад в оказании прямой поддержки кашмирским экстремистам, требовали выдать подозреваемых в совершении терактов боевиков.

Начало 90-х годов характеризуется расколом в сепаратистском движении в Кашмире. Основная организация «Фронт освобождения Джамму и Кашмира» разделилась на два лагеря. Одно крыло во главе с Амануллой Ханом заняло непримиримые позиции, а другое, лидер которого Ясин Малик отказался от ведения вооруженного сопротивления, вошло в созданную в 1993 г. организацию «Беспартийная конференция «Свобода». Лидирующие позиции в Конференции занимала кашмирская «Джамаат-и-ислами», но примерно половина вошедших в альянс партий можно отнести к умеренным. (См. приложение 3). Тесно связана с Конференцией и не вошедшая в нее «Хезб-уль-муджахидин».

Активизировал свою деятельность и созданный в 1990 г. Объединенный совет джихада. Массовые выступления в Кашмире в 1993–94 гг. были жестоко подавлены силами индийского правопорядка. На протяжении всех 90-х годов кашмирские террористы прекрасно снабжались современным оружием, амуницией, средствами связи – в общем, всем необходимым для ведения активной подрывной деятельности. Происходило это при непосредственном участии пакистанских спецслужб и, по всей видимости, с одобрения правительства.

Несмотря на то, что после терактов 11 сентября 2001 г. в США и особенно после начала антитеррористической операции в Афганистане поддержка кашмирских экстремистов со стороны Исламабада уменьшилась, обвинения в адрес Пакистана не прекратились. Особенно острыми были обвинения в поддержке исламских террористических организаций, имеющих связи с «Аль-Каидой», Усамой бен Ладеном и его Международным исламским фронтом. Многими специалистами подчеркивается, что борьба за освобождение и независимость Кашмира является лишь одним из этапов «джихада» этих организаций против Индии. Главной же целью декларируется «освобождение мусульман в других регионах Индии на пути создания исламского халифата в Южной Азии». Состав этих группировок многонационален: сегодня там воюют и коренные кашмирцы, и пакистанцы, и наемники из других стран, бывшие талибы. Именно

на территории Пакистана сформировались и набрали силу наиболее мощные из этих организаций. В первую очередь к ним можно отнести «Хезб-уль-муджахидин», «Лашкар-е-тойяба», «Джайш-е-Мохаммад», «Харкат-уль-муджахидин», «Аль-Бадр» (О них см. Приложение 4).

Эти группировки принимают наиболее активное участие в террористическом движении панисламистской направленности. Все они занимают в целом схожие позиции, которые в общем виде можно свести к следующему:

- непризнание национальных границ, утверждение права вести джихад в любой стране, где, по их мнению, притесняются мусульмане, даже если это исламская страна;

- «экспорт» джихада за пределы южноазиатского региона;

- пакистанское ядерное оружие и технологии должны быть доступны любой мусульманской стране, если они ей нужны для защиты;

- поддержка заявлений Усамы бен Ладена о том, что мусульмане имеют право и даже религиозную обязанность получить и использовать оружие массового уничтожения для защиты своих интересов;

- использование джихада и победа в Кашмире – это первый шаг на пути к объединению мусульман всего региона, а затем во всем мире. Кашмир – не конечная цель, а лишь средство проведения «большого джихада»;

- США, Индия и Израиль расцениваются как главные враги ислама.

Все организации, кроме «Аль-Бадр», входят в Международный исламский фронт Усамы бен Ладена, основанный в 1998 г. В начале к нему присоединилась «Харкат-уль-муджахидин», когда ее лидер Фарук Кашмири поддержал декларацию «Аль-Каиды», объявившую священную войну США и их союзникам. Остальные группировки присоединились к Фронту позднее. Лидер «Джайш-е-Мохаммад» маулана Масуд Азхар несколько раз встречался в Афганистане с У.бен Ладеном, и, по данным американских и индийских спецслужб, его организация получает финансовую помощь от «Аль-Каиды»¹².

Многие члены этих группировок, по некоторым данным, проходили военную подготовку в лагерях У.бен Ладена на территории Афганистана и оказывали активную помощь «Аль-Каиде» и талибам в борьбе против Северного альянса, а затем и против войск международной антитеррористической коалиции. До октября 2001 г. военные лагеря этих организаций располагались как на территории Афганистана, так и Пакистана.

Таким образом, эти организации представляют собой своего рода звенья глобальной террористической цепи. Характерным является то, что они принесли в Кашмир исламорадикалистские идеи, типичные для организации У.бен Ладена «Аль-Каида», которые были в основном не свойственны кашмирскому сепаратистскому движению.

За всеми крупными терактами по всему Кашмиру стоят боевики этих террористических группировок. В конце 90-х годов подготовка боевиков осуществлялась в более чем 90 тренировочных центрах. Из

них около 50 расположены в пакистанской части Кашмира, 30 – в Пакистане, более 10 – в Афганистане. переброска боевиков осуществляется в индийскую часть через линию контроля небольшими группами по 4–6 человек, как правило, под видом мирных жителей.

Мощная и разветвленная сеть террористических лагерей на территории Пакистана, Афганистана и собственно Кашмира являлась своеобразной «кузницей кадров» для пополнения рядов экстремистских организаций. Однако не только идеологическая убежденность и фанатизм приводят молодых людей в эти лагеря. Участие в террористических операциях приносит еще и неплохие денежные доходы. Средства на «зарплаты и вознаграждения» поступают и в виде крупных пожертвований из арабских стран (в первую очередь из Саудовской Аравии), и лично от У.бен Ладена, и от простых граждан как в Пакистане, так и пакистанской диаспоры за рубежом¹³.

Многие террористические организации обладали и продолжают обладать собственными банковскими счетами, на которые в свое время поступали огромные переводы. Так, «Лашкар-е-тойяба», являющаяся боевой организацией группировки «Марказ-уд-дава-валь-иршад», собирала средства через Интернет (пожертвования шли в основном от симпатизирующих этой группировке частных лиц в Саудовской Аравии)¹⁴.

Такое щедрое финансирование позволяет очень неплохо зарабатывать не только руководителям террористических организаций, но и рядовым моджахедам. Так, руководители среднего звена «Лашкар-е-тойяба» получали «зарплату», примерно в семь раз большую, чем простой пакистанский служащий. Что же говорить о более высокопоставленных террористах. Рядовые «солдаты» получают гораздо меньше, но могут рассчитывать на «гонорары» за удачно выполненную операцию. Так что в стране с таким низким уровнем доходов, как Пакистан, в 90-е годы «джихад» стал таким же бизнесом, приносящим огромные доходы, как и контрабанда оружия и наркотиков.

Руководителями экстремистских бандформирований были установлены размеры выплаты денежных вознаграждений активным членам. Каждому боевику, прошедшему курс обучения в одном из тренировочных центров подготовки для заброски на индийскую территорию, выплачивалось в 2000 г. единовременное пособие в размере 4,5 тыс. долл., а после двух лет участия в антииндийских операциях до 11 тыс. долл. Установлены дополнительные премии от 200 до 2000 долл. за физическое устранение офицеров армии и полиции в зависимости от занимаемой ими должности.

Любопытно, что в основном в ряды боевиков идут молодые люди из довольно бедных семей. Образование их ограничивалось теми самыми школами-медресе, где они проходили идеологическую обработку и им внушалось, что джихад – это их святая обязанность.

В условиях безработицы и нищеты семьи с низким уровнем доходов считают за благо, если их сыновья встают на путь джихада. Большим уважением пользуются семьи шахидов (воинов-смертников), тем более, что они получают от боевых организаций еще и денежную помощь. Основанный в 1995 г. партией «Джамаат-и-ислами» фонд «Сухда-е-ислам», по словам самих же членов партии, выделил около 13 млн. рупий семьям шахидов. Кроме того, Фонд оказывает помощь и другого рода (выплата долгов, устройство на работу, обеспечение жильем). «Лашкар-е-тойяба» и «Харкат-уль-муждахидин» также обладают подобными «благотворительными» организациями, помогающими семьям бойцов-смертников¹⁵.

Более состоятельные семьи предпочитают ограничиваться денежными пожертвованиями и не отправлять своих сыновей «на священную войну».

Как уже отмечалось, после терактов 11 сентября 2001 г. в США и начала антитеррористической операции в Афганистане Пакистан значительно уменьшил помощь и поддержку кашмирским экстремистам. Руководство Пакистана не только осудило теракты, но и присоединилось к антитеррористической коалиции, став одним из ключевых союзников США в регионе и предоставив территорию страны для американских военных. Официальные шаги, которые предпринял Исламабад, оказались довольно масштабными. Так, 12 января 2002 г. президент Пакистана П.Мушарраф выступил с телевизионным обращением к нации, в котором огласил программу борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом. Были полностью запрещены пять радикальных исламистских группировок и партий – «Лашкар-е-тойяба», «Джаиш-е-Мухаммад», «Сипах-е-Сахаба Пакистан», «Техрик-е-Джафрия Пакистан» и «Техрик Нифаз Шариат-е-Мухаммади». Генерал Мушарраф пообещал также реформировать систему религиозного образования и осуществить регистрацию медресе и проверку их учебной и финансовой деятельности. Предполагалось превратить медресе в обычные учебные заведения. Также было заявлено о намерении не допускать впредь использования территории страны пакистанскими и иностранными террористическими структурами для деятельности против других государств и провоцирования столкновений между различными мусульманскими течениями в самом Пакистане.

Были также заморожены банковские счета организаций, которые ООН и США подозревают в связях с террористами.

Президент заверил, что правоохранительные органы будут пресекать любую террористическую деятельность, даже если она обоснована мотивами «джихада» или «освобождения Кашмира». В связи с этим был еще раз осужден теракт в индийском парламенте в декабре 2001 г., ответственность за который индийские власти возложили на «Лашкар-е-тойяба» и «Джаиш-е-Мухаммад». Но пакистанские власти отвергли возможность выдачи Индии подозреваемых в терроризме граждан Пакистана.

Несмотря на решение о запрете пяти вышеуказанных группировок и начало против них под давлением США и Индии крупномасштабной полицейской операции (ликвидация центральных и местных организаций, подконтрольных им средств массовой информации, замораживание банковских счетов этих организаций, арест более 2000 активистов и создание антитеррористических судов), официальные власти подчеркивали, что эти меры не следует трактовать как изменение принципиальной позиции Исламабада по Кашмиру. Пакистан по-прежнему будет продолжать оказание «моральной, политической и дипломатической поддержки кашмирцам, отстаивающим свое право на самоопределение».

Столь масштабные полицейские меры против исламских экстремистских организаций не смогли преградить путь огромному потоку афганских талибов, хлынувшему в ходе антитеррористической операции в Афганистане как в Пакистан, так и в пакистанскую часть Кашмира совместно с боевиками «Лашкар-е-тойяба», «Хезб-уль-муджахидин» и др. По сообщениям пакистанских СМИ, около 6 тыс. боевиков этих организаций были убиты в ходе антитеррористической кампании в Афганистане, а более чем 40 тыс. уцелевших скрылись в Пакистане (в основном в Белуджистане, Северо-западной пограничной провинции и Зоне свободных племен, а также в Пенджабе) и в пакистанской части Кашмира. В начале 2002 г. в Пакистане был задержан второй человек в «Аль-Каиде» Абу Зубейда, убежище которому было предоставлено «Лашкар-е-тойяба». Некоторые специалисты полагают, что Объединенное разведывательное управление Пакистана не прекратило поддержки этой организации даже после официального запрета этой группировки властями¹⁶.

В январе-феврале 2002 г. пакистанские газеты сообщали, что при посредничестве ОРУ «Марказ-уд-дава-валь-иршад», переименованная в «Джамаат-уд-дава», переправляла активистов «Лашкар-е-тойяба» и непкистанских боевиков, замешанных в связях с «Аль-Каидой» в пакистанскую часть Кашмира. «Лашкар-е-тойяба», «Джаиш-е-Мухаммад», «Харкат-уль-муджахидин» перенесли туда основную часть своих лагерей с пакистанской территории.

Властям также пришлось столкнуться с недовольством населения в приграничных с Афганистаном провинциях и даже пойти на полицейские меры по разгону демонстраций.

Обращает на себя внимание то, что администрация П.Мушаррафа избегает решительных шагов по ограничению деятельности ведущих организаций кашмирских сепаратистов, таких как «Хезб-уль-муджахидин» и «Харкат-уль-муджахидин», считая, что эти группировки ведут справедливую национально-освободительную борьбу против индийских властей. Основное внимание правоохранительных органов сосредоточено на контроле за организациями, замешанными во внутри-пакистанских суннито-шиитских столкновениях, и практически не обращено к кашмирским моджахедам. Таким образом, структуры, ведущие

джихад в Кашмире, фактически выводятся властями из-под удара. Лишь при периодических нажимах со стороны США антитеррористические действия возобновляются. Но за запретом двух «кашмирских» террористических организаций не последовало сколько-нибудь решительных (кроме декларативных) мер против исламистских группировок, входящих в состав Объединенного совета джихада, координирующего деятельность моджахедов в Кашмире (подробнее см. Приложение 2).

Лишь время от времени производятся аресты лидеров экстремистских группировок, но носят они в основном демонстративный характер, и, как правило, заключенных быстро выпускают. Одним из примеров может служить освобождение в апреле 2002 г. основателя и идейного лидера запрещенной «Лашкар-е-тойяба» Хафиза Мухаммада Сайида. Он успел в декабре 2001 г. перерегистрировать свою организацию «Марказ-уд-дава-валь-иршад», чьим военизированным крылом является «Лашкар-и-тайяба», под названием «Джамаат-уд-дава». Также был освобожден Масуд Азхар – глава «Джаиш-е-Мухаммад», переименованной в «Ихарат-уль-хайр».

Заккрытие банковских счетов, по мнению специалистов, также было малоэффективно. Многие организации были предупреждены заранее о мерах властей и успели либо закрыть, либо перевести свои средства на другие счета¹⁷.

В результате, несмотря на запреты властей, исламистские группировки продолжают боевые операции в Кашмире, но только под другими названиями. Они по-прежнему получают помощь и поддержку от старых спонсоров, а в самом Пакистане успех на парламентских выборах в октябре 2002 г. альянса фундаменталистских партий «Муттахида Маджлис-е-Амаль» (ММА) в определенной мере способствовал оживлению экстремистских партий. Неоднократно некоторые депутаты ММА, близкие к руководству террористических группировок, заявляли о намерении добиваться принятия официального решения властей о государственной поддержке военизированных группировок в Кашмире. Подобные заявления были сделаны и на так называемой «конференции джихада» (jihad conference), созванной по инициативе «Джамаат-уд-дава». На конференции присутствовали также представители таких организаций, как «Джамаат-Ахль-аль-Хадис», «Джимиат-уль-муджахидин», «Техрик-уль-муджахидин», исламистский представитель кашмирской Всепартийной конференции «Свобода» Гулам Мухаммад Сафи. Единогласно была осуждена политика США и Индии и принято решение продолжать джихад против обеих стран¹⁸.

В политической жизни Кашмира также в последние годы прошли значительные изменения. После ужесточения антитеррористических мер и снижения помощи Пакистана экстремистам в штате активизировала свои действия Всепартийная конференция «Свобода». В начале 2002 г. было проведено несколько заседаний исполнительного комитета, на которых обсуждалась дальнейшая тактика действий и первоочередные задачи,

стоящие перед альянсом. Была подчеркнута необходимость получения легального статуса всеми партиями, входящими в состав Конференции, а также введение на законных основаниях представителей этой организации в органы власти. Рекомендовалось всем партиям, имеющим боевые отряды, приостановить их деятельность. Также выражалась озабоченность по поводу активности «иностранных» боевиков в Кашмире. Кстати, пакистанские спецслужбы, стоящие за экстремистскими организациями, пытаются в последнее время сокращать число иностранных боевиков в террористических структурах за счет большего участия в них кашмирцев. Всепартийная конференция неоднократно выступала за ведение переговоров с индийскими властями по вопросу Кашмира. Примечательно, что новое правительство, сформированное по итогам выборов в законодательное собрание Джамму и Кашмира осенью 2002 г., объявило о желании налаживать политический диалог с Конференцией (попытка такого диалога была предпринята в конце того же года).

В последнее время руководство Конференции пытается отмежеваться от поддержки со стороны Пакистана, вызывая тем самым его недовольство. Особенно болезненно в Исламабаде воспринимаются заявления представителей Конференции о том, что кашмирский вопрос – политический, а не религиозный. В связи с этим Исламабад все больше делает ставку на альтернативные сепаратистские организации, такие как «Исламская студенческая лига».

Однако эти процессы сопровождаются серьезными размежеваниями внутри самой Конференции. Основные разногласия происходят между умеренным крылом (председатель Всепартийной конференции А.Г.Бхат) и радикальным во главе с членом исполнительного комитета А.Ш.Гилани (лидер ДИ).

То, что Кашмир стал ареной действия террористических группировок, тесно связанных с Усамой бен Ладеном и организацией «Аль-Каида», не может не вызывать серьезную озабоченность мирового сообщества.

Вскоре после трагических событий сентября 2001 г. в ходе своего визита в Пакистан и Индию госсекретарь США Колин Пауэлл заявил, что антитеррористическая кампания, возглавляемая США, призвана уничтожить не только У. бен Ладена и «Аль-Каиду», но и всю террористическую сеть, одно из звеньев которой находится в Кашмире. Он также выразил поддержку Дели в борьбе с исламскими террористами.

Следует отметить, что ещё в мае 2001 г. Государственный департамент США представил президенту и конгрессу страны очередной доклад, посвященный международному терроризму, где были изложены взгляды американской администрации на проблему борьбы с международным терроризмом и проанализированы угрозы терроризма в разных регионах мира. По мнению американских экспертов, наиболее проблемными регионами являлись Ближний Восток (Палестинская автономия, Иран, Ирак, Сирия) и Афганистан и Южная Азия. При этом подчеркивалось то, что центр международного терроризма переме-

стился с Ближнего Востока в Южную Азию, где исламские экстремисты со всего мира продолжают использовать территорию Афганистана для подготовки террористов, планирования и осуществления террористических актов в различных странах. Одновременно с этим была выражена серьезная обеспокоенность в отношении Пакистана, который хотя и не был включен в список государств, поддерживающих терроризм, обвинялся в предоставлении значительной военной помощи талибам в Афганистане, а также оказании различного рода поддержки террористическим организациям, действующим в Кашмире¹⁹. В этом же докладе приводится список иностранных террористических организаций, в который были включены «Джайш-е-Мухаммад» и «Лашкар-е-Тойяба».

В аналогичном докладе за 2002 год к числу террористических организаций были добавлены «Хезб-уль-муджахидин», «Аль-Бадр» и «Джамаат-уль-муджахидин». Причем эти группировки вошли в этот список не столько из-за террористической деятельности в Кашмире, сколько из-за их связей с «Аль-Каидой» и пакистанской «Джамаат-и-ислами»²⁰.

В заключение хотелось бы отметить, что исламский терроризм и экстремизм в Кашмире представляют серьезную угрозу не только для отношений между Индией и Пакистаном, но и для безопасности всего южноазиатского региона. Нельзя не учитывать, что кашмирский сепаратизм в его крайнем проявлении – исламорадикализме – будет и в дальнейшем определяющим фактором, влияющим на развитие ситуации в Кашмире. Решение кашмирской проблемы невозможно без ликвидации очагов исламского терроризма в этом штате.

Приложение 1

Список террористических и экстремистских организаций, участвующих в боевых операциях в Кашмире

(составлено по и www.satp.org – South Asia terrorism portal)

1. Аль-Бадр (Аль-Бадар) (Al Badr).
2. Аль-Барк (Аль-Барк муджахидин) (Al Barq).
3. Аль-Джихад (Al Jihad).
4. Аль Муджахид форс (Al Mujahid Force).
5. Аль-Мустафа либерейшн файтерз (Al Mustafa Liberation Fighters).
6. Аль-умар муджахидин (Al Umar Mujahideen).
7. Аль-фатах форс (Al Fatah Force).
8. Джаиш-е-Мохаммад (Jaish-e-Mohammad).
9. Джамаат-уль-муджахидин (Jamaat-ul-Mujahideen).
10. Дукхтаран-е-миллат («Дочери нации») (Dukhtar-e-Millat).
11. Ихван-уль-муджахидин (Ikhwan-ul-muj ahideen).
12. Ислами Джамаат-е-тульба (Islami Jamaat-e-tulba).
13. Ислами Инкилаби Махаз (Islami Inqilabi Mahaz).
14. Исламская студенческая лига (Islamic Students League).
15. Исламский фронт Джамму и Кашмира (Jammu Kashmir Islamic Front).
16. Кашмир джихад форс (Kashmir Jihad Force).

17. Лашкар-е-Джаббар (Lashkar-e-Jabbar).
18. Лашкар-е-Омар (Kashkar-e-Omar).
19. Лашкар-е-тойяба (Lashkar-e-Toiba).
20. Махаз-е-азади (Mahaz-e-Azadi).
21. Муслим джанбаз форс (Muslim Janbaz Force).
22. Муслим муджахидин (Muslim Mujahideen).
23. Национально-освободительная армия Джамму и Кашмира (Jammu and Kashmir National Liberation Army).
24. Студенческий фронт освобождения (Джамму и Кашмира Jammu Kashmir Students Liberation Front).
25. Техрик-е-джихад (Tehrik-e-Jehad).
26. Техрик-е-джихад-е-ислами (Tehrik-e-jihad-e-Islami).
27. Техрик-уль-муджахидин (Tehrik-ul-Muj ahideen).
28. Техрик-е-нифаз-е-фикар джафариа (Tehrik-e-nifaz-e-fiqarjafaria).
29. Техрик-е-хурриат-е-Кашмир (Tehrik-e-Hurriat-e-Kashmir).
30. Фронт освобождения Джамму и Кашмира (Jammu and Kashmir Liberation Front).
31. Харкат-уль-джихад-е-ислами (Harkat-ul-Jehad-i-Islami).
32. Харкат-уль-муджахидин (Harkat-ul-Mijahideen) (ранее Харкат-уль-ансар (Harkat-ul-Ansar*)).
33. Хезболла (Hizbullah).
34. Хезб-уль-моминин (Hezb-ul-Momineen).
35. Хезб-уль-муджахидин (Hizb-ul-Mujahideen).

Приложение 2

Состав Объединенного совета джихада

(Составлено по материалам прессы и www.satp.org)

Объединенный совет джихада (Muttahida Jihad Council /United Jihad Council/) создан в ноябре 1990 года для координации деятельности экстремистских исламских организаций, действующих в Кашмире, и осуществления общего руководства ими. Штаб-квартира расположена в Музафарабаде (территория Кашмира, контролируемая Пакистаном). Совет возглавляет Сайед Салахуддин (лидер партии «Хезб-уль-муджахидин»). После одностороннего прекращения огня в июле 2000 г., объявленного «Хезб-уль-муджахадан», Сайед Салахуддин был смещен с поста главы Совета. Его заменил Мохаммад Усман («Муслим джанбаз форс»). Однако в октябре 2000 г. большинством голосов главой Совета был вновь избран С.Салахуддин.

В состав ОСД входят:

1. Хезб-уль-муджахидин (Hizb-ul-Mujzhideen).

* **Харкат-уль-ансар** – создана в 1993 г. после слияния Харкат-уль-Джихад-е-Ислами (Harkat-ul-Jihad-i-Islami) и Харкат-уль-Муджахидин (Harkat-ul-Mujahideen), в связи с чем была переименована в Харкат-уль-муджахидин.

2. Фронт освобождения Джамму и Кашмира (Jammu Kashmir Liberation Front) – фракция А.Хана.

4. Техрик-е-джихад (Tehrik-e-Jehad).

5. Техрик-уль-муджахидин (Tehrik-ul-Mujahideen).

6. Джамаат-уль-муджахидин (Jamait-ul-Mujahideen).

7. Аль-джихад (Al-Jihad).

8. Аль-умар муджахидин (Al Umar Mujahideen).

9. Исламский фронт Джамму и Кашмира (Jammu Kashmir Islamic Front).

10. Мусли джанбаз форс (Muslim Janbaz Force).

11. Хезболла (Hizbullah).

12. Аль-фатах форс (Al Fatah Force).

13. Хезб-уль-моминин (Hizb-ul-Momineen).

Статус наблюдателей имеют Аль-Бадр и Лашкар-е-тойяба.

Приложение 3

Всепартийная конференция «Свобода»

(Составлено по материалам прессы и www.satp.org)

Всепартийная конференция «Свобода» /Беспартийная свободная конференция/ (All Parties Hurriyat Conference) – альянс сепаратистских партий Джамму и Кашмира, образован 9 марта 1993 г. Состоит из 26 политических, общественных и религиозных организаций. По данным спецслужб, контролируется объединенным разведывательным управлением Пакистана (Inter Service Intelligence, ISI). Одна из целей альянса состоит в обеспечении политического статуса и легитимности экстремистских группировок Кашмира.

Руководящий орган – Исполнительный комитет. Председатель – М.Аббас Ансари (Иттихад-уль-муслимин). Члены Комитета: Сайед Али Гилани (Джамаат-и-ислами), Мохаммад Умар Фарук (Комитет народной борьбы /Aawami Action Committee/), Мохамед Ясин Малик (Фронт освобождения Джамму и Кашмира), С.Хамид (Народная лига /People's League/).

В альянс входят:

«умеренные»:

1. Комитет народной борьбы (Aawami Action Committee).

2. Народная конференция Джамму и Кашмира (Jammu and Kashmir People's Conference).

3. Мусульманская конференция (Muslim Conference).

4. Фронт освобождения Джамму и Кашмира (Jammu & Kashmir Liberation Front) – фракция Я.Малика.

5. Народная лига (People's League).

6. Конфедерация трудящихся Джамму и Кашмира (AN Jammu & Kashmir Employees» Confederation).

7. Конфедерация рабочих и служащих (Employees and Workers Confederation).

8. Совет освобождения (Liberation Council).

9. Кашмирская ассоциация юристов (Kashmir Bar Association).
10. Политическая конференция (Political Conference).
11. Техрик-е-Хурияти Кашмири (Tehreek-e-Huriati Kashmiri).
12. Муслим Хаватин Марказ (Muslim Khawateen Markaz).
13. Комитет по правам человека Джамму и Кашмира (Jammu and Kashmir Human Rights Committee).
14. Комитет защиты основных прав народа Джамму и Кашмира (Jammu and Kashmir People's Basic (Protection) Committee).
15. Конфедерация рабочих и служащих (фракция Арсави) (Employees & Workers Comfederation (Arsawi Group)).
«экстремистские»:
16. Студенческая исламская лига (Students Islamic League).
17. Центр изучения ислама (Islamic Study Circle).
18. Аукаф Джама Масджид (Auquaf Jama Masjid).
19. Джамаат-и-ислами (Jamaat-e-Islami).
20. Иттихад-уль-муслимин (Ittihad-ul Muslimeen).
21. Анджаман-е-Таблиг-уль-Ислам (Anj aman-e-Tabligi-ul Islam).
22. Джамиат-е-Ахле Хадис (Jamiat-e-Ahle Hadith).
23. Кашмир Базме Тавхид (Kashmir Bazme Tawheed).
24. Джамаат-е-Хамдания (Jamiat-e-Hamdania).
25. Джамаат-Улема-е-Ислам (Jamate Ulama-e-Islam).
26. Анджамани Аукафи Джама Масджид (Anjamani Auqafi Jama Masjid).

Приложение 4

Наиболее крупные террористические организации, действующие в Кашмире

Хезб-уль-муджахидин (Партия борцов за веру). Создана в 1989 г. как военизированное крыло пакистанской партии «Джамаат-и-ислами». Боевики набираются в основном из подконтрольной «Джамаат-и-ислами» молодежной организации «Ислами-Джамаат-и-Тулаба». В отличие от многих других террористических группировок не имеет военных лагерей в Афганистане. Численность 4500 человек, в основном пакистанцы, афганцы и арабы, на территории Кашмира воюют более 600 человек. Ведет активную подрывную деятельность на всей территории Джамму и Кашмира. По данным спецслужб США и Индии, имеет тесные связи с Усамой бен Ладеном и «Аль-Каидой».

Харкат-уль-муджахидин. Создана в 1997 г. после переименования организации «Харкат-уль-ансар» (последняя создана в 1993 году и включена в 1997 г. Государственным департаментом США в список международных террористических организаций). Принадлежит к религиозной школе деобанди. Боевики набираются из различных организаций, но в основном из Таблиги Джамаат (в 1997 году бывший в прошлом активистом Таблиги Джамаат М.Р.Тарар занял пост президента Пакистана). Лидеры – Фарук Кашмири, казн Сайфулла Ахтар, маулана Фазл-ур-Рахман Халил. Состоит из кашмирцев, пакистанцев,

афганцев, арабов. Численность 4 тыс. человек (на территории Кашмира более 600 боевиков). Большинство членов – граждане мусульманских стран Азии и Ближнего Востока. Связана с движением «Талибан» и пакистанской религиозной партией «Джамаат-и-улема-и-ислам» (фракцией Сами-уль Хака). Выступает за объединение всех мусульман под лозунгом джихада и ведет подрывную деятельность по всей территории Кашмира. Подозревается в связях с Усамой бен Ладеном и получении финансовой помощи из Саудовской Аравии и других стран Персидского залива.

Лашкар-е-тойяба. Основана в 1987 г. как боевая организация религиозной группировки «Марказ-уд-дава-валь-иршад», созданной в том же году. Имеет связи с Объединенным разведывательным управлением (ISI). Патронирует около 30 религиозных школ, многие выпускники которых становятся членами Лашкар-е-тойяба, пройдя военную подготовку в Афганистане и Пакистане. Штаб-квартира Лашкар-е-тойяба расположена в пакистанском городе Муридке (недалеко от Лахора), активно действует в Кашмире с 1993 г. Лидеры – Хафиз Мохаммад Сайид, маулави Тахири, Абдур Рахман Делбул, шейх Абдул Азиз (гражданин Саудовской Аравии). Численность – 3 тыс. человек (на территории штата около 600 человек). Более 75% боевиков являются гражданами мусульманских государств. Активно действует в индийской части Кашмира, прежде всего в Кашмирской долине. Подозревается в участии в нападении на индийский парламент 13 декабря 2001 г. В 2001 году включена США в список международных террористических организаций.

Джаиш-е-Мохаммад. Образована в феврале 2000 г. бывшим членом «Хезб-уль-муджахидин» мауланой Масудом Азхаром вскоре после его освобождения из заключения. (Он находился в индийской тюрьме с 1994 г. и был освобожден 24 декабря 1999 г. в обмен на 155 заложников-пассажиров самолета, захваченного террористами и угнанного в Кандагар). В Афганистане маулана Масуд Азхар встречался с Усамой бен Ладеном, и по данным спецслужб США, его организация финансируется напрямую «террористом № 1». После запрещения в декабре 2001 г. пакистанскими властями «Джаиш-е-Мохаммад» маулана Масуд Азхар был заключен под домашний арест, однако вскоре был освобожден.

Другой лидер «Джаиш-е-Мохаммад» Шейх Омар Сайид подозревается в убийстве американского журналиста Дэниела Перла. В 1994 г. за многократные похищения людей был посажен в тюрьму в Индии и так же, как и маулана Масуд Азхар, был освобожден в обмен на заложников угнанного самолета в декабре 1999 г.

Подозревается индийскими властями в организации нападения на индийский парламент в декабре 2001 года. В 2001 году Государственным департаментом США «Джаиш-е-Мохаммад» включена в список террористических организаций.

Аль-Бадр (Аль-Бадр муджахидин). Образована при участии Объединенного разведывательного управления Пакистана (ISI) в 1971 г. первоначально для проведения террористических операций в Восточном Пакистане. После образования Бангладеш переброшена в Пакистан для организации диверсионной борьбы в Афганистане против советских войск в 80-е годы. В операциях в Кашмире активно действует с 1990 г. (в основном в южной части Кашмирской долины). Лидеры – Вахт Замин и Мохаммад Афзал. Численность – около 150 человек. Выступает за присоединение всего штата к Пакистану. (Составлено по www.cdi.org/terrorism/jem.cfm; www.saag.org/papers5/paper477.html; www.satp.org и материалам прессы.)

¹ Musa Khan Jalalzai. *The Holy Terror: Islam, Violence and Terrorism in Pakistan*. Lahore, 2002.

² Musa Khan Jalalzai. *The Holy Terror: Islam, Violence and Terrorism in Pakistan*. Lahore, 2002.

³ Белокреницкий В.Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // *Ближний Восток и современность*. Вып. 17. – М., 2003.

⁴ Yunas Samad. Pakistan, “Pro-Taliban Elements” and Sectarian Strife // *Press Information Notes*, November 1, 2001. – www.merip.org/pins/pin76.html

⁵ A.K.Ray. *Afghan Mujahideen and Terrorism in Kashmir* (www.kashmir-information.com/Afghanistan/A.K.Ray.html).

⁶ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. *Кашмирский очаг исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня*, М., 2002, № 1.

⁷ Vernon Loeb. *A Global Pan-Islamic Network* (www.library.cornell.edu/collddev/mideast/2601.htm)

⁸ J.B.Gupta. *Islamic Fundamentalism and India*. – Kolkatta, 2002.

⁹ Белокреницкий В.Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // *Ближний Восток и современность*. Вып. 17. – М., 2003.

¹⁰ Белокреницкий В.Я. Исламский радикализм, кашмирский кризис и геополитическая ситуация в центре Азии // *Ближний Восток и современность*. Вып. 17. – М., 2003.

¹¹ Москаленко В.Н. *Конфликт в горах // Солдат удачи*, М., 1999, № 11.

¹² www.terrorismanswers.com/groups/harakat.html

¹³ Stern J. *Pakistan's Jihad Culture // Foreign Affairs*, Nov/Dec, 2000.

¹⁴ Stern J. *Pakistan's Jihad Culture // Foreign Affairs*, Nov/Dec, 2000

¹⁵ Raman B. *Kashmir & The Pro-Bin Laden Terrorist Infrastructure in Pakistan // www.saag.org/papers5/paper477.html*

¹⁶ Raman B. *Al Qaeda Empire in Pakistan & Spurt in Terrorism in Kashmir // www.saag.org/papers6/paper554.html*

¹⁷ Raman B. *Kashmir & The Pro-Bin Laden Terrorist Infrastructure in Pakistan // www.saag.org/papers5/paper477.html*

¹⁸ Raman B. Al Qaeda Empire in Pakistan & Spurt in Terrorism in Kashmir // www.saag.org/papers66/papers554.html

¹⁹ Государственный департамент США о международном терроризме // www.commi.narod.ru/txt/2001/1002.htm

²⁰ Raman B. Jamaat-e-Islami, Hisbul Mujahideen & Al Qaeda. // www.saag.org/papers7/paper699.html

ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕБЫВАНИЯ
ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ (АКП)
У ВЛАСТИ В ТУРЦИИ

Парламентские выборы 3 ноября 2002 г. принесли безусловный успех *Партии справедливости и развития* (34,2% голосов), обеспечили ей возможность создать однопартийное правительство. Все партии прежнего состава парламента оказались вне его, причем ведущая тогда правительственная партия во главе с Эджевитом получила всего 1,2%. Полностью ошибся в своих амбициозных расчетах наследник Тюркеша Д.Бахчели, представлявший националистическую ПНД, вторую партию старого парламента. Фиаско потерпели партии прежних коалиций и их лидеры, вынужденные покинуть свои партийные посты – М.Йылмаз, Т.Чиллер. Провалилась попытка турецкого олигарха, «самого богатого миллионера» Джема Узана за три месяца, создавшего свою партию Генч, провести ее, «словно поп-звезду, в лидеры парламента, не помогли концерты, обеды и ужины, демонстрации одежды, не помогли ни лозунги, ни жесты, ни мимика.., по слухам, его расходы на предвыборную кампанию составили 200 млн. долларов». И наконец, партия Саадет, «колот Милли гёрюш и ее лидера – Эрбакана», получила всего 2,5%, все остальные голоса Милли гёрюш «вычистила у нее» АКП¹.

Единственной партией новой парламентской оппозиции оказалась Народно-республиканская партия, набравшая 19,3% голосов и сумевшая преодолеть 10-процентный барьер; до этого она даже не была представлена в меджлисе. Двухпартийный состав – редкое явление в истории турецкого парламента.

Сразу можно было заметить, что новая власть не стремилась рекламировать свои «корни» – прежние связи с МГ – и тем более выступить от имени этого движения. Ее лидеры более всего говорили об уникальной исторической миссии АКП в новом, 21 веке. На одной из своих первых встреч с журналистами после победы партии Р.Эрдоган отметил историческую значимость события – «установление власти нации», которая обеспечит экономическую стабильность, конкурентную рыночную среду, постоянный экономический рост и в этих условиях добьется справедливого распределения национального дохода, ликвидации нищеты, примет деятельное участие в строительстве нового мирового порядка, займет в этом мире достойное место между

западом и востоком, обеспечит Турции имидж надежного демократического государства. Он подчеркнул, что выполнение этой миссии «будет зависеть от реорганизации многих политических и управленческих структур страны», имея в виду ни много, ни мало реформирование избирательной системы, преобразование партий, в целом правовой системы, «создававшей препятствия в вопросах реализации прав и свобод человека... АКП как демократическая партия открыта нашей истории, культуре, национальным ценностям и современным переменам в мире». В экономике обещано усилить контроль над бюджетом, ускорить приватизацию, развивать реальный сектор, поощрять мелкое производство товаров и услуг. Упомянуты и конкретные амбициозные проекты – железнодорожный и пешеходный путь по новому мосту через Босфор, не забыт туризм. Задачи в сельском хозяйстве – поддержать развитие животноводства, принять рамочный закон об аграрной реформе, закон о страховании сельхозпродукции. «Турция будет срочно поставлена на правовой фундамент, подлежат обновлению Уголовный, Торговый кодексы. В начальном и среднем образовании – акцент на профессиональное и техническое обучение. Будет заново перестроен Совет по высшему образованию (СЕЮ)»².

Как же решало правительство АКП эти и другие вопросы? Представленная А.Полем меджлису 23 ноября программа 58-го правительства АКП (затем повторенная в марте 2003 г. с поправками 59-м правительством – уже во главе с Эрдоганом) была воспринята общественностью Турции как реформаторская хотя бы уже потому, что начиналась с обещания заменить действующую конституцию новой, либеральной, которая будет соответствовать требованиям ЕС. Вступление в это сообщество объявлено одной из главнейших задач правительства. 18 марта 2003 г. став премьером, Р.Т.Эрдоган представил на суд меджлиса обновленную программу, начав с упоминания Мустафы Кемала Ататюрка, его огромного вклада в «служение нации». Приход к власти АКП – «новых консерваторов-демократов» – он назвал «важнейшей переменной в турецкой политической истории».

Партия признает, что «плюрализм и различия, характерные для социальной сферы, аналогичным образом существуют и в сфере политики» и эта истина требует от всех политиков «необходимости договариваться на всех уровнях». Общественное и культурное разнообразие «должно привносить новые краски в политику на основе толерантности и доброжелательности, которые способствуют возникновению демократического плюрализма. Демократия сотрудничества обеспечивает возможность представительства всем оттенкам мнений». Еще раз настойчиво подтверждено намерение подготовить новую конституцию; нынешняя действующая стала «тесной для страны», и на ее замене настаивает и ЕС.

Констатируется, что мировая система, «перешедшая в 90-е годы от двухполярного мира к однополярному», уже в начале нового столетия

«начала испытывать боль от такого однополярного воздействия». «Турция, издавна являющаяся частью центра мировой силы, ощутила на себе эту новую ситуацию, региональное жизненное пространство Турции сталкивается с очень рискованной геополитикой... Перед фактом меняющейся региональной и глобальной практики следует заново осознать приоритеты внешней политики Турции, установить новый баланс интересов между этой практикой и национальными интересами».

«Проявившаяся после 11 сентября тенденция роста межрелигиозной и межкультурной напряженности должна быть остановлена во имя глобального мирного сотрудничества... Неопределенность с Ираком должна прекратиться, наше правительство считает, что иракский вопрос должен решаться в рамках решений ООН. Мы – за территориальную целостность и политическое единство Ирака. Природные богатства должны полностью принадлежать народу Ирака, необходимо, чтобы народы Ирака – туркмены, арабы, курды и все другие жили в мире». Несмотря на некоторые различия в оценке иракского кризиса между Турцией и США, «фундаментальная стратегическая и политическая истина состоит в том, что отношения между двумя странами являются союзническими». Вместе с тем «Турция является частью системы европейских политических ценностей, наше правительство решительно настроено полностью выполнить критерии, установленные в Копенгагене, и надеется на самое скорое решение ЕС о принятии в его члены Турции». Сохраняя участие в НАТО, правительство АКП «предприняло шаги для присоединения к Европейской оборонительной стратегии и ТВС, готово участвовать в отражении угроз на региональном и глобальном уровне».

Правительственная программа АКП предусматривает, что «в рамках добрососедства будут продолжены связи Турции с Российской Федерацией, основывающиеся на сотрудничестве и не противоречащие интересам каждой из сторон в странах Центральной Азии и Кавказа – в рамках культурной близости. Правительство АКП будет самым тщательным образом развивать евразийскую перспективу, предусматривающую максимизацию связей с Российской Федерацией». В программе фиксируется желание развивать отношения с Грецией, государствами Центральной Азии, Палестиной, Израилем и др., подчеркивается намерение уделять особое внимание связям с исламским миром. Отмечается, что наряду с традиционными направлениями внешней политики Турции – атлантическим и европейским – «будут продолжены усилия по развитию евразийского направления» – укреплению связей в рамках Организации экономического сотрудничества, Черноморского экономического сотрудничества³.

Турецкая пресса, пристально следившая за первыми шагами нового правительства, наибольшее внимание на этом этапе уделяла внешним контактам самого Тайипа Эрдогана, подчеркивая, что свои самые первые визиты за рубежом «умеренный исламист» номер один

нанес лидерам ведущих европейских государств, связав встречи с ними с рассмотрением в декабре 2004 г. вопроса о возможности приема Турции в ЕС (и дате такого приема) с учетом «поведения» Турции за предстоящие два года в области прав и демократии в стране. Турецкая сторона отчетливо осознает, что решение этого самого серьезного в новейшей истории вопроса можно сравнить с процедурой вступления в НАТО. Как тогда было немало противников принятия Турции, так есть и сейчас противники ее будущего пребывания в Европейском Сообществе. В то время не обошлось без поддержки США, есть эта поддержка и сейчас, другое дело – сегодня Европа уже не та разоренная опустошительной войной территория, получающая огромную финансовую помощь от США и готовая выполнить все их рекомендации.

Для многих очевидно, что дело не сводится к устранению отдельных норм права в гуманитарной и других сферах и даже не в уступках по кипрскому и курдскому вопросам. Как однажды признал Эрдоган при посещении Торговой палаты Стамбула в июле 2003 г., основные трудности проистекают из межцивилизационного конфликта, поэтому он делал упор на то, что руководству ЕС «Турция представит модель демократического ислама». Тема конфликта цивилизаций все чаще обсуждается в Турции, самое активное участие в дискуссии принимают исламисты, причем они, как правило, не сомневаются в том, что порождают упомянутый глобальный общемировой конфликт сами страны Запада. Так, обозреватель А.Озкан утверждал в сентябре 2003 г. в электронной версии *«Милли газете»*, что в проспектах новой Европы места для Турции нет. Он приводит перечень высказываний европейских политиков, подтверждающих этот тезис.

Например, бывший германский канцлер Гельмут Шмидт заявлял, что в будущей Европе нет места Турции. «Мы не можем позволить 70 миллионам турецких граждан свободно передвигаться в пределах Европы, не можем согласиться с тем, чтобы на наших границах соседями оказались такие страны, как Иран, Ирак, Сирия. Следует развивать с Турцией экономические связи, использовать покупательную способность ее молодого и быстро растущего населения, расширять наш экспорт в эту страну. Вместе с тем следует видеть, что эта страна не обладает основными признаками глобализации и не в состоянии усвоить международное братство. Население Турции в данный момент составляет 65 миллионов, через 35 лет оно достигнет 100 миллионов, а к концу 21 столетия будет равно суммарному населению Франции и Германии. Те, кто поддерживает принятие Турции, должны учитывать это обстоятельство. Культурные различия между Европой и Турцией намного больше, нежели наши различия с Россией и Украиной». Видный германский дипломат, знакомый с турецким менталитетом не понаслышке – бывший посол в Анкаре Вергау – утверждал, что «Турция в качестве члена ЕС полностью изменит идентичность сообщества». Влиятельный политик все той же Германии Вольфганг

Шейбл считает, что «членство в ЕС может быть приемлемо для стран с традициями христианской Европы, но не для мусульманской Турции и азиатской России. Границы ЕС ограничиваются географическими границами Европы... В любом случае Турция не европейская страна... Следует быть честными в отношении Турции и не заниматься двуличием». Такое же мнение высказали председатель одного из комитетов ЕС Том Спенсер, глава одной из комиссий французского парламента Франсуа Ленкль и другие. Уточняя этот тезис, германский историк Ганс Ульрих Велер считал, что «по своей географии, истории, религии, культуре, менталитету Турция – не европейская страна. Ради чего признавать за 65-миллионным мусульманским населением Анатолии право свободного передвижения по Европе и использования фондов ЕС?» О том, что изначально европейская идея формировалась на противостоянии туркам и исламскому миру (намек на крестовые походы? – Н.К.) высказался орган итальянского католического епископата газета «*ЛаВаннир*» (*L'Avvanire*) в январе 2000 г. Турецкий обозреватель приводит и другие, не менее категоричные высказывания представителей европейской политической элиты, включая известное заявление Жискара д'Эстена – «вступление Турции станет концом ЕС»⁴.

К слову сказать, как считают светские круги, некоторые представители новых властей Турции дают повод убеждаться в справедливости высказанных выше опасений европейцев, усомниться в подлинности намерений сохранить светский режим, не отказываясь в то же время от намерения вступить в ЕС. Идея о том, что под зонтиком ЕС, апеллируя к демократии, политическому исламу в Турции будет «легче дышать», может показаться достаточно привлекательной. Вопрос о том, несет или нет угрозу светскому режиму деятельность правительства, что стоит за обещаниями реформ, пересмотра конституции и т.д., – главная внутривластная тема Турции на протяжении всего 2003 года, она не менее актуальна, нежели проблема участия Турции в иракских событиях. Светские круги следят даже за, казалось бы, такой мелочью – появляются или нет с платком на голове на официальных приемах супруги новых высших гражданских чинов. Появление супруги председателя меджлиса Б.Арынчана на протокольной встрече с покрытой головой вызвало резкую реакцию в светских СМИ, в кругах военных. При этом они резонно ссылаются на прошариатские сюрпризы, продемонстрированные правящей Рефах в период пребывания у власти правительства Эрбакана. Нынешний начальник Генштаба Хильми Озкок заявлял, и не раз, что военные обеспокоены действиями правительства в вопросах светского режима, что «придется вмешаться, если повторятся действия правительства так, как это было в 1997 г. при правительстве Эрбакана»⁵. Компромисс пока сводится к тому, что жены высших чиновников стараются избегать таких приемов. Периодически генерал Озкок выносит эти вопросы на Совет национальной безопасности либо предлагает обсудить их во время личных встреч с Эрдоганом.

В связи с этим популярной в СМИ темой стала тема «красной черты», которую не следует пересекать новой власти, чтобы не вызвать подозрений в намерении подорвать в стране светский режим. По мнению видного обозревателя Али Биранда, эти подозрения исчезнут сами по себе, если Турция будет принята в ЕС, поэтому властям следует действовать именно в этом направлении. «Сейчас тратить время на споры о том, где должна пролегать красная черта – большая роскошь. Впереди перед Турцией маячит декабрь 2004 г., когда будет либо определена дата начала переговоров о принятии ее в ЕС, либо досье о «приключениях» с ЕС будет закрыто. Мы стоим лицом к лицу перед последним свиданием, которое и определит судьбу нашего государства. Воспрепятствовать приходу реакции в эту страну, т.е. сохранить навечно светскую и демократическую систему, присоединить ее к режиму, в котором принципы Ататюрка не смогут быть разрушены, можно лишь тогда, когда Турция сможет стать членом ЕС. Не дисциплина СНБ и не армейская дубинка – во всех отношениях будущее Турции может быть обеспечено только в полном членстве в ЕС. Другого пути нет. Никто не сможет изменить светскую, демократическую систему члена ЕС – Турции»⁶.

Здесь уместно напомнить, что уже не первый раз некоторые представители светской интеллектуальной элиты искренно хотят верить в то, что исламисты исправились и не покушаются на светский режим в стране. То же самое было, когда победила Рефах и побывала у власти в 1996/1997 годах. Тогда живущий в США преподаватель Принстонского университета влиятельный турецкий социолог Метин Хепер призвал поверить в перестройку Эрбакана и Милли гёрюш. Он считал, что переживаемый в то время Турцией этап характеризуется поиском достойного места религии в общественной жизни, что реформы периода республики, секуляризация переориентировали большинство народа с веры в ислам на веру в нацию. Народ стал осознавать себя не подданным исламского государства, а гражданином светской республики. Только треть тех, кто проголосовал за Рефах, была из числа верующих, другие же не хотят шариатского государства. «Нужно отказаться от убеждения, что каждый наш гражданин, если он посещает мечеть и отправляет своих детей на уроки религии, является религиозным фанатиком и сторонником шариатского государства. С другой стороны, приверженцам ислама следует с полным уважением относиться к остальной части общества и прежде всего к тем, кто не является мусульманином»⁷.

Тогда, как мы видим, гарантией сохранения светскости считалась вера в нацию. Теперь предлагается поверить в ЕС, членство в котором станет гарантией светскости. Однако, как видно из приводимых выше высказываний лидеров Европы, они считают, что Турция сама должна решать свои цивилизационные проблемы, прежде чем стучаться в дверь ЕС.

Случайно или нет, но новые власти без колебаний обратились к пересмотру прежде всего тех действующих в Турции законодательных

принципов, которые неуютны и для демократической, либеральной Европы. Запад также раздражает более всего вмешательство военных в политическую жизнь страны, вернее, достаточно зримое и активное их присутствие во власти. Европейцам представляется, что время военных переворотов и военных режимов в Турции прошло, претензии исламистов можно ограничить и без этих крайних мер, конституционным путем, например через СНБ. Более того, пришла пора ограничить активность военных и в этом органе, состав и функции которого определены 118-й статьей конституции. В свете такого взаимопонимания турецкий парламент в принятый очередной, уже 7-й пакет законов по изменению законодательства в соответствии с требованиями ЕС включил положения, которые «значительно, даже революционно» ограничивают роль СНБ и его генерального секретаря, в целом военных⁸.

Любопытно, что к дискуссиям в Турции и вне ее присоединилась российская газета *«Известия»*, которая следующим образом оценила упомянутые выше поправки: «ЕС навязал туркам рецепты, идеально подходящие для демократической, цивилизованной Европы. Но Турция – Азия. Мусульманская страна. От выборов к выборам все увереннее выступают исламисты. В нынешнем парламенте у них – абсолютное большинство. И лишь незримое присутствие на политической сцене военных сдерживало поборников шариата, заставляя до поры воздерживаться от радикальных шагов. Теперь ситуация может в корне измениться. В Турции армия исторически стоит на страже светского государства. Генералы – главные противники исламистов. Фундаменталисты всегда знали, что есть рубеж, за который им не следует переступать. В противном случае – военный переворот, чрезвычайное положение, возвращение страны к светским нормам жизни, установленным Кемалем Ататюрком.

А что теперь? Система сдержек и противовесов рушится. Совет национальной безопасности превращается в декоративный орган. Исламисты могут делать со страной все, что им заблагорассудится. По форме все безупречно, демократично. А по сути? Выиграет ли Европа, Запад оттого, что Турция превратится в исламское государство? Но брюссельские бюрократы об этом пока не задумываются⁹.

С мнением автора *«Известий»* демократы в Турции если и согласятся, то частично. Они объяснят, что в одинаковой степени вмешательство в политическую жизнь и исламистов, и военных подрывает ростки демократии. Соглашаясь, что Запад, осуждая военных, переходит в этом осуждении грань, выплескивает ребенка, объективно поощряет исламистов и что закрывать глаза много лет на действия исламистов значит и способствовать вмешательству военных, ужесточению авторитарного режима. Вновь необходимо вспомнить бесценный опыт 1996/97 гг., когда Эрбакан и его последователи буквально спровоцировали военных – не на переворот, конечно, а на требования остановить исламистов во власти. Но те же демократы в Турции

расскажут, что происходило в стране, когда генералы устанавливали свою власть. Что происходило не только с теми, кто провоцировал такое вмешательство, но в большей мере с теми, кто также осуждал исламистов. С демократами, курдами, требовавшими для себя право на национальную идентичность, с интеллигенцией.

Уместно привести характерное высказывание публициста Хасана Джемаля, который напоминает, что «вся недавняя политическая история страны развивалась в тени военного присутствия. Много сделано полезного на благо страны, но совершались дела и греховные. Военные перевороты 27 мая 1960, 12 марта, 12 сентября 1980 сопровождались казнями, политическими запретами... В процессе республиканской революции и становления нового государства были допущены крайности и ошибки и по курдской проблеме, и светскости. Это определило на многие годы существование политических штампов и мышления, затруднявшего создание демократического правового государства. Все это наиболее отчетливо проявилось в связи с вступлением в ЕС. Так, решение курдского вопроса ими воспринимается как путь к курдскому национализму и к сепаратизму. Закулисно тормозится решение кипрского вопроса... В Турции есть сторонники шариата, есть и будут... Да – бдительности. Да – требовательности. Нет – держать общество в напряжении. Следует осознать – если армия помещает вступить в ЕС, страна не сможет выполнить задачу, намеченную Ататюрком – учреждение современной цивилизации»¹⁰.

Иллюстрацией весьма противоречивого представления некоторых турецких генералов о сложном процессе демократизации может служить прощальное и поэтому достаточно откровенное заявление недавнего генерального секретаря СНБ Тунджера Кылынча на церемонии передачи дел своему преемнику на этом посту генералу Шюкрю Сарыишику. Он напомнил, что со времени начала многопартийной системы усилились религиозные течения, однако кемалистские принципы так и не смогли распространиться в стране в тех же масштабах. По его мнению, продолжать укрепление принципов кемализма, происходившее в течение 80 лет, означает сохранять и сейчас не только принципы единого государства и единой нации, но и «единый язык, единое знамя». «Растет число интеллектуалов и писателей, которые этническое разделение именуют демократизацией. Как мы можем быть единым кулаком, если разрушается единство языка, цементирующего наш союз и наше единство, если подрывается единство веры тем, что множатся тарикаты и джемааты? Как можно добиться единства общественного мнения, когда некоторые СМИ поощряют политические силы, которые ставят собственные интересы и устремления выше национальных ценностей». Он заявил затем, что «при наличии хороших отношений с Россией и Ираном дверь в Каспий и Центральную Азию может быть открыта намного легче и это принесет пользу нашим национальным интересам... Если даже мы сможем

стать полноправным членом ЕС, все равно мы нуждаемся в таких отношениях». Новый генеральный секретарь генерал Сарыишык также говорил о единстве: «В политической и социальной сферах расширяются и усиливаются раздробленность, этническое противостояние и религиозные и идеологические конфликты, микронационалистические идеологии, популистские течения, деятельность реакции... Мы будем выполнять наши обязанности по защите демократии и конституционного режима, опираясь на идейные принципы кемализма...»¹¹.

В перечне мер новой власти, угрожающих светскому режиму, называются попытки пересмотреть законодательство, касающееся образования. Как можно судить по публикациям в турецких СМИ, светские круги считают, что предлагаемая правительством АКП реформа просвещения, если будет осуществлена, обеспечит постепенную интеграцию системы религиозного образования и ее кадров в государственную общеобразовательную систему. Пока речь идет о намерении облегчить поступление в светские университеты выпускников религиозных лицеев, именуемых лицами имамов-хатибов и дающих соответствующую профессиональную подготовку и образование. Такие планы оценены в Турции как попытка превратить всю систему государственного светского образования, учрежденную при Ататюрке, в смешанную, светско-религиозную. Уже в январе 2003 г. сообщалось о намерении реформировать Совет по высшему образованию, причем «не во имя движения его и университетов к большей демократии, автономии и современной структуре... Просматривается мастерски замаскированная, скрытая цель – взять университеты полностью под контроль власти АКП, чтобы затем заполнить их послушными кадрами и превратить в подобие медресе»¹².

Отвергая такого рода обвинения, власти призывали руководство Совета по высшему образованию, ректоров университетов совместно обсудить назревшую, по их мнению, проблему подготовки кадров с высшим образованием, а не объявлять подготовленный законопроект полностью негодным и антисветским. Сам Эрдоган оскорбился по поводу тех эпитетов, которые относились к школам имамов-хатибов, и напомнил, что он сам – выпускник такой школы и будет судиться с каждым, кто утверждает, что они – «беда на голову Турции», эти «полезные учреждения открыты еще при Ататюрке»¹³. Ситуацию попытался разрядить министр юстиции, сообщивший, что принятие закона – дело будущего и замечания по нему власти готовы обсудить. По этому поводу сторонники Милли гёрюш высказали недовольство, отметив, что АКП обладает возможностью изменить своим большинством конституцию, однако обещанное принятие закона «об устранении несправедливости» для выпускников школ имамов-хатибов при поступлении их в университеты затягивается, учащиеся потеряют год в ожидании¹⁴.

Многое свидетельствует, что хотя минул год со времени выборов, а общественность, СМИ все еще продолжают гадать – изменился

Эрдоган или не изменился и остался исламом. Об этом писал, например, в сентябре О.Индже: «Чтобы определить – изменился ли приверженец Милли гёрюш, исламист, или не изменился, существуют способы, один из них – неизменная вторая статья конституции, излагающая республиканские принципы. Однако, судя по последней книге, изданной АКП, поставлена задача определить светскость согласно их собственному представлению, а после этого нового определения избавиться от упоминаемой статьи действующей конституции». Автор считает, что есть и другое мерило – 174 статья конституции о защите революционных законов. Речь идет о законе от 3 марта 1924 г. № 430 об унификации образования, законе от 25 ноября 1924 г. № 671 о головном уборе, законе от 30 ноября 1924 г. № 677 о текке и завие, статья 110 Гражданского кодекса от 17 февраля 1926 г. № 743, определяющая обязательность регистрации брака на светских принципах; есть также закон от 20 мая 1928 г. № 1288 о международных переписях населения, закон от 1 ноября 1928 г. № 1353 о принятии турецкого алфавита, закон от 26 ноября 1934 г. № 2590 об отмене обращений типа эфенди, бей, паша, закон от 3 декабря 1934 г. № 2596 о запрете ношения некоторых видов одежды.

Оставим в стороне одежду женщины в семье и способ оформления брака. Первый из названных законов стал для Р.Т.Эрдогана и первым пробным камнем, ибо он «напрямую касается режима в Турции – правительство Р.Т.Эрдогана своими законами, относящимися к сфере образования, обучения и деятельности Совета по высшему образованию создает угрозу Республике»¹⁵.

Поиски активистами АКП нового имиджа для партии, обращение к понятию демократический ислам продолжают, партия не намерена отказываться от принадлежности к политическому исламу, чтобы не потерять избирателя, в то же время она стремится уйти от прежнего открытого противопоставления светским кругам, ищет способы соединения не всегда совместимых лозунгов и предпочтений. Пример – подготовка к круглой дате – 80-й годовщине республики. Ее планировали отметить торжественно, по-новому, с активным участием Управления по делам религии. 24 октября во всех мечетях звучали проповеди «государство и республика в исламе», оглашалась хутба на тему «исламская религия и республика». По всем провинциям прошли семинары на тему – «деятели религии в годы республики», вышли в эфир передачи ТВ и радио посвященные религиозным деятелям в национально-освободительной борьбе. Был издан специальный правительственный циркуляр об основных задачах указанных торжеств, о главных республиканских ценностях, национальной морали, трудолюбии и пр.¹⁶

Газета «Сабах» предоставила свои страницы различным политикам и интеллектуалам для ответа на вопрос – нарушила ли АКП за время пребывания у власти принцип светскости в своих действиях и высказываниях или не нарушила. Ответы свидетельствуют, что свет-

ская элита еще не уяснила до конца, что же отныне понимают под термином светскость лидеры АКП, поэтому иногда трудно определить, пересечена уже запретная «красная линия» или нет. Немало опрошенных утверждали, что, подготовив такие законы, как закон о высшем образовании, новая власть перешла запретный рубеж, нарушила принцип светскости. Например, проф. Устюн Эргюдер считает: «В наше стремительное время успеха добиваются те, кто шагает в ногу с переменами. Беспокойство относительно искренности АКП существует. Обещанные ими изменения очень интересны и позитивны, однако все это должно сопровождаться реальными действиями, у людей не должны оставаться предубеждения. Перемены, способность к ним – важное достоинство, тот, кто говорит о переменных, должен это подтверждать. Такую переменную я увидел в сближении с Европой. Однако в проекте закона о высшем образовании я прочел совсем противоположное. Временные статьи меня встревожили, они вызывают беспокойство». Проф. Ф.Аджар заявил: «В обществе существует некоторое беспокойство относительно понимания АКП светскости, и пока удовлетворительного ответа на такого рода вопросы нет. За 10 месяцев наблюдается развитие консервативной тенденции. Утверждается, что извлечены уроки из накопленного за 80 лет опыта и изменения направлены в положительную сторону. Правда это или нет, покажет время. 10 месяцев для этого недостаточно»¹⁷.

Известной консолидации обновленной правящей элиты способствует иракская война. Выясняя важный вопрос – исламистская ли партия АКП, вся турецкая общественность, независимо от политических устремлений, была озабочена не менее серьезной проблемой – развитием иракского кризиса, разразившимся у границ Турции. Возник целый комплекс проблем, требующих неотложного решения от только что созданного правительства, к тому же представляющего новую партию с новым лидером. Еще перед началом войны постоянный «наставник» АКП газета «Милли» писала, что Турция вступает в чрезвычайно критическую фазу, США готовятся напасть на Ирак и «намерены использовать в этой своей грязной войне в качестве инструмента Турцию, что ввергнет ее в тяжелый экономический и социальный кризис»¹⁸.

Объясняя задачи приближающейся оккупации Ирака, американцы ссылались и на пример Турции. Как явствует из беседы в Вашингтоне корреспондентки газеты Сабах Аслы Айдынташбаш с новым советником правительства США Джеймсом Вулси (Woolsey), бывшим главой ЦРУ, США «намерены изменить лицо Ближнего Востока путем применения принципов Ататюрка». Он утверждал, что «Буш-младший – последователь Джорджа Вашингтона и Кемаля Ататюрка... Ататюрк начертал путь, по которому следует двигаться Ближнему Востоку... Помимо Китая, осталось два региона в мире, куда не пришла демократия, это – Ближний Восток и Центральная Азия. В тюркских республиках Центральной Азии турецкая модель может распространиться лег-

ко... В Ираке это также возможно, но не легко и не быстро.., там мы останемся на несколько лет. В Ираке уже есть светская структура, признаны права женщины, страна богата нефтью, есть понятие государства Ирак... Народ готов к тому, чтобы стать первой иракской демократией... И сегодня актуальны формулы, выведенные Ататюрком и Джефферсоном. Турция – будущее Ближнего Востока. Я не утверждаю, что это будет легко. Однако, чтобы вывести Ирак при руководстве Турции на светский, конституционный и, возможно, федеративный путь, мы изменим облик Ближнего Востока»¹⁹.

Как известно, турки не поддержали вторжение американских войск в Ирак, наоборот, многие осудили эту акцию, называя ее «кровавой и несправедливой, кровавой и аморальной, кровавой и бессовестной». «Сильная, богатая, уважаемая создательница нового мирового порядка, великая Америка, – писала газета «Сабах» – вторглась в Ирак и заявила, что она все изменит – но все теми же способами: ударами, бомбардировками, убийствами. Скажите мне, умные люди, – чем Буш отличается от Саддама?.. Даже по одной этой причине принятие Турцией решения о том, что она не поддерживает своей армией агрессию США, следует считать историческим успехом. Нашу армию хотели вовлечь в Багдад. Турция не пошла на эту грязную игру»²⁰.

Конечно, и властям, и общественности страны было очевидно, что Турции, в течение полувека связанной по рукам и ногам военными и финансовыми обязательствами перед США, не удастся долго оставаться в стороне от военных акций американцев и в последующем в той либо иной форме придется в этих акциях принять участие, причем на условиях американцев. Так, стало очевидным, что США категорически против ввода турецких войск в Северный Ирак, хотя такой шаг стал бы некоторым оправданием поведения власти в глазах населения и оппозиции.

Завершив оккупацию Ирака без использования для этого турецкой территории, поскольку меджлис так и не дал на это согласия, США вскоре вновь почувствовали необходимость обратиться к Турции, на этот раз с тем, чтобы использовать турецкую армию для охраны порядка в центральном Ираке. Уже в июле обозреватель «Сабах» Мехмет Тезкан пишет, что власть вновь оказалась на минном поле, на этот раз отвергнуть американское предложение об отправке турецких войск вряд ли удастся, и в правительстве и в меджлисе понимают, что не поддержать запрос США – значит заморозить турецко-американские отношения, вызвать конфликт с МВФ и лишиться обещанных многомиллиардных кредитов. «Что станет с экономикой? Кризис – на пороге». Если же согласие меджлиса будет получено и войска Турции будут посланы в Ирак, в «проблемный район», неизбежны потери людей. «Устоит ли правительство?»²¹ О том, что итоги международных опросов свидетельствуют – мировое сообщество не поддерживает такую операцию, турецкий народ против интервенции, писала и газета

«Терджюман», признавая вместе с тем, что у турецких властей нет выбора: «всем понятно, что Турция не заинтересована в дальнейшем обострении отношений с США, а предпочтение Европы ничего не даст, США – глобальная сила, в их руках по-прежнему находятся источники кредитов, включая финансовые источники международных организаций. Государственная политика требует сохранять, насколько это возможно, должный уровень отношений. Наконец, у самой АКП особые отношения с США. Новый хозяин в Вашингтоне при желании, отчасти по причине ислама, способен организовать уход АКП из власти. Как эту двойственность сумеет АКП преодолеть? Не надо забывать, что единственная возможность спасения в этой ситуации – активизация ООН»²².

Пока Турция ожидала решения своего парламента по поводу отправки войск в Ирак, множились высказывания иракских политиков, включая курдских, о нежелательности прибытия турецких солдат в Ирак. Министр иностранных дел временного совета Ирака Хошъяр Зебари заявил даже, что Турция, возможно, намерена завладеть Мосулом и Киркуком. «Мы с недоверием относимся к турецкой армии. США гарантировали нам, что вопрос о турецких войсках в Ираке не подлежит обсуждению. Было бы лучше, если бы соседние страны – не только Турция, но и Иран, Сирия, Кувейт, Иордания не присоединялись бы к миротворческим силам в Ираке... Ирак нуждается в помощи в сферах культуры и экономики»²³. Лишь представители туркомсисов во временном совете Ирака приветствовали планы размещения турецких войск в Ираке. В начале октября меджлис Турции согласился, наконец, поддержать отправку войск в Ирак, посол США в Турции Эрик Эдельман пояснил, что турецкие части будут наводить там общественный порядок. В то же время президент Турции Сезер заявил, что принятое меджлисом решение будет тщательным образом обдуманно правительством и не следует сводить его лишь к отправке войск. Правительство получило согласие, но использует оно его или нет – дело правительства²⁴. Любопытно, что почти одновременно с этими сообщениями властями Турции было подтверждено, что подписано соглашение с США о предоставлении обещанного кредита в 8,5 млрд. долларов²⁵.

Выше шла речь о главных проблемах, занимавших власть АКП в течение 2003 года, причем они отодвинули даже вечную и самую большую тему любой власти Турции – экономику. Эти проблемы притушили и шумную оппозицию партии Генч, и стычки с парламентской и непарламентской оппозицией, которая сама еще только приходит в себя после выборов и не в силах должным образом сформулировать власти свои предложения и требования по главным вопросам. Кратко можно отметить, что за прошедший год не возникало острых проблем в сфере экономики и социальной жизни, статистика констатировала поступательное развитие этой сферы, рост экспорта, снижение инфляции, укрепление лиры. Проведены успешные переговоры по поводу заключения нового трудового соглашения с конфедерацией Тюркиш, представ-

лявшей интересы 454 тыс. рабочих государственного сектора. Преду-
смотрены социальные гарантии на случаи добровольного ухода на
пенсию некоторых категорий работников приватизируемых предприя-
тий.

Попыткой радикального вмешательства в процессы регулирования
экономики, как бы продолжением реформаторской деятельности
Озала в 80-е годы можно считать закон № 4916 относительно некото-
рых изменений законодательства, касающегося государственной не-
движимости. Цель закона – облегчить продажу – на льготных услови-
ях – казначейской недвижимости, что должно способствовать вовле-
чению государственного недвижимого имущества в хозяйственную
жизнь страны. Закон касается государственных земельных участков,
которые используются (на условиях аренды) или могут использоваться
частными физическими либо юридическими лицами, кооперативами в
сферах промышленного производства, жилищного строительства,
судостроения, агросферы и др.

Так, предусмотрена льготная продажа земельных участков либо со-
ответствующих акций казначейства частным совладельцам капитала
агрофирм, реально занимавшихся сельскохозяйственной деятельностью
на указанных землях в предшествующее пятилетие. Соответствующие
изменения предусмотрены в Законе о сельскохозяйственной реформе в
зонах орошаемого земледелия (№ 3083, принят в ноябре 1984 г.). Со-
гласно новому закону, иностранные юридические и физические лица
могут в хозяйственных целях приобретать на территории Турции недви-
жимость при условии, что такие же права соответствующее иностранное
государство признает за турецкими гражданами и организациями²⁶.
Опубликован в официальной «Ресми газете» закон об организации Об-
щества социальной защиты, которое сконцентрирует в своих руках руко-
водство крупнейшими социальными учреждениями страны.

Не обошлось без критики со стороны Национального взгляда – его
орган упрекнул власти в том, что за спорами о тюрбане власти скры-
вают истинное положение с голодными и обездоленными, между тем
голод остается главнейшей внутренней проблемой страны²⁷. Власти
огласили планы дальнейшей приватизации государственной соб-
ственности, рассчитывая получить при этом 4 млрд. долларов. Сооб-
щается также, что правительство готовит к продаже земельные
участки, ранее входившие в разряд государственных лесных угодий и
после изменения законодательства ставшие доступными для прода-
жи. Это в основном регионы, поддерживавшие АКП на выборах. Сум-
марная площадь этих участков достигает 3 733 тыс. дёнюмов²⁸.

Как уже сказано, Соединенные Штаты согласились предоставить
Турции заем в размере 8,5 млрд. долл. как компенсацию за потери, по-
несенные ее экономикой во время иракской войны. Кредит предоставлен
на условиях проведения Турцией жесткой экономической политики и со-
трудничества с США в вопросах, касающихся Ирака. Вашингтон и Анкара

официально отрицают существование какой бы то ни было связи между кредитом и отправкой турецких солдат в Ирак. Сообщается при этом, что в течение последних двух лет, столкнувшись с самым серьезным экономическим кризисом с 1945 года, Турция взяла у МВФ в общей сложности 15 млрд. долларов на поддержание своей финансовой системы²⁹.

АКП удается легко расправиться с партией Генч, судебные власти дали согласие на арест трех лиц из семьи Узанов и нескольких руководителей Имар-банка в рамках расследования о финансовых нарушениях этой семьи миллионеров. Печать сообщала о стремительном падении престижа семьи Узан. Особенно подробно изложена биография Джема Узана, рассказывается об обмане им фирм Моторола и Нокиа, долг которым достигает 2,7 млрд. долл. Судебные органы США сообщили, что в числе арестованного ими имущества в США и Европе – остров, агроферма, множество вилл. В Турции семья владеет банком Имар, еще двумя банками, электрокомпанией, яхтами. Власти наложили на все это арест. Успехи главы семьи Кемалья Узана начались благодаря установлению им близких связей в 80-е годы с тогдашним премьером Тургуттом Озалом. Джем Узан пытался пройти в депутаты на выборах в ноябре 2002 г., но его партия не набрала 10%. Адвокаты семьи утверждают, что все обвинения – политическая месть правительства АКП³⁰. Ранее семья Узан организовала кампанию в СМИ, утверждая, что партия Эрдогана корнями связана с исламистским движением в Турции и по этому вопросу имеет тайную программу. В принадлежащей Узанам газете «Стар» опубликована фотография периода войны в Афганистане: Эрдоган виден на ней рядом с Гульбеддином Хекматьяром³¹.

Также началось парламентское расследование нарушения законодательства прежними правительствами, оно касается 25 бывших министров от нескольких партий, в нем упомянуты Эджевит, М.Йылмаз, Д.Бахчели, Кемаль Дервиш и другие³².

Комиссия ВНСТ, состоящая в основном из депутатов от АКП, обвиняя прежнее правительство Б.Эджевита и 13 министров в нарушении законодательства о приватизации, не замечает аналогичных нарушений правительства Эрдогана. Свидетельства наличия такого двойного стандарта у газеты имеются, и часть их приводится в публикациях. Туфан Тюренч: «Поистине, удивительная страна Турция. Наш премьер, не представив отчет о своем имуществе и собственности, так и не закрыв судебное дело в бытность председателем муниципалитета, решил отправить Эджевита в Yuce Divan по обвинению в злоупотреблениях. Как жаль, что в нашей демократии вместо совестей (вижданлар) господствуют пальцы... Тайип-бей, подобно своему учителю Эрбакану, продляет королям достойную жизнь многие годы. Но не раскрывает источники прожитой жизни, ни своего имущества. Многократно задаваемый вопрос – *Откуда льется вода на эту мельницу?* – ответа не получает. Потом выясняется, что расходы на отправку его детей в Америку компенсировал один лондонский бизнесмен. Подни-

мается шум. Без сомнения, на Западе такое событие опорочило бы имя политика, он не смог бы далее заниматься политикой. У нас же как будто ничего не произошло, его политическая деятельность продолжается, он избирается депутатом, даже становится премьером. А затем сам обвиняет в злоупотреблениях человека, подобно Эджевиту, известного своей порядочностью, и отправляет в Юдже Диван»³³.

Произошли в течение года и небольшие изменения в составе меджлиса, в результате смены некоторыми депутатами своей партийной принадлежности по состоянию на середину октября 2003 года число депутатов АКП составляло 368 человек, НРП представляло 175 депутатов, появились 3 представителя Партии верного пути, 1 – Либерально-демократической партии и 3 – независимых.

¹ www.aksiyon.com.tr/ Aksiyon, № 414.

² <http://www.akparti.org.tr/acileyem.doc>

³ www.basbakanlik.gov.tr/ <http://www.akparti.org.tr/hukumetprg.doc>

⁴ <http://www.milligazete.com.tr/20092003/yz29.htm>

⁵ Радио ВВС на русском языке. 27.05.2003.

⁶ Milliyet, 29.04.2003.

⁷ Milliyet, 19.03.1996.

⁸ Русская служба БиБиСи, 31.07.2003.

⁹ Известия, 02.08.2003.

¹⁰ Milliyet, 29.04.2003.

¹¹ Sabah, 26.08.2003.

¹² Milliyet, 14.01.2003.

¹³ www.akparti.org.tr/ 15.10.2003.

¹⁴ Milli Gazete, 16.10.2003.

¹⁵ Hürriyet, 26.08.2003.

¹⁶ Hürriyet, 22.08.2003.

¹⁷ Sabah, 20.08.2003.

¹⁸ Gazete, 26.12.2002.

¹⁹ Sabah, 14.01.2003.

²⁰ Sabah, 22.03.2003.

²¹ Sabah, 24.07.2003.

²² Tercüman, 25.07.2003.

²³ Sabah, 05.09.2003.

²⁴ Milliyet, 15.10.2003.

²⁵ Sabah, 15.10.2003.

²⁶ İstanbul Ticaret. 25.07.2003.

²⁷ Milli Gazete on line, 29.04.2003.

²⁸ Milliet, 14.01.2003.

²⁹ BBC Russian.com, 23.09.2003.

³⁰ Hürriyet, 26.08.2003.

³¹ Hürriyet, 25.07.2003.

³² Sabah, 24.07.2003.

³³ Hürriyet, 25.07.2003.

**ЭКОНОМИКА АФГАНИСТАНА
В ПОСТТАЛИБСКИЙ ПЕРИОД
И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ**

Вопрос восстановления экономики Афганистана, разрушенной в ходе более чем 20-летней гражданской войны, впервые за последние несколько лет был заново серьезно рассмотрен в ноябре 2001 г. после свержения режима Талибан в Вашингтоне, в ходе встреч представителей ведущих стран мира, которые и стали впоследствии основными донорами этой страны. Основательно эта проблема была проанализирована на Токийской конференции, посвященной проблеме восстановления политических и экономических институтов послевоенного Афганистана, где странами-донорами и международными и неправительственными организациями в качестве безвозмездной помощи были обещаны первые финансовые ресурсы.

На основании материалов и данных афганской прессы, а также отчетов международных организаций, действующих на территории Афганистана, главным образом Сельскохозяйственной и Продовольственной организаций ООН, автор настоящей статьи рассматривает достигнутые результаты и определенные успехи страны в области экономики за годы после свержения режима Талибан.

Самым знаменательным событием в экономической жизни Афганистана за послевоенный период стало введение в обращение новой денежной единицы. Деноминация нового афгани была произведена 1 к 1000. Обменный курс афгани к доллару Национальным Банком страны был установлен 45:1. Для поддержания курса афгани в указанном масштабе (45:1) в резервном фонде банка находилось 20 млн. долларов¹.

В результате обмена новых денег на старые выяснилось, что в обороте имелось не 13 трлн. афгани наличными, как предполагалось, а 18 трлн. – иными словами, на 100 млн. долларов больше, чем ожидалось². Важность такой кампании для населения страны заключается в том, что у многих жителей появилась возможность обменять и использовать накопившиеся в течение последних десятилетий бумажные деньги, считавшиеся ненужными для покупки товаров и услуг. С другой стороны, денежная единица является одним из тех основных макроэкономических компонентов, которые в совокупности способны создавать единое экономическое пространство в пределах той или иной страны.

Как известно, нормальное функционирование кредитно-денежной системы любой страны зависит от налаженной налогово-бюджетной политики. Данный вопрос в Афганистане пока остается нерешенным. Многие региональные лидеры при реализации экономических, особенно фискальных задач еще продолжают действовать автономно. Переходное правительство Х.Карзая признается, что подобные факты имеют место. В государственную казну за 2001/2002 финансовый год из 300 млн. фунтов таможенных сборов от двенадцати губерний, по данным правительства Афганистана, поступило всего 50 млн. – то есть примерно 16,6% сбора. Остальной частью сборов (250 млн. фунтов) распоряжались сами губернаторы³. По другим данным, в 2002/2003 финансовом году налоговые сборы составляли примерно 17% от всего бюджета⁴.

Программы по развитию экономики Афганистана, разработанные правительством страны и международными организациями, включают в первую очередь работы по восстановлению производственной инфраструктуры, сельского хозяйства страны, систем образования и здравоохранения. Председатель переходного правительства Афганистана Х.Карзай называл экономическую инфраструктуру ключевым звеном в деле реконструкции страны⁵.

На сегодняшний день сельское хозяйство, сферы услуг и торговли – основные и почти единственные источники дохода жителей страны. Промышленные предприятия не функционируют, а в программах по развитию экономики Афганистана они находятся на втором плане.

Производство и экспорт наркотических веществ по-прежнему находятся на весьма высоком уровне. Доход от их экспорта за 2002 г. оценивается в пределах 2,5 млрд. долларов США. Эта цифра равна 62,5% ВВП, а также более чем в 5,1 раз превосходит бюджет страны за 2002 г.⁶

Афганистану для выхода из нынешней ситуации предстоит решить множество серьезнейших экономических и социальных проблем. Возврат вынужденных переселенцев и перемещенных лиц – одна из них, а решение требует времени и прежде всего огромных финансовых средств. От этого во многом зависит перспектива дальнейшего социально-экономического развития страны.

По официальным данным за 2002 г., из Пакистана и Ирана на родину вернулись свыше 1,8 млн. вынужденных переселенцев⁷ (табл. 5). Афганские газеты уже в начале осени 2002 г. сообщали, что в этот период из-за отсутствия жилья и топливных ресурсов (не говоря о проблеме с продовольствием и одеждой) возвращение беженцев становится практически невозможным. Многие из них из-за отсутствия минимальных условий для проживания вновь выехали из страны. Дома большинства вынужденных переселенцев разрушены. Только некоторые состоятельные лица могут либо восстановить свое хозяйство, либо временно арендовать жилье.

Подавляющая часть населения лишена подобных возможностей, и поэтому при возвращении они сталкиваются с еще большим количеством проблем⁸.

Одной из этих проблем является их трудоустройство. Существующие условия в Афганистане пока несравнимы с теми, которые имели некоторые репатрианты за пределами страны. В Пакистане и Иране они, по крайней мере, имели возможность зарабатывать на жизнь. Отсутствие необходимых условий жизни и весьма низкий доход уменьшает шансы на окончательное возвращение беженцев на места их постоянного жительства. По данным Азиатского Банка развития, в семи северных провинциях и Кабуле доход на одного человека у 45% жителей составляет 25 центов в день⁹. Некоторые организации разными способами создают временные рабочие места, особенно в сельских местностях. Агентство США по международному развитию в 2001–2002 финансовом году выделило 25 млн. долл. на создание краткосрочных рабочих мест или предоставление продовольствия взамен выполнения того или иного вида работ (реконструкции автодорог, строительство малых ирригационных каналов, школ, больниц и т.д.). Подобные мероприятия также проводятся Фондом Ага-Хана и другими международными и неправительственными организациями¹⁰.

Только с октября 2001 г. по март 2002 г. Всемирная продовольственная программа предоставила почти 6 млн. нуждающихся жителей Афганистана 360 тыс. т продовольственных товаров¹¹. Поступающая в имеющихся объемах внешняя помощь, по анализу афганской прессы, является недостаточной, а потому не влияет на сложившуюся ситуацию. Обещания международных организаций и особенно Верховного Комиссариата ООН по делам беженцев – писала афганская газета «Арман-е милли» – все еще остаются только на словах¹².

Основная часть возвратившихся беженцев концентрируется в центральных районах страны (см.: табл. 1), главным образом вблизи Кабула. В результате город фактически не готов принять такое количество людей. К числу проблем, возникающих вследствие этого, относятся нехватка питьевой воды, загрязнение окружающей среды и, конечно, распространение различных заболеваний, особенно таких инфекционных, как, например, малярия – непривычная для климата города¹³. Их распространение создает серьезные проблемы, препятствующие социальному и, в конечном счете, экономическому развитию города и страны.

Внутренние перемещенные лица наряду с эмигрантами относятся к числу тех, кто почти полностью потерял свое хозяйство. В 2002 г. примерно 400 тыс. перемещенных лиц вернулись на свои места постоянного жительства¹⁴. Отдельные страны содействуют их возвращению и восстановлению их хозяйства. Япония, например, в рамках такой программы выделила 13 млн. долларов¹⁵.

Таблица 1

**Число репатриантов из Пакистана и Ирана
с 01 марта 2002 по 31 января 2003 гг.**

№ п/п	Регионы Афганистана	Число репатриантов (тыс.чел.)
1	Центральный	828,2
2	Восточный	376,5
3	Северный и северо-восточный	394,1
4	Юго-восточный	28,9
5	Южный	102,7
6	Западный	76,9
	Всего по регионам	1807,3

По конкретным программам по реабилитации экономики Афганистана отдельные страны и международные организации выделяют финансовые и материальные ресурсы. Азиатский Банк развития на период между 2003–2005 гг. в качестве кредита и грантов в июне 2003 года выделил Афганистану денежную сумму в размере 610 млн. долларов США для восстановления таких ключевых секторов экономической инфраструктуры, как автомобильные дороги, электроэнергия и природный газ. Из этой суммы 580 млн. долларов выделяются как концессионные ссуды, а остальная часть (30 млн.) – как гранты. Эти ресурсы будут использованы для реконструкции 450 км автомобильных дорог, части кольцевой дороги на севере страны, автодороги, соединяющей страну с Узбекистаном, линий электропередачи в северных провинциях, восстановления системы распределения электричества в Кабуле и разрушенного оборудования для распределения природного газа в Шибергане и Мазари-Шарифе. Банк намерен подобным способом создавать рабочие места для жителей Афганистана, живущих в тяжелейших экономических условиях, с тем, чтобы они зарабатывали себе средства существования¹⁶.

Правительство Канады в рамках программы ООН по разминированию территории Афганистана выделило 5 млн. долл. США. С сентября 2002 г. Канада на гуманитарные цели в Афганистане предоставила 116,6 млн. долларов. Часть выделенных в марте 2003 г. дополнительно 250 млн. долл. будет направлена на развитие сельского хозяйства и использование природных ресурсов страны¹⁷. Агентство США по международному развитию на различные проекты в Афганистане за февраль 2001–2003 гг. израсходовало 734 468 682 долларов США¹⁸.

Одной из основных проблем в области инфраструктуры является реконструкция главных магистральных и кольцевых автодорог, соединяющих провинции страны между собой, а также с центром. Афганцы надеются, что оборудованный выход к другим странам позволит Афганистану превратиться в транзитную зону торговли между государствами Центральной Азии и странами, расположенными к югу

от Афганистана. На нынешнем этапе запланирована реконструкция главных автомобильных магистралей общей протяженностью в 5,6 тыс. км, а также сети второстепенных дорог. По данным министра общественных работ Афганистана, на восстановление каждого километра автодороги потребуется 140 тыс. долл. США¹⁹.

Работы по реконструкции автодорог ведутся в разных регионах и провинциях страны, основными из которых можно считать три направления, открывающие транспортное сообщение между Кабулом и главными экономическими районами страны, а также сопредельными странами²⁰.

1. Участок автомагистрали Кабул-Саланг-Души обеспечит транспортное сообщение столицы с северо-восточными и северными провинциями страны, а также выход на рынок центральноазиатских стран и в перспективе, возможно, в Китай. Особо важным в этом плане является наличие железной дороги на таджикской стороне вдоль границы с провинцией Кундуз (в районе порта Шерхан), что снижает транспортные расходы экспортных и импортных товаров. Данный участок при технической помощи МЧС России был восстановлен раньше других, но нынешнее плохое состояние дороги препятствует эффективному транспортному сообщению, а в зимних условиях из-за больших снегопадов и лавин на перевале Саланг она весьма часто закрывается²¹.

Для обеспечения нормального двухстороннего и безопасного с технической точки зрения транспортного сообщения между центром и указанными провинциями на данном участке предстоит выполнить еще много работ. Самыми опасными остаются автодороги в провинции Бадахшан. Финансирование работ по их восстановлению – главная проблема. Различные международные организации, а также некоторые страны заявляют о готовности оказать денежную помощь в строительстве отдельных участков афганских автомагистралей. Так, посол Италии в Афганистане в октябре 2002 г. для финансирования работ на автодороге Кабул-Бамиан обещал выделить дополнительно 15 млн. долларов²².

2. Дорога Кабул-Джалалабад-Торхам (общая протяженность 224 км). Этот участок, идущий в юго-восточном направлении, раньше обеспечивал сообщение страны с Пакистаном и Индией, основными поставщиками дешевой продукции на афганский рынок. Преимущество данного участка заключается в том, что он связывает столицу страны с самой близлежащей железной дорогой. Работы по ее реконструкции финансируются правительством Японии через Азиатский Банк развития²³.

3. Автодорога Кабул-Кандагар-Герат имеет выход к Исламской Республике Иран. Во многих местах это шоссе за последние годы полностью вышло из строя и нуждается в капитальном ремонте. На его реконструкции, по плану, должны быть заняты 2 тыс. человек. Заработная плата для них определена в размере 2 долл. США в день²⁴.

Строятся или восстанавливаются также грунтовые автодороги, соединяющие провинции и отдельные районы друг с другом. В их восстановлении участвуют местные жители на условиях «продовольствие в обмен за выполненные работы».

В целом по всем указанным направлениям работа идет, но ее темпы и достигнутые результаты еще не соответствуют необходимым требованиям.

Все эти и другие проблемы замедляют ход реконструкции социально-экономической системы страны. В связи с задержками поступлений внешней помощи не только простые жители, но и официальные власти выражают серьезную обеспокоенность и недовольство. Так, например, министр иностранных дел Афганистана Абдулла Абдулла осенью 2002 г. во время своего официального визита в Токио выразил неудовлетворение ходом выполнения мировым сообществом своих обещаний своевременно выделять финансовые средства для восстановления экономики Афганистана²⁵.

По этим и другим имеющимся афганским проблемам международные организации высказываются оптимистичнее. Так, по данным экспертов Международного валютного фонда, рост ВВП Афганистана за 2002 г. составил 30%, а в 2003 г. ожидается дополнительно еще на 20%²⁶.

Что касается состояния основной отрасли экономики страны – сельского хозяйства, то в целом технические проблемы, связанные с производством важнейших видов зерновых, по-прежнему остаются нерешенными. Осенью 2002 г. международными организациями заранее в отдаленные районы страны было направлено свыше 77 тыс. тонн продуктов питания. Относительно объема производства сельскохозяйственной продукции и продовольственного кризиса встречаются разные данные. Администратор Агентства США по международному развитию сообщил, что производство зерновых в Афганистане в 2002 г. увеличилось на 850 тыс. тонн. По его словам, число людей, нуждающихся в продовольственной гуманитарной помощи, в стране сократилось до шести млн. против 10 млн. По этой причине теперь основное внимание будет уделено проблеме развития²⁷.

В последние четыре года сельское хозяйство Афганистана столкнулось с сильными засухами, которые и стали основной причиной неурожая и продовольственного кризиса в стране. В связи с большими снегопадами и обилием дождей в 2003 г. валовой урожай зерновых, по оценкам ФАО, считается наивысшим. Общая посевная площадь основных видов зерновых в 2003 г. (2819 тыс. га) по сравнению с 2002 г. (2213 тыс. га) увеличилась на 27,4%. Нужда в импорте зерновых и особенно во внешней помощи по-прежнему сохраняется. Для полного удовлетворения потребностей населения страны в зерновых дополнительно потребуется, по одним данным, 400 тыс. т²⁸, а по другим, свыше 1 млн. т²⁹. И к тому же покупательная способность большинства жителей страны является одной из самых низких в мире,

часть из них либо лишена земельных угодий, либо имеет их в недостаточном размере, а имеющиеся доходы не позволяют им приобрести нужное количество продовольственных товаров.

Таблица 2

**Посевная площадь,
занятая под основными видами зерновых (тыс. га)**

	1978 г.	1989 г.	2001 г.	2003 г.
Пшеница	2348	2298	1779	2294
Ячмень	310	303	87	276
Кукуруза	482	480	80	104
Рис	210	214	121	145
Всего	3350	3295	2067	2819

Источник: Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. Кабул, 1980, с. 6; Афганистан (справочник). М., 2000, с 136; SPECIAL REPORT. FAO/WFP CROP AND FOOD SUPPLY ASSESSMENT MISSION TO AFGHANISTAN. Kabul, 2003, с. 8.

По оценкам ФАО, в 2003 г. на общей посевной площади афганские крестьяне получают 5372 тыс. тонн зерновых, что является наивысшим результатом за весь указанный период (см.: табл. 2). Если сравнить с показателями предыдущих десятилетий, то валовой сбор зерновых по сравнению с 1978 г. вырос на 22,6%, с 1989 г. – на 20,2% и с 2001 г. – более чем в 2,7 раза.

Для более конкретной оценки уровня обеспеченности населения продовольственными товарами отметим подушевое производство зерновых в Афганистане, которое в текущем году примерно равно 237 кг. По данному показателю сельское хозяйство страны в нынешнем году на 31,5% отстает от 1978 г.*

Главной сельскохозяйственной культурой Афганистана, как правило, остается пшеница. Она как по занимаемой площади (см.: табл. 2), так и по объему производства (табл. 3) в системе сельского хозяйства страны занимает первое место. Около 81,2% от всего полученного урожая приходится на долю пшеницы. Полученный объем и урожайность пшеницы в текущем году в значительной степени превосходят результаты всех предыдущих периодов. Средняя урожайность пшеницы, согласно имеющимся оценочным данным, равна 19 ц/га (примерно в 1,5 раза выше, чем в 1978 и 1989 гг.).

Площадь богарных земель, занятых под пшеницей (1235 тыс. га), в целом больше, чем поливных (1059 тыс. га), но урожайность, наобо-

* Необходимо отметить, что сборы урожая могли бы быть гораздо выше, но большое количество посевных площадей занято наркосодержащими культурами.

рот, на первых более чем в 2,5 раза меньше (11 ц/га), чем на вторых (28 ц/га). Иными словами, валовой сбор пшеницы с поливных земель оценивается в 3017 тыс. т, а с богарных – 1345 тыс. т³⁰.

Объем производства других видов зерновых, в первую очередь ячменя, кукурузы и риса, по сравнению с пшеницей незначителен (табл. 3).

Таблица 3

**Производство основных видов зерновых
в Афганистане (тыс. т)**

	1978 г.	1989 г.	2001 г.	2003 г.
Пшеница	2813	2800	1597	4361
Ячмень	325	332	87	410
Кукуруза	780	815	160	310
Рис	428	482	122	291
Всего	4346	4429	1966	5372

Источник: Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. Кабул, 1980, с. 6–7; Афганистан (справочник). М., 2000, с. 136; SPECIAL REPORT FAO/WFP CROP AND FOOD SUPPLY ASSESSMENT MISSION TO AFGHANISTAN. Kabul, 2003, с. 8.

Производство зерновых по провинциям и регионам Афганистана резко различается (табл. 4). Так, из общей площади, занятой под пшеницей, свыше 62% приходится на долю пяти провинций севера (Фарьяб, Джаузджан, Сари-Пуль, Балх, Саманган – 887 тыс. га) и четырех провинций северо-востока (Бадахшан, Тахар, Баглан, Кундуз – 538 тыс. га) – основных центров производства сельхозпродуктов. В этих регионах выращивается 54,3% всего урожая пшеницы, а именно 1156 тыс. т (26,5%) в северном и 1214 тыс. т (27,8%) в северо-восточном регионе³¹.

Северо-восточный регион благодаря высокому уровню урожайности, несмотря на меньшие по сравнению с северным регионом размеры площадей, производит больший объем пшеницы. По данным ФАО, в северном, западном и западно-центральной (west-central) регионах урожайность пшеницы ниже (соответственно 13; 17,1 и 11,1 ц/га), а в северо-восточном, центральном, южном, восточном и юго-восточном – выше среднего показателя (соответственно 22,6; 34,7; 31; 22,4 и 27,2 ц/га) по стране³².

В производстве ячменя и особенно риса в стране также лидируют северные и северо-восточные провинции. На их долю, по оценкам на 2003 г., приходится 75,7% всех посевов ячменя Афганистана (соответственно 132 тыс. га и 77 тыс. га) и 75,1% его валового сбора в стране. Около 58% площади, занятой под рисом, и столько же полученного урожая (соответственно 7 тыс. га и 77 тыс. га)³³.

Таблица 4

**Посевная площадь и производство пшеницы
по регионам Афганистана (2003 г.)**

№ п/п	Регионы Афганистана	Посевная площадь (тыс. га)	Производство пшеницы (тыс. т)
1	Северный	887	115
2	Северо-восточный	538	1214
3	Западный	343	587
4	Западно-центральный	74	82
5	Центральный	112	389
6	Южный	104	322
7	Восточный	63	141
8	Юго-восточный	173	470
	Всего	2294	4361

Источник: SPECIAL REPORT FAO/WFP CROP AND FOOD SUPPLY ASSESSMENT MISSION TO AFGHANISTAN. Kabul, 2003, с. 10.

Основные причины такого урожая связаны с благоприятными агроклиматическими условиями. В северных и северо-восточных провинциях это объясняется еще и относительно стабильной военно-политической обстановкой. Не следует забывать и о помощи международных организаций отдельным хозяйствам в различных регионах страны. Многие бедные семьи зимой исчерпывают свои запасы зерновых и к моменту сева не имеют возможности покупать семена на рынке. Такие хозяйства ныне бесплатно получают от международных организаций семена пшеницы, других видов зерновых, а также химические удобрения. Например, ФАО в сотрудничестве с другими неправительственными организациями предоставила 1,5 тыс. т семян пшеницы и удобрений 30 тыс. хозяйств³⁴. Для развития сельского хозяйства, а именно замены семян зерновых, покупки удобрений в 2002 г. США предоставили 50 млн. долларов. В ближайшие два года США планируют выделить афганским крестьянам 48 тыс. т семян, а также оказать помощь в восстановлении ирригационных объектов.

В стране при поддержке международных организаций частично развивается товарное бахчеводство и садоводство. ФАО с начала 2003 г. поддерживает программу по развитию Нангархарской долины. В рамках этой программы указанная организация вдобавок к существующим 2 тыс. га площадей, занятых под оливковыми садами, планирует восстановление еще 1,4 тыс. га. На нынешнем этапе идет работа по реабилитации 20 га оливковых плантаций. Из 8 тыс. деревьев, посаженных на участке, каждое в год приносит по 30 литров масла³⁵.

Скотоводство Афганистана за последние годы войны, а также за счет засухи пострадало не меньше, чем земледелие. Многие хозяйства по-

теряли больше половины своего стада. Надо отметить, что в стране часть жителей-скотоводов и сейчас продолжает вести кочевой или полукочевой образ жизни. Основными районами их проживания являются провинции Герат, Фарах, Нимруз, Гильменд, Кандагар, Забуль, Газни и Вардак³⁶.

Таблица 5

Соотношение количества скота в оседлых и кочевых хозяйствах Афганистана по оценкам на 1997/98 г.

	Оседлые хозяйства		Кочевые хозяйства		Всего
	количество	%	количество	%	
Крупный рогатый скот	2 924 932	97,2	83 396	2,8	3 008 328
Овцы	8 419 554	51,8	7 832 054	48,2	16 251 608
Козы	4 648 887	70,4	1 950 571	29,6	6 599 458
Верблюды	74 880	28,5	187 710	71,5	262 590
Всего	16 068 253	61,5	10 053 731	38,5	26 121 984

Источник: FAO GLOBAL INFORMATION AND EARLY WARNING SYSTEM ON FOOD AND AGRICULTURE. WORLD FOOD PROGRAMME. SPECIAL ALERT № 315 8 June 2001. FAO/WFP CROP AND FOOD SUPPLY ASSESSMENT MISSION TO AFGHANISTAN.

Кочевникам, общая численность которых, по данным 2003 г., оценивается в 1,5 млн. человек – 6,6% общей численности населения страны (22 626 тыс. человек)³⁷, в животноводстве страны по-прежнему принадлежит особое место (см. табл. 5). Они в основном занимаются разведением мелкого рогатого скота – а именно овец каракулевой породы. Распространение заболеваний и засуха нанесли огромный ущерб их хозяйствам. С 1998 по 2001 гг. поголовье скота в стране сократилось на 40%, а кочевые племена, по данным ФАО, потеряли около 60% своего скота³⁸. В результате этого к 2000 г. по сравнению с 1998 г. в стране производство молока сократилось на 28%, а мяса – на 26%³⁹.

ФАО планирует проведение ряда мероприятий для обеспечения кочевых племен средствами существования и поддержания поголовья скота путем оказания ветеринарной помощи. В начале 2003 г. в рамках этих мероприятий организацией было выделено 398 тыс. долл. США для 5 тыс. кочевых хозяйств (примерно свыше 57 тыс. человек). От Министерства сельского хозяйства и животноводства Афганистана и ФАО каждое хозяйство должно было получить по 250 кг концентратов⁴⁰.

Общее поголовье скота Афганистана по состоянию на 2003 г. оценивается в пределах 3,7 млн. крупного рогатого скота, 8,8 млн. овец,

7,3 млн. коз и 175 тыс. верблюдов – то есть всего 19 975 тыс. голов⁴¹. Доля мелкого рогатого скота, как и раньше, находится в пределах 80%.

Центральноазиатские страны, граничащие с Афганистаном, прямо или косвенно участвуют в создании экономической инфраструктуры этой страны. Узбекистан намерен сотрудничать с Афганистаном в строительстве железных и автомобильных дорог. Этот вопрос был обсужден во время визита в Узбекистан афганской делегации во главе с министром общественных работ Абдуллою Али. Представитель Азиатского банка развития отметил, что данный банк заинтересован в реализации конкретных проектов по этому направлению⁴².

Наиболее активным является Туркменистан, который уже выполнил некоторые работы по подаче электроэнергии в соседние провинции Афганистана. Согласно договоренности между правительствами Афганистана и Туркменистана, последний взял на себя обязательство по обеспечению северных районов Афганистана, а также провинции Герат электроэнергией. В рамках договора в 2002 г. было завершено строительство 70-километровой ЛЭП Андхой-Шибирган, которая сегодня обеспечивает электроэнергией город Мазари-Шариф. На участке Кушка-Герат идет работа над строительством межгосударственной ЛЭП-220, общей протяженностью 120 км, ввод в эксплуатацию которой планируется к концу 2003 г.⁴³

Таким образом, и в эти два года постталибского периода вынужденные афганские переселенцы и перемещенные лица сталкиваются с теми же старыми проблемами. Страна еще не готова обеспечить необходимые условия нескольким миллионам практически бездомных и безработных жителей, находящихся за ее пределами. Экономическая инфраструктура благодаря внешней помощи частично восстанавливается, но не такими темпами, которые необходимы в нынешней ситуации.

Общий экономический рост в стране за последние два года произошел за счет сельского хозяйства. Высокие результаты в сельском хозяйстве Афганистана в 2003 г. являются следствием воздействия трех основных факторов. Первый и основной объективный фактор – благоприятные погодные условия, второй – меры, предпринимаемые международными организациями, и третий – относительно стабильная в ряде местностей военно-политическая обстановка.

¹ Обмен денег прекращен. 16 млн. афганцев сдали 18 трлн. афгани – <http://www.e-ariana.com>.

² Там же.

³ Забытый Афганистан: Хамид Карзай продержится у власти еще месяца три? – <http://www.pravda.ru>.

⁴ Ведомости, 23.09.2003.

⁵ Российская газета, 01.05.2003.

⁶ Ведомости, 23.09.2003.

- ⁷ Afghanistan. Transitional Assistance Program (TAPA). Kabul, 2003, с. 5.
- ⁸ Аманат, 21.09.2002; Кабул, 03.10.2002.
- ⁹ Кабул, 21.11.2002; Pestering key infrastructure in Afghanistan's road and energy sectors –
<<http://www.adb.org>>.
- ¹⁰ USAID. Rebuilding Afghanistan, с. 8. –
<<http://www.usaid.gov>>
- ¹¹ The economy of Afghanistan – <<http://www.fao.org>>.
- ¹² Арман-е Милли, 20.11.2002.
- ¹³ Кабул, 04.07.2002.
- ¹⁴ Afghanistan. Transitional Assistance... с. 5.
- ¹⁵ Арман-е Милли, 04.07.2002.
- ¹⁶ U.S \$610 million earmarked for Afghanistan in country strategy update for 2003–2005 –
<<http://www.adb.org>>.
- ¹⁷ Canada announces actions to assist Afghanistan –
<<http://www.cida.ca>>
- ¹⁸ U.S. AGENCY FOR INTERNATIONAL DEVELOPMENT BUREAU FOR DEMOCRACY, CONFLICT, AND HUMANITARIAN ASSISTANCE (DCHA) OFFICE OF U.S. FOREIGN DISASTER ASSISTANCE (OFDA). AFGHANISTAN – *Complex Emergenc* –
<<http://www.usaid.gov>>.
- ¹⁹ Long road to recovery –
<<http://www.iwpr.net>>.
- ²⁰ Кабул, 24.10.2002.
- ²¹ Там же.
- ²² Кабул, 31.10.2002.
- ²³ Кабул, 24.10.2002.
- ²⁴ Long road to recovery –
<<http://www.iwpr.net>>.
- ²⁵ Арман-е Милли, 30.10.2002.
- ²⁶ Ведомости, 23.09.2003.
- ²⁷ Восстановление Афганистана идет быстрее, но ... может возникнуть еще один поток беженцев –
<<http://www.usinfo.state.gov>>.
- ²⁸ Special report FAO/WFP crop and supply assessment mission to Afghanistan, с. 1. –
<<http://www.fao/afghanista/>>.
- ²⁹ Крестьянские ведомости, 31.08.2003.
- ³⁰ Special report FAO/WFP... с. 8.
- ³¹ Ibid, с. 10.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid, с. 11.
- ³⁴ The economy of Afghanistan –
<<http://www.fao.org>>.

- ³⁵ FAO activities update in Afghanistan –
<<http://www.fao.org>>.
- ³⁶ FAO GLOBAL INFORMATION AND EARLY WARNING SYSTEM ON FOOD AND AGRICULTURE. WORLD FOOD PROGRAMME. SPECIAL ALERT № 315 8 June 2001. FAO/WFP CROP AND FOOD SUPPLY ASSESSMENT MISSION TO AFGHANISTAN –
<<http://www.fao.org>>.
- ³⁷ Special report FAO/WFP... с. 17; По данным «World Factbook 2003» общая численность населения Афганистана оценивается в 27,7 млн. человек.
- ³⁸ Special report FAO/WFP... с. 12.
- ³⁹ The economy of Afghanistan –
<<http://www.fao.org>>.
- ⁴⁰ FAO helps 5000 Kuchi households in southern Afghanistan and prepares an emergency monitoring and control of locusts in northern Afghanistan –
<<http://www.fao.org>>.
- ⁴¹ Special report FAO/WFP... с. 8.
- ⁴² Узбекистан даст Афганистану денег на первую железную дорогу? Итоги визита министра Али в Ташкент –
<<http://www.uz.za>>.
- ⁴³ «Лампочка Туркменбаши» в Афгане. Завершается строительство ЛЭП Кушка-Герат –
<<http://www.turkmenistan.ru>>.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АФГАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

За 23 года гражданской войны в результате нескольких миграционных потоков за пределы Афганистана переместилось более 6 млн. человек, осевших в различных государствах Азии, Западной Европы, США, Канаде, Австралии, в странах СНГ и в России. Наиболее крупные афганские диаспоры образовались в соседних с Афганистаном государствах: Пакистане и Иране.

Разумеется, численность диаспоры не оставалась неизменной величиной и менялась в зависимости от ситуации в стране. Как только интенсивность боевых действий стихала и появлялись очаги с относительной безопасностью, часть беженцев возвращалась домой, но как только война набирала силу, начинался новый отток беженцев из страны.

Последний по времени отход из родных мест наблюдался совсем недавно в сентябре 2003 г. из Северных провинций, где вооруженные муджахеды бесчинствовали, творили насилие над женщинами, что по утверждению еженедельника «Кабул» стало причиной бегства многих жителей из Мазари-Шерифа¹. Конечно, это была не единственная причина, побуждающая даже после окончания широкомасштабной антитеррористической операции США сотни и сотни людей сниматься с насиженных мест и мигрировать в другие районы страны или за границу. Непрерывающиеся вооруженные столкновения на этнической почве, сражения с отрядами талибов, начавших партизанскую войну против правительства, тяжелое экономическое положение, безработица, отсутствие жилья – вот те факторы, которые вынуждают даже вернувшихся на родину беженцев вновь покидать ее.

Со времени своего появления афганская диаспора представляла собой весьма неоднородную массу. Это был конгломерат самых различных по своей социальной, религиозной и этнической принадлежности и идейно-политическим воззрениям беженцев. Социальный срез диаспоры показывал, что основная масса мигрантов, обосновавшаяся в лагерях для беженцев в Пакистане и Иране и состоящая из неимущих городских и сельских слоев, существовала главным образом за счет гуманитарной помощи (мы не говорим о лидерах военно-политических группировок муджахедов). Именно из этих лагерей и лидеры муджахедов, и руководство движения «Талибан» черпали людские резервы для продолжения междоусобной войны.

В то же время интеллектуально-политическая элита, технократы, представители крупного торгового капитала в силу своих традиционных связей с Западом (учеба в вузах, деловое партнерство и т.п.) предпочли перебраться в Западную Европу и США. Те, кто сумел сохранить свои капиталы, стали заниматься бизнесом (открывали афганские магазины, рестораны, казино), представители культуры и искусства выступали с концертами, организовывали выставки художественных произведений, создавали кинофильмы и ставили спектакли. Политическая элита издавала газеты и журналы, собирая вокруг себя единомышленников по этнополитическому признаку.

Весьма разнообразная в силу своих партийных убеждений или этнической принадлежности афганская диаспора, в первую очередь интеллигенция, с появлением в 1994 г. талибов окончательно размежевалась на два антагонистических лагеря: проталибский, пропуштунский и антиталибский, включавший в себя сторонников «Северного альянса», объединявшего таджиков, узбеков, хазарейцев и др.

За годы эмиграции в среде диаспоры возникло несколько крупных политических центров, вокруг которых объединялись единомышленники идейного, родственного или этнического порядка.

К 2000 г. наиболее известными политическими центрами афганской эмиграции считались Рим, Бонн, Пешавар и Вашингтон, где сосредоточился весь истеблишмент, некогда составлявший опору бывшего монарха, а позже и президента М.Дауда.

Разумеется, это не означало, что весь идейно-политический спектр эмигрантских сил был сосредоточен только в этих городах. Например, в той же Федеративной Республике Германии в г.Кобленце действовало «Общество просветителей Афганистана», объединявшее в своих рядах бывших партийных функционеров НОПА; такие же группировки существовали в Нидерландах, где собралась вся верхушка НДПА, и в России. В том же Пешаваре было немало сторонников «Северного альянса».

Короче говоря, в любой стране, где существовала большая или малая афганская община, обязательно возникали культурно-политические общества, выпускавшие собственные печатные издания. Идейно-политический диапазон подобных объединений был весьма широк: от крайне левых до крайне правых и консервативно-радикальных сил. Каждый из этих центров пропагандировал свои идейные установки и стремился привлечь как можно большее число сторонников, чтобы при возвращении в Афганистан претендовать на достойное, по их представлениям, место во властных структурах.

Надо подчеркнуть, что подобные планы не были совершенно беспочвенными. Известно, что в результате миграции страна почти полностью лишилась кадров специалистов по различным отраслям национального хозяйства.

Поэтому все правившие в годы войны режимы, начиная от руководителей НДПА и кончая лидерами муджахедов и талибов, не оставляли

попыток вернуть на родину ее интеллектуальную прослойку. Напомним лишь некоторые факты. В 1994 г. по инициативе тогдашнего президента страны Б.Раббани в Герате прошла конференция, основная цель которой состояла в продлении срока его президентских полномочий. На конференцию был приглашен целый ряд известных эмигрантов, которые, хотя тогда и не приняли приглашения к сотрудничеству с властью, впоследствии вошли в состав правительства Х.Карзая (Сайид Махдум Рахин, Абдул Хамид Мобарез и др.).

Придя к власти, лидеры талибов также не оставляли без внимания эмиграцию. Так, во время визитов за рубеж члены руководства движения «Талибан» Мухаммад Гауе, Вакиль Ахмад Мотаваккиль, Абдул Хаким Муджахед встречались с влиятельными в диаспоре деятелями и заверяли их в том, что нуждаются в их опыте и знаниях, поскольку сами «недостаточно опытни в управлении государством»².

Со своей стороны часть интеллектуально-политической элиты, выступавшая под названием «третья сила» (в основном промонархически настроенные пуштуны) пыталась предложить себя власти в Кабуле в качестве технократов. Так, представители «третьей силы» или, как они себя еще именовали, «умеренные» в 1994 г. встречались в городе Кветта (Пакистан) с лидерами муджахедов, однако переговоры окончились безрезультатно.

Некоторые представители пуштунских националистов, поддерживавших движение «Талибан» (Мухаммад Хасан Вулусмаль, Мухаммад Наби Мосадек, Сайидджан Карвани), посетили лидера талибов муллу Мухаммада Омара, который заверил их в том, что талибы ждут возвращения эмигрантов.

Однако, как нам представляется, несмотря на заигрывания и комплементарные заявления в адрес эмиграции, никто из лидеров ни муджахедов, ни талибов всерьез и не помышлял о том, чтобы привлечь технократов и передать в их руки хотя бы часть властных функций.

Да и сама эмигрантская элита, достаточно комфортно устроившаяся за рубежом, вряд ли была готова отказаться от устоявшегося образа жизни, вернуться в разрушенный войной Афганистан и жить по суровым законам шариата.

Звездный час эмиграции, казалось, наступил после того, как под ударами американцев и «Северной коалиции» пал Исламский Эмират талибов.

В ноябре-декабре на конференции в Бонне, куда прибыли представители основных политических сил эмиграции и лидеры «Северного альянса», после длительного и ожесточенного торга было, наконец, сформировано новое переходное правительство во главе с Хамидом Карзаем – одним из сторонников бывшего короля Мухаммада Захир-шаха, пуштуном из племени попользаев. В ходе переговоров по созданию нового правительства в ход пускались все средства: от прямого давления внешних сил (в основном США) до использования

родственных и иных связей. В результате новое правительство Ха-мида Карзая оказалось разрозненной смесью, зеркальным отражени-ем расстановки сил, как в самом Афганистане, так и в диаспоре. Что-бы убедиться в этом, достаточно беглого взгляда на состав нынеш-ней временной администрации Х.Карзая и других властных структур.

Ключевые позиции в правительстве заняли лидеры военно-политических группировок муджахедов, в основном входивших в со-став «Северного альянса», и их сторонники из числа эмигрантов. Укажем лишь имена некоторых из эмигрантов, занявших высокие по-сты в переходном правительстве.

Так, заместителем Х.Карзая и одним из разработчиков новой Кон-ституции является Ниматулла Шахрани – член партии «Исламское единство Афганистана» («Вахдат») – из фракции М.Акбари; мини-стром транспорта стал Сайид Мухаммад Али Джавид из партии «Ис-ламское движение Афганистана» (лидер шейх М.А.Мохсени); мини-стром информации и культуры – Сайид Махдум Рахин; министром по делам восстановления страны назначен Мухаммад Амин Фарханг – оба из числа боннских эмигрантов, сторонников «Северного альянса»; ми-нистром мелиорации и экологии является Мухаммад Юсуф Нуристани – бывший преподаватель Кабульского университета, сторонник Х.Кар-зая. Председатель центрального Банка Афганистана Анвархак Ахади – зять С.А.Гилани, пира суфийского ордена «Кадирия»; ми-нистр авиации и туризма Мухаммад Мирвайс Садек – сын известного полевого командира, нынешнего губернатора Герата Исмаил-хана.

Более того, по утверждению некоторых пропуштунских изданий в диаспоре, в составе правительства наблюдается явный этнический дисбаланс в ущерб пуштунам.

Так, по информации эмигрантской газеты «Даават», ссылающейся на данные некоего Института по демократизации Афганистана (США), 90% высшего командного состава министерства обороны и армии со-ставляют таджики. А по сообщению корреспондента «Немецкой волны» в Кабуле Ахмада Дуррани, подобная ситуация вызывает недовольство и протест администрации и жителей южных районов страны: провинций Урузан, Гильменд, Нимруз, Заболь, Пактика, Газни и др.³ Заметим, единственный, кому не нашлось места в новом правительстве, – Гуль-буддин Хекматьяр – лидер Исламской партии Афганистана и несосто-явшийся премьер в правительстве президента Б.Раббани, который ныне примкнул к талибам и ведет войну против правительства Х.Карзая.

Оценивая в целом перспективы участия интеллектуально-политичес-кой элиты эмиграции, следует признать следующее. Во-первых, значи-тельная часть эмигрантов – этнических пуштунов, считающих, что в Аф-ганистане правит «Северный альянс», ведущий дело к расколу унитар-ного Афганистана и превращению его в федеративное государство, не

собирается возвращаться в страну, пока не будет восстановлено господствующее положение титульной нации, каковой они себя считают.

Кстати, разговоры о федерализации Афганистана не столь беспочвенны, как может показаться на первый взгляд. Например, Мухаммад Мохаккак – министр планирования и член шиитско-хазарейской партии «Вахдат» в интервью газете «Даават» на вопрос об отношении к переходу на федеративное устройство Афганистана заявил следующее: «В стране существуют две точки зрения: одна – сохранение централизованного государства, когда все решения принимаются в центре; другая – создание федеративной системы и распределение властных полномочий между центром и провинциями». И далее М.Мохаккак подчеркнул, что лично он – сторонник такой системы, при которой «центральная власть не стала бы централизованной, а провинциям было дано право выбирать себе руководителей»⁴.

М.Мохаккак не одинок в своем мнении. Федерализацию Афганистана поддерживают бывший президент Б.Раббани, лидеры и полковые командиры «Северного альянса», включая и правителя части Северных провинций генерала А.Дустума, «Совет улемов» и др.

Во-вторых, вряд ли к активному участию в политической жизни будет допущена такая значительная прослойка эмиграции, как члены бывшей правящей партии НДПА – «Ватан», да и вообще левых сил. Достаточно напомнить, что стоило бывшим «коммунистам» заявить о намерении создать «национальную объединенную партию», чтобы принять участие во всеобщих выборах президента и парламента, как исламисты тут же устроили скандал, а официальные лица были вынуждены заявить, что «поскольку коммунисты не верят в Бога, их нельзя регистрировать в качестве политической партии»⁵.

Завершая тему о перспективах эмиграции в общественно-политической жизни страны, следует учитывать следующее.

На предстоящих выборах главными претендентами на участие в руководящих органах страны по-прежнему будут предводители военных формирований, губернаторы, старейшины племен, представители духовенства, то есть все те, кто обладает реальной властью на местах, пользуется влиянием среди своих соплеменников и, более того, поддержкой определенных внешних сил.

Что касается эмиграции, то, по-видимому, после боннской встречи она исчерпала свой потенциал и вряд ли сможет играть в дальнейшем самостоятельную роль. Скорее всего, отныне она будет востребована новой властью в той мере, в какой будет проявлять к ней лояльность и служить ее интересам.

¹ Кабул, 10.09.2003.

² Вафа, 31.07.1997.

³ Немецкая волна, 25.09.2003.

⁴ Даават, декабрь 2002, № 144–145.

⁵ Кабул, 10.09.2003.

3.А.Арабаджян

ИРАН: НАВСТРЕЧУ СВОБОДЕ ИЛИ РАЗВАЛУ СТРАНЫ?

Начиная с древнейших времен, история человечества в целом и отдельных стран и народов, в частности, постепенно ускоряется. Однако процесс этого ускорения не является равномерным. За периодами резкого ускорения следуют периоды замедления хода времени, и наоборот. Не является исключением и Иран, вступивший сейчас в период стремительного бега исторического процесса.

Что же определяет самую суть текущего момента, от чего иранское общество может уйти и к чему прийти? Под влиянием каких факторов формируется политический процесс и умонастроения масс?

Доступная нам информация позволяет предполагать, что значительная часть общества не желает жить в координатах, заданных исламским режимом, и выступает против него под лозунгами гражданского общества, прав человека, демократии, свобод и всех остальных атрибутов западной цивилизации. Борьба развернулась вокруг принципа веляяте факих (правления мусульманского богослова-правоведа) и таких органов, как Наблюдательный Совет, Ассамблея по определению целесообразности для исламского строя, а также против подчинения Министерства юстиции и силовых министерств и ведомств лидеру страны и ее верховному главнокомандующему аятолле Али Хаменеи. Антирежимные умонастроения возникают как под влиянием внутренних тягот жизни и всевозможных ограничений, налагаемых системой, так и под воздействием активной психологической войны, ведущейся Западом, в первую очередь США, против исламского режима.

В отличие от откровенно силовых способов по устранению с политической арены режима Саддама Хусейна в Ираке основные надежды на изменение политической системы в Иране Соединенные Штаты все больше и больше возлагают на внутреннюю дестабилизацию и взрыв общества изнутри с помощью различных социально-политических группировок, среди которых, безусловно, доминируют силы либерально-буржуазного реванша.

В последние годы разные американские политики, правозащитные организации и общественные деятели многократно выступали и выступают со всевозможными посланиями, декларациями и резолюциями в защиту иранских «свободолюбивых диссидентов», прав и свобод

народа, с резким осуждением «отвратительного режима». Несомненно, высказывания американских общественных деятелей и их трогательную заботу об иранском народе едва ли можно считать искренними. Сейчас, когда мир получил массу доказательств того, что Америка руководствуется не соображениями морали, нравственности и гуманизма, которые распространяются только на своих, и то не всегда, а лишь эгоистическими интересами, становится совершенно очевидно, что шумная кампания в поддержку прав иранского народа – это часть пропагандистской войны против исламского режима.

Важным элементом этой войны является манипуляция общественным сознанием. Суть ее состоит в том, что с помощью особой технологии духовного воздействия на людей, скрытно и незаметно для них самих программируется их поведение с целью заставить массы «добровольно» сделать то, что выгодно не им, а господствующему классу. Манипуляция сознанием как политическая технология зарождается вместе со становлением гражданского общества и является одним из основных факторов, способствующих сохранению господства буржуазии. В современном мире манипуляция сознанием активно используется силами, ратующими за глобализацию. Именно в этом контексте и следует понимать события в разных концах мира от Кореи до Венесуэлы.

Манипуляция сознанием – это целая наука¹, очень сложная, с набором множества методов и приемов, одним из которых является формирование светлых мифов о Западе и черных о тех обществах, против которых направлены удары манипуляторов.

Одним из способов расшатывания общественного сознания, используемых иранскими прозападными силами, и является создание и распространение черных мифов об иранской действительности. Типичным примером таких мифов является статья «Ренессанс» в газете «Иран ва Джахан». В статье приводится целый ряд «фактов», вина за которые возлагается на исламский режим. Среди них – исчезновение 90% запасов осетровых на Каспии за последние 20 лет, ежегодное разбазаривание 35 млрд. долл., выкачиваемых из энергетических ресурсов, из которых 17 млрд. долл. идет на экспорт, а 18 – «сжигается дома», «систематическое разрушение национального богатства» Ирана из-за привлечения западных нефтяных компаний к разработке месторождений углеводородов на условиях «бай-бэк» при выплате им гарантированного вознаграждения в размере 18–20% и пр.² Представляется целесообразным в качестве своего рода лабораторного практикума разобрать каждый из приведенных здесь «фактов».

1. Мы не будем вдаваться в вопрос о размерах падения запасов осетровых, хотя очевидно, что они не могли сократиться в десять раз. Здесь главное – выяснить причины явления, в котором, по замыслу г-на Пархама, виноват именно исламский режим. А они состоят в почти полном прекращении работы рыворазводных заводов, существовавших

в СССР и ежегодно выпускавших сотни миллионов мальков рыб осетровых пород. Другой причиной стал хищнический лов рыбы в странах СНГ и в первую очередь в России. Иранский вклад в этот процесс минимален, если вообще имеет место, уже потому, что средства лова, которыми располагает Иран, ни по количеству, ни по техническим возможностям не сопоставимы с таковыми, доставшимися другим прикаспийским странам в наследство от Советского Союза, а борьба с браконьерством в ИРИ поставлена значительно лучше.

2. Ежегодное поступление 35 млрд. долл. из энергетических источников получается г-ном Пархамом при перемножении объемов добычи нефти и газа на мировые цены, чего делать нельзя, поскольку почти весь газ и треть нефти потребляется внутри страны по совсем иным ценам. «Сжигаемые дома» весьма спорные 18 млрд. долл. в виде газа, электричества, нефтепродуктов и прочего потребляются не правящей элитой, а всем иранским обществом, которое не мыслит себя без неограниченного доступа к энергоресурсам по самым мизерным ценам.

3. Представление сделок на условиях «бай-бэк» как «систематическое разрушение национального богатства» Ирана на том основании, что гарантированное вознаграждение, составляющее 18–20%, сильно завышено, является совершенным абсурдом. Указанные сделки позволяют Ирану развивать свою нефтегазовую промышленность, не затрачивая ни цента своих собственных финансовых средств. Расплата происходит продукцией после начала эксплуатации объекта. Даже при таком высоком, по мнению некоторых, вознаграждении инвесторам, они очень неохотно идут на подписание контрактов, поскольку после возврата затраченных средств и получения положенных процентов иностранные компании полностью уходят с объекта, и он начинает работать только на Иран. Не случайно, за 8 лет с начала проведения практики заключения этих сделок объем подписанных контрактов составил всего около 13 млрд. долл. Западные компании стремятся убедить иранское руководство пойти на более выгодные для них сделки на условия СРП, когда инвестор получает долю добываемого углеводородного сырья вплоть до исчерпания месторождения. Проблема состоит не в том, что режим идет на сделки «бай-бэк» под указанные проценты, а в том, что контракты заключаются с трудом и реализуются медленно. Но это уже другая проблема и у нее имеются свои причины.

Разумеется, все приведенные выше проблемы действительно имеют место в современном Иране, но задачей манипуляторов сознанием типа г-на Пархама является недобросовестный анализ трудностей с целью поиска оптимальных способов их решения. Им надо вывалить на голову аудитории преувеличенные, ужасающие, искаженные, а то и просто выдуманные факты с целью испугать, обескуражить, запутать, лишить воли и способности самостоятельно мыслить. Именно в этом состоянии люди

оказываются легкой добычей, способной выполнять любые указания, подбрасываемые манипуляторами.

Другим способом манипуляций является создание в иранском обществе фантастических образов, способных увлечь его и на время превратить в легко управляемую толпу. В таком состоянии люди становятся на путь особого рода мышления – аутистического. Если целью реалистического мышления является создание точного представления об окружающей действительности, то аутистическое – создает только приятные ощущения и надежды, а доступ к сознанию всякой неприятной информации оказывается закрытым³. В начале февраля 2003 г. газета «Иран ва джахан» опубликовала письмо группы студентов, отбывающих длительные сроки заключения за выступления против исламского режима. Данный документ дает богатый материал для уяснения чаяний и устремлений значительной части иранского общества и являет собой яркий пример аутистического мышления:

«Сегодня в Иране мы лишены возможности удовлетворения самых жизненно важных человеческих потребностей, которые даже более первичны, чем такая базовая потребность, как пища, просто потому, что человеческое естество определяет их как Свободу! ... Мы всего лишь в одном шаге от процветания, от того, чтобы присоединиться к цивилизованному движению модернизма и стать «весьма просвещенными» гражданами. ... Бедность стала ужасающей, и нация, столь богатая и обеспеченная, как Иран, едва сводит концы с концами. Наши требования минимальны. ... Мы хотим снова вернуться в лоно глобальной человеческой семьи. Мы хотим вкушать жизнь вместе со всем человечеством и разделять его печали. Мы хотим открыто и гласно выражать нашу приверженность всем универсальным соглашениям и конвенциям. Мы хотим высказывать уважение Всеобщей Декларации Прав Человека, Всеобщему Миру, Ненасилию, защите Окружающей Среды, Постоянному Прогрессу и всем другим благородным соглашениям, одобренным человечеством. ... Мы хотим освободить нацию от лицемерных правителей и восстановить многовековое персидское кредо «хороших дел», «хороших речей» и «хороших мыслей». Мы хотим всего, что хорошо для нашей древней родины и для этой земли и ее жителей, и мы боремся, так гуманно, как это возможно, за освобождение человечества от всего, что есть зло»⁴.

Только аутистическое и некогерентное (несоизмеренное) мышление может поставить базовые условия жизни человека, которые в письме студентов обобщены в понятии пища, ниже столь сложного и многозначного понятия, как свобода. Это понятие вложено манипуляторами в головы студентов в чисто западном толковании, отличном не только от марксистского, но и от понимания свободы иными цивилизациями. Едва ли точно так же думают, например, те десятки тысяч семей в

России, которые настолько свободны, что могут беспрепятственно каждый год замерзать в своих квартирах.

От какого процветания всего лишь в одном шаге находится иранское общество, если по признанию самих студентов Иран едва сводит концы с концами, и на основании чего они считают свою нацию богатой и обеспеченной? Идея о близости процветания – чисто аутистическая идея, внушаемая манипуляторами молодежи с целью побудить ее выступить против исламского режима. Подразумевается, что, как только сбросят режим, то сразу наступит процветание. И люди с радостью в это верят. Хотя все произойдет с точностью до наоборот. Хотя бы потому, что гуманисты с Запада предпишут отменить все дотации. В результате бензин, который иранцы привыкли покупать по цене 6–7 центов за литр, станет стоить 30–40 центов. Лепешка хлеба с 2–3 центов вырастет до 30. То же произойдет и с ценами на газ, электричество и пр. Худо-бедно работающая система медицинского страхования, дающая малообеспеченным слоям хоть какой-то доступ к медицинскому обслуживанию, будет разрушена, а имеющиеся весьма скромные по своей результативности правительственные программы по созданию рабочих мест свернуты.

Студенты мечтают стать просвещенными гражданами и присоединиться к цивилизованному движению модернизма, но ведь модерн, постмодерн и прочее суть продукты именно западной цивилизации. Присоединиться к модернизму не так просто, как присоединиться к компании, играющей в волейбол на пляже, и даже не так просто, как свергнуть исламский режим. Для этого придется переделывать себя до основания и на национальном уровне пойти на такие жертвы, по сравнению с которыми все деяния исламского режима покажутся сущей безделицей. Для этого придется постепенно отречься от самих себя, от вековых традиций и ценностей иранского народа. Только тогда некоторых из вас примут в семью т.н. цивилизованных народов.

Глобальная человеческая семья, о возвращении в которую мечтают студенты, не более чем миф, созданный манипуляторами. Что значит вкушать жизнь вместе с этой семьей и разделять ее печали? Наивным иранским студентам кажется, что это означает лишь право беспрепятственно зажигать свечи на улицах Тегерана в память о жертвах 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке. Но это означает еще и обязанность как минимум молчаливо одобрять бомбы, падающие на Белград, смерть миллионов детей в Ираке из-за 12-летней блокады этой страны, нападение США на Ирак без санкции ООН, смерть миллиона человек в Руанде в ходе межплеменной резни, для спасения которых никто из цивилизованного человечества не пошевелил и пальцем, поскольку в этой стране нет нефтяной промышленности и интересы Запада не могли пострадать.

Приверженность универсальным концепциям также весьма специфична и зачастую используется сильными для навязывания своей

воли и интересов слабым. Студентам стоит вспомнить, что их кумир и идеал США не подписали ни Киотский протокол об ограничении выбросов в атмосферу, ни соглашение об отказе от использования противопехотных мин.

Все эти несообразности лежат на поверхности и легко доступны реалистическому мышлению, но мышление аутистическое и некогерентное совершенно не способно их осознать.

Можно предположить, что в случае победы сил либерально-буржуазного реванша, рвущихся к власти, Иран окажется в глубоком социально-экономическом кризисе. Об этом говорит опыт целого ряда стран, не принадлежащих к западной цивилизации, чьи народы оказались падки на посулы либеральных искусителей. Более того, весьма вероятно частичная утрата суверенитета Ирана, а его территориальная целостность окажется под вопросом.

Все это может произойти именно тогда, когда исламский режим уже прошел в своем развитии стадию, которую условно можно назвать «Иран для революции», и вступил в период «революция для Ирана». Если на первом этапе целью режима было превращение страны, ее народа и ресурсов в средство экспорта исламской революции, то на втором режим стал сосредотачиваться на внутреннем экономическом и социальном развитии страны. В рамках второго этапа экономическое развитие страны проходило на фоне весьма неблагоприятных внешних и внутренних факторов. К первым следует отнести постоянные санкции, эмбарго и иные ограничения, налагавшиеся на торгово-экономическое сотрудничество с Ираном со стороны США. Эти ограничения в сочетании с пропагандистскими кампаниями по защите прав человека, демократических свобод и другими акциями оказания давления на Иран фактически сопоставимы с холодной войной, которую Запад вел против СССР. Внутренними факторами, затрудняющими развитие, являются грубые ошибки на практическом и теоретическом уровнях, допущенные исламским режимом на первом этапе своего существования и не изжитые полностью к настоящему времени, урон, понесенный Ираном в ходе восьмилетней войны с Ираком, тяжелая демографическая ситуация и пр.

Несмотря на это, страной достигнуты значительные успехи по развитию базовых отраслей промышленности: энергетики, металлургии, нефтяной и нефтехимической промышленности. Серьезные шаги сделаны в вопросах овладения новыми технологиями. Иран стоит на пороге создания национальной атомной энергетики.

Не случайно, что именно в последнее время, когда стала очевидной неудача Запада по подрыву режима с помощью т.н. реформаторов, упор стал делаться на широкое демократическое движение снизу, в котором роль застрельщиков отводится интеллигенции и студентам.

В приведенных выше отрывках из письма студентов, мы видели, как причудливо переплетается внушенная им страсть к т.н. общечеловеческим ценностям с характерным иранским началом в виде желания «восстановить традиционное персидское кредо “хороших дел”, “хороших речей” и “хороших мыслей”. Однако очевидно, что студенты, став жертвами манипуляторов, стараются совместить несовместимое: «в одну повозку впрячь неможно коня и трепетную лань».

Парадоксальная, на первый взгляд, логика иранской истории последних 25 лет свидетельствует о следующем. Все это время исламский режим старался задвинуть иранское начало (ираният) в самые отдаленные уголки сознания и подсознания своих граждан и постоянно акцентировал внимание на их исламском начале (эсламият). Тем не менее в настоящее время именно исламский режим, а не рвущиеся к власти либералы, является единственной силой, способной обеспечить в полном объеме независимость, суверенитет и территориальную целостность Ирана. Именно исламский режим, каким бы плохим он ни казался, а не марионеточные отцы иранского либерализма, является охранителем иранской государственности.

В свое время известный в прошлом советский диссидент Александр Зиновьев, ужаснувшись всему тому, что произошло в постсоветской России, воскликнул: «Целились в коммунизм, а убили Россию»⁵. У нас есть все основания предположить, что если возобладает вектор развития событий, задаваемый из-за океана, то через некоторое время кто-нибудь из нынешних оппозиционеров, искренне пытающихся совместить в своем сознании «две вещи несовместные», может на иранский лад перефразировать зиновьевские слова: «Целили в исламский режим, а убили Иран».

Все, сказанное выше, не означает отрицания необходимости смены режима в Иране. Реальной политической альтернативой ему могли бы стать силы, стоящие на позициях здорового иранского национализма. Однако в условиях однополярного мира такая перспектива представляется крайне маловероятной.

¹ Комплексное исследование этой проблемы дано в фундаментальной монографии С.Г.Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием», М.: Эксмо-Пресс, 2001.

² Иран ва джахан, 14.03.2003.

³ По мнению С.Г.Кара-Мурзы, «аутистическое мышление – не «бредовой хаос», не случайное нагромождение фантазий. Оно тенденциозно, в нем всегда доминирует та или иная тенденция, тот или иной образ – а все, что ему противоречит, подавляется». См.: Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Эксмо-Пресс, 2001., с. 475.

⁴ Цитируется по английскому переводу, приведенному в www.iran-daneshjoo.org от 12.02.2003.

⁵ Эта мысль, высказанная в середине 90-х годов, была повторена им в книге «Русская Трагедия» (гибель утопии). – М., 2002, с. 234.

**РОССИЙСКО-ИРАНСКИЙ ДИАЛОГ И ПОЗИЦИЯ
ИРАНА В ОТНОШЕНИИ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
(2001–2003 гг.)**

Исламская Республика Иран так или иначе находится на переднем плане мировой политики более двух последних десятилетий. С начала 2002 г. «с легкой руки» президента США Дж.Буша Иран был причислен к вошедшим в состав «оси зла» «странам-изгоям». В марте-апреле 2003 г. граничащая с Ираком ИРИ становится прифронтовым государством, на ее территории взрываются «случайно» залетевшие ракеты и «по ошибке» высаживаются британские десантники. По всем нормам международного права нейтральное государство, т.е. Иран, должно было бы интернировать десантников, разоружить их и содержать под охраной или наблюдением до завершения военных действий. Тем не менее иранские власти передали их коалиционному командованию. Только благодаря избранной Тегераном линии на активный нейтралитет страна не оказалась втянутой в новую войну в регионе.

После быстрой и, как казалось на первый взгляд, однозначно успешной военной кампании американо-британской коалиции стала складываться новая обстановка, причем не только в регионе, но и во всей системе международных отношений. От того, как будут развиваться события в последующие месяцы, зависит реальное устройство мира на ближайшие десятилетия. Налицо целенаправленное намерение наиболее мощной в политическом, экономическом и военном отношении державы выстроить, согласно своим интересам, систему международных отношений и мирохозяйственных связей, скорректировать в соответствии с этим подходы к международному праву. Альтернатива этой линии – концепция многополярного мироустройства, основанного на существовании различных центров влияния, широком взаимодействии равноуровневых международных организаций и соблюдении общепринятых норм международного права. Этой концепции привержена не только Россия. Ее, как известно, разделяет ряд других государств мира как в Европе, так и в Азии. Утверждение многополярности на мировой арене – не утопия, а реальная политическая цель, достижение которой, правда, требует длительной, разноплановой, кропотливой работы.

России и Ирану ныне предстоит строить свои отношения в принципиально новой и сложной геополитической обстановке. Как известно,

за пять с лишним столетий между нашими странами бывало всякое. Были и войны, как «горячие», так и «холодные», и участие в противостоящих друг другу военных блоках, и периоды взаимной вражды и отчуждения. С точки зрения истории, прошло совсем немного с того времени, когда северный сосед, тогда СССР, рассматривался иранскими властями как враждебная держава. В 1989 г., как мы знаем, произошёл поворот к диалогу, а через него – к сотрудничеству.

Москва и Тегеран идут этим путем последние четырнадцать лет. Накоплен ценный опыт совместной работы в двусторонней и многосторонней дипломатии, в реализации экономических проектов, в том числе в региональных масштабах. Пусть не так быстро, как хотелось бы, складывается «ткань» человеческого общения.

Целью России и Ирана на нынешнем, весьма ответственном этапе должно стать сохранение и укрепление этого потенциала. Совпадают концептуальные подходы Москвы и Тегерана к основным международным и региональным проблемам. Постепенно укрепляется осознание неизбежности тесного взаимодействия России и Ирана как лидеров мировой нефте- и газодобычи. Географическое положение двух стран делает их фактическими монополистами в создании уникального транспортного коридора, соединяющего Европу с Азиатско-Тихоокеанским регионом. Обе страны так или иначе «обречены» на соседство и сотрудничество на Каспии.

Рассматривая вопросы, связанные с развитием российско-иранских отношений, нельзя не видеть нынешних реалий, в том числе серьезной политико-дипломатической и пропагандистской кампании, развернутой США против существующего в ИРИ режима. Как видится, цели этой кампании, и здесь не может быть иллюзий, – демонтаж исламского правления в стране, а также свертывание связей с Европой, Японией, Россией, ее сотрудничества с Ираном в так называемых чувствительных областях, уход с иранских рынков, прежде всего с энергетического и военно-технического. Представляется также, что США заинтересованы в превращении Ирана в надежное звено контролируемой ими системы безопасности (не только военно-политической, но и экономической, в первую очередь энергетической) во всем макрорегионе Ближнего и Среднего Востока.

На фоне практически завершившегося окружения ИРИ дружественными США, если не сказать сильнее, режимами эта кампания, в значительной мере провоцируя обострение борьбы между противостоящими друг другу (хотя и являющимися частями одной исламской системы) фракциями в иранском политическом истеблишменте, ложится на подготовленную почву все более явно проявляющихся проамериканских настроений в среде так называемого реформаторского лагеря, части интеллигенции и студенчества. Примечательно подключение к этой кампании не только сына покойного шаха Ирана, но и в определенной мере внука имама Хомейни.

Здесь хотелось бы особо отметить: Россия не выступает за продолжение конфронтации между Вашингтоном и Тегераном, о чем неоднократно на разных уровнях заявляли официальные российские представители и иранским, и американским политикам. Напротив, нормализация отношений между ними, как видится, способствовала бы стабилизации обстановки в регионе. Вместе с тем более чем очевидно, что при любом раскладе Россия, несомненно, будет исходить из необходимости учета ее интересов в Иране и регионе.

Не закрывая глаза на существующие у наших западных партнеров вопросы и озабоченности в отношении Ирана, Москва выступает за то, чтобы все проблемы решались политическим путем, в международно-правовом поле, с использованием общепризнанных международных механизмов и институтов. Россия готова продолжать и расширять как взаимодействие с Ираном, так и сотрудничество в Иране с третьими странами, как это, например, уже произошло в случае российско-французско-малазийского консорциума на месторождении «Южный Парс» в Персидском заливе.

Естественный стратегический интерес России состоит в том, чтобы из Ирана не исходило никаких угроз ее национальной безопасности. Это, безусловно, касается и ракетно-ядерного нераспространения, и угроз, связанных с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков.

Именно эти вопросы наряду с проблемами глобальной и региональной безопасности, а также направления дальнейшего российско-иранского сотрудничества подробно обсуждались во время официального визита в Тегеран министра иностранных дел РФ И.С.Иванова, состоявшегося 10–12 марта 2003 г., т.е. буквально накануне начала военных действий в Ираке. В принятом российско-иранском заявлении по итогам этого визита было четко сказано о готовности наших стран развивать торгово-экономическое и культурное сотрудничество, удвоить усилия по выработке модели регионального взаимодействия в области безопасности, подтверждены совпадение или близость позиций по ключевым вопросам мировой политики, приверженность идеям многополярного мироустройства, диалога цивилизаций, центральной роли ООН в международных делах, верховенства международного права в урегулировании кризисных ситуаций.

Во время визита в Тегеран министр иностранных дел РФ был принят президентом ИРИ С.М.Хатами. При обсуждении широкого круга вопросов российско-иранского сотрудничества, региональной и глобальной безопасности, в том числе и ситуации вокруг Ирака, С.М.Хатами высказывался против «одностороннего военного решения иракского кризиса и игнорирования роли таких организаций, как ООН», добавляя при этом, что в демократии нуждаются все страны, чего нельзя, однако, сказать о навязанной демократии и под этим предлогом вмешиваться во внутренние дела государств. Далее он

сказал, что Россия и Иран «должны постараться принять все меры для установления стабильности, спокойствия, мирного сосуществования на международной арене».

В ходе визита И.С.Иванова в Тегеран серьезное внимание было уделено проблемам укрепления режима нераспространения ядерного оружия и гарантий МАГАТЭ, а также других режимов – нераспространения оружия массового поражения, предотвращения гонки вооружений в космосе. Подчеркнем при этом, что во время приема И.С.Иванова президентом ИРИ 11 марта 2003 г. последний отдельно отметил мирную направленность российско-иранского сотрудничества в атомной сфере, в частности при строительстве АЭС «Бушир», и заявил, что Иран намерен проводить исследования в области атомных технологий только в мирных целях, не преследуя задач создания оружия массового поражения. В ходе переговоров в Тегеране, и это отражено в официальном заявлении, стороны четко обозначили заинтересованность в интенсификации усилий по подготовке в ООН проектов Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма и Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом.

На переговорах в Тегеране стороны безоговорочно осудили любые акты терроризма, чем бы они ни мотивировались и когда бы и кем бы ни совершались, заявив, что противостояние терроризму требует участия всех членов мирового сообщества при решающей роли ООН для выработки общих подходов и установления его коренных причин.

Подчеркивая, что терроризм не связан с какой-либо определенной культурой, религией или народом, Россия и Иран считают, что международный терроризм, экстремизм, сепаратизм, организованная преступность, незаконный оборот наркотиков и оружия представляют серьезные угрозы безопасности и стабильности не только на региональном, но и на международном уровне. Весьма важно и то, что наши страны отвергают любые выборочные шаги по отношению к терроризму, двойной подход к нему.

Вообще вопросы терроризма занимали и занимают важное место на переговорах представителей наших стран. Создан и действует механизм регулярных российско-иранских межмидовских консультаций по антитеррористической проблематике, главной темой в которых является ситуация в Афганистане.

Положение в Афганистане подробно обсуждалось и во время визита министра иностранных дел И.С.Иванова в Тегеран, где, кроме всего прочего, была высказана серьезная озабоченность сторон все более четко проявляющейся активизацией террористической деятельности проталибских военных формирований и отрядов «Аль-Каиды» на афганской территории. Напомним в этой связи, что Иран традиционно всегда отслеживал и отслеживает развитие ситуации в Афганистане и заинтересован в обеспечении своих позиций в этой пограничной ему стране. Заинтересован и политически, и экономически.

В последние два с половиной десятилетия в зависимости от существующих реалий руководители ИРИ вступали в альянсы с различными силами. В 1979–1989 гг. их линия на поддержку моджахедов шла в одном русле с политикой Запада, прежде всего США, а также Пакистана, Саудовской Аравии, других мусульманских стран. После захвата власти Движением талибов (ДТ), не скрывавших не только своих антишиитских, но и антииранских настроений, выразившихся, в том числе, в захвате в 1998 г. Генерального консульства ИРИ в Мазари-Шарифе и убийстве группы иранских дипломатов и журналистов, Тегеран перешел к поддержке антиталибской коалиции, в большей своей части состоявшей из персоязычных таджиков и шиитов-хазарейцев.

Тем не менее в феврале и ноябре 1999 г. иранское руководство имело неафишируемые контакты с руководителями ДТ. Несколько позже было принято решение об открытии перехода Ислам-Кала на ирано-афганской границе и возобновлении работы иранского Генерального консульства в Мазари-Шарифе. По инициативе министра иностранных дел правительства ДТ В.А.Мутавакиля была продолжена деятельность комиссии по расследованию дела об убийстве дипломатов этого консульства. В интервью иранскому информационному агентству ИРНА именно В.А.Мутавакиль обратился к руководству Ирана с призывом пересмотреть подходы к афганскому вопросу. Этот призыв не встретил позитивной реакции в Тегеране, однако часть иранских парламентариев поддержала эту идею. После военных неудач отрядов хазарейской Партии исламского единства Афганистана (ПИЕА), ориентировавшейся на Иран, в Тегеране сосредоточили внимание на предоставлении разностороннего содействия силам А.Ш.Масуда – военного лидера антиталибского «Северного альянса», оказывавшего весьма эффективное вооруженное сопротивление ДТ. Во взаимодействии с российской стороной представители ИРИ приняли участие в усилиях, направленных на укрепление единства лидеров антиталибской коалиции в Афганистане, и наращивали помощь Объединенному фронту (ОФ).

Выступая за ключевую роль ООН в афганском урегулировании, представители Ирана, как и России, активно сотрудничали с миссией ООН в Афганистане во главе с Лахдаром Брахими и конструктивно работали в составе «Группы 6+2»*.

Что касается реакции Ирана на теракты в США 11 сентября 2001 г., то, как уже отмечали российские исследователи и, в частности, А.Вартанян, иранское руководство – президент ИРИ С.М.Хатами и секретарь Высшего Совета Национальной безопасности М.Роухани осудили их, выразили в официальных заявлениях сочувствие амери-

* «Группа 6+2» (Группа друзей и соседей Афганистана) в составе Ирана, Пакистана, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана, Китая, а также России и США была создана в 1997 г.

канскому народу и призвали мировое сообщество принять действенные меры по борьбе с терроризмом. Консервативное радикальное духовенство страны, со своей стороны, открыто критиковало политику США, результатом которой, как отмечалось в СМИ, и стали теракты. Когда же было объявлено о подготовке антитеррористической операции в Афганистане, то Иран не только не пошел на предоставление своего воздушного пространства для ее проведения, но и привел в состояние боевой готовности свои вооруженные силы и силы ПВО, дислоцированные вдоль ирано-афганской границы. После начала этой операции в Тегеране высказали серьезную озабоченность ракетно-бомбовыми ударами по афганской территории, особенно по г.Герату, находящемуся в непосредственной близости от иранской границы, а также в связи с новым притоком беженцев из Афганистана в приграничные иранские провинции. Духовный лидер ИРИ аятолла С.А.Хаменеи в публичных выступлениях в октябре-ноябре 2001 г. резко осудил США, заявляя, что утверждения Вашингтона о необходимости борьбы с международным терроризмом и военные действия в Афганистане на деле направлены на установление американского господства в регионе. Примерно в том же ключе выступили руководитель Совета по определению целесообразности принимаемых решений А.Хашеми – Рафсанджани и командующий Корпусом стражей исламской революции Я.Р.Сафави. Одновременно представители консервативного крыла духовенства организовывали демонстрации под антиамериканскими и антиизраильскими лозунгами, призывая к объединению мусульман и джихаду против США. Военная операция США и их союзников в Афганистане резко осуждалась и во время пятничных богослужений в большинстве иранских мечетей.

Что касается реформаторов и непосредственно президента ИРИ С.М.Хатами, то их выступления были менее резкими. Они, в частности, высказывали сожаления о гибели афганского мирного населения и призывали к борьбе с терроризмом под эгидой ООН.

Учитывая, что развитие ситуации в Афганистане и его будущее тесно связаны с интересами Ирана, в том числе в контексте его наметившихся контактов с Западом и несомненной озабоченности возможного обострения обстановки в пограничных с ИРИ афганских провинциях, руководство Тегерана заняло весьма конструктивную позицию в вопросе подготовки и достижения Боннских соглашений в декабре 2001 г. В Тегеране, как и в Москве, поддержали создание в Афганистане Временной администрации во главе с Х.Карзаем. Нельзя при этом не отметить, что в Иране весьма позитивно оценили активность ООН в афганских делах в целом и в вопросе о постконфликтном политическом урегулировании, в частности, а затем четко обозначили свое намерение принять участие в международных усилиях по экономическому восстановлению этой страны. Так, на Токийской конференции в январе 2002 г. иранские представители объяви-

ли, что вклад ИРИ составит 500 млн. долл. Отметим при этом, что большую часть суммы предполагается потратить на нужды, связанные с репатриацией афганских беженцев из Ирана, что требует больших расходов, а также на восстановление экономики в афганских провинциях, пограничных с Ираном. Видимо, следует обратить внимание и на то, что, заявляя о поддержке администрации Х.Карзая и внимательно относясь к развитию внутривластной ситуации в стране, в ИРИ отдавали и отдают заметное предпочтение представителям активно боравшегося против талибов Объединенного фронта, состоявшего прежде всего из таджиков и хазарейцев, а также традиционно связанным с Тегераном региональным руководителям, например, губернатору Герата Исмаил Хану, что вызывает озабоченность Кабула.

Традиционным раздражителем афгано-иранских отношений при всех режимах была и остается проблема распределения вод реки Гильменд. Спор частично был решен в 1973 г., когда было заключено соглашение, в соответствии с которым Афганистан обязался на постоянной основе выпускать из своих водохранилищ в русло реки ежесекундно 26 куб. м воды. Соглашение в целом выполнялось до прихода к власти талибов, которые в 1999 г. полностью перекрыли шлюзы водохранилища. В результате озеро Хамун в Иране пересохло. К 2002 г. в районах ИРИ, граничащих с афганской провинцией Гильменд, участились песчаные бури, многие деревни в Систане и Белуджистане оказались под слоем песка, пастбища и сельхозугодья практически были уничтожены. Вскоре после визита президента Ирана С.М.Хатами в Кабул в августе 2002 г. афганские власти открыли доступ воды в р. Гильменд. Однако затем шлюзы, не без влияния американцев, вновь были перекрыты. Таким образом, проблема распределения водных ресурсов до сих пор не решена.

Говоря о позиции ИРИ в афганском вопросе, на наш взгляд, ни в коей мере нельзя обходить вниманием и то, что в ответ на выдвинутые американцами обвинения в поддержке Тегераном антиправительственных сил в Афганистане в Иране были предприняты конкретные шаги, однозначно продемонстрировавшие позитивное отношение к нынешней афганской администрации. В частности, в Тегеране и Мешхеде были закрыты представительства выступающего против кабульских властей Г.Хекматъяра, известного лидера Исламской партии Афганистана. Сам он был помещен фактически под домашний арест, а затем выдворен из ИРИ. Следует отметить и то, что МИД Ирана 20 марта 2002 г. официально опроверг заявления директора ЦРУ США Дж.Теннета об укрывательстве на территории Ирана членов Движения талибов и «Аль-Каиды», сообщив при этом о передаче посольствам ряда западных и арабских стран в Тегеране нескольких задержанных граждан этих стран, подозревавшихся в связях с талибами и «Аль-Каидой». Подтвердить поддержку Ираном кабуль-

ского правительства был призван и визит в Афганистан президента ИРИ С.М.Хатами в августе 2002 г., в ходе которого обсуждался широкий круг проблем двусторонних отношений – помощь в восстановлении афганской экономики, борьбе против терроризма, наркотрафика и др.

Развивается двусторонняя торговля. Товарооборот между Ираном и провинцией Герат составил в 2002 г. примерно 200 млн. долларов. На обновление таможенного терминала в Догаруне и строительство автомагистрали Догарун-Герат ИРИ выделила 43 млн. долл. В январе 2003 г. в ходе визита в Тегеран афганского министра торговли М.Каземи были подписаны двусторонние соглашения о торговле и транзите. Тогда же состоялись трехсторонние ирано-афгано-индийские переговоры, в результате которых были подписаны меморандумы о расширении торговли, значительном снижении таможенных пошлин и создании базовых условий для транзита по территории трех стран.

Важным событием регионального масштаба был состоявшийся в июне 2003 г. саммит с участием президентов Ирана, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана, в результате которого его участники подписали документы по вопросам развития торговли и транзита. Стремясь сыграть роль регионального координатора международной помощи Афганистану, Иран принял заметное участие в организации международной выставки-ярмарки в Мешхеде, посвященной восстановлению Афганистана. В ней приняли участие 400 иранских компаний, международные организации, ОАЭ, Турция, Италия, Франция, Германия, Англия. В мае 2003 г. состоялась первая иранская торгово-промышленная выставка в Кабуле, в которой приняли участие около 140 иранских компаний. Иранский автоконцерн «Иран-ходроу» в мае 2003 г. заявил о намерении не только начать экспорт автомобилей в Афганистан, но и содействовать в перспективе созданию афганского автомобилестроения.

Важным шагом, демонстрирующим серьезное внимание Тегерана к афганской проблеме, является и тот факт, что в ИРИ создан и функционирует Штаб по Афганистану, координирующий деятельность различных ведомств на афганском направлении. В его состав входят представители канцелярии духовного лидера Ирана С.А.Хаменеи, министерств иностранных и внутренних дел, обороны, информации, Корпуса стражей исламской революции. Филиалы этого Штаба созданы в приграничных с Афганистаном провинциях – Хорасане, Систане и Белуджистане.

Важнейшее направление афганской политики Тегерана связано с острой необходимостью противостоять контрабанде наркотиков из Афганистана. При талибах страна превратилась в центр международного наркобизнеса. И тогда, и ныне оттуда через Центральную Азию, Кавказ и Иран идут основные наркопотоки в Россию (до Даль-

него Востока), Украину, Молдову, страны Балтии, Восточную и Западную Европу, где, по данным ООН, 70–80% наркотиков имеют афганское происхождение. Часть наркотиков оседает в самом Иране, что вызывает серьезную озабоченность Тегерана.

При режиме НДПА велась, и довольно успешно, борьба против производства и контрабанды наркотиков. Ситуация резко обострилась после прихода к власти ДТ. Так, если в 1989 г. в Афганистане было произведено примерно 650 т опиума-сырца, то в 1999 г. – 2,5 тыс. т, т.е. почти 70% объема его мирового производства. На севере и особенно на юге страны посевы наркокультур, производство и переработка опиума-сырца приобрели промышленные масштабы. Несмотря на декларации руководства ДТ, вначале выступавшего за запрет производства наркотиков, посевные площади под наркокультуры во много раз увеличились. Переработка сырья осуществлялась более чем в 200 лабораториях, оснащенных современным импортным оборудованием, куда для работы приглашались специалисты-химики, в том числе и из Европы. В лабораториях проводились эксперименты с целью получения наиболее высокоурожайных и стойких к климатическим изменениям сортов опиумного мака. В одной из лабораторий был создан новый вид героина – жидкий, названный «слезы Аллаха» и отличающийся более высокой концентрацией и степенью привыкаемости.

Естественно, что в Тегеране были серьезно озабочены тем, что складывавшаяся картина с учетом увеличения при талибах лагерей по подготовке террористов, в том числе из других стран, свидетельствовала о формировании на территории Афганистана агрессивного транснационального сообщества терроризма и экстремизма, сращивавшегося на почве общих интересов с международным наркобизнесом и торговлей оружием. По оценкам ООН, доходы руководителей ДТ от наркоиндустрии составляли сотни миллионов долларов.

После завершения первой стадии антитеррористической военной операции против ДТ и Аль-Каиды в Афганистане произошел новый всплеск незаконного оборота наркотиков, весьма значительная часть которых по-прежнему переправляется через Иран. В январе 2002 г. афганское правительство запретило культивирование опийного мака, однако к тому времени поля по всей стране были уже засеяны. Ныне засеяно свыше 90 тыс. гектаров. В апреле того же года власти Афганистана объявили о начале кампании по уничтожению маковых плантаций. Однако это не увенчалось успехом. Тогда правительство стало предлагать крестьянам по 500 и более долларов за каждый уничтоженный гектар посевов, что также не дало положительных результатов, т.к. стоимость выращенного на одном гектаре мака составляет около 16 тыс. долл. Рассматривая проблему наркотиков, в Тегеране учитывают, что выращивание мака является одной из немногих оставшихся жизненно важных сторон экономической активности в

Афганистане, и интенсивные меры властей по искоренению наркосодержащих культур и производства наркотиков чреваты усилением нестабильности в стране. Недовольство крестьян этими мерами уже проявлялось в их открытых выступлениях, принимавших формы вооруженного сопротивления, перекрытия дорог и т.п. В доходах от наркобизнеса, что очень важно, заинтересованы и полевые командиры, являющиеся фактически хозяевами во многих местностях. В этих условиях практически нет оснований ожидать, что наркопоток из Афганистана может сократиться. По сведениям ООН, в 2002 г. в Афганистане было произведено 3400 т опия, т.е. 76% мирового производства. Общемировой же ежегодный доход от незаконного оборота афганских наркотиков оценивается в 25 млрд. долл.

По данным компетентных источников, наркотрафик идет по всей линии граници Ирана с Афганистаном, а также и с Пакистаном. Основными районами переправки наркотиков являются север – вблизи Бирджанда, юг – около г.Заболь, провинции Систан и Белуджистан. Еще один район перевозки наркотиков находится у г.Серахса, в непосредственной близи от границы с Туркменией. При этом места складирования наркотиков, перевалочные пункты и лаборатории по производству героина функционируют, часть их перебазиреуется.

Руководство Ирана и лично президент С.М.Хатами уделяют самое серьезное внимание этой проблеме. Под их контролем силы правопорядка проводят огромную работу по борьбе с контрабандой наркотиков в страну и за ее пределы. Органом, ее координирующим, является созданный в Тегеране Штаб, деятельность которого контролируется самим президентом. В число членов Штаба входят силовые министры и генеральный прокурор страны. Штаб располагает компьютерной системой, банком данных, где, кроме всего прочего, содержатся сведения о наркодельцах, их деятельности не только в стране, но и на региональном уровне. Важную роль в организационной структуре Штаба играют Генеральный секретарь, его аппарат, координирующий деятельность специализированных комитетов по мониторингу наркотрафика и погранконтроля, отслеживанию каналов сбыта наркотиков, разведке и оперативной деятельности по сокращению спроса на них, включая лечение, реабилитацию наркоманов, а также судебно-правовые вопросы. В функции Генерального секретаря Штаба входит также координация работы технических комитетов, центра по контролю за наркоторговлей в 28 провинциях страны. Штабом разрабатывается и осуществляется общенациональная политика по наркопроблеме, реализуемая на уровне органов законодательной и исполнительной власти и по каналам учреждений здравоохранения, культуры и образования.

В стране преобладают силовые методы борьбы с наркотрафиком. За последние 20 лет в борьбе с бандами наркокурьеров погибли почти три с половиной тысячи иранских граждан – солдат и офицеров, в

том числе и высшего командного состава. Согласно иранской статистике, силами правопорядка, полиции и народного ополчения захватывается примерно 25% наркотиков, переправляющихся из Афганистана и Пакистана.

Важным направлением работы ИРИ по борьбе с контрабандой наркотиков является охрана ее границ, в том числе и путем возведения заградительных сооружений. На более уязвимых участках границ построено свыше двухсот наблюдательных башен, созданы передовые посты, установлены десятки километров колючей проволоки, блокированы барьерами из бетонных плит проходы через границу, вырыто около 200 км глубоких и широких каналов, сделаны земляные насыпи и многое другое. В июне 2003 г. в Тегеране было заявлено о создании дополнительных 25 погранзастав на границе с Афганистаном.

В приграничных с Афганистаном местностях наркоторговцы, кроме всего прочего, активно используют методы террора, запугивают и похищают людей, подкупают должностных лиц для обеспечения контрабанды.

В целях безопасности жители некоторых приграничных местностей переселены во вновь построенные деревни. Антинаркотические мероприятия в ИРИ требуют огромных затрат. Ежегодно казна расходует на эти цели более 800 млн. долл.

Официальный Тегеран, справедливо акцентируя тезис о том, что именно ИРИ во многом принимает на себя тяготы и расходы, связанные с наркопотоком из Афганистана, настойчиво апеллирует к мировому сообществу и западным странам, являющимся основными рынками сбыта наркотиков, ставит вопросы об увеличении материально-технической и финансовой помощи Ирану в борьбе с наркотрафиком. Заметно активизировалось взаимодействие ИРИ в этом вопросе с ООН, другими международными организациями, в том числе неправительственными, а также с рядом государств. Подписаны, например, протоколы о сотрудничестве с Испанией, Италией, Англией, Германией, Венесуэлой, Филиппинами и др. Нарастают объемы партий поставок в ИРИ, в том числе и на безвозмездной основе, из стран Евросоюза контрольной аппаратуры, приборов ночного видения, средств связи, бронезилетов для иранских военных частей, участвующих в вооруженной борьбе с бандами наркодельцов и наркокурьеров.

Значительное внимание в ИРИ уделяют и налаживанию сотрудничества с афганской стороной, прежде всего в области замещения посевов наркосодержащих растений традиционными сельхозкультурами, особенно в приграничных с ИРИ провинциях Афганистана.

В качестве близкого партнера в афганских делах в целом в Тегеране небезосновательно, как показала практика, рассматривают Россию. Проблемы ситуации в Афганистане и подходы к их решению

многokrратно и подробно обсуждались как на межмидовских консультациях, так и на более высоком уровне, в том числе в ходе визита министра иностранных дел РФ в апреле 2003 г. в Тегеран и, конечно же, на встречах на высшем уровне президентов наших стран в Москве, Нью-Йорке, Ашхабаде. Важную роль сыграла Россия и в период подготовки и проведения 22 мая 2003 г. во Франции международной конференции по проблемам наркотрафика из Афганистана, в которой приняли участие свыше 50 стран. Российскую делегацию возглавил министр иностранных дел РФ. В преддверии конференции российская сторона направила руководству ООН и Евросоюза послания с предложениями выработать комплексный подход к принятию мер борьбы с наркотрафиком. Положения этих посланий вошли в итоговый документ Конференции, в котором изложены основные направления деятельности стран-участниц на краткосрочную и долгосрочную перспективы.

Инициативы РФ в общем виде закреплены в совместном заявлении участников сегмента министерского уровня 46-й сессии по наркотическим средствам в Вене (апрель 2003 г.), в заявлении председателя Международной конференции по наркотикам в Париже (май 2003 г.), итоги которой были одобрены на саммите «большой восьмерки» (Эвиан, июнь 2003 г.) и в Заявлении председателя СБ ООН по итогам заседания Совета 17 июня 2003 г. по афганской наркоугрозе.

Позиция РФ в отношении Афганистана и проблем, с ним связанных, во многом совпадает с точкой зрения ИРИ. Взаимодействие наших стран по этим вопросам будет содействовать укреплению российско-иранского сотрудничества в целом и на данном направлении, в частности.

По данным Погранслужбы ФСБ РФ, за 5 месяцев 2003 г. российскими пограничниками в Таджикистане было изъято почти 2,5 тонн наркотиков, что в 3 раза больше, чем за тот же период прошлого года, из них героина – 1,5 т. По общему показателю изъятий героина (свыше 4 т в год) Афганистан вышел на четвертое место в мире, уступая лишь Пакистану, Турции и КНР.

Что касается переправки наркотиков из Афганистана через Таджикистан, то необходимо особо подчеркнуть, что серьезный заслон, поставленный здесь российскими пограничниками, нивелируется практически полным отсутствием контроля на афганско-туркменской границе, через которую в Афганистан поступают также прекурсоры для производства героина. Имеются данные, что через Туркмению афганские наркотики переправляются из Ирана в некоторые страны СНГ, а далее в Восточную Европу.

Говоря о борьбе ИРИ с наркотрафиком и наркоманией в целом, которая ведется в стране много лет и затрагивает не только интересы Ирана, но и многих других стран, следует заметить, что она заслуживает не только всяческого одобрения и уважения, но и серьезного изу-

чения. Опыт ИРИ весьма полезно было бы использовать и пропагандировать во многих странах, не исключая Россию и государства СНГ.

**ИРАНО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
(ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ)**

При работе над данной статьей автор ставил цель обрисовать общие контуры ирано-иракских отношений, обозначить тенденции в их развитии. В связи с этим львиная доля пространства уделена фактическому материалу, сопровождаемому краткими комментариями, дабы читатель мог и самостоятельно подвергать анализу отношения между Багдадом и Тегераном.

Обозревая историю ирано-иракских отношений, невольно приходишь к мысли о том, что на протяжении десятилетий они развивались в рамках одного и того же «сценария». Обе страны выделялись амбициозными планами на доминирование в регионе, в связи с чем контакты Ирана и Ирака отличала постоянная волнообразность: потепления, сменяющиеся обострениями на грани конфликта (все-таки имевшего место и о котором речь впереди). Стоит отметить, что данные тенденции проявились задолго до образования самостоятельного иракского государства и в какой-то мере характеризуют региональную специфику.

С появлением в XX столетии на мировой арене нового участника – Ирака – процессы в ирано-иракских отношениях приобрели значительную интенсивность (далеко не второстепенную роль здесь играли, впрочем как и прежде, западные страны) и резкость. Огромное влияние оказали перемены, произошедшие практически одновременно в конце 70-х гг. XX в. в Багдаде и Тегеране: приход к власти С.Хуссейна, определивший дальнейшую судьбу Ирака, и падение шахского режима в Тегеране. Обе страны вступили на качественно новый путь своего развития, который для саддамовского Ирака закономерно закончился в 2003 году. Собственно говоря, 2002–2003 гг. поставили обе страны в совершенно новые условия, которые, очевидно, могут завершить традиционное перетягивание каната между Ираком и Ираном, что в первую очередь зависит от того, каким будет новый Ирак и что изменится во внутренней и внешней политике ИРИ. Естественно, не стоит списывать западный фактор, в частности интересы свергнувших С.Хусейна США, по сути, добившихся своего утверждения в регионе.

Уже в средневековье Ирак – Зохабский (Багдадский) санджак Османской империи – ввиду особой роли, объяснявшейся географиче-

ческим положением, благоприятным климатом, обильными источниками воды, становился причиной конфликтов и напряженности в отношениях Турции и Ирана, отчетливо проявлявшего свое стремление к установлению господства над Арабским Курдистаном, Закавказьем и важнейшими сухопутными торговыми путями, соединявшими Европу с Азией¹.

Непосредственным поводом к конфронтации чаще всего служили неурегулированные пограничные вопросы, спорная принадлежность того или иного земельного участка.

Территориальные разногласия усугублял религиозный фактор. Как известно, шиитские святыни – гробницы имамов Али и Хусейна – находились в Багдадском санджаке в городах Эн-Наджаф и Кербела. В связи с этим иранцы, совершавшие паломничество в Ирак, регулярно сталкивались с трудностями и препятствиями, чинимыми местными суннитами.

В 1639 г. была сделана первая попытка урегулировать имеющиеся разногласия. Турецкий султан Мурад IV и персидский шах Сефи I подписали Зохабский мирный договор. Этот документ был подготовлен не без участия английских советников, прочувствовавших важность и перспективы данного региона, и определил фактический контроль Турции над р.Шатт-эль-Араб (ключевым отрезком ирано-турецкой границы²), что, по сути, содержало предпосылки для дальнейшей конфронтации между двумя сторонами.

Спустя практически два столетия Иран инициировал военный конфликт с Турцией, который продолжался три года и завершился в 1823 г. подписанием Эрзерумского мирного договора, оставив пограничные вопросы по-прежнему неурегулированными.

20 мая 1847 г. была предпринята следующая попытка разрешить споры. Стороны подписали в Эрзеруме Договор о разграничении между Турцией и Персией. Однако Стамбул, не желая уступать, всячески препятствовал реализации документа, несмотря на его вполне конструктивный характер, мотивируя это нечеткостью формулировок Договора.

К началу XX столетия продуманная политика Великобритании позволила ей укрепиться в регионе и принимать все более активное участие в ирано-турецких отношениях, отличавшихся прежней амбициозностью и враждой. В 1913 г. опять же при участии подданных английской королевы был подписан Константинопольский протокол, который ослаблял контроль Стамбула над р.Шатт-эль-Араб, но не ликвидировал суверенитет Турции над рекой (за исключением Мохамеры и окружающих земель)³, что не могло устроить Персию, начавшую добывать нефть и, следовательно, нуждающуюся в свободной и беспошлинной транспортировке своего сырья. Кроме того, пограничные споры зачастую не позволяли разрабатывать то или иное обнаруженное месторождение нефти.

Нефтяной фактор активизировал процессы, происходящие в отношениях сторон, и в общем обострил ситуацию. Обращение Ирана и формально независимого Ирака⁴ в Лигу Наций (1935 г.) в надежде на справедливое разрешение конфликта не принесло реальных плодов. Это подвигло обе стороны к активному самостоятельному диалогу. В результате в 1937 г. в Тегеране министры иностранных дел Ирана и Ирака подписали Договор о границах. Багдад пошел на уступки, согласившись на деление Шатт-эль-Араб по тальвегу, а также приняв условие свободного плавания по реке торговых судов.

В 50-е годы ирано-иракские отношения усложнились, что было связано с разногласиями по вопросу разграничения континентального шельфа, а позднее территориальных вод Персидского залива. Немаловажны также и изменения, произошедшие в этот период в иракском политическом пространстве.

В 1958 г. в Ираке была свергнута монархия и установлена буржуазно-демократическая республика. Багдад, стремясь продемонстрировать свою независимость, объявил политику нейтралитета, вышел из военных блоков и группировок. Эти преобразования обострили ирано-иракские отношения, ослабили позиции Ирака на мировой арене, одновременно обеспечив Ирану поддержку со стороны западных стран.

В 1969 г. шахское правительство, признав Договор 1937 г. «империалистическим»⁵, приняло решение об его аннулировании в одностороннем порядке. Давление на баасистский Ирак со стороны Тегерана, поддерживаемого Великобританией, возрастало, что в конечном счете закончилось разрывом дипотношений двух стран. Кроме того, иранцы оказывали помощь курдским повстанцам в Ираке.

В Багдаде, видя свое невыгодное положение, вынужденно пошли на сближение с Тегераном (при посредничестве и помощи арабских стран, в частности Алжира и Сирии). В 1975 г. в Алжире враждующие стороны договорились об «окончательном и прочном урегулировании всех существовавших между ними проблем». Иран добился прохождения линии границы по тальвегу р.Шатт-эль-Араб, в свою очередь прекратив поддержку иракских курдов; дипотношения были возобновлены⁶.

Казалось бы, стороны достигли компромисса и зафиксировали его на бумаге, однако Алжирские соглашения фактически лишь укрепили фундамент конфронтации двух государств, всего лишь переведя ее на новый виток развития. В арабских странах региона, да и в самом Багдаде рассматривали договоренности 1975 г. как значительные уступки шахскому Ирану. Ирак, затаив обиду, ждал удобного случая, чтобы взять реванш.

В 1978–1979 гг. революционные события в Иране сокрушили пехливийскую династию, коренным образом изменив политические ориентиры страны, как, впрочем, и всю политическую обстановку в регионе. Исламская Республика Иран покинула СЕНТО, вступила в Дви-

жение неприсоединения, заявила о своей поддержке Палестинского движения сопротивления и независимости от западных стран, в особенности США, превратившихся из партнера и друга в самого главного врага Ирана.

Традиционные ирано-иракские противоречия, приглушенные алжирскими соглашениями, получили новый импульс к развитию. Особенно способствовала этому агрессивная доктрина ИРИ, сформулированная имамом Хомейни, – экспорт исламской революции во все страны мира и установление там строя по иранскому образцу.

Ирак, больше половины населения которого (60%) составляли мусульмане-шииты, долгое время находившиеся на положении изгоев, как нельзя лучше подходил для реализации доктрины вождя иранской революции.

В Багдаде у руля уже стоял С.Хусейн – амбициозный политик, диктатор, решивший взять реванш за Алжирские соглашения 1975 г. Политический стиль С.Хусейна отдавал предпочтение решению проблем силой, что было очевидно.

За состоянием ирано-иракских отношений внимательно следили США, которые к тому времени были вынуждены уйти и из Ирака, и из Ирана в силу их ярко выраженной антизападной и антиамериканской политики⁷. Вместе с тем неучастие в делах двух важнейших стран региона не входило в планы Вашингтона, который к тому же был явным противником укрепления того или иного из названных государств. Ситуация накалялась.

Начиная с 1979 года зарубежная печать публиковала статьи по ирано-иракской тематике, в которых говорилось о провоцировании Тегераном антиправительственных выступлений шиитов Ирака, оказании им финансовой помощи и т.д. Также сообщалась информация о том, что экономика и вооруженные силы Ирана находятся в очень тяжелом состоянии⁸.

Вскоре С.Хусейн принял решение пресечь деятельность оппозиционных шиитских группировок Ирака, избрав вызывающе жесткий, прямолинейный ход – казнь лидера иракских шиитов аятоллы Мухаммада Бакр аль-Садра, поддерживавшего близкие отношения с имамом Хомейни.

18 сентября 1980 г. парламент Ирака, продолжая откровенно непродуманную политику своего лидера, объявил о денонсации договора 1975 г., ссылаясь на его несоответствие интересам иракского народа, а также невыполнение Ираном ряда статей данного документа. Через четыре дня С.Хусейн отдал приказ о начале военных действий против ИРИ.

Ирано-иракский конфликт 1980–1988 годов стал одной из крупнейших войн XX столетия. Только за первые годы стороны потеряли порядка 500 тыс. человек, а материальный ущерб приблизился к 150 млрд. долларов (по состоянию на 1985 год)⁹.

Спустя восемь лет военных действий, приведших к колоссальным потерям, во внутривнутриполитическом климате Ирана отчетливо стали проявляться изменения. Очевидная бесполезность многолетней войны укрепила позиции оформившегося среди руководства ИРИ либерального крыла (фактическим главой либералов стал Председатель иранского парламента и и.о. главнокомандующего вооруженными силами ИРИ А.А.Хашеми-Рафсанджани), стремящегося к проведению более прагматичной и соответствующей реалиям внешней политики. В августе 1988 года находившийся на грани банкротства Иран согласился начать мирный диалог; стороны подписали акт о перемирии и сели за стол переговоров, которые обещали быть долгими и сложными, поскольку ни Тегеран, ни Багдад не признавали своего поражения в войне.

Вплоть до 1989 г. переговорный процесс не приносил каких-либо существенных результатов, оставляя нерешенным вопросы о границе на реке Шатт-эль-Араб и обмене военнопленными. Обвиняя друг друга в намерении уклониться от достижения соглашения, руководители Ирака и Ирана зачастую грозили возобновить военные действия.

В то же время продолжались, пока еще слабые, трансформации во внутривнутриполитической жизни Ирана: либеральное крыло набирало обороты, стараясь воздействовать на принятие внешнеполитических решений, что и было продемонстрировано в ходе последовавших событий в Кувейте.

В ночь с 1 по 2 августа 1990 г. С.Хусейн совершил агрессию против Кувейта. Пытаясь обезопасить себя, Багдад пошел на сближение с Тегераном, обратившись с посланием о немедленном заключении мира. Ирак предложил, чтобы основой будущего мирного соглашения стали Алжирские договоренности 1975 г., предусматривающие прохождение ирано-иракской границы по тальвегу реки Шатт-эль-Араб. Предложение было принято Ираном. С 17 по 22 августа 1990 г. Ирак вывел свои войска с иранской территории. Начался обмен военнопленными под контролем Международного Красного креста.

Такой ход С.Хусейна был рассчитан на получение поддержки в дальнейшем со стороны Ирана в ирако-кувейтском конфликте, однако президент ИРИ А.А.Хашеми-Рафсанджани, несмотря на противодействие шиитского духовенства, выстроил политику по данному вопросу крайне прагматично, заявив о нейтралитете Ирана в конфликте, осуждая агрессию Ирака и потребовав от Багдада вывода войск с оккупированных территорий. Результаты не заставили себя долго ждать: после разгрома весной 1991 г. объединенными силами войск С.Хусейна Тегеран вышел из послереволюционной изоляции, стали налаживаться связи с Великобританией и рядом арабских стран. Постепенно экспорт исламской революции стал уступать место обыкновенному экономическому экспорту товаров, принося действительную пользу Исламской Республике Иран.

Со временем Тегеран усилил акценты, поддерживая оппозиционный шиитский Высший совет исламской революции Ирака (глава ВСИРИ М.Б.аль-Хаким руководил Советом, находясь в Тегеране), откровенно выступая, таким образом, за смену багдадского режима. Положение осложнялось массовыми потоками иракских беженцев, нашедших приют в Иране, возобновленными требованиями Ирана возместить ущерб, причиненный Ираком в ходе войны 1980–1988 гг.¹⁰, а также ответной активной деятельностью обосновавшейся в Ираке оппозиционной Тегерану Организации моджахедов иранского народа во главе с М.Раджави. В отношениях двух стран в очередной раз нарастала напряженность, грозившая перерасти в открытый конфликт.

В целом в поствоенный период ирано-иракские связи, соблюдая историческую традицию, развивались волнообразно, отличались атмосферой недоверия и подозрительности, что препятствовало налаживанию конструктивного диалога для решения оставшихся после войны проблем¹¹.

Определенный прогресс наметился в 1996 г.: ирано-иракский диалог вышел на солидный политический уровень. ИРИ посетили вице-президент Ирака Т.Я.Рамадан, министр иностранных дел М.Саххаф, министр промышленности А.А.Ани и министр транспорта А.Муртада. В Ираке в свою очередь побывали высокопоставленные иранские эмиссары.

В продолжение развития диалога иракское руководство попыталось добиться увеличения объемов приграничной торговли в обход санкций ООН, что не нашло поддержки со стороны Тегерана, не желающего портить своих отношений с западными странами – стратегически более важными партнерами, нежели саддамовский Ирак.

В мае 1997 года был избран новый президент Ирана С.М.Хатами, который стал продолжателем либеральной политики А.А.Хашеми-Рафсанджани. Прагматика и линия на конструктивный диалог с ведущими странами мира стали характерными чертами политики нового президента.

В мае 1999 года по инициативе Эр-Рияда состоялся визит президента ИРИ С.М.Хатами в Саудовскую Аравию (первый на таком уровне после Революции)¹². Багдад обвинил Тегеран «в попытках наладить отношения с США». «Иран хочет нанести нам удар ножом в спину», – писала иракская правительственная газета «Ас-Саура»¹³.

Очередной подъем в отношениях Ирана с Ираком начался спустя год. Так, в период с апреля по июль 2000 г. Иран в одностороннем порядке освободил более 3 тыс. иракских военнопленных, ожидая ответных шагов со стороны Ирака.

В сентябре того же года на саммите ОПЕК в Каракесе встретились вице-президент Ирака Т.Я.Рамадан и С.М.Хатами.

14–15 октября 2000 г. состоялся визит министра иностранных дел Ирана К.Харрази в Багдад. По итогам его переговоров с иракским

коллегой было решено активизировать решение вопросов послевоенного урегулирования. Стороны даже наметили перспективы экономического сотрудничества и договорились о создании свободной зоны в районе Мунзирия при том понимании, что иранские товары в рамках гуманитарной операции ООН будут ввозиться через порт Умм-Каср.

Несмотря на это, в апреле 2001 г. резко обострилась ситуация на границе. 18 апреля Иран нанес массированный ракетный удар по базам ОМИН в Ираке в ответ на ряд крупных диверсий, осуществленных боевиками этой организации в некоторых иранских городах.

Первая встреча на высоком уровне после ракетных ударов состоялась летом 2001 г. в ходе сессии министров иностранных дел ОИК в Бамако, где К.Харрази встретился со своим коллегой Н.Сабри. Практически одновременно заместитель министра иностранных дел Ирака Р.Кейси выступил в СБ ООН по вопросу создания на Ближнем и Среднем Востоке зоны, свободной от оружия массового уничтожения, призвав членов Совета принять меры по ликвидации имеющегося у Ирана потенциала ОМУ. Иранская сторона в ответ распространила в ООН материал, опровергающий иракские обвинения и содержащий встречные претензии к Багдаду в связи с использованием им химического оружия во время войны 1980–1988 гг.

Ирано-иракские отношения перешли в новую фазу в январе 2002 г., когда президент США Дж.Буш в своей речи, произнесенной перед конгрессом, объединил Иран и Ирак, наряду с Сев. Кореей в т.н. «ось зла», обвинив эти страны в поддержке мирового терроризма. Спустя несколько недель Тегеран посетил министр иностранных дел Ирака Н.Сабри. Он встретился с С.М.Хатами, а также провел переговоры с К.Харрази. В ходе визита много говорилось о совместном противодействии «росту американского гегемонизма на Среднем Востоке и в Центральной Азии»¹⁴. Иракский министр и иранский президент призывали друг друга «забыть горькое прошлое» и заявили, что усилят сотрудничество по текущим международным вопросам. Традиционно отмечалось единодушие в «осуждении экспансии сионизма в регионе». По некоторым сообщениям, иракская сторона готова была пойти на уступки, например на ограничение поддержки оппозиционных Тегерану группировок (в первую очередь ОМИН), реанимацию алжирских соглашений 1975 г. Иран в ответ пообещал Багдаду помощь, правда, что немаловажно, лишь политическую и гуманитарную, в случае нанесения по Ираку военных ударов. Таким образом, несмотря на общий ирано-иракский антиамериканизм, сотрудничество между Тегераном и Багдадом оставалось всего лишь трибуной для традиционных антизападных заявлений.

По мере обострения иракского кризиса проявилась, очевидно, единственно выгодная позиция ИРИ по иракской проблеме: Тегеран официально заявил о приемлемости исключительно мирного пути решения иракского вопроса с координирующей ролью ООН, подчеркивая

необходимость сохранения территориальной целостности Ирака, соблюдения прав всех проживающих национальных и религиозных меньшинств, самостоятельного определения народом Ирака своей дальнейшей судьбы. На попытки США и Великобритании вовлечь Иран в предстоящую военную акцию руководство ИРИ 13 февраля 2003 г. сообщило свою официальную позицию, поддержав инициативу России, Германии и Франции по Ираку.

Тем не менее стоит отметить, что выработка Ираном долгосрочной стратегии по иракскому кризису протекала далеко не в простых условиях. Осуждая какие-либо военные действия против Ирака, в Тегеране осознавали угрозу возможной изоляции в случае все более вероятной военной кампании США и Англии против Ирака, следовательно, неучастия в формировании правительства в постсаддамовском Ираке. Кроме того, по-прежнему оставались нерешенными вопросы об обмене военнопленными, а также получении материальной компенсации за нанесенный в ходе войны 1980–1988 гг. ущерб, что также склоняло руководство ИРИ к более прагматичному анализу сложившейся ситуации.

Вскоре Тегеран активизировал работу с оппозиционными режиму С.Хусейна группировками, в первую очередь ВСИРИ, а также с Демократической партией Курдистана и Патриотическим союзом Курдистана.

В конце 2002 г. в преддверии готовящейся встречи иракской оппозиции с делегацией США¹⁵ в Тегеране состоялись раздельные встречи председателя Демократической партии Курдистана М.Барзани и главы ВСИРИ М.Б.аль-Хакима с лидером Иракского национального конгресса А.Чалаби, который считается проамериканской фигурой среди зарубежных суннитских группировок. Его появление в Тегеране стало сенсацией (хотя Чалаби не был принят на высоком уровне)¹⁶. Инициативой по консолидации рядов иракской оппозиции правительство С.М.Хатами продемонстрировало, что по-прежнему считает Ирак зоной своих интересов.

После начала военной акции коалиционных сил в Ираке Тегеран заявил о своей позиции «активного нейтралитета», подразумевая активное реагирование на угрозы своим интересам; закрыл свое воздушное пространство, квалифицируя действия Вашингтона и Лондона как агрессию, дестабилизирующую положение в регионе и создающую опасный прецедент. Иран, памятуя о предыдущих волнах иракских беженцев (к середине 1990-х в Иране находилось 600 тыс. беженцев из Ирака)¹⁷, перекрыл свою границу с Ираком, заявив о готовности оказывать им гуманитарную помощь, но на иракской территории.

Падение режима С.Хусейна в Тегеране приветствовали, о чем заявил руководитель ИРИ А.Хаменеи. Внешнеполитическое ведомство Ирана подчеркнуло, что в случае проникновения на иранскую территорию членов иракского руководства они будут арестованы и преданы суду за преступления против народа Ирака.

На данный момент Иран выступает за сохранение территориальной целостности Ирака, формирование здесь широкопредставительного, независимого, дружественного Ирану правительства, обеспечение контроля иракцев над природными ресурсами своей страны. Кроме того, Тегеран опасается создания в Ираке проамериканского государства и, следовательно, усиления влияния США в регионе.

В ИРИ указывают на необходимость учета опыта международного урегулирования афганского кризиса, призывая к проведению международной конференции с участием представителей сопредельных с Ираком стран, постоянных членов СБ ООН, ЕС, лидеров группировок из состава бывшей внешней иракской оппозиции, объединенных в «Комитет 7», а затем к формированию временной администрации, созыву конституционной ассамблеи, выборам и созданию полноценного правительства.

Тегеран неоднократно указывал на то, что центральная роль в посткризисной реконструкции Ирака, оказании помощи его населению должна принадлежать ООН.

От властей в Багдаде иранцы ожидают строгого выполнения международно-правовых обязательств Ирака, в том числе положений Алжирских соглашений 1975 г.

Успех в достижении своих целей Тегеран тесно связывает с деятельностью в Ираке местной шиитской общины. Иранцы рассчитывают на включение представителей шиитских группировок в будущие государственные структуры Ирака. В этом вопросе особая роль отводилась ВСИРИ, лидер которого М.Б.аль-Хаким долгое время проживал в Иране. Однако после свержения С.Хусейна глава ВСИРИ озвучил неожиданно лояльные по отношению к США взгляды касательно будущего Ирака, отметив необходимость создания в Ираке светского демократического государства, а также подверг жестокой критике любые проявления радикализма в исламе.

29 августа 2003 г. в священном шиитском городе Эн-Наджаф был совершен террористический акт, в результате которого М.Б.аль-Хаким был убит. Его преемником стал родной брат Абдель Азиз аль-Хаким, отличающийся еще более проамериканскими взглядами.

В любом случае, Тегеран продолжает вести работу на иракском направлении, что вызывает негативную реакцию США. Последние обвиняют Иран во вмешательстве во внутренние дела Ирака, а также в «продолжающемся проникновении в Ирак с иранской стороны боевиков, враждебных Америке»¹⁸. Вашингтон категорически отвергает иранские подходы к мирному урегулированию в Ираке.

¹ Иванов М.С. Очерк истории Ирана. – М., 1952, с. 60–61.

² Путевой журнал Е.И.Чирикова. – СПб., 1875, с. 649–651.

³ Facts Concerning the Iraqi-Iranian Frontiers. Baghdad, 1960, с. 16–20.

⁴ После окончания Первой мировой войны Великобритания, захватившая территорию Ирака, получила мандат на управление этой страной. По англо-

иракскому договору 1930 года Ирак был формально провозглашен независимым государством.

⁵ Этгелаат, 19.04.1969.

⁶ Ушаков В.А. Иран и мусульманский мир. – М.: Институт изучения Ирака и Ближнего Востока, 1999, с. 16.

⁷ Там же, с. 18.

⁸ Кленов И., Орлов В. Ирано-иракская война // Зарубежное военное обозрение, 1985, № 1.

⁹ Там же.

¹⁰ Сумма иранской стороной определялась по-разному, порой доходя до 1 триллиона долларов.

¹¹ Некоторые даже пытались объяснить многолетнюю ирано-иракскую непримиримость цивилизационными противоречиями между Ираком и Ираном, олицетворяющими арабо-персидское соперничество. Не случайно С.Хусейн сравнивал войну 1980–1988 годов с битвой при Кадисии (637 год), когда арабы разгромили персидское государство, положив конец богатейшей зороастрийской цивилизации и предопределив исламизацию Ирана. Нодар Мосаки, копирайт Независимая газета, 1998–2002.

¹² Франс-Пресс, 24.04.2002.

¹³ Ас-Саура, 11.05.1999.

¹⁴ Женьминь Жибао (People's Daily), 29.01.2002.

¹⁵ Встреча состоялась в конце ноября 2002 г. в Лондоне.

¹⁶ РИА Новости, 20.11.2002.

¹⁷ World Refugee Survey, 1996, с. 115.

¹⁸ ИТАР ТАСС, 5.09.2003.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРИ
ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ИРАКЕ**

Новая политическая обстановка, сложившаяся после свержения режима С.Хусейна в Ираке, привела к изменению баланса сил в регионе Ближнего Востока и поведенческого стереотипа ближневосточных государств, одним из которых является Иран.

На протяжении ряда последних лет серьезное влияние на формирование внешней политики ИРИ оказывала внутривнутриполитическая обстановка и борьба между реформаторской частью правящей элиты, деятельность которой обычно ассоциировалась с именем президента М.Хатами, и консервативными силами в иранском руководстве во главе, как принято считать, с А.Хаменеи. Отказ консервативно настроенных клерикалов, контролирующих ключевые посты в правительстве, армии и спецслужбах, от углубления реформ и пассивная в целом позиция президента М.Хатами в вопросе противодействия консервативным силам (которая особо рельефно проявилась в ходе его выступления перед студентами в сентябре 2003 г.) ведут к определенной эрозии внутренних опор власти и появлению нового «центра сил» на внутривнутриполитической арене ИРИ. Социальная база этого «центра сил» представлена, в основном, студенчеством и маргинальными слоями иранского общества. На сегодня они слабо оформлены в организационно-политическом отношении и поэтому не могут пока оказывать серьезного воздействия на процесс реформ. В значительной степени эти слои иранского общества являются объектом манипуляции тех или иных сил в правящей элите ИРИ в целях мобилизации на решение задач в интересах определенных властных группировок. Поэтому реформаторское движение в Иране сегодня носит скорее элитарный характер и не имеет прочных корней в широких слоях иранского общества.

Наиболее видные сторонники реформ являются представителями властной элиты общества, сформировавшейся в условиях исламского государства. Однако в последнее время все большее влияние на ход реформ в Иране оказывает державшаяся прежде в тени группа бывших высокопоставленных представителей иранских силовых ведомств. Одним из видных представителей этой группы является бывший офицер контрразведки Сайд Хаджарян. Именно ему приписывают заслугу в создании в 1989 г. Центра стратегических исследований (ЦСИ),

который сегодня служит своеобразным «мозговым центром» для МИД, Высшего совета национальной безопасности ИРИ, а также лабораторией реформаторских идей. В работе ЦСИ задействованы бывшие высокопоставленные офицеры разведки КСИР (Акбар Гянджи, Хамид Реза, Джалай Пур, Мохсен Армии, Мохсен Мохдави и др.). Многие из этих политических деятелей служили за рубежом. Так, М.Пур, который в начале 80-х годов был послом в Сирии, считается одним из организаторов ливанской «Хезболлы», а М.Армии с 1983 по 1989 г. служил в штабе КСИР в Ливане и в определенной степени участвовал в выработке внешнеполитического курса ИРИ. В тесном контакте с ЦСИ действуют представляющие реформаторские круги иранского духовенства такие организации, как Меджлис Роханиюн Мобарез (Ассамблея борющегося духовенства), одним из лидеров которой является бывший министр внутренних дел ИРИ Али Акбар Мохташеми Пур. Эта группа имеет свою концепцию реформирования иранского общества и стремится к укреплению собственных позиций во властных иранских структурах с тем, чтобы в дальнейшем попытаться возглавить общественное движение в поддержку реформ¹. Деятельность данной группы особенно активизировалась по мере усиления вмешательства США в политические процессы в регионе Центральной Азии и Ближнего Востока. Иракская война и ее последствия для всего ближневосточного региона и Ирана, в частности, вызывают опасения у этих политических функционеров в том, что дальнейшее обострение соперничества в правящей иранской элите может привести к дестабилизации власти в ИРИ и неконтролируемому выходу на политическую арену новых социальных сил (недавние события в Саудовской Аравии косвенно подтверждают подобные опасения).

В этой связи названные группировки стремятся усилить свое влияние на ход реформ и определить основные контуры внешнеполитической линии ИРИ, это стало особенно заметно по мере приближения парламентских выборов (февраль 2004 г). Некоторые представители консервативных кругов начинают проявлять больше прагматизма в подходе к реформам, признавая их историческую неизбежность и опасаясь, что в случае отсутствия должной гибкости, они рискуют, в конечном итоге, оказаться на обочине политических процессов. Неоконсервативные элементы иранского духовенства, придерживающиеся либерального направления в исламе, начинают постепенно дистанцироваться от сторонников жесткой линии и ищут союза с реформаторскими кругами. В случае укрепления данной тенденции это может снизить политическую напряженность в обществе в предвыборный период и обеспечить успех реформаторского движения в ИРИ².

Присутствие американских войск в Ираке вызывает серьезные опасения у иранского руководства. Иран опасается, что это может привести, в конечном итоге, к окружению его проамериканскими режимами в случае укрепления правительства Карзая в Афганистане,

развития военно-политического союза США с Турцией, Пакистаном и странами Центральной Азии, усиления американского присутствия в Саудовской Аравии и других монархиях Персидского залива. Иран также опасается, что инициированная США война с Ираком имеет своей дальней целью изменение сложившейся конфигурации «центров сил» в ОПЕК и в целом на мировых рынках нефти не в пользу Ирана. ИРИ считает, что, оккупировав Ирак, США могут попытаться превратить его в нефтяную сверхдержаву, чтобы снизить роль Саудовской Аравии в ОПЕК и таким образом поставить под свой контроль эту организацию. Об этом, в частности, заявил Х.Рафсанджани во время встречи с министром иностранных дел РФ И.Ивановым в марте 2003 г.³

Сложившиеся политические реалии в регионе оказывают неоднозначное влияние на политику соперничающих группировок в иранском руководстве. Если сторонники М.Хатами проявляют больше гибкости и инициативы в поисках компромиссов и диалога с США, то консервативные элементы правящей духовной элиты, напуганные военными успехами США, пытаются активизировать усилия по эксплуатации антиамериканских настроений внутри страны и в арабском мире с целью ограничить американское присутствие в Персидском заливе. В тактическом плане иракская война и американские планы по переустройству ближневосточного региона могут укрепить консервативное направление во внешней политике ИРИ. Но в то же время факты свидетельствуют о том, что идет поиск новых подходов к выработке внешнеполитического курса Ирана. Так, если А.Хаменеи в ходе пятничной проповеди сразу же вслед за падением Багдада в своем обращении на арабском языке к иранскому народу и всему арабскому миру продолжал демонстрировать враждебное отношение к США, то бывший президент ИРИ Х.Рафсанджани придерживался более реалистичных взглядов в отношении внешней политики Ирана. В интервью иранской газете «Рахбар» – печатному органу ЦСИ – Х.Рафсанджани не исключил возможности изменений в традиционно враждебном отношении Ирана к США и Египту. Он подчеркнул, что действительно существуют проблемы в отношении Ирана с США, рядом арабских стран (Египет), но они уходят корнями еще во времена Хомейни. В настоящее же время «Виляете факих» имеет свое видение этой проблемы. Рафсанджани отметил, что хотя США по-прежнему рассматриваются как фактор угрозы для Ирана, изменение тактических внешнеполитических установок ИРИ могло бы укрепить региональные международные позиции Ирана⁴.

Этим своим заявлением Х.Рафсанджани попытался несколько смягчить позицию, занятую Хаменеи в отношении США. Вместе с тем выступление Рафсанджани является определенной реакцией иранского руководства на усилившийся нажим США на Иран, особенно в вопросах разработки и создания ракетно-ядерной программы ИРИ. Заявление, сделанное Х.Рафсанджани, идет дальше предыдущих высказываний большинства иранских лидеров и свидетельствует о

некотором пересмотре приоритетов внешнеполитического курса ИРИ. Что это не случайное заявление бывшего президента, подтверждают и интервью, данное Рафсанджани агентству IRNA, где он подчеркнул, что МИД ИРИ может вести самостоятельную внешнюю политику без одобрения других органов власти (имеются в виду органы духовенства). При этом он ссылаясь на слова А.Хаменеи о том, что самые важные религиозные обязанности иранцев могут быть пересмотрены с учетом требований системы государственного устройства и необходимости приспособления к современным обстоятельствам. «Наша идеология гибкая, – заявил Рафсанджани. – Ввергнуть страну в хаос, мотивируя это соображениями ислама, не имеет ничего общего с религией». Рафсанджани считает, что проблемы в отношениях с США могут решаться двумя путями. Путем референдума и последующей ратификации его меджлисом и «Велаяте факих» и посредством передачи этой проблемы для решения в Совет по целесообразности, который и определит, в чем состоит национальный интерес Ирана. Конечно, мнение Совета также должно быть одобрено «Велаяте факих». Рафсанджани добавил, что МИД должен ускорить процесс принятия решений по этим важным вопросам⁵.

Американское присутствие в Ираке оказывает серьезное влияние на формирование основных направлений внешней политики ИРИ в отношении Ирака. За последнее время позиция ИРИ по Ираку неоднократно менялась от резкого неприятия силового вмешательства США до активного нейтралитета накануне войны и просто нейтралитета в ходе военных действий. С одной стороны, Иран рассматривал свержение режима С.Хусейна в качестве определенного позитивного фактора – удаления военной угрозы. С другой, сохраняющееся военно-политическое присутствие США на границе с Ираном представляет несомненную угрозу для безопасности ИРИ. В этих условиях иранское руководство предпочитает занимать выжидательную позицию в отношении планов США создания нового Ирака и воздерживается от явных сигналов своим сторонникам в Ираке по вопросу о поддержке политики коалиционных властей. При этом определенную роль в своей ближневосточной политике, в том числе в отношении Ирака, Иран отводит влиянию и значению шиитских общин. У Ирана имеются долгосрочные интересы в отношении шиитской общины в Ираке. Этот интерес базируется на религиозной общности, идеологической основе, на политических и экономических соображениях. Иран приветствует укрепление иракских религиозных шиитских структур. Ослабление Ирака означает усиление роли Ирана в Персидском заливе. С точки зрения экономики, это увеличение нефтедобычи, более выгодное распределение квот в ОПЕК, а также возврат к неурегулированным вопросам репараций времен ирано-иракской войны и пересмотр пограничных проблем Шатт-аль-Араба. Иранская политика в отношении шиитской общины Ирака определяется стремлением ИРИ иметь на своих границах дружественный Ирак с сильным шиитским элементом во властных структурах.

Однако эту политическую линию Иран сможет проводить только крайне осторожно из-за необходимости сохранения дружественных отношений с арабскими монархиями Персидского залива и стремления избежать конфронтации с США в вопросах развития своего ракетно-ядерного оружия. Возможность усиления шиитского сепаратизма в Ираке вызывает озабоченность у руководства арабских монархий, по их оценкам, это может привести к нарушению баланса сил в Персидском заливе и укреплению там иранского влияния. В связи с этим очень своевременно прозвучало заявление президента Ирана М.Хатами во время его визита на Ближний Восток в мае 2003 г. На митинге в Бейруте он заявил, что Иран не поддерживает идею любого конфессионализма в устройстве будущей власти в Ираке. Иран заинтересован в интернационализации усилий международного сообщества в создании нового Ирака и в скорейшем выводе сил коалиции из Ирака и стран ССАГПЗ. В этом интересы России и Ирана совпадают. Война в Ираке и свержение правящего там режима нанесли серьезный урон экономическим интересам ряда крупных российских компаний, многие из которых, прежде всего нефтяные, связывали свое будущее с деятельностью в этой стране. Конечно, только этим не исчерпывается весь потенциал российско-иранских отношений.

Вместе с тем Иран опасается, что падение режима Хусейна может в перспективе ослабить роль Ирана как духовного центра шиизма в мире и регионе. После прихода к власти в Ираке режима С.Хусейна шиитские духовные лидеры вынуждены были выехать из религиозных центров Ирака (Неджеф, Кербела) и обосноваться в Куме. С этого времени Кум превратился в мировой духовный центр шиизма. Поэтому Иран и его духовенство стремятся сохранить за собой эту роль и укрепить легитимную основу своих претензий на лидерство. Это особенно важно, когда в самом Иране все чаще предпринимаются попытки подвергнуть ревизии роль института «Велаяте факих» в государственной системе страны. Одним из косвенных подтверждений этих опасений иранского духовенства могут служить наметившиеся накануне войны в Ираке разногласия между духовными лидерами ИРИ и духовным лидером «Хезболла» шейхом Фадлаллой, который ориентирован на Неджеф в большей степени, чем на Кум, и имеет особые отношения с Дамаском. По сообщениям арабской прессы, клерикальное руководство ИРИ даже планировало физическое устранение Фадлаллы, чье влияние стало активно распространяться среди шиитов⁶. Конфликт между Фадлаллой и духовным руководством ИРИ возник в результате выпущенных им в начале 2003 г. фетв, в которых этот шейх крайне негативно высказался против США и переустройства Ирака, что не согласовывалось с позицией нейтралитета, занятой Ираном в связи с войной в Ираке. С учетом близких отношений Фадлаллы с сирийским руководством Иран обвинил духовного шейха «Хезболлы» в том, что он был косвенно повинен в расколе шиитской

общины Ливана и изменении ее позиций в отношении войны в Ираке. Высказывания генсека «Хезболлы» Х.Насраллы в отличие от резких антиамериканских заявлений Фадлаллы, напротив, отличались умеренностью и больше соответствовали позиции нейтралитета, занятой иранским руководством⁷. В этих условиях сирийский президент Б.Асад отменил свой визит в Тегеран в январе 2003 г. из-за несогласия с нейтральной позицией Ирана в отношении американских планов нападения на Ирак, что не могло не отразиться на сирийско-иранских отношениях в этот политически сложный период.

Все это вызывает особое беспокойство у иранского руководства, в частности, в вопросе ближневосточного урегулирования. Если США смогут разблокировать процесс ближневосточного урегулирования по своему сценарию, то это может привести к изменению баланса сил в регионе не в пользу ИРИ. Усилившийся после окончания боевых действий в Иране нажим США на Сирию, являющуюся одним из главных арабских союзников Ирана, вызывает озабоченность иранского руководства. Не случайно накануне визита госсекретаря США К.Пауэлла в Сирию в Дамаск и Ливан прибыл заместитель министра иностранных дел ИРИ М.Садр, который провел переговоры с сирийским и ливанским руководством и передал твердое намерение Тегерана поддерживать исламское сопротивление на юге Ливана и в Палестине. Иран заинтересован в укреплении союза с Дамаском и Бейрутом в целях упрочения своих позиций в этом регионе. В случае, если Сирия и Ливан согласятся с требованием США о разоружении «Хезболлы» и пересмотрят свои отношения с радикальными исламскими и палестинскими организациями, это существенно ослабит влияние ИРИ на политические процессы в ближневосточном регионе. Иран опасается, что в американских планах имеется намерение попытаться полностью изолировать ИРИ от ближневосточных политических процессов, что, несомненно, окажет серьезное влияние на развитие внутривнутриполитической ситуации в Иране. Поэтому ближневосточное направление внешней политики ИРИ остается одним из основных императивов внешнеполитического курса Ирана на сегодняшний день.

Основным содержанием политики США в отношении Ирана является не допустить вмешательства ИРИ в процесс переустройства Ближнего Востока с тем, чтобы Иран не стал моделью для государств арабского мира. Война в Ираке продемонстрировала, что авторитарный режим С.Хусейна не пользовался поддержкой народа, а национальные вооруженные силы оказались неэффективны с точки зрения защиты суверенитета страны. Быстрая победа коалиционных сил в Ираке была в значительной мере обусловлена тем обстоятельством, что правящий режим не имел глубоких корней в народе, и иракцы в массе своей не встали на его защиту. Даже шиитское духовенство Ирака не выпустило ни одной фетвы с призывом к борьбе против войск коалиции.

С учетом того, что авторитарный характер власти в большинстве монархий Персидского залива имеет в большей или меньшей степени черты, схожие с режимом в соседнем Ираке, эти страны сталкиваются со сложной проблемой выбора своего дальнейшего пути развития. В арабских общественных кругах усиливаются позиции сторонников реформ и изменения сложившейся властной конфигурации собственными силами, не дожидаясь «помощи» от США. Пример Ирана, чья система власти по сравнению с некоторыми арабскими режимами продемонстрировала большую самостоятельность и устойчивость, может стать образцом для некоторых отрядов реформаторских движений, что представляет для США определенную проблему. США не могут оказать столь эффективное воздействие на ход внутривнутриполитических процессов в ИРИ и поэтому вынуждены считаться с «иранским фактором» в своей ближневосточной политике. В этих условиях США будут оказывать давление на Иран, однако вряд ли прибегнут к использованию силы, поскольку политическая роль США на Ближнем Востоке будет тогда сведена к нулю, и Америке придется реализовывать свою политику в регионе исключительно военными средствами. Белый дом причисляет Иран к «оси зла», но единого взгляда на эту проблему в американских правящих кругах нет. Если одни обвиняют Иран в стремлении создать оружие массового поражения и оказать помощь радикальным исламским группировкам, то другие считают, что Иран переживает сложный период трансформации, перехода от воинственной фазы исламской революции к более умеренному и либеральному режиму, символом которого является президент М.Хатами. В Иране в условиях теократического режима формируется гражданское общество, существует свобода дискуссий и относительный плюрализм мнений.

В противовес американской политике силы в Ираке и регионе в целом президент ИРИ М.Хатами в ходе своего недавнего визита на Ближний Восток противопоставил политику «диалога цивилизаций». Выступая в Бейруте, он дал ясно понять, что несмотря на то, что принципиальные положения внешней политики ИРИ в регионе остаются прежними (поддержка сопротивления юга Ливана, справедливые решения палестинской проблемы и т.д.), средства ее реализации будут меняться, и сделал упор на политические и гуманитарные способы решения этой проблемы.

В последнее время в отношении Ирана с арабскими монархиями Персидского залива наметился существенный прогресс. В октябре 2002 г. Иран подписал соглашение о безопасности с Кувейтом, аналогичное ранее заключенному с Саудовской Аравией, весьма результативным стал визит короля Бахрейна в Иран. Идут переговоры об островах и т.д. Другим важным направлением внешней политики ИРИ в регионе является проблема ближневосточного урегулирования и создания палестинского государства. Все большее значение приобрета-

ют отношения Ирана с участниками ближневосточного процесса, прежде всего с Египтом, который активно участвует наряду с США и Израилем в разрешении палестинского вопроса.

Отношения Ирана с крупнейшей арабской страной Египтом пока полностью не восстановлены. Несмотря на то, что начиная с 1992 г. наметились позитивные тенденции в развитии двусторонних связей, они ограничиваются научно-культурной сферой. Дипломатические отношения в полном объеме не возобновлены. Египет считает, что поскольку Иран стал инициатором разрыва дипломатических отношений в 1986 г., то он и должен проявить активность в их восстановлении. В то же время консервативные круги духовенства ИРИ настороженно относятся к Египту из-за его отношений с США и Израилем. Так, принятое в октябре 2002 г. Советом национальной безопасности ИРИ под председательством Хаменеи решение об активизации связей с арабскими странами и, в том числе, с Египтом получило развитие в отношении арабских государств Персидского залива, а не Египта. И все же, если Иран стремится активно участвовать в делах арабского мира, то он вряд ли сможет игнорировать Египет и его роль на Ближнем Востоке. Судя по всему, в иранском руководстве это понимают и продолжают налаживать взаимоотношения с Египтом. Об этом свидетельствует и приведенное выше высказывание Х.Рафсанджани об отношениях с Египтом.

В этой связи важным может оказаться изменение отношения ИРИ к поддержке радикальных исламских организаций на Ближнем Востоке, деятельность которых негативно сказывается на Египте и осложняет переговорный ближневосточный процесс, формальную ответственность за который в качестве посредника несет Египет перед США.

Происходящие на Ближнем Востоке события непосредственно затрагивают государственные интересы ИРИ. Будучи крупной региональной державой, Иран озабочен тем, чтобы иметь возможность оказывать влияние на развитие обстановки в регионе с учетом обеспечения своих интересов. В то же время ИРИ сталкивается с очень серьезными проблемами в регионе и враждебной Ирану политикой США. Война в Ираке и ее последствия непредсказуемо меняют конфигурацию политических сил в регионе и заставляют Иран опасаться за свою безопасность. В связи с этим меняются и внешнеполитические приоритеты иранской политики.

¹ MEMRI. Inquiry and Analysis. Series, № 128, March, 26; № 132, April, 15.

² The Christian Science Monitor, 03.10.2003.

³ IRNA, 09.03.2003.

⁴ Рахбар, 20.04.2003.

⁵ IRNA, 12.04.2003.

⁶ Аль-Ватан Аль-Арабий, 07.02.2003 (на араб. яз).

⁷ Там же.

**ОБ ИТОГАХ
РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИРАНЕ**

24 мая 2003 года иранские СМИ опубликовали Обращение к народу президента страны С.М.Хатами в связи с годовщиной Второго хордада. Шесть лет назад в этот день С.М.Хатами неожиданно для своих соперников, в том числе главного из них в то время спикера меджлиса Н.Нури, иранских и зарубежных наблюдателей стал главой исполнительной власти. Абсолютное большинство избирателей, отдав свои голоса не очень заметному тогда в государственных делах религиозному и политическому деятелю, выразили поддержку провозглашенной им программе демократического переустройства иранского общества. Таким образом, Второе хордада в Иране считают точкой отсчета в летописи президентских преобразований.

В обращении С.М.Хатами подвел итоги своей деятельности, заявив, что преобразовательный процесс развивался, несмотря на стоящие на его пути препятствия. Вместе с тем президент указал на свои просчеты, недоработки возглавляемого им правительства, многие неиспользованные возможности и даже попросил прощения у народа за неисполненные обещания и обманутые надежды¹.

С оценками С.М.Хатами, видимо, можно согласиться. Главное, чего удалось добиться и на что указывают с удовлетворением сторонники президента и с раздражением его противники, – это значительной раскрепощенности иранцев. В стране сложилась новая психологическая обстановка. Люди стали проявлять больше самостоятельности в своих поступках и суждениях, почувствовали социальную силу, ощутили способность отстаивать свои права, влиять на политические и общественные дела. Развитию этих процессов, несомненно, способствовала сформировавшаяся в последние годы независимая пресса, деятельность реформаторского парламента и в целом настойчиво проводимая президентом линия на утверждение принципов гласности, плюрализма мнений и политических взглядов, правда, в рамках шариата и действующего в стране законодательства, прежде всего исламской конституции. Появились самодеятельные неправительственные общественные объединения, защищающие гражданские права. Самыми активными из них являются Комиссия по правам мусульман, Общество защиты свободы прессы, Общество защиты пострадавших от жестокого обращения (выступает, в частности, за

отмену некоторых наиболее одиозных уголовных наказаний, предусмотренных шариатом, например, побивание камнями и палками). В мае 2003 г. Комиссия привлекла к себе внимание в Иране и за рубежом резким заявлением о продолжающихся нарушениях прав человека, указав на то, что оценки международных организаций правозащитной ситуации в стране остаются чрезвычайно тревожными². Примерно в это же время Общество защиты свободы прессы опубликовало доклад, в котором подвергло критике незаконные действия судебных властей в отношении независимых изданий³.

Неустойчивый, охваченный противоречиями фронт последователей преобразовательной политики С.М.Хатами включил тем не менее представителей различных весьма влиятельных социальных групп: интеллигенции, студенческой молодежи, некоторых предпринимательских и военных кругов, чиновничества и, что особенно примечательно, духовенства. Важно, что на стороне С.М.Хатами активно выступают главы местных администраций (генерал-губернаторы). В ряде провинций под их покровительством работает независимая либеральная пресса, поощряется общественная активность населения, в первую очередь молодежи. В Заявлении, принятом на совещании генерал-губернаторов в поддержку Обращения С.М.Хатами к народу, отмечается, что политика президента нацелена на то, чтобы изыскать новые действенные пути и средства для удовлетворения потребностей молодого иранского общества. В документе подчеркивается, что несмотря на упорное противодействие, осуществляемые правительством С.М.Хатами меры по укреплению принципа верховенства закона приносят определенные позитивные результаты. Генерал-губернаторы призвали все руководство страны, государственные и политические организации способствовать продвижению реформ⁴.

Важным шагом в деятельности президента стало создание местных органов самоуправления. В 1999 г. были проведены выборы в городские и деревенские советы первого созыва. В крупных городах большинство депутатских мест заняли сторонники демократизации исламского строя.

Преобразовательная стратегия С.М.Хатами, его нацеленность в рамках избранного курса на укрепление гражданского общества, расширение прав иранцев, широкая социальная база реформаторского движения, естественно, вызвали позитивный отклик международного сообщества. В Западной Европе заговорили о необходимости поддержать иранского президента, поощрять его усилия. Знаковым в этом контексте событием было восстановление в полном объеме ирано-британских дипломатических отношений, уровень которых сразу после исламской революции был снижен до поверенных в делах. В мусульманском мире, прежде всего в арабских странах, С.М.Хатами был воспринят как политический деятель компромиссного характера, расположенный к поиску путей взаимоприемлемого внешнеполитического

взаимодействия. Признанию С.М.Хатами в качестве конструктивного и дееспособного партнера в международных делах способствовали, разумеется, и провозглашенные им принципы позитивного равноправного сотрудничества со всеми государствами, его идея о диалоге цивилизаций, поддержанная ООН. Впервые президент ИРИ был принят на должном уровне в ряде ведущих европейских стран, достаточно продуктивно прошел его визит в Россию. Полномасштабные переговоры Евросоюза с Тегераном по торгово-экономическому и политическому сотрудничеству, проводившиеся на регулярной основе, оценивались обеими сторонами как плодотворные и перспективные. Правда, сейчас европейцы в значительной степени под давлением США сосредоточились на претензиях к Ирану, касающихся его ядерных программ. Тегеран убеждают в необходимости выполнения принятой в сентябре 2003 года резолюции МАГАТЭ, требующей от иранцев предоставить до 31 октября того же года всю информацию по ядерным разработкам. Кроме того, иранская сторона должна подписать дополнительный протокол к Договору о нераспространении ядерного оружия, позволяющий осуществлять международные инспекции ядерных объектов ИРИ без предварительных согласований.

Россия, хотя в принципиальном плане и разделяет позицию МАГАТЭ, однако считает справедливыми запросы Ирана о предоставлении ему права на свободное использование ядерных технологий в мирных целях.

Американцы, не отказываясь от традиционно жесткой линии в отношении Тегерана, выразили тем не менее готовность продолжить прерванные в июне 2003 г. консультации с иранцами по «чувствительным темам», ключевой из которых является иракская проблема.

Укрепилось взаимопонимание и доверие в отношениях Ирана с арабами (разумеется, до известных пределов, определенных ирано-арабской историей), в том числе с египтянами, которым всегда было сложно общаться с религиозно-политическим руководством ИРИ. Состоявшееся в конце мая 2003 г. в Тегеране 30-е заседание министров иностранных дел государств ОИК в условиях массивного военного присутствия в регионе США, усилившегося со стороны Вашингтона давления на Иран, Сирию, другие мусульманские страны, несомненно, свидетельствовало, о возросшем авторитете ИРИ в исламском мире. Явно меньше подвижек наблюдается во внутриэкономической области, однако они все-таки есть. Причем некоторые новые элементы введены в законодательную сферу. В частности, удалось провести чрезвычайно важные для Ирана законы об иностранных инвестициях и налогообложении, обеспечивающие либерализацию условий для привлечения зарубежных капиталовложений, упорядочивание бюджетно-финансовой системы Ирана⁵.

Консервативное антиреформистское крыло руководства ИРИ, в руках которого по-прежнему сосредоточены главные рычаги власти,

не может тем не менее не считаться с переменами во внутривнутриполитическом климате страны, изменениями, происходящими в сознании людей, позицией других государств и международных организаций. Речь идет о вынужденно менее жестком, чем прежде, отношении к свободе слова, собраний, СМИ, однако, до тех, естественно, пределов, пока эта свобода не угрожает устоям исламского строя. Определенные, но весьма важные послабления просматриваются в отношении соблюдения некоторых правил исламского режима. В течение последних лет стала, например, возрождаться легкая национальная и симфоническая музыка, запрещенная основоположником ИРИ аятоллой Хомейни. В стране после более чем двадцатилетнего перерыва вновь создан Национальный симфонический оркестр. Развивается и современное изобразительное искусство: живопись, скульптура. Исламские правоведы ортодоксального толка ограничиваются лишь тем, что сетуют в своих проповедях на заблуждения людей, забывающих об истинных ценностях мусульманской веры и иранской культуры, и призывают усилить религиозное воспитание, особенно молодежи, шире используя для этого литературу, кино и, конечно же, СМИ⁶. Наметилось и более глубинное движение в либерализации мусульманских норм. Один из великих аятолл Саней издал фетву, в которой разрешил иранским женщинам полностью не покрывать головы. Другой великий аятолла Ширази предоставил своим последовательницам право расторгать брак при несогласии супругов на развод, заменил побивание камнями другими наказаниями. Позже судебные власти объявили о приостановке исполнения этого наказания⁷. В отношении частичного несоблюдения иранскими женщинами мусульманских правил ношения одежды Ширази и ряд других видных религиозных деятелей пришли к единому мнению о том, что «данный дефект религиозного воспитания и культуры» необходимо преодолевать не путем силового воздействия, а методами убеждения⁸. Примечательно, что с протестацией решено бороться прежде всего как с социальной проблемой⁹, а «уличное общение» юношей и девушек, хотя и не одобряется, однако, признается допустимым, если оно не выходит за рамки дозволенного религией и национальными традициями¹⁰.

Консерваторы, вместе с тем, принимают самые радикальные меры, используя все имеющиеся в их распоряжении средства, политические, социально-экономические и силовые для того, чтобы помешать дальнейшему развитию преобразовательных процессов, не допустить коррозии основ исламского государства. Усилия направлены прежде всего на дискредитацию самого реформаторского движения. Правые стараются убедить общественное мнение в том, что либералов не заботят проблемы страны и народа. Под лозунгами демократии они, как утверждается, стремятся использовать свое положение во властных структурах для личного, в том числе и незаконного обогащения. В рамках кампании по борьбе с коррупцией, развернувшейся

по инициативе исламских радикалов в 2002 г., обвинения в различных правонарушениях были выдвинуты против ряда представителей аппарата правительства и президента. Была предпринята попытка (правда, безуспешная) втянуть в одно из заведенных дел спикера парламента М.Кяруби. К уголовной ответственности привлекли А.Абади – советника президента, одного из руководителей ведущей реформаторской Партии фронта партнерства. Его вина заключалась в том, что он участвовал в организации общественного опроса по проблеме восстановления ирано-американских отношений. В ходе судебного процесса А.Абади якобы признался, что он и его единомышленники намеревались покинуть правительство с целью открытого противоборства исламской власти. Все эти события, разумеется, широко освещались СМИ, особенно подробно и в соответствующем ракурсе радио и телевидением, находящимися в прямом ведении аппарата духовного лидера ИРИ.

Продолжались преследования представителей интеллигенции из числа последовательных сторонников демократии. Процесс над преподавателем Тегеранского университета Х.Агаджари, посягнувшим на незыблемость устоев мусульманской веры, стал причиной массовых выступлений молодежи. Последовали аресты лидеров студентов, однако главное их требование об отмене вынесенного смертного приговора все-таки было выполнено.

В июле 2002 г. Исламский революционный суд вынес решение о роспуске Движения за свободу Ирана – старейшей национально-демократической организации, созданной еще в 50-х годах прошлого столетия последователями лидера движения за национализацию иранской нефти М.Мосаддыка. 21 член этой партии был приговорен к разным срокам тюремного заключения¹¹.

Под постоянным давлением и надзором находилась независимая пресса (в настоящее время ситуация не изменилась). В течение истекших 6 лет более 90 изданий были закрыты либо подвергались временным арестам. Силами правопорядка под различными предлогами задерживались 17 журналистов, двое из которых приговорены к длительным срокам тюремного заключения. Редакторы двух газет – А.Нури (бывший министр внутренних дел и один из сподвижников С.М.Хатами) и А.Баги отбыли трехлетний срок заключения¹².

С особым упорством защитники исламского строя противодействуют прохождению двух законопроектов, инициированных С.М.Хатами и утвержденных реформаторским большинством парламента. Окончательному принятию документов препятствует Наблюдательный совет. Первый законопроект дает президенту право осуществлять контроль за соблюдением конституции, в том числе в сфере деятельности исламской судебной власти. В соответствии со вторым ограничиваются полномочия Наблюдательного совета в том, что касается отбора кандидатов, выдвигаемых для участия в президентских и парламентских

выборах. Причина развернувшегося противоборства очевидна: оба законопроекта теперь уже основательно посягают на власть консерваторов, что особенно чувствительно в связи с предстоящими президентскими и парламентскими выборами. Не случайно впервые в дискуссию открыто вмешался сам президент. В письме по этой проблеме, направленном парламенту, С.М.Хатами предложил создать специальную комиссию из представителей соответствующих государственных органов для изучения позиций и соображений сторон и выработки путей преодоления конфликта. В документе содержится настоятельная рекомендация исходить из того, что право надзора за соблюдением конституции предоставлено президенту самим основным законом. Конституцией же обеспечивается право граждан ИРИ избирать и быть избранными. Отбор кандидатов, если и необходим, то должен осуществляться в соответствии с ясными узаконенными критериями. По мнению президента, следует предусмотреть законодательным путем процедуру дополнительного рассмотрения и возможного отклонения специальным арбитражным судом решений Наблюдательного совета по данному вопросу¹³.

Итак, происходящая трансформация отдельных сфер общественной жизни на нынешнем этапе не затрагивает основ исламского строя. Как видно из описанных событий, это связано в значительной степени с упорным сопротивлением консерваторов развитию преобразовательных процессов. Здесь важно отметить, что иранский консерватизм имеет довольно внушительную социальную базу. Это – абсолютное большинство духовенства, все еще имеющего влияние в первую очередь в небольших городах и сельской местности, патриоты-антизападники из интеллигентской среды, молодежь, приверженная мусульманской вере, определенные слои чиновничества, некоторые руководители государственных промышленных и других предприятий, часть мелких и средних предпринимателей, представители крупного бизнеса, завязанного на государственных и квазиобщественных структурах и, наконец, вооруженные силы, созданные исламской властью (Корпус стражей исламской революции, армия так называемых басиджей, силы правопорядка и др.).

Другая причина состоит в позиции С.М.Хатами и его сторонников, остающихся верными концепции поэтапного ненасильственного внедрения демократических институтов в структуру теократического государства. Требования радикального крыла реформаторов (их пока абсолютное меньшинство) приступить к решительным действиям по коренному государственному переустройству отвергаются президентом. Не случайно инспирированные радикалами в июне 2003 г. крупные студенческие волнения прошли под лозунгами протеста не только против консерваторов, но и «бездействующих» либералов.

Многие, однако, даже из тех задач, которые провозглашены С.М.Хатами в качестве первоочередных, остаются нереализованными. Хуже

всего складываются дела в социально-экономической области, которая находится под постоянным огнем критики оппонентов президента и его правительства. В соответствии с данными Центрального банка Ирана, ведущих статистических служб страны за годы президентства С.М.Хатами заметно снизился реальный уровень доходов населения, по существу, провалены программы обеспечения занятости и приватизации, не выполнены обещания, касающиеся развития ненефтяного сектора экономики, увеличения капиталовложений в сферу промышленного производства¹⁴. На фоне явных просчетов в экономической политике демократы к тому же пока не в состоянии преодолеть собственные политические амбиции и разногласия, выработать единую стратегическую линию и, сплотившись, отстаивать свои позиции в противоборстве с политическими противниками. В результате реформаторское движение стало утрачивать социальную базу. Свидетельством этого явилось, в частности, поражение сторонников президента на выборах в местные органы власти, состоявшихся в феврале 2003 г.

В сложившихся условиях Обращение С.М.Хатами к народу, безусловно, не было формальной политико-пропагандистской акцией. Президент использовал эту возможность, чтобы подтвердить во всеуслышание, в том числе и для внешнего мира, свою решимость продолжать курс на демократизацию Ирана, невзирая на объективные и субъективные трудности¹⁵. По словам А.Пурнеджади – одного из инициаторов и соавторов Обращения, оно означало возвращение С.М.Хатами к руководству реформаторским движением¹⁶. В течение первых двух лет президент в той или иной степени выполнял эту роль. Затем, соблазнившись идеей общенационального лидерства, отошел от конкретных дел объединенного либерального фронта. Теперь, как видно, предпринимается попытка объединить вокруг С.М.Хатами наиболее дееспособные силы, готовые руководствоваться его политическими установками. Ближайшее окружение президента советует ему, не отходя от действующего законодательства, шире и смелее интерпретировать его, проявляя при этом больше решительности и политической воли¹⁷.

В политических и научных кругах Ирана задаются вопросом, насколько реальна перспектива демократизации теократического строя. На наш взгляд, очевидно, что при нынешней системе государственного управления президентская концепция мусульманской демократии не имеет будущего. Как представляется, сам С.М.Хатами и его сторонники отдают себе в этом отчет. Идея, как видно, заключается в том, чтобы путем поэтапного реформирования законодательства расширить полномочия президента, максимально ограничить власть исламских государственных институтов (судебных органов, Наблюдательного совета, Собрания экспертов) и обеспечить тем самым серьезное ослабление позиций и самого духовного лидера стра-

ны. Решение, однако, и этой задачи потребует массовой народной поддержки, к которой президент пока не решается прибегнуть.

- ¹ Иран, 24.05.2003.
- ² Афгаб-е Язд, 12.05.2003.
- ³ Там же, 20.05.2003.
- ⁴ Там же, 28.05.2003.
- ⁵ Там же, 25.05.2003.
- ⁶ Насл-е фарда, 28.04.2003.
- ⁷ Iran daily, 15.06.2003.
- ⁸ Афгаб-е Язд, 27.05.2003.
- ⁹ Седа, 19.05.2003.
- ¹⁰ Там же, 18.05.2003.
- ¹¹ Там же, 12.04.2003.
- ¹² Афгаб-е Язд, 20.05.2003.
- ¹³ Иран, 02.06.2003.
- ¹⁴ Ял-Сарат, 28.05.2003.
- ¹⁵ Иран, 24.05.2003.
- ¹⁶ Там же, 28.05.2003.
- ¹⁷ Там же.

ПАКИСТАН И АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Пакистан поддерживает активные контакты по многим направлениям с большинством арабских стран, включая государства Северной Африки (в первую очередь Египет и Ливию). Наибольшее же развитие получили отношения Пакистана с монархиями Персидского залива. Всего 300 км морской поверхности отделяют Аравийский полуостров и пакистанскую провинцию Белуджистан, контролирующую дальние подступы к Ормузскому проливу. Сопредельность в общем геополитическом ареале расширяет сферу сопряжения интересов Пакистана и арабских государств Залива. Исламабад рассматривает многоплановое сотрудничество с арабскими монархиями как возможность укрепить внешнеполитическое положение Пакистана, осложненное почти перманентной напряженностью отношений с Индией. Важным фактором, определяющим курс Исламабада на тесные контакты с арабскими соседями, в особенности с Саудовской Аравией, является ислам, играющий огромную роль во внутривнутриполитической жизни Пакистана.

Пакистан имеет весомые экономические интересы в районе Персидского залива. Ввиду острой нехватки собственных ресурсов углеводородного сырья $\frac{3}{4}$ объема потребляемого в Пакистане жидкого топлива обеспечивается за счет импорта; при этом до 90% ввозимых нефти и продуктов ее переработки поставляют Саудовская Аравия и Кувейт¹. Располагая ограниченным экспортным потенциалом, Пакистан заинтересован в рынках арабских государств, поставляя в район Залива сельскохозяйственную продукцию (рис, овощи и фрукты, мясо и т.д.), изделия легкой и кустарной промышленности, строительные материалы и другие товары.

Дефицит в торговле Пакистана со странами Залива частично компенсируется финансовыми вливаниями по различным каналам и торговыми льготами, предоставляемыми арабскими партнерами. Существенное значение для пополнения валютных резервов Пакистана имеют денежные переводы на родину сотен тысяч пакистанских мигрантов, находящихся на заработках в странах Залива².

Важная составляющая отношений Пакистана с монархиями Персидского залива – сотрудничество в военно-политической сфере, имеющее давние традиции. До начала 90-х годов правители Саудовской Аравии и эмиратов широко привлекали пакистанский военный

персонал на службу в целях обеспечения внутривнутриполитической стабильности и внешней безопасности своих государств, в том числе осуществлялось привлечение пакистанских воинских контингентов на основе межправительственных соглашений. Хотя впоследствии такая практика изжила себя, многие монархии региона широко пользуются услугами пакистанских военнослужащих-контрактников в обслуживании технических родов войск, в особенности военно-воздушных сил.

В фокусе внимания правителей арабских государств находится ядерная программа Пакистана. Когда Индия произвела взрывы ядерных устройств 11 мая 1998 г., Пакистан не сразу осуществил ответные ядерные испытания. На протяжении последующих двух недель Исламабад испытывал сильное давление со стороны властей США, стран Европейского Союза, Японии, других государств, пытавшихся удержать его от аналогичных шагов. Однако не только это было причиной оттягивания ядерных взрывов Исламабадом. По сведениям, опубликованным в пакистанских средствах массовой информации много позже, находившееся тогда у власти правительство Н.Шарифа вступило в контакт с высшим руководством нескольких арабских государств Залива. Ознакомившись с подготовленными Исламабадом расчетами, касающимися негативных последствий неизбежных экономических санкций в отношении Пакистана со стороны его основных кредиторов, арабские лидеры дали согласие компенсировать предполагаемый ущерб. После этого пакистанское правительство разрешило военным нажать ядерную кнопку³.

Поскольку международные экономические санкции были введены, Пакистан обратился за помощью к Саудовской Аравии и другим странам-участницам Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). В первой декаде июня 1998 г. – всего через десять дней после того, как отгремел последний из серии произведенных Исламабадом ядерных взрывов, – глава правительства Пакистана посетил Доху (столица Абу Даби и ОАЭ) и Эр-Рияд; в конце того же месяца состоялась поездка Н.Шарифа в Кувейт и Катар. Результатом интенсивных контактов премьер-министра с правителями стран-участниц ССАГПЗ стала договоренность о том, что в течение трех лет – с июля 1998 по июнь 2001 гг. – Пакистан получит нефть и продукты ее переработки на общую сумму 6,6 млрд. долл. по льготным ценам и на условиях «отложенных платежей». Арабские партнеры Пакистана обещали оказать содействие облегчению экономического положения Пакистана также по другим каналам, в том числе посредством создания Исламским банком развития при участии других банков региона специального фонда помощи Пакистану с капиталом в 1,5 млрд. долл.⁴ Хотя не все достигнутые договоренности были реализованы, поддержка, оказанная Исламабаду в сложное для него время, способствовала укреплению отношений с арабскими государствами Залива, в особенности с Саудовской Аравией⁵.

Вместе с тем отношения Пакистана с арабскими государствами далеко не безоблачны. Они нередко омрачаются трениями, связанными с контрабандой наркотиков из Пакистана, ужесточением в странах Залива мер борьбы с нелегальной миграцией и в целом сокращением спроса на неквалифицированную иностранную рабочую силу, затрагивающим интересы десятков тысяч семей в Пакистане, выживающих за счет денежных переводов мигрантов, и т.д. В отношениях Исламабада с арабскими партнерами возникают и острые проблемы политического характера. Так, Исламабад вынужден лавировать между Эр-Риядом и властями некоторых арабских эмиратов, с одной стороны, и Тегераном, с другой, из-за существующих между ними серьезных противоречий.

Наличие у правителей арабских монархий рычагов воздействия, в частности, на внутреннюю политику Исламабада четко проявилось в связи с решением вопроса о судьбе премьер-министра Пакистана Наваза Шарифа, смещенного военными в октябре 1999 г., преданного суду и приговоренного к пожизненному заключению. С момента ареста и на протяжении более года высшие государственные деятели Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара предпринимали настойчивые скоординированные действия, направленные на освобождение бывшего главы правительства⁶. Благодаря этим усилиям в декабре 2000 г. Н.Шариф был помилован и вместе с ближайшими родственниками на присланном из Саудовской Аравии самолете покинул Пакистан. В королевстве, куда пакистанский экс-премьер-министр прибыл 10 декабря 2000 г., ему был оказан прием на высшем уровне.

Ведущие партнеры Пакистана в арабском мире

Приоритетное место в отношениях Пакистана с арабскими странами занимает Саудовская Аравия. Преимущественное положение королевства в системе региональных внешних связей Пакистана определяется наряду с экономическим фактором особой ролью Саудовской Аравии в мусульманском мире в качестве хранительницы главных святынь ислама. Для правящей элиты Пакистана – страны, в которой ислам оказывает сильнейшее влияние практически на все сферы жизни общества, а борьба за власть в верхах носит почти перманентный характер, важна поддержка со стороны Эр-Рияда. (Не случайно, традиционно каждый из высших руководителей Пакистана, оказавшись у руля государственной власти, посещает Саудовскую Аравию, совмещая переговоры с первыми лицами правящей династии с паломничеством к святым местам).

В свою очередь Саудовская Аравия заинтересована в активных контактах с Пакистаном – одной из самых крупных по численности населения мусульманских стран. Для Эр-Рияда дружественные отношения с Исламабадом – один из каналов расширения своего влияния далеко за пределы Ближнего Востока. В частности, важное значение для саудовской стороны имеет то обстоятельство, что Исламабад в

отличие от Тегерана, до недавнего времени открыто соперничавшего с Эр-Риядом за влияние в Заливе и мусульманском мире в целом, поддерживает ведущую роль Саудовской Аравии в Организации Исламская конференция (избегая при этом осложнения отношений с Тегераном).

Во время регулярных визитов в Саудовскую Аравию высшие государственные деятели Пакистана наряду с рассмотрением вопросов двусторонних отношений осуществляют контакты по актуальным региональным проблемам. В частности, находясь с официальным визитом в Саудовской Аравии в конце октября 2002 г., президент Пакистана П.Мушарраф обсудил с руководителями королевства вопросы, связанные с осложнением ситуации в Южной Азии из-за очередного раунда обострения пакистано-индийского противостояния⁷.

Положение на Ближнем Востоке (в контексте палестинской проблемы и нарастания напряженности вокруг Ирака), обстановки в Афганистане и пакистано-индийские отношения были предметом широкого обсуждения также во время пребывания премьер-министра Пакистана З.Джамали в Саудовской Аравии (конец декабря 2002 г. – начало января 2003 г.). Высшие государственные деятели королевства высказались за скорейшую нормализацию отношений между двумя южноазиатскими государствами посредством диалога⁸. Позиция саудовского руководства по кашмирской проблеме, рассматриваемой им как главный фактор осложнения ситуации в Южной Азии, неизменна и предполагает урегулирование спора посредством проведения «беспристрастного, честного и свободного плебисцита» в Джамму и Кашмире в соответствии с резолюциями ООН.

Для Исламабада позиция Эр-Рияда по кашмирской проблеме – весомая политико-дипломатическая поддержка. Она благоприятствовала усилиям Пакистана, направленным на то, чтобы привлечь внимание мусульманских стран к сложной внутриполитической обстановке в Кашмире, являясь для их лидеров веским аргументом в пользу необходимости скорейшего решения проблемы. По инициативе Исламабада и при содействии Эр-Рияда вопрос о ситуации в Кашмире неизменно включается в повестку дня встреч на высшем уровне и конференций министров иностранных дел стран-участниц ОИК. Так, положение о признании права народа Кашмира на самоопределение содержится в «Политической резолюции» – основном документе внеочередной встречи глав государств и правительств стран-участниц ОИК, состоявшейся 23 марта 1997 г. в Исламабаде. Одновременно была принята также «Декларация по Джамму и Кашмиру», внесенная пакистанской делегацией⁹. Этот принцип решения кашмирской проблемы был подтвержден в решениях последующих форумов ОИК, в том числе в двух резолюциях, принятых на сессии министров иностранных дел стран-участниц ОИК, состоявшейся в Хартуме в июне 2002 г., – одна из них была посвящена проблеме Джамму и Кашмира, а другая – осложнению ситуации в Юж-

ной Азии¹⁰. Саудовская Аравия имеет своего представителя в созданной в рамках ОИК Контактной группе по Джамму и Кашмиру, в которой также участвуют дипломаты Пакистана, Турции и Нигера.

Саудовская Аравия – один из основных торгово-экономических партнеров Пакистана из числа арабских стран. Правда, доля королевства в пакистанском экспорте невелика; она составила 2,9% в 2000/01 г. и 3,6% в 2001/02 г. Вместе с тем, как отмечено выше, Саудовская Аравия – ведущий поставщик нефти и продуктов ее переработки в Пакистан. За счет поставок углеводородного сырья доля Саудовской Аравии устойчиво превышает 1/10 объема пакистанского импорта (11,7% в 2000/01 и 11,6% в 2001/02 г.)¹¹. Вклад Саудовской Аравии в предпринятые государствами Залива усилия по оказанию поддержки пакистанской экономике в связи с санкциями, введенными США и рядом других государств в ответ на проведенные Пакистаном ядерные испытания в мае 1998 г., был весомым; Эр-Рияд принял на себя обязательство поставлять Пакистану нефть и нефтепродукты по сниженным ценам и на основе «отложенных платежей» на сумму 1 млрд. долл. в год в течение 1998/99 – 2000/01 гг.¹²

Практика снабжения Пакистана жидким топливом на льготных условиях сохранилась и впоследствии. Так, в итоге переговоров, которые премьер-министр Пакистана З.Джамали провел в Саудовской Аравии в конце декабря 2002 – начале января 2003 гг., Эр-Рияд согласился поставить Пакистану нефть и продукты ее переработки на вышеуказанных льготных условиях на сумму 600 млн. долл. в 2003/04 г. Кроме того, З.Джамали заручился обещанием о том, что саудовская сторона примет меры для обеспечения бесперебойного снабжения Пакистана жидким топливом в случае, если США начнут военные действия против Ирака¹³.

Саудовская Аравия не входит в группу основных кредиторов Пакистана – по данным на март 2003 г., задолженность последнего перед королевством составила около 19 млн. долл.¹⁴ В то же время власти Саудовской Аравии приняли на себя обязательство оказать финансовую безвозмездную помощь Пакистану в 2001/02 г. и 2002/03 гг. в объеме 50 млн. долл. и 100 млн. долл.¹⁵

Активны контакты Пакистана с Объединенными Арабскими Эмиратами. Правители ОАЭ поддерживают позицию Пакистана по кашмирской проблеме, фактически связывая обострение отношений между двумя южноазиатскими государствами с жесткой позицией Индии. Эти вопросы находились в центре внимания в ходе переговоров президентов Пакистана и ОАЭ в Абу Даби в июне 2002 г. Положительно оценив позицию пакистанской стороны, шейх Зайид бин Султан аль-Нахайян заявил о том, что вступление Индии в диалог с Пакистаном обеспечит урегулирование ситуации в Южной Азии. Президент ОАЭ подчеркнул также, что осложнение политической обстановки в Джамму и Кашмире непо-

средственно связано с борьбой кашмирского народа за независимость, пакистанская же сторона непричастна к происходящим там событиям¹⁶.

ОАЭ опережает Саудовскую Аравию и другие государства Залива по сумме денежных переводов пакистанских мигрантов на родину. Так, в 2002–2003 гг. из эмиратов поступило более 20% средств, переведенных пакистанскими мигрантами по легальным каналам (около 700 млн. долл. в год)¹⁷. Правительство эмирата Абу Даби, входящего в ОАЭ, владеет крупным пакетом акций самого мощного в Пакистане нефтеперегонного завода «ПАРКО» в г.Мултане, сданного в эксплуатацию в августе 2000 г.¹⁸ Несколько финансовых учреждений ОАЭ (в том числе Фонд развития Абу Даби) участвуют в кредитовании ряда крупных проектов в Пакистане.

Место Кувейта в региональной политике Пакистана определяется в первую очередь экономическими интересами. После введения санкций в отношении Пакистана в 1998 г. Кувейт был первой страной, предоставившей пакистанской стороне заем в размере 250 млн. долл. Кувейт поставляет нефть и нефтепродукты на льготных условиях. Государственная компания «Кувейт Форин Ойл эксплорейшн Ко» («КУФЕК») имеет концессии на разведку нефти и газа на территории Пакистана¹⁹.

Власти Омана продолжают давнюю традицию широкого (по масштабам султаната) сотрудничества с Пакистаном в военной сфере. В его вооруженных силах служат по контракту несколько тысяч пакистанцев. Исламабад и Маскат поддерживают регулярные контакты по линии военных ведомств.

Оман не входит в число крупных торговых партнеров Пакистана. Вместе с тем для Исламабада важны стабильность товарооборота между двумя государствами (в пределах 60–65 млн. долл. в год в течение последних 5 лет) и положительный – пользу Пакистана – баланс торговли с султанатом. Власти Омана предоставили Пакистану безвозмездную ссуду в объеме 100 млн. долл., предназначенную главным образом для осуществления экономических проектов, в том числе 50 млн. долл. в качестве долгосрочной помощи развитию Белуджистана (территориально наиболее близкой к султанату провинции Пакистана). Среди проектов, в которых участвует Оман, – реконструкция комплекса сооружений в Гвадаре, в том числе модернизация аэропорта. Предоставляемые Оманом средства также предназначены для развития автодорожной сети Белуджистана, улучшения водоснабжения этой провинции и т.д.²⁰ В Омане находится около 70 тыс. пакистанцев, занятых преимущественно низкооплачиваемым, не требующим квалификации трудом.

Пакистан и конфликты на Ближнем Востоке

Пакистан избегает вовлечения в конфликты между мусульманскими странами, выступая за политическое урегулирование возникших споров. Этого курса Исламабад придерживался во время ирано-

иракской войны 1980–1988 гг. В позиции руководства Пакистана в связи с оккупацией Кувейта Ираком в августе 1990 г. и последовавшими за этой акцией военными действиями многонациональных сил во главе с США (1991 г.) также четко обозначилось твердое намерение избежать участия в вооруженном конфликте. Правительство Пакистана выступило за немедленный, без каких-либо предварительных условий вывод иракских войск из Кувейта и восстановление его государственного суверенитета и территориальной целостности. Оно заявило о полной поддержке усилий ООН по мирному урегулированию кризиса. В Саудовскую Аравию по просьбе ее руководства и в соответствии с двусторонним соглашением 1982 г. о сотрудничестве в сфере обороны был послан пакистанский воинский контингент численностью в 10 тыс. чел., который, однако, не участвовал в военной операции по освобождению Кувейта (несмотря на давление на Исламабад со стороны Вашингтона).

Пакистан активно взаимодействует с арабскими странами в вопросе о ближневосточном урегулировании, выступая за освобождение оккупированных арабских территорий и в первую очередь восточной части Иерусалима, где находятся мусульманские святыни, за создание независимого палестинского государства под руководством Организации освобождения Палестины в качестве единственного законного его представителя; согласно этой позиции, столицей государства должен быть Иерусалим.

Поддержка арабского народа Палестины – один из основополагающих принципов внешней политики Пакистана на протяжении более чем полувекового его существования. Она продиктована внешнеполитическими интересами Пакистана: проводя курс на развитие отношений тесного сотрудничества с арабскими государствами, Исламабад не может игнорировать эту актуальную для них проблему. Традиционно Исламабад не выдвигает каких-либо собственных предложений по решению ближневосточной проблемы, как правило, согласовывая свои действия в этом вопросе с позицией Эр-Рияда.

Активная поддержка правящей элитой Пакистана позиции арабских стран в вопросе о ближневосточном урегулировании имеет и внутривнутриполитический аспект: она учитывает единое, по существу, мнение различных слоев политически активной части населения страны, симпатии которых находятся на стороне палестинцев. В прошлом возникали ситуации, когда робкие попытки Исламабада несколько смягчить свою позицию в вопросе о ближневосточном урегулировании вызывали резко негативную реакцию деятелей, стоящих на позициях исламского радикализма (и не только с их стороны).

Проблема ближневосточного урегулирования неизменно входит в перечень вопросов, обсуждаемых во время пакистано-арабских контактов на разных уровнях; государственные деятели Пакистана в выступлениях на форумах ОИК, ООН и других международных организаций

подтверждают неизменность своей позиции по этому вопросу. В частности, заявления об общей позиции Пакистана и арабских стран в отношении «справедливого и окончательного решения палестинской проблемы» были сделаны президентом Пакистана П.Мушаррафом в выступлениях на саммите «восьмерки» развивающихся стран в Каире в 2001 г., во время его визита в государства Персидского залива в октябре 2002 г. и т.д.²¹

С осени 2002 г. Пакистан активно взаимодействовал с арабскими государствами с целью предотвратить перерастание напряженности вокруг Ирака в военный конфликт. Вторая (после кувейтского кризиса 1990–1991 гг.) война в Заливе была чревата серьезными негативными последствиями для экономических и политических интересов Пакистана. Возникла угроза нарушения отлаженного механизма поставок углеводородного сырья из района Персидского залива в Пакистан. Неясна была судьба сотен тысяч находящихся в арабских государствах пакистанских мигрантов, чьи денежные переводы являются одним из основных источников пополнения валютных запасов Пакистана. Опасения в Исламабаде вызывала перспектива осложнения внутривнутриполитической обстановки в стране в случае начала Соединенными Штатами и их ближайшими союзниками военных действий против Ирака. (Обеспокоенность официальных кругов Пакистана была особенно сильна ввиду того, что военная операция государств-участников антитеррористической коалиции во главе с США в Афганистане вызвала рост антиамериканских настроений в Пакистане, умело использованных исламистами для укрепления своего влияния в Северо-Западной пограничной провинции и других районах страны).

Официальные круги Пакистана предприняли энергичные дипломатические усилия, направленные на решение двух взаимосвязанных задач – предотвращение военной акции США и Великобритании против Ирака и обеспечение выполнения Багдадом требований международного сообщества в области нераспространения ядерного оружия.

Согласование взаимных усилий по предотвращению военной операции против Ирака было главной целью двух «сквозных» поездок премьер-министра Пакистана З.Джамали в арабские государства Залива в течение менее чем двух месяцев (в конце декабря 2002 г. – начале января 2003 г. и в начале февраля 2003 г.). Одновременно глава пакистанского правительства заручился обещаниями высших государственных деятелей стран Залива относительно того, что интересы Пакистана будут соблюдены даже в случае начала военных действий против Ирака. Наряду с переговорами с лидерами государств Залива во время визита в ОАЭ глава пакистанского правительства обсудил ситуацию в регионе с президентом Египта Х.Мубарак, посетившим арабские монархии с той же целью согласования позиций в вопросе о предотвращении войны²². Исламабад также неоднократно обращался с призывом к Багдаду незамедлительно вы-

полнить требования соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН, касающиеся ядерной программы Ирака²³.

Исламабад официально объявил о том, что Пакистан не будет участвовать в агрессии против Ирака, чем бы она ни обосновывалась²⁴.

Военная операция США и их ближайших союзников в Ираке резко усилила антиамериканские настроения в Пакистане. Ее последствия для экономических интересов Пакистана оказались ощутимыми (хотя и не столь катастрофическими, как предполагалось ранее, главным образом вследствие того, что военные действия были, по существу, локализованы территорией Ирака). Пакистанские деловые круги заинтересованы в участии в восстановлении экономики Ирака, сулящем им существенные выгоды. Однако Исламабад, учитывая сильные антиамериканские настроения в стране, проявил сдержанность в вопросе об участии Пакистана в послевоенном устройстве Ирака, настаивая на скорейшем принятии резолюции Совета Безопасности ООН по иракской проблеме. (В частности, в Исламабаде не нашло поддержки предложение Лондона направить в Ирак пакистанский инженерно-технический и медицинский персонал, поскольку предполагалось, что он будет находиться в ведении военного командования США и их союзников)²⁵.

¹ Dawn. Karachi, 31.12.2002.

² Подробно см. статью И.В.Жмуйды в данном сборнике.

³ The News. Islamabad, 11.12.2000.

⁴ Economist. L., 25–31.07.1998, с. 61; Dawn, 13.08.1998, 08.10.1998.

⁵ Поддержка, оказанная Исламабаду правителями арабских государств Залива в связи с осуществлением ядерных испытаний, во многом была обусловлена учетом позитивной реакции общественно-политических кругов этих стран, приветствовавших создание «исламской ядерной бомбы». Достижения Пакистана в области ракетно-ядерных технологий, продемонстрированные испытаниями ядерных устройств в мае 1998 г., а затем – усовершенствованных образцов баллистических ракет в 1999–2000 гг., усилили интерес, в частности, Эр-Рияда к военно-техническому потенциалу Пакистана. Свидетельством тому стало, например, посещение министром обороны королевства двух пакистанских сверхсекретных военных объектов – заводов по обогащению урана и по производству ракет – летом 1999 г.

⁶ Заступничество правителей арабских монархий за смещенного премьер-министра Пакистана объяснялось несколькими причинами. Определенную роль сыграли личные связи семьи Н.Шарифа во влиятельных политических кругах ряда стран Залива. В 70-е годы – в период пребывания у власти в Пакистане Пакистанской народной партии во главе с З.А.Бхутто семья Н.Шарифа несколько лет прожила в ОАЭ. Сложившиеся тогда связи будущего главы пакистанского правительства в эмиратах, а также в Саудовской Аравии, окрепли впоследствии, когда после возвращения в Пакистан

Н.Шариф дважды – с ноября 1990 г. по июль 1993 г. и с февраля 1997 г. по октябрь 1999 г. – занимал пост премьер-министра. Очевидно, немалое значение имело и то, что Н.Шариф, имея связи с руководством ряда религиозно-политических партий и организаций, возглавил Исламский демократический альянс – блок девяти правых и правоцентристских партий, выступавший на парламентских выборах в 1988 и 1990 гг. основным соперником возглавляемой Б.Бхутто Партии пакистанского народа.

⁷ The News, 29.10.2002.

⁸ Ibid, 04.01.2003.

⁹ Dawn, 24.03.1997.

¹⁰ Pakistan Observer. Islamabad, 29.06.2002.

¹¹ Pakistan Economic Survey. 2002/03. Islamabad, 2003, с. 134, 140.

¹² Newslines.Karachi, June 2000, с. 68.

¹³ The News, 04.01.2003.

¹⁴ Pakistan Economic Survey. 2002/03. Statistical Appendix. Table 9.1, с. 95.

¹⁵ Op. cit, Table 9.5., с. 102.

¹⁶ Dawn, 1.06.2002; The News, 10, 1.06.2002.

¹⁷ Pakistan Economic Survey. 2002/03, с. 146.

¹⁸ Dawn, 07.11.2001.

¹⁹ MEED (Middle East Economic Digest), 25.04.2003, с. 36.

²⁰ Dawn, 10.03.2003; The News, 11.03.2003.

²¹ The News, 26.02.2001, 30.10.2002.

²² Nation. Islamabad, 04.02.2003.

²³ Ibid, 28.01.2003.

²⁴ Ibid, 11.03.2003.

²⁵ Far Eastern Economic Review, 22.05.2003, с. 8.

РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ НОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ

С апреля 2003 г. положение в южноазиатском регионе, где главную роль играют Индия и Пакистан, претерпевает изменения. Впервые с 1999 г., когда произошел вооруженный конфликт между двумя ядерными региональными державами, обозначилась тенденция к некоторому улучшению двусторонних отношений.

Завершая свой визит в штат Джамму и Кашмир, премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджпай заявил, что интересам обоих государств отвечало бы разрешение всех противоречий путем переговоров. Индия, сказал премьер, готова обсуждать с Пакистаном все вопросы, включая кашмирский. Инициатива Ваджпая была подхвачена его партнером в Пакистане премьер-министром Зафаруллой Ханом Джамали. После телефонного разговора между ними стороны договорились о возобновлении железнодорожного и автобусного сообщения между странами, приступили к переговорам о прямом авиасообщении, восстановлении контактов между спортсменами и расширении списка товаров, не подлежащих тарифам и ограничениям в двусторонней торговле.

Главным же нужно считать преодоление дипломатического кризиса, возникшего в декабре 2001 г. после атаки террористов на здание индийского парламента. Обвинив в этом теракте Пакистан, Дели тогда потребовал сократить штат сотрудников пакистанского верховного комиссариата (посольства) и отозвал своего верховного комиссара в Исламабаде. Тогда же Индия подтянула к границам с Пакистаном свои регулярные части, а после новых терактов в мае 2002 г. выслала главу пакистанской дипмиссии и привела свои войска в состояние полной боевой готовности. Исламабад отвечал аналогичными мерами. В результате создалась реальная угроза войны между странами, обладающими ядерным потенциалом. Конфликта удалось избежать, и поздней осенью того же года Индия отвела свои войска от пакистанской границы. Пакистан сделал то же самое, и противостояние двух армий, вместе насчитывающих более миллиона человек, закончилось. Однако акты террора и саботажа, гибель мирных жителей в штате Джамму и Кашмир продолжались, несмотря на заверения пакистанского руководства, что оно приняло меры к прекращению перехода диверсантами линии контроля, разделяющей индийскую и пакистанскую части спорной территории.

Произошедшее летом 2003 г. полное восстановление дипломатических отношений, возвращение в Исламабад верховного комиссара Индии, а в Дели – комиссара Пакистана дало повод рассчитывать, что стороны предпримут дальнейшие шаги навстречу друг другу. И действительно, в середине августа в Пакистан прибыла представительная делегация парламентариев и журналистов из Индии, возглавляемая бывшим главным министром штата Бихар Лалу Прасад Ядавом. Она провела насыщенные переговоры со своими коллегами в Пакистане в рамках форума Свободной прессы Южной Азии. Обе стороны предприняли акции гуманитарного характера по освобождению и возвращению на родину ранее задержанных граждан соседней страны, главным образом нарушивших пограничный режим рыбаков. Индия дала согласие на участие в очередной 12-й конференции Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), проведение которой намечено на январь 2004 г. в Исламабаде (из-за позиции Дели саммит СААРК, первоначально планировавшийся на начало 2003 г., не состоялся).

Создав эти минимально необходимые условия для дальнейшей работы, стороны сделали паузу – переговоры по возобновлению авиасообщения затянулись, а к подготовке главных встреч на высоком дипломатическом и высшем политическом уровне даже не приступали. Существенную роль при этом сыграла неутрахающая террористическая активность. В Мумбаи (Бомбее) в конце августа прогремели взрывы и пострадали десятки людей. Индия на этот раз не стала возлагать прямую ответственность на Пакистан, но ее руководители заявили, что если Исламабад серьезно заинтересован в улучшении двусторонних отношений, он должен выявить и передать Дели террористов, совершающих кровавые преступления. С конца августа 2003 г. вновь обострилась ситуация в индийском Кашмире. Ликвидация одного из лидеров во многом пакистанской по составу участников, но запрещенной в Пакистане террористической организации «Джаиш-и-Мухаммад» (Армия пророка) подняла волну насилия. Руководство Индии в лице заместителя премьер-министра Дал Кришан Адвани выступило с заявлением, что Пакистан продолжает «войну по доверенности» против Индии¹.

Несмотря на явное замедление процесса смягчения региональной напряженности, он, думается, будет продолжаться. Это связано как с внутривнутриполитическими, так и с международными факторами. К первым относится стремление правящей коалиции в Индии во главе с Индийской народной партией (Бхаратия джаната парти, БДП) сохранить стабильное положение внутри страны перед всеобщими выборами осени 2004 г. Улучшение ситуации в штате Джамму и Кашмир показало бы способность правительства А.Б.Ваджапи успешно сотрудничать с администрацией тех штатов, где у власти стоят руководители, оппозиционные преобладающим в центре политическим силам (на

выборах 2002 г. в законодательное собрание штата союзник его коалиции, Национальная конференция, потерпела поражение). Характерно, что в конце августа 2003 г. премьер-министр провел в столице штата г.Сринагар совещание главных министров индийских штатов.

У пакистанских властей есть также немало причин внутреннего порядка, побуждающих к «замирению» с Индией. Всеобщие выборы осени 2002 г. изменили фасад власти, но вызвали с трудом преодолеваемый кризис между оппозиционными партиями, широко представленными в парламенте, и генералом-президентом Первезом Мушаррафом, сохраняющим за собой пост начальника генштаба армии (читай, главнокомандующего сухопутными войсками). Оппозиционеры, среди которых ведущую роль играет коалиция религиозно-политических партий, требуют отмены принятого в преддверие выборов указа президента, изменяющего некоторые нормы действующей конституции, а также настаивают на том, чтобы Мушарраф снял с себя военную форму. Уменьшение напряженности в отношениях с Индией на руку президенту и правительству, так как они могли бы сосредоточиться на задачах оздоровления экономики и сферы образования, что в случае успеха ослабило бы радикальную парламентскую и внепарламентскую оппозицию.

Влияние главных мировых держав

Основные мировые игроки также приложили руку к созданию новой ситуации в Южной Азии. Прежде всего это заслуга Китая. На протяжении нескольких десятилетий, особенно после китайско-индийской пограничной войны 1962 г., Пекин имел в Южной Азии союзника в лице Пакистана. Он превратился в одного из главных поставщиков вооружений в эту страну, поддерживал Исламабад в споре с Дели по поводу Кашмира, помогал в развитии отраслей тяжелой промышленности и производственной инфраструктуры. Весьма тесным было китайско-пакистанское взаимодействие на последнем этапе холодной войны, в период вовлеченности Москвы в дела Афганистана. Сотрудничество, в том числе тайное в ракетно-ядерной и открытое в военных областях, продолжалось и после окончания холодной войны. Однако в 90-е годы Пекин старался придать своей политике на южноазиатском направлении более равновесный характер путем улучшения связей с Индией. В мае-июле 1999 г. во время индийско-пакистанского вооруженного конфликта (мини-войны) в Кашмире Пекин отказался поддержать своего традиционного союзника, подтолкнув пакистанские власти к прекращению огня и признанию собственной неудачи. С этого времени индийско-китайские отношения пошли в гору. Серия визитов на высоком уровне увенчалась поездкой премьер-министра Индии Ваджапаи в Китай в июне 2003 г. В ее ходе стороны договорились «положить на полку» решение погранично-территориальных споров, Индия подтвердила свое признание Тибета неотъемлемой частью Китая, а тот в свою оче-

редь смягчил позицию по проблеме соседнего с Тибетом княжества Сикким, присоединенного к Индии в 1974–75 гг.^{2а} Впечатляющими темпами растет в последние годы торговый оборот между странами – с 2 млрд. он вырос до почти 5 млрд. долл. США. А за 1991–2002 гг. взаимная торговля увеличилась почти в 20 раз³.

Позиция КНР не может не приниматься во внимание в Исламабаде. В Пакистане считают Китай верным и надежным другом. Пекин уверяет, что укрепление связей с Индией не нанесет ущерба китайско-пакистанским отношениям. Вывод для Пакистана может быть только один: чтобы не потерять дружбы с Китаем, надо улучшать отношения с Индией.

Существенную роль сыграла в формировании нового расклада и эволюция в политике США. В годы холодной войны Индия вызывала «восхищение» американцев своей демократией, но она «не была доступна как союзник»⁴. В постбиполярный период политика Индии стала меняться, особенно заметно после 11 сентября 2001 г. Индия одной из первых стран мира предложила американцам помощь в войне с международным терроризмом. При этом она рассчитывала, что участие в общей борьбе поможет справиться с террором в Кашмире и урезонит Пакистан. Совершивший подлинный кульбит Исламабад не дал Дели в полной мере разыграть кашмирскую карту, сам вызвавшись помочь в свержении талибов, которых он до того поддерживал. Но Индия, как оказалось, извлекла немалые выгоды из своей инициативы. За последние годы существенно выросло сотрудничество военных и разведывательных органов Индии и США, осуществляется программа совместных учений и маневров, расширилось военно-техническое взаимодействие⁵. И хотя нынешние власти Индии «все еще осторожны в движении к такому типу формальной военной кооперации, которая может быть названа стратегическим альянсом», они оказались значительно более расположенными, чем все прежние, к сотрудничеству с США в области безопасности⁶.

Характерно также, что Индия ныне активно развивает военно-техническое сотрудничество с Израилем (его объем достиг 2 млрд. долл. США), а визит израильского премьера Ариэля Шарона в Индию в августе 2003 г. в разгар кризиса в израильско-палестинских отношениях можно считать весьма символическим для новой политики Дели на Ближнем Востоке. В эту канву логично вписывается улучшение отношений Индии с Турцией, создание ими рабочей группы по борьбе с терроризмом.

Есть основания полагать, что в будущем изменится и отношение Японии к южноазиатским делам. Токио заявил решительное несогласие с политикой Дели по превращению своей страны в ядерную и вслед за испытаниями 1998 г. существенно снизил свое экономическое присутствие в регионе. Возросшая активность Китая может заставить Японию саму по себе, а в немалой степени и под давлением

США активизировать связи с Индией, чтобы не допустить однобокого роста там китайского влияния.

Нельзя также сбрасывать со счетов иранское направление. Визит в Индию президента Мохаммеда Хатами в январе 2003 г. ознаменовался заключением соглашений, выводящих двусторонние связи на уровень тесного взаимодействия не только в экономической, но и в военной области⁷.

Индия в нынешней ситуации оказывается в роли обхаживаемой стороны. Большое внимание к ней, помимо уже упомянутых государств, проявляют страны Европы, как порознь, так и сообща, через институты Европейского союза. С 2000 г. между ЕС и Индией проходят ежегодные встречи на высшем уровне. Индия тем самым вошла в круг немногих государств (США, Канада, Россия, Китай и Япония), с которыми объединенная Европа проводит регулярные саммиты. Нужно учитывать, что на нее приходится более четверти индийского торгового оборота.

Настоящая и будущая роль России

В соответствии с общей логикой формирования новой ситуации в Южной Азии и в унисон с другими державами действует и Россия. Индия для нее – давний, надежный и выгодный партнер. С 2000 г. между двумя странами установилась практика обмена визитами на высшем уровне. Два визита президента Владимира Путина в Индию и ответные посещения России премьером Ваджайи способствовали закреплению отношений стратегического партнерства, подтвердили сходство позиций двух государств по большинству актуальных проблем международных отношений.

Наиболее успешно развиваются связи в военно-технической области и сфере безопасности. Объем военно-технического сотрудничества достиг уровня, равного по стоимости 1,5 млрд. долл. в год⁸. Индия закупает у России передовую военную технику, в частности, ультрасовременные самолеты СУ-30, танки Т-90, вертолеты, зенитно-ракетные комплексы, подлодки, радары и т.д. На российских верфях по заказу Индии строятся боевые корабли, в завершающей стадии находятся переговоры по продаже ей оснащенного современным вооружением крейсера «Адмирал Горшков», идут переговоры об аренде или продаже атомных подлодок. Характерной чертой сотрудничества в военной и научно-технической областях является осуществление многочисленных совместных проектов, один из которых в начале 2003 г. увенчался успешным испытанием сверхзвуковой тяжелой ракеты БраМос (по названиям рек Брахмапутра и Москва).

Менее впечатляющим представляется сотрудничество в торгово-экономической области. Объем товарооборота никак не может выйти за 1,5 млрд. долл. Узким местом остается транспортировка грузов, осуществляемая в основном морским путем через Суэцкий канал.

Однако и в этой сфере достигнуто немало. Россия продала Индии топливо для АЭС в Тарапуре, стороны приступили к реализации соглашения о строительстве атомной электростанции в Куданкуламе мощностью 2 тыс. МВт. Новым моментом стало участие индийского капитала в разработке нефтяных месторождений Сахалина. В счет оплаты индийского долга в Россию поступают ежегодно товары более чем на полмиллиарда долларов. Около 150 совместных проектов реализуются в различных научно-технических отраслях – в компьютерной технике, электронике, медицине, биологии и т.д.⁹

Слов нет, экономический и научно-технический потенциал Индии далеко превосходит потенциал других стран Южной Азии, в том числе Пакистана. Однако в военной сфере между последним и Индией сохраняется определенный баланс, в основном за счет ракетно-ядерных сил. В сфере обычных вооружений Индия располагает двух-трехкратным преимуществом, что вызывает нервозность Исламабада, так как налаживает на него ответственность за возможное, в случае безвыходного положения, решение применить оружие массового поражения¹⁰.

Пакистан стремится диверсифицировать свои военные связи и проявляет большой интерес к приобретению российской техники. Москва пока очень осторожно подходит к вопросу о продаже Исламабаду оружия. Она не хочет осложнять свои отношения с Дели, который по традиции весьма нервно реагирует на любой шаг в российско-пакистанском военно-техническом сотрудничестве. Единственной сделкой, осуществленной в 90-е годы, была поставка Пакистану 12 транспортных (без боевого снаряжения) вертолетов Ми-17.

В условиях выравнивающихся отношений между ведущими государствами Южной Азии и главными мировыми державами Пакистан проявляет значительную активность на российском направлении. Надо сказать, что связи между двумя странами долгое время находились в застойном состоянии, и лишь в последние два года намечился определенный сдвиг. В феврале 2003 г. Россию посетил с официальным визитом глава пакистанского государства генерал Первез Мушарраф. Его встреча с В.Путиным и другие контакты на разных уровнях позволили наметить реальные перспективы по выводу отношений на более высокий уровень. Президент Мушарраф, в частности, предложил нашим нефтегазовым компаниям прийти на пакистанский рынок, где намечается национализация государственной корпорации нефти и газа. В стадию конкретной проработки вступило сотрудничество сторон по проекту расширения (с 1,1 до 1,5 млн. т стали в год) Пакистанского металлургического комбината, построенного в 70–80-х годах с советской помощью. Прояснились перспективы поставок еще двух партий вертолетов Ми-17, но о широком сотрудничестве в военной области речь не идет, хотя теоретически оно могло бы без ущерба для общего баланса обычных вооружений между Индией и Пакистаном достигать полумиллиарда долларов в год. Такая кооперация к

тому же не была бы нарушением конфигурации, установившейся ныне в этой чувствительной области, ибо Индия имеет тесные военные контакты одновременно с РФ, США и другими государствами.

Нужно, впрочем, подчеркнуть, что накопившаяся за десятилетия инерция преодолевается с трудом. Дипломатические ведомства двух стран, в частности посольства РФ в Исламабаде и Пакистана в Москве, делают многое, чтобы закрепить тенденции укрепления двусторонних связей. И так как речь идет о поддержании баланса сил в Южной Азии и взаимной выгоде сотрудничающих сторон, от этого, как представляется, не может пострадать российско-индийское стратегическое партнерство.

Более того, Россия наряду с другими влиятельными в мире силами может способствовать улучшению климата в сложных и запутанных отношениях между Индией и Пакистаном, как она уже это сделала в июне 2002 г. во время встреч президента Путина с лидерами двух государств в г.Алматы во время конференции по взаимодействию и мерам доверия в Азии.

Россия и Кашмир

Индийско-пакистанские отношения в значительной мере завязаны от двух взаимосвязанных проблем – терроризма и Кашмира. Внешнему наблюдателю может показаться несущественным разгоревшийся в 1947 г. спор вокруг принадлежности бывшего княжества колониальной Индии одному из двух государств, возникших после ухода англичан. Между тем, для Пакистана это вопрос принципиальный, и он на протяжении более полувека пытается изменить ситуацию, чувствуя себя обделенным в результате раздела Кашмира на неравные части. С конца 80-х годов на его стороне выступает часть жителей индийского штата, проживающих главным образом в Кашмирской долине. Задом с ними действуют переходящие через линию контроля боевики. Последние не обязательно являются выходцами из контролируемой Пакистаном территории бывшего княжества, не все они даже пакистанцы по происхождению, есть выходцы из арабских и других стран, принадлежащие к радикально-исламскому интернационалу.

Необходимость какого-то решения кашмирского вопроса давно назрела. Скоро 15 лет, как идет необъявленная война, погибло, по индийским данным, около 40 тысяч человек, главным образом мирных жителей. Противоположная сторона оценивает человеческие потери еще более высоко – в 80–100 тысяч. Вместо того чтобы притягивать к себе людей благодаря достопримечательностям и умеренному климату, Кашмир ныне отталкивает их, шаткая безопасность и безработица заставляют покидать родные места.

Вопрос о том, как можно решить кашмирский вопрос, обсуждается постоянно и на различных уровнях. Очевидно, что рассчитывать на успех было бы реально при двух условиях – улучшении внутренней

обстановки в индийском Кашмире и согласии Пакистана примириться с ситуацией. Дели, по-видимому, рассчитывает в перспективе «додавить» Исламабад, но ему при этом необходимо обеспечить выполнение и первого условия.

А сделать и то и другое в одиночку, даже при возросшей политической сплоченности, экономической и военной мощи Индии будет нелегко. Видимо, поэтому Дели еще в июне 2002 г. согласился на определенное содействие США в вопросе о Кашмире¹¹. Представляется, что и другие члены мирового сообщества, в частности, Россия, могли бы оказать помощь в поиске приемлемых решений. Тем более, посредничество исключительно лишь США вызывает протесты многих сил как в Индии, так и в Пакистане. Что касается Москвы, то она уже выступала от имени «большой восьмерки» в качестве посредника при наведении мостов между Индией и Пакистаном после произведенных ими в мае 1998 г. ядерных испытаний¹². Посетивший Пакистан в июне 2003 г. министр иностранных дел РФ Игорь Иванов заявил, что Москва была бы готова стать посредником, если бы «ее попросили»¹³.

Помимо официальных лиц, помощь могли бы оказать и неофициальные. В мире, судя по всему, приветствовали бы посредническую роль в урегулировании кашмирской проблемы таких российских политических деятелей, как Михаил Горбачев, и таких организаций, как возглавляемый им Фонд¹⁴.

Конечно, перспективы разрешения конфликта представляются туманными, но нельзя сказать, что они полностью отсутствуют. Выше уже отмечались причины, по которым нынешнее руководство Индии и Пакистана заинтересовано в потеплении двусторонних отношений. Если бы оно наступило, оба государства могли бы приступить к продуктивному обсуждению кашмирской проблемы.

Индия до последнего времени категорически отказывалась от участия в ее разрешении третьих сил, утверждая, что после подписания двумя странами в 1966 г. Ташкентской декларации и в 1972 г. Симлского соглашения вопрос о Кашмире снят с повестки дня международных форумов, в том числе ООН. Между тем, Совет Безопасности ООН и специально созданная комиссия ООН по Индии и Пакистану приняли несколько резолюций по Кашмиру и не раз обсуждали вопрос в 1948–1964 гг. До сих пор на линии контроля в Кашмире функционирует небольшая группа военных наблюдателей вышеназванной комиссии, и ее глава в сентябре 2003 г. обратился к правительствам двух стран с призывом отказаться от шагов, способных в очередной раз обострить ситуацию¹⁵.

Упомянутые подвижки в индийской позиции дают некоторый шанс на международное содействие в решении застарелого спора. При этом посредничество может быть и односторонним, и многосторонним. К нему, как кажется, было бы возможно привлечь некоторые междуна-

родные организации по желанию обеих сторон. В таком качестве могла бы выступить, например, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Не надо забывать, что заметный интерес к ней проявляют и Индия, и Пакистан. Недавнее решение заседания Совета министров иностранных дел стран ШОС в Ташкенте о разработке статуса наблюдателей при организации, а также партнеров по диалогу открывает путь к расширению ее состава и усилению международной роли¹⁶.

Вместе с тем урегулирование кашмирской проблемы, по всей видимости, невозможно без еще одного задействования механизма Организации Объединенных Наций. Разумеется, оно окажется реальным лишь в условиях кардинального изменения климата двусторонних индийско-пакистанских отношений. При серьезном повышении уровня доверия двух стран к политике друг друга они могли бы обратиться к ООН с призывом поставить точку в споре, имеющем международный аспект.

Определенные надежды на это вселяет некоторое улучшение ситуации в штате Джамму и Кашмир после прихода к власти осенью 2002 г. коалиционного правительства во главе с Муфти Мохаммедом Саедом. Об этом свидетельствует начавшийся возврат беженцев и увеличение потока туристов. Правительство выступает за взаимный отвод войск от линии контроля, открытие дорог, соединяющих индийскую и пакистанскую части Кашмира, а также подключение к переговорам с Дели умеренно настроенных представителей оппозиции. Позиции последних, кстати, усилились в руководстве главного оппозиционного объединения – Беспартийной конференции свободы и наиболее пропакистанской партии «Джамаат-и ислами». Политическая борьба в штате, несмотря на теракты, идет в основном в русле поиска компромиссов и решения острых социально-экономических проблем.

Заключение

Позитивные подвижки весны-лета 2003 г. свидетельствуют, как представляется, о достаточно благоприятных перспективах развития ситуации в Южной Азии. Сохранение напряженности в Кашмире было бы неправильно рассматривать как непреодолимую преграду на пути к восстановлению в полном объеме и укреплению индийско-пакистанских связей. При условии, конечно, что в кашмирском вопросе будет замечен определенный прогресс.

Индия требует от Пакистана прекратить поддержку террористов и помощь в переходе ими линии контроля. Глядя со стороны, нелегко решить, насколько оправданы эти требования. Кажется маловероятным, чтобы правительство Пакистана вело невыгодную для себя двойную игру, тайно поддерживая международных террористов и оказывая материальную помощь кашмирским боевикам. Что же до открыто признаваемой им моральной, политической и дипломатической поддержки оппозиционных сил в индийском Кашмире, то она должна быть сведена к солидарности с борьбой кашмирцев легальными ме-

тодами и с их попытками достижения результата путем переговоров. В этом случае оба государства могли бы объединить усилия и сократить масштабы деятельности диверсионно-террористических групп.

Реализации такой возможности способствует баланс сил, сложившийся в Южной Азии, и баланс влияний главных мировых держав. Относительное равновесие в системе двусторонних взаимосвязей и во внешней для этой системы международной среде позволяет рассчитывать на позитивные перемены в плане смягчения основных противоречий между государствами-антагонистами. Последнее на данном этапе означает, видимо, не столько принципиальное разрешение кашмирской проблемы, сколько стремление сторон к повышению уровня взаимодействия и укреплению доверия друг к другу.

Россия может сыграть и уже играет немалую позитивную роль в этом процессе. Она пользуется расположением в обеих странах, причем как официальных кругов, так и обществности. Отношения стратегического партнерства с Индией не отпугивают от нее Пакистан. Там в целом с пониманием относятся к южноазиатской политике РФ и надеются на ее объективный подход к ситуации в регионе.

В недавней истории Южная Азия уже однажды становилась ареной эффективного посредничества Москвы. В середине 60-х годов внешняя международная среда благоприятствовала выполнению ею этой функции и позволила завершить вторую индийско-пакистанскую войну мирным соглашением в Ташкенте. Ныне общие внерегиональные условия чем-то напоминают существовавшие без малого полвека назад, а в определенной степени они лучше тех, ибо отсутствует как самодовлеющий фактор сдерживания КНР и атмосфера глобальной межгосударственной вражды. Сегодня все основные участники международно-политического процесса обеспокоены угрозой со стороны субгосударственных структур и действуют согласованно с целью ее устранения.

Речь, разумеется, не идет об изолированной миссии России. Наиболее эффективно она могла бы действовать в контакте с другими мировыми державами. Было бы, в частности, целесообразно увязать задачи улучшения ситуации в Южной Азии с целями восстановления мира в Афганистане и возрождения его экономики.

Кстати, значение российского участия в афганских делах представляется сегодня едва ли не критически важным. Считается, что Россия имеет влияние на одну из влиятельных группировок, таджикскую или панджшерскую, в нынешней афганской администрации. Москва могла бы способствовать установлению более гармоничных отношений внутри афганского руководства. Так как другая ведущая его часть состоит из пуштунов и ориентируется на Пакистан, этому способствовало бы укрепление доверия между Москвой и Исламабадом.

Между тем, ситуация в Афганистане рискует выйти за рамки расчетов и ожиданий периода победы над режимом Талибан. К осени

2003 г. сопротивление оппозиционных переходному афганскому правительству сил явно возросло. Реорганизовавшись, талибы и их союзники развернули партизанскую войну, которая грозит сорвать планы установления в стране мира и условий для нормальной жизни.

Ухудшение внутренней обстановки бросает тень на роль внешних сил. Из арены сотрудничества Афганистан рискует еще раз превратиться в полигон соперничества, в том числе индийско-пакистанского. В некоторых кругах Пакистана вызывает озабоченность, скорее всего неоправданную, активность Индии в афганских делах, в частности, открытие ею консульств в прилегающих к пакистанским границам городах Кандагар и Джелалабад.

Для устранения подозрений требуется совместное или согласованное участие Индии и Пакистана в программах политического и экономического возрождения Афганистана. Россия в состоянии сыграть роль одного из связующих звеньев при соблюдении равновесия в отношениях с ведущими южноазиатскими государствами и использовании ее возросшего влияния в Центральной Азии.

Оставаясь на почве реализма, следует в заключение подчеркнуть, что новизна складывающейся в Южной Азии ситуации все еще весьма относительна. Баланс сил играет главную стабилизирующую роль в отношениях между Индией и Пакистаном. Остается и угроза войны, в том числе ядерной. Принятое в сентябре 2003 г. решение Индии о строительстве защищающих от атомного оружия бункеров для высшего руководства страны подтверждает, что стороны еще не вышли на ту фазу ядерной конфронтации, когда угроза взаимного уничтожения обесмысливает войну, а стремление ее избежать делает из врагов партнеров, имеющих пусть один, но жизненно важный общий интерес. Пока этого нет, проблема региональной безопасности заставляет внерегиональные державы активно действовать в направлении урегулирования споров и смягчения противоречий.

¹ <http://www.samachar.com>, 22 September 2003.

² PM describes China visit as fruitful //

<http://rediff.com/news/2003/jun/27china2.htm>

³ Hu Shishen. China's South Asia Policy and its Regional Impact. Paper presented at the International Seminar on «Major Powers and South Asia», Islamabad, August 2003, с. 8.

⁴ Rodney W.Jones. US and South Asia. Core Interests and Policies. Paper presented at the International Seminar in Islamabad, August 2003, с. 4.

⁵ Uma Singh. US and South Asia in the Changed Regional Context of 9/11. Paper presented at the International Seminar in Islamabad, August 2003, с. 12–13.

⁶ Rodney W.Jones. US and South Asia, с. 6.

⁷ M.H.Nuri. India and Iran: Emerging Strategic Co-operation? // IPRI Journal, vol. 3, № 2, с. 64–66.

⁸ Из интервью Ильи Клебанова // Независимая газета, 5.12.2002.

⁹ Российско-индийское экономическое сотрудничество. Российско-индийское научно-техническое сотрудничество, <http://www.ln.mid.ru>

¹⁰ Об опасности такого дисбаланса настойчиво напоминал пакистанский президент П.Мушарраф накануне своего визита в США в июне 2003 г. Американская администрация весьма благожелательно отнеслась к Пакистану, пообещав ему значительную помощь, но отказала в просьбе предоставить современные истребители. David E.Singer. Bush offers Pakistan Aid, but No F-16s:

<http://www.nytimes.com/2003/06/25>

¹¹ Uma Singh. US and South Asia in the Changed Regional Context of 9/11, с. 15.

¹² Вячеслав Никонов. Назад, к Концерту. На сей раз – глобальному // Россия в глобальной политике, 2002, № 1, с. 90.

¹³ Moscow offers Kashmir mediation // Daily Times, Islamabad, с. 1. – <http://www.dailytimes.com.pk> 16-6-2003.

¹⁴ Такие попытки предпринимались еще три года назад, см.: Gorbachev to work for solution of Kashmir issue <http://www.pakistanlink.com>. 27.10.2000.

¹⁵ <http://www.khaleeitimes.com> 22 September 2003.

¹⁶ Совместное Коммюнике по итогам внеочередного заседания Совета министров иностранных дел государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (Ташкент, 5 сентября, 2003 г.) <http://www.ln.mid.ru>

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ПАКИСТАНЕ

Если попытаться сделать невозможное – охарактеризовать одним словом то, что определяет происходящее сегодня в Пакистане, то этим словом, по-видимому, мог бы стать «ислам». Дискуссия, на протяжении более полувека не утихающая в стране, о том, что же все-таки представляет ислам для Пакистана, для большинства пакистанцев заканчивается банальной формулой: ислам – это «наше все». При этом, как правило, имеется в виду не вероучение как таковое, а исламская религиозная идеология, насаждаемая полуграмотными служителями культа – муллами и, к сожалению, воспринимаемая как истина вовсе неграмотным, в основном сельским населением. Серая, обманутая улемами крестьянская масса и сегодня не подозревает, что служит бастионом политического ислама, хотя она всегда была далека от агрессивной, фундаменталистской версии городского ислама.

Словесная казуистика:

«Государство мусульман» или «Исламское государство»

Идеал, за который боролась Мусульманская Лига во главе с М.А.Джинной, состоял в создании «государства мусульман», то есть государства, отдельного от индуистской Индии. Идеал был достигнут, Пакистан стал реальностью, но сомнения и вопросы, связанные с сутью наименования нового государства, остались. Главное было в двусмысленности термина «государство мусульман». Для неискушенного в политике и юридических проблемах мусульманина он звучал приблизительно как и знакомый ему с детства термин «исламское государство». Лишь горстка образованных людей понимала, что речь-то идет о светском, а не о теократическом государстве. Для тех, кто не видел разницы в двух терминах, возникал вопрос: какое государство имеется в виду – халифат со всей его структурой власти или какая-то пока не опробованная, современная версия «исламского государства». Было понятно, что восстановить средневековый институт в середине XX в., когда общественные отношения даже по сравнению со временами Османов шагнули далеко вперед, было вряд ли возможно.

Только отдельные личности, небольшая группа из ближайшего окружения Джинны сознавала, что государство должно строиться на принципах и моделях, унаследованных от Запада. Но она понимала и

другое: что отказаться от исламского наследия, идей исламских мыслителей, в том числе и теологов, при умонастроениях южноазиатских мусульман тоже было вряд ли возможно.

Дискуссия по этому вопросу, начавшаяся среди сторонников Джинны, давала возможность подвергнуть серьезному анализу исламскую политическую теорию в целях ее практического применения. Как оказалось, непосредственно в области политики почти ничего из опыта халифата не годилось для строительства нового государства. Вместе с тем следовало учитывать настроения огромной массы людей, воспитанных на исторических и культурных традициях ислама.

Религия всегда играла здесь ведущую роль в деле формирования общественного сознания или, говоря иначе, политической культуры. На протяжении столетий, с начала мусульманских завоеваний в Южной Азии эта политическая культура испытала на себе сильное влияние феодалов и улемов¹. Если отбросить в сторону второстепенное, то ее питали суеверия и фатализм, присущие духовному пастырю мусульманина – мулле. Это явление повинно, в частности, в том, что по сей день сельский житель (большинство населения) исходит в своих суждениях и предпочтениях из доктрины *такдира* (судьбы), предписывающей уважение к раз и навсегда заведенным порядкам и покорность судьбе². А это значит, что он готов принять как божье провидение все, включая нищету и рабский труд на своего феодала.

Задача совмещения светского и религиозного в рабочей модели нового государства оказалась сложнейшей проблемой. По существу, это была проблема назревшей модернизации, суть которой сводилась к тому, как вживить нужные и полезные современные институты, не отмахиваясь от значения культурного и духовного наследия, а если проще – как разумнее исламизировать западные институты. Это была общая задача, а конкретная, сиюминутная проблема состояла в составлении конституции страны, где были бы зафиксированы все те законы, по которым должно было жить новое государство. При том разброде, который наблюдался в начальный период жизни Пакистана, это было немислимое по своей трудности дело.

Коранические принципы и политический ислам

Ислам не признает разделения власти на гражданскую и военную, и умма (мировая исламская община) как носитель ислама не подразделяется на гражданскую и военную части. Сам Пророк и его четыре компаньона были, конечно, духовными лидерами, но одновременно и *Амирал-Моминин* (командующими правоверными). «Существовало единство между офисами верховного главнокомандующего и главы гражданской администрации. Те же самые люди формировали гражданскую администрацию и армию, собирали налоги с покоренных в мирное время, воевали с врагами и собирали трофеи в военное время»³. В принципе все мусульмане должны быть едиными, защищая

сообщество правоверных. Концепция *джихада* предполагает участие в делах подобного рода всего сообщества мусульман. Главная идея джихада состоит в том, что для утверждения ислама на землях, ранее не принадлежавших мусульманам, они не должны останавливаться перед военными захватами и территориальной экспансией. Более того, это являлось их священным долгом. В этих обстоятельствах не было никакой нужды во введении каких-либо законодательных сдержек для ограничения власти военных. Военный аспект власти правителя был органично встроен в психологию мусульманина. Положения Корана и хадисов Пророка узаконили абсолютизм и беспорное подчинение правителю, пользующемуся своим правом осуществлять военные акции, что собственно и является прерогативой верховного исламского лидера. Однако здесь следует уточнить, что наделяя военных своим особым расположением, мусульмане и прежде всего их духовные наставники улемы должны чаще вспоминать кораническое положение об осуждении военной диктатуры, той диктатуры, которую они на протяжении последних десятилетий неоднократно поддерживали. Это положение вытекает из нескольких сур, где говорится о неприемлемости угнетения слабых и беззащитных, в частности, из суры 28, рассказывающей о Мусе и Фирауне⁴. Но это о тех, кто поддерживал военные диктатуры. А теперь о тех, кто им противостоит, и о взаимоотношениях между первыми и вторыми.

Уникальность положения в этой области – в том, что, пожалуй, впервые улемы не настаивают на примате идеологии. Поскольку военные по праву занимают особое положение в исламском обществе, оппозиция военным режимам в соответствии с традицией не должна строиться на идеологической основе: в таком случае она будет противоречить догматам ислама. Таким образом, ислам в конечном счете консолидирует позиции военного правителя и обеспечивает легитимность абсолютной власти диктатора. Это можно было неоднократно наблюдать на примерах пакистанской истории. Пакистанская армия на наших глазах из боевого организма превращается в правящую элиту – статус, который она, по всей вероятности, намерена увековечить.

Грамотные богословы знают, насколько неправы их недоучки-коллеги, утверждающие, что Коран содержит концепцию исламского государства. Коран, являющийся основополагающим источником исламского законодательства, действительно содержит концепцию государства, но не того теократического, о котором говорят улемы, желающие выдать свою версию идеального государства за кораническую, а просто государства, которое ориентировано на благополучие верующих. Примечательно, что в Писании даже нет упоминания о халифате. Идея халифата как исламского государства возникла в умах исламских юристов-факихов на столетия позже времен Пророка. Но и тогда не было единой теории исламского государства, как нет ее и сейчас. Впрочем, можно не утруждать себя доказательствами су-

ществования упомянутой концепции: даже по вопросам, на несколько порядков более простым, чем этот, среди улемов никогда не было единства. Работа Комиссии по расследованию обстоятельств актов насилия в отношении членов ахмадийской секты во главе с судьей М.Муниром в 1954 г. дает множество примеров, демонстрирующих правильность этого вывода. Известный исламовед У.К.Смит писал: «Перед миром предстало жалкое зрелище мусульманских богословов, среди которых не было и двух, способных дать одно и то же определение понятия «мусульманин». При этом они были единодушны в том, что всякий, кто выражает несогласие (с ними – О.П.), должен быть приговорен к смертной казни»⁵.

Конфликт, который предвещает катастрофу

Мир политического ислама вступил сейчас в конфликтные отношения не только с Западом, объявившим его рассадником терроризма, но и в значительной степени с Востоком. Не вызывает сомнений, что исламисты не могут рассчитывать на бесконечность конфронтации с немусульманскими странами без соответствующей ответной реакции с их стороны. Исламские радикалы в Пакистане утверждают, что каждый аспект жизни управляем исламскими законами, а если в каком-то отдельном случае возникают сложности с поисками законов, которые содержали бы конкретные инструкции относительно линии поведения в конкретных обстоятельствах, то следует лишь творчески интерпретировать источники исламского законодательства, и рациональная линия поведения проявится сама собой. Надо сказать, что это не просто точка зрения какой-то группы радикальных улемов, но целых исламских направлений и весьма влиятельных исламских партий. Отсюда и обеспокоенность в пакистанском обществе относительно перспектив прихода к власти таких партий, имея в виду наличие у Пакистана ядерного потенциала.

С течением времени фактор взаимозависимости с внешним миром любого государства становится все более ощутимым. В случае с Пакистаном достаточно напомнить о той роли, которую играют в экономике страны Мировой банк и другие финансово-экономические агентства, какое место в его внешней политике занимает Индия, наконец, о том, в какой мере статус государства Пакистан и легитимность его правительств зависят от окружающего мира. Ни одна из развивающихся стран не может сегодня отмахнуться от принятых норм в политике. Чем последовательнее страна проводит политику, не зависящую от стандартов, установленных и принятых в мире, тем больше она подвергает себя опасности стать объектом военно-экономических санкций, внутренних (а то и спровоцированных извне) мятежей и даже ввода иностранных войск на свою территорию. Следует констатировать, что членство любой страны в международном сообществе сегодня напрямую связано с ее готовностью придерживаться международных стандартов.

Пакистанские улемы, по крайней мере наиболее радикальные из них, похоже, не понимают существа этих реалий. Как и национал-социалисты в Германии 30-х годов, они опьянены ростом своего влияния на политической арене страны и среди уставшего от нужды населения. Надо сказать, что в XXI в. сила исламистов возросла многократно, что позволило им стать второй по значению силой в Национальной ассамблее Пакистана. Переоценивающие свою мощь пакистанские исламисты считают свою радикальную идеологию достаточно внушительной движущей силой, чтобы не обращать внимания на предупреждения, исходящие от Запада. Опыт талибов их ничему не научил. Это дает основания называть их «исламо-фашистами» – термин, пущенный в оборот политологом Френсисом Фукуямой⁶. Исламские партии теперь втайне надеются, что объединив усилия, они могут взять власть в Пакистане в свои руки и создать там исламскую политическую систему. На каких принципах они намерены строить эту систему? Прежде всего на отрицании того, что западная система добилась прогресса не только в социально-экономическом, но и в технологическом отношении, на отрицании принципа разделения государства и религии, на утверждении, что западное общество прогнило настолько, что пути к его спасению нет. Без сомнения, в мировоззрении мусульман, подверженных вирусу радикализма, наблюдается сдвиг в сторону религиозного пуританизма. Этот сдвиг настолько заметен, что превратил исламскую идеологию в наиболее нетерпимую, наиболее воинствующую идеологию в мире. Во многом это произошло как реакция на процесс урбанизации, который независимо от воли исламистов идет в Пакистане довольно быстрыми темпами. «Народный» ислам сдает позиции, а его место занимает пуританский, городской, сугубо антимодернистский, политизированный ислам. Улемы, представляющие этот ислам, утверждают, что предлагаемый ими путь – единственно возможный и правильный для Пакистана и что только следуя этим путем, Пакистан освободится от оков и экономической зависимости от Запада. Далеко не все видят в подобных рассуждениях очевидную и серьезнейшую ошибку. Улемы полагают, что международное сообщество, и прежде всего Запад, не будет предпринимать шагов, направленных на ограничение влияния радикального ислама и его искоренение теми или иными средствами. На самом деле на Западе действительно существует точка зрения, согласно которой следует отказаться от торопливости, дать событиям развиваться естественным образом, и вскоре в связи с отсутствием у исламистов четких социально-экономической и политической программ и неизбежным возникновением противоречий среди исламистского руководства рядовые мусульмане перестанут верить в эффективность радикального ислама, и вся эта система сама собой рассыплется как картонный домик. Теория, которая имеет минимальное число сторонников. Большинство считает, что только силовыми сред-

ствами наподобие тех, что заставили капитулировать талибов в Афганистане, можно искоренить или по крайней мере лишить притягательной силы религиозный экстремизм и дать возможность пакистанским мусульманам начать с чистого листа.

«Умма нам поможет!»

Большинство исламских партий, делающих акцент на духовном упадке Запада, в качестве главного идеологического оружия выдвигает концепцию мусульманской уммы, мирового сообщества братьев по вере, солидарность и единство которых путем политического и экономического давления на остальную часть мира якобы может стать практической и во всех отношениях эффективной альтернативой Западу. Использование силы при этом не обязательно. Как показывает анализ, концепция уммы весьма романтична, но плохо согласуется с действительностью.

Концепция уммы как гаранта успешного развития Пакистана по пути, предлагаемому исламистами, не выдерживает критики. Во-первых, как показывает жизненная практика, такие факторы, как этнос, экономика и лингвистическая принадлежность, на фоне активной пропаганды уммы не только не отступают на задний план, но многократно усиливаются, как бы становясь в оппозицию навязываемой идее. Узы, связывающие людей на бытовом уровне, оказываются гораздо более прочными, чем абстрактные принципы. За 56 лет существования Пакистана возникло немало ситуаций, когда правящие круги были бы не прочь воспользоваться концепцией уммы в своих корыстных целях (например, 1971 г.), но эта система взглядов до нелепости контрастировала с реальностью. Отвлеченные принципы, когда они сталкиваются с реально существующими интересами, всегда безоговорочно отступают.

Во-вторых, когда речь заходит об умме как благодетеле и спасителе, неплохо принять в расчет международное положение Пакистана. Страна является членом SAARK (Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии); она поддерживает деловые связи с шиитским Ираном, а также с Центральной Азией; у нее особые отношения с Афганистаном, смене режима в котором под давлением США она способствовала непосредственно. Кроме того, между отдельными членами уммы непростые взаимоотношения, и Пакистану придется столкнуться в мелких спорах на ту или иную сторону, что неминуемо осложнит его международное положение и негативно скажется на его статусе как члена уммы.

Помимо прочего, далеко не все члены уммы поставят на кон свою безопасность и встанут на сторону Пакистана в случае острой фазы конфликта последнего с соседней Индией, памятуя о ядерном статусе Индии. И вообще выработка серьезной, долгосрочной политической линии в отношении все еще тлеющего южноазиатского конфликта –

гораздо более важная задача, чем малопродуктивные размышления насчет возможной роли уммы в будущем Пакистана. Это мнение трезвых аналитиков улемы раньше или позже должны будут принять во внимание.

* * *

После выборов 2002 г. соотношение политических сил в стране коренным образом изменилось. Муттахида маджлис-е амаль (Объединенный фронт действия, ММА) в составе шести религиозных партий получил в парламенте 53 депутатских места, став второй по значению политической партией Пакистана. ММА намерен исламизировать страну – задача, которая была поставлена Зия уль-Хаком, но выполнена лишь частично. Партия добилась успеха, выступая под исламистскими и антиамериканскими лозунгами, с обещанием радикально изменить политику П.Мушаррафа и добиться введения в жизнь законов шариата. Вскоре после выборов она возглавила правительство в одной из четырех провинций Пакистана – СЗПП и совместно с ПМЛ (К)⁷ сформировала правительство в Белуджистане. Легитимность ММА как второго по величине парламентского блока партий не является несомненной. Верховный суд Пакистана должен будет решить, соответствует ли избрание депутатов от шести исламских партий нормам и требованиям избирательного законодательства страны. Петиция на этот счет подана давным-давно и ждет своего решения. Дело в том, что по принятым в стране правилам, депутаты Национальной ассамблеи и законодательных собраний провинций должны иметь дипломы об окончании университета, в то время как сертификаты об окончании медресе, каковыми только и обладает большинство депутатов от ММА, никак не могут быть приравнены к университетскому диплому.

С практической точки зрения усиление религиозных партий означает ущемление гражданских свобод населения, свободы слова, прекращение реформ, религиозную нетерпимость. Эти партии пока что избегают прямой конфронтации с П.Мушаррафом и армией, но это не значит, что их позиции по основным вопросам внутренней и внешней политики совпадают. ММА заявляет о своей непричастности к продолжающейся инфильтрации боевиков на индийскую сторону Кашмира, но известно, что он активно способствует этому. Фронт смотрит сквозь пальцы на то, что в СЗПП окопалось значительное число талибов, избежавших в пик антитеррористической операции захвата и отправки в американский плен в Гуантанамо.

Формально вступив в союзнические отношения с режимом П.Мушаррафа, ММА добился значительных поблажек, таких как освобождение из тюрем активистов исламских партий, прекращения уголовных дел в отношении многих одиозных деятелей исламистов. В СЗПП и Белуджистане исламизация объявлена официальной политикой, в обеих провинциях запрещена музыка в общественных местах.

Преследованиям подвергаются операторы кабельного телевидения. Проводятся репрессии в отношении владельцев точек видеопроката. Причем, как уверяют представители ММА, это лишь начало исламизации, ее первые шаги. Хотя Фронт отрицает, что его действия – калька действий «Талибана», практические шаги не оставляют сомнений в дальнейшем повышении роли религии в жизни провинций. В ближайшее время ожидается запрет на совместное обучение мальчиков и девочек в школах, сегрегация женщин, включение в программы обучения школ и колледжей обязательного заучивания религиозных текстов. ММА уже обещал разобраться с общественными, неправительственными организациями провинций, занимающимися правозащитной деятельностью. Поощряются рейды студенческих отрядов, представляющих религиозные партии, которым поручено осуществлять «моральный надзор» за поведением граждан. И это лишь начало...

¹ Мн. число от арабского *алим* (ученый-богослов).

² Khalid Bin Sayeed. *Reconstructing Muslim Society* // Dawn, Karachi, March 3, 1998.

³ Saleem Qureshi. *Military in the Polity of Islam – Religion as a Basis for Civil-Military Interaction* // *International Science Review*, vol. 2, № 3, 1981, с. 271.

⁴ Коран, суры 6, 22, 28. – М., 1986.

⁵ W.C.Smith, *Islam in Modern History*. New York, 1957, с. 243–45.

⁶ Ken Booth and Tim Dunne (eds.). *Words in Collision*. N.Y., 2002, с. 32.

⁷ Пакистанская мусульманская лига (Каид-и-Азама), искусственно созданная П.Мушаррафом перед выборами 2002 г. с тем, чтобы отвлечь внимание (в особенности во внешнем мире) от того факта, что на самом деле в стране правит армия.

**ПАКИСТАН:
НА ПОРОГЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА**

В течение последнего десятилетия Пакистан принимает посильное участие в различных международных соглашениях и протоколах по окружающей среде. Так, например, он является постоянным и активным членом программы ООН по окружающей среде и развитию (в частности, Всемирной программы «Устойчивое развитие», подписанной в Рио-де-Жанейро в 1992), Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1994), Киотского протокола о сокращении выбросов парниковых газов (1997), Конвенции о биологическом разнообразии и Конвенции по борьбе с опустыниванием. В 2003 г. правительство приступило к разработке специальных национальных законов о парниковом эффекте, сохранении флоры и фауны, а также о борьбе с опустыниванием.

Тем самым Пакистан признает не только наличие экологических проблем на своей территории (об этом уже было довольно много написано и сказано, начиная с 1960-х годов), но и их значительное обострение в течение последнего десятилетия.

Условно все экологические проблемы современного Пакистана (как, впрочем, и любой другой страны, например, России) могут быть сгруппированы по двум основным направлениям. Во-первых, это истощение природных ресурсов, в основном земельных и водных, и, во-вторых, сильное загрязнение окружающей среды (воздуха, земли и воды), резко негативно отражающееся на здоровье нации. Первая группа экологических проблем традиционно привязана в основном к сельской местности, а вторая – к крупным городам (в данном случае к пакистанскому мегаполису Карачи).

Нарушению экологического баланса как в сельской местности, так и в городах способствует отсталость социальных и экономических структур при относительно медленных темпах их модернизации в условиях демографического взрыва. Естественно, что данная закономерность наблюдается не только в Пакистане, но и в большинстве развивающихся стран начиная с конца 70-х годов XX века. Так, например, анализируя экологический кризис в странах Юго-Восточной Азии, в 1982 г. А.Р.Вяткин писал: «Традиционная община в прошлом действительно, опираясь на опыт десятков поколений, сумела приспособиться к круговороту веществ и энергии в окружающей среде.

Но условием равновесия были крайне медленный прогресс техники и стабильность (или едва заметный рост) численности населения... В настоящее время сам по себе стремительный рост населения в общинах сельских территорий, вызванный воздействием внешних факторов (достижений медицины, санитарии, гигиены), неизбежно способствует экологическим деформациям¹.

Пакистан занимает особое положение среди прочих развивающихся стран по своим крайне высоким темпам роста населения – 2,1% в год. В 2003 г. население страны составило 149 млн. человек (7-е место в мире); при сохранении нынешних темпов роста в 2020 г. в Пакистане уже будет проживать 217 млн. человек². «Основанная на нынешних темпах роста и тенденциях экономика не сможет справиться с растущим населением, и в результате снижение уровня жизни перечеркнет все достижения правительства в социальной сфере», предупреждает Экономический обзор Пакистана за 2002–03 финансовый год³.

Впрочем, тот же обзор ссылается на «обнадеживающие данные» о том, что в стране уже наметились определенные перемены в отношении демографии и к середине 2004 г. темпы роста населения должны, по оценкам, сократиться до 1,8%⁴. Естественно, что для достижения и, главное, сохранения подобных «обнадеживающих» перемен государство будет вынуждено ежегодно выделять повышенные ассигнования. В настоящее время пакистанское правительство уже стремится уделять приоритетное внимание таким направлениям, как социальная политика, здравоохранение, планирование семьи.

Естественно, что при любых достижениях (или неудачах) демографической политики государства население Пакистана будет продолжать увеличиваться, в то время как земельные ресурсы страны весьма ограничены. При этом если в 1980–1990-е годы пакистанские экономисты говорили о необходимости введения в сельскохозяйственный оборот новых земель, то в настоящее время подобное решение проблем «земельного голода» уже абсолютно лишено какого-либо основания.

Общий земельный фонд Пакистана оценивается в 79,61 миллионов га, из которых 59,45 миллионов га составляют зарегистрированные земли. Из общей площади зарегистрированных земель посевная площадь составляет 22,5 млн. га, не пригодные для обработки земли – 24,36 млн. га и лишь 9,15 млн. га – пригодные, но необработываемые земли⁵.

В целом с 1980–81 по 1997–98 финансовый год общая посевная площадь возросла примерно на 19%, то есть в среднем ежегодно она увеличивалась на 1% – за счет введения в оборот новых земель. Вместе с тем усиление процессов почвенной деградации (эрозия, засоление, заболачивание), вызванное распространившейся в долине Инда небывалой засухой, привело к истощению земельного фонда и сокращению посевных площадей почти на миллион гектаров. (Если в 1997–98 г. бы-

ло засеяно 23,04 млн. га, то в 2002–03 – только 22,15 млн. га)⁶. Следует особо отметить, что никогда ранее за всю историю Пакистана в освоении земельных ресурсов, равно как и в сельскохозяйственном развитии страны подобных негативных тенденций не наблюдалось.

Распространившаяся в последние годы засуха (причем не только в Пакистане, но и во всех сопредельных странах – Индии, Иране, Афганистане), по-видимому, лишь усилила процессы почвенной деградации и превратила многие из них в необратимые. Первопричиной подобного экологического бедствия явилось нерациональное, по сути чрезмерное применение химических удобрений и ядохимикатов. Как это ни печально, но в последние годы на полях пакистанских крестьян довольно часто наблюдалась следующая последовательность: теряющая свое естественное плодородие земля требует все новой и новой искусственной подпитки – нерациональное внесение удобрений и ядохимикатов ведет к постепенной почвенной деградации – перманентная и активная химизация приводит к полному почвенному истощению – земля выпадает в разряд полностью непригодных для земледелия.

В последнее десятилетие наметилась еще одна новая тенденция в структуре использования земельных ресурсов. В 1990–91 ф.г. площадь земель, засеваемых более одного раза в год, составляла 5,71 млн. га; к 2001–02 ф.г. она увеличилась на 17,5% и достигла 6,71 млн. га⁷. Оценка подобной тенденции не может казаться однозначной. С одной стороны, это свидетельствует об интенсификации земледелия, столь необходимой при увеличении давления на землю. С другой стороны, нет никаких гарантий того, что подобная активизация севооборотов не приведет через 5–10 лет к новому витку почвенной деградации и выпадению этих культивируемых земель в разряд полностью непригодных для земледелия. (Именно к таким последствиям привела чрезмерная химизация в 1970–1980-е годы, явившаяся, по сути, продолжением широко распространенной в странах тропического пояса «зеленой революции»).

В настоящее время почвенная деградация варьирует по различным географическим районам Пакистана. В горах Гиндукуша и северных предгорий (Гилгит, Балтистан, Дир, Сват) берут начало основные водные артерии, питающие главные водохранилища – Мангла и Тарбела. В последние годы вследствие нерационального сведения лесов как по склонам гор, так и по речным долинам, в северных районах резко усилились процессы почвенной эрозии. Это привело к постепенному понижению уровня воды в обоих водохранилищах, что, в свою очередь, не могло не вызвать трудностей в выработке электроэнергии на двух главных ГЭС, равно как и значительных перебоев в работе основных магистралей ирригационной системы Пакистана. (Напомним, что именно орошаемое земледелие традиционно является основой пакистанского земледелия; в 2002 г. в стране орошалось 18,04 млн. га или свыше 80% общей обрабатываемой площади)⁸.

Суходольные земли (барани) также подвержены эрозионным процессам, которые в последние годы имеют тенденцию усиления и расширения ареалов распространения. Если неправильная распашка склонов и чрезмерное применение удобрений приводят к развитию эрозии и засолению посевных площадей, то чрезмерный выпас скота и уничтожение естественного покрова (в основном кустарниковой растительности на корм скоту и на домашнее топливо) вызывают наряду с развитием овражно-балочной сети, сильную ветровую эрозию. В районах с более засушливым климатом, приравняемых к полупустынным – и пустынным физико-географическим ареалам, естественное распространение имеют проблемы перемещения песчаных дюн, расширения солончаков и засоленных почв. Последние тенденции значительно усилились в конце 90-х годов в связи с климатическими изменениями – развитием парникового эффекта и потеплением климата в глобальном масштабе, равно как и длительной засухой на региональном уровне.

Несмотря на продолжительный засушливый климатический период и, соответственно, на определенное сокращение объемов воды, поступающей для ирригации, главными экологическими проблемами для орошаемых земель по-прежнему остаются заболачивание и засоление. Ежегодно все больше и больше новых площадей выпадает из сельскохозяйственного оборота, в то время как ни государство, ни частные земельные собственники не находят (или не особенно стремятся найти) достаточных средств для рекультивации этих участков.

В отличие от Панджаба и Синда, где расположены главные ареалы орошаемого земледелия, в Северо-Западной пограничной провинции и Белуджистане главной отраслью сельского хозяйства по-прежнему остается отгонно-пастбищное скотоводство (особенно среди пуштунских и белуджских племен). Поэтому традиционной проблемой природопользования в западных районах Пакистана по-прежнему является не столько земельный голод, сколько резкий дефицит водных ресурсов. При этом проблема нехватки воды не только сохраняется, но и обостряется с каждым годом.

Особый дефицит водных ресурсов для полива наблюдается в засушливых районах на западе Белуджистана, где главным источником орошения как небольших полей, так и оазисного садоводства является колодезная система. В последние годы здесь зафиксировано значительное понижение уровня грунтовых вод – не только вследствие засушливости климата, но и из-за увеличения общего объема выкачиваемой воды (как на нужды ирригации, так и для общего потребления).

Если в 70–80-е годы основным направлением социально-экономической политики государства в аграрной сфере было многоплановое развитие сельского хозяйства (механизация, химизация, расширение ирригации и введение в оборот новых площадей), то начиная с 1990-х годов все большее внимание стало уделяться исключительно интенсификации земледелия на уже освоенных землях. Чрезмерная интен-

сивность ведения хозяйства (в первую очередь передозировка применения химических удобрений и ядохимикатов) привела к значительной деградации огромных площадей. Именно поэтому в последние годы государство вновь оказалось вынуждено пересмотреть свою стратегию сельскохозяйственной политики, базируясь теперь на главных принципах концепции «Устойчивого развития». С 2000 г. основное внимание начинает перемещаться от интенсификации земледелия к проблемам сохранения природного равновесия, от распашки новых территорий к расширению площадей под лесными массивами.

Всем доподлинно известно, что уничтожение лесов, особенно в верховьях рек, как это происходило и происходит в Пакистане, чревато негативными последствиями для экологического баланса страны. По данным специального Доклада МБРР, в конце 90-х годов в Пакистане наблюдались одни из самых высоких в мире темпы вырубki лесных массивов⁹.

В 1990–91 ф.г. площадь под лесами составляла 3,46 млн. га; к 1999–2000 ф.г. она возросла более чем на 10% и достигла 4,2 млн. га или 5,0% общей территории страны, однако, согласно официальным данным за 2002–2003 ф.г., она сократилась до 3,81 млн. га¹⁰. В настоящее время 1/3 площади под лесными массивами занимают леса промышленного назначения (так называемый лесозащитный фонд), в то время как 2/3 приходится на леса защитного назначения (национальные парки, заповедники, курортные зоны, водоохранные и почвозащитные насаждения)¹¹. Основные лесные массивы охраняются провинциальными департаментами лесов, однако важное природоохранное значение имеют лесопарковые ландшафты и лесозащитные полосы на территории крупных землевладений. Естественно, что ответственность за охрану частных лесов несет не государство, а сами земельные собственники, которыми в Пакистане традиционно являются помещики-лендлорды.

На территорию, занятую национальными парками, заповедниками дикой природы и курортными зонами, основная часть которых сконцентрирована в северных районах Пакистана, приходится 11,25% общей лесной площади; однако, по мнению экспертов-экологов, их доля должна быть увеличена как минимум до 12,0%¹². В специальном докладе, подготовленном Институтом политики устойчивого развития, было особо отмечено: в повышенной защите со стороны государства нуждаются лесные массивы СЗПП и Белуджистана, где под надежной охраной находится лишь 6% лесов по сравнению с 16% в Панджабе¹³.

При помощи международных спонсоров (различные фонды и программы по охране окружающей среды) с 2000 г. в Пакистане началось осуществление финансирования Проекта по защите охранных территорий общей стоимостью 648,55 млн. рупий. Основные средства планируется направить на сохранение национальных парков в СЗПП, Белуджистане и Азад Кашмире. В 2002 г. правительство приступило к

разработке Программы охраны горных районов, в рамках которой находятся 4 крупных заповедника в СЗПП и Северных территориях; общая стоимость проектов оценивается в 7 млн. долл., однако она будет покрываться внебюджетными ассигнованиями, поскольку не включена в Программу социального развития Пакистана¹⁴.

Вместе с тем правительство было вынуждено с сожалением признать, что в последние годы значительно увеличилась незаконная вырубка лесов даже в заповедных зонах, что не могло не привести к исчезновению некоторых реликтовых пород.

Основными причинами сведения лесных массивов являются растущие потребности местного населения в древесном топливе, равно как и недостаточное финансирование экологических программ¹⁵. Главной же проблемой для современного Пакистана многие экологи считают «не столько размер земель, зарегистрированных как охраняемые территории, сколько слабое управление уже охраняемыми арелалами»¹⁶.

Традиционно острой для Пакистана остается проблема водных ресурсов, однако отношение к ней со стороны государства в последние годы начинает меняться – точнее, оно уже существенно поменяло свою ориентацию. Еще лет 10 назад основное внимание уделялось растущему водозабору для ирригации (в стратегических целях увеличения сельскохозяйственного производства в соответствии с высокими темпами роста населения). Теперь же, с конца 1990-х годов, основной проблемой называют сильную степень загрязненности и засоленности всей речной и грунтовой воды, которая не только поступает в оросительные каналы, но и вынужденно применяется для питья большей частью населения. Отсюда главным направлением водной политики государства становится борьба не за изобилие воды, а за ее чистоту, по аналогии с правительственными программами по восстановлению почвенного плодородия и сохранения лесных заповедников.

Основной причиной сильной загрязненности водных ресурсов является низкая эффективность всего водохозяйственного механизма, охватывающего как ирригационную систему, так и городскую инфраструктуру. Исследования, проводимые в течение последних десяти лет, показали, что по таким природно-естественным качествам, как температура, структура pH, количество растворенного кислорода, речная вода полностью безопасна и для орошения, и для питья. Однако по такому показателю, как количество взвешенных частиц, вода оказалась полностью непригодной для питьевых нужд, особенно из реки Рави¹⁷.

Среди главных источников загрязнения питьевой воды пакистанские экологи выделяют три группы: бактериальные и органические жидкости и взвеси, поступающие с бытовыми сточными водами; токсичные металлы, органические отходы и кислоты и другие промышленные отходы; агрохимическое загрязнение в форме удобрений и

ядохимикатов. Исследование, проведенное Синдским агентством по охране окружающей среды, показало, что основными источниками промышленного загрязнения водных ресурсов являются химические и текстильные предприятия, а также производство сахара, удобрений и растительного масла¹⁸.

В сельской местности в отличие от городской среды процесс загрязнения водных ресурсов уже не сможет быть решен путем строительства очистных сооружений, поскольку он достиг стадии необратимости. Стекающая с орошенных полей вода поступает не только в речные русла, но и в грунтовые слои. Поскольку посевные культуры уже, как правило, не могут впитать все вносимые химикаты, последние вместе с прошедшей орошением водой поступают в колодцы или скважины, а затем – в организмы сельских жителей вместе с питьевой водой. Многие источники уже превратились в непригодные по качеству питьевой воды как из-за растворенных в ней химикатов, так и вследствие повышенной засоленности. В результате с каждым годом все больше новых территорий в сельской местности начинают испытывать дефицит водных ресурсов (не столько в количественном значении, сколько в качественном – исчезает экологически чистая, пресная питьевая вода). Основными ареалами дефицита питьевой воды в сельской местности являются зоны интенсивного орошаемого земледелия – южные районы Панджаба и Синда. Положение уже достигло критического уровня в деревнях, которые расположены в непосредственной близости от крупных городских агломераций (например, Карачи), где колодцы загрязняются не только смываемыми с полей химикатами, но и городскими промышленными и бытовыми сточными водами.

Вместе с тем, придавая повышенную значимость проблемам загрязнения питьевой воды, правительство Пакистана не в праве забывать и о постоянном, хотя и медленном сокращении объемов пресной воды. Главной причиной пересыхания некоторых водотоков, обмеления водохранилищ и понижения уровня грунтовых вод по праву называется небывалая засуха в Пакистане и сопредельных странах наряду с глобальным парниковым эффектом. В 2000–2001 гг. наиболее острый кризис с нехваткой пресной воды наблюдался в Белуджистане: в некоторых районах провинции чрезмерно интенсивное водопотребление путем выкачки из колодцев привело к исчезновению водоносных пластов.

Долгосрочные прогнозы и исследования, проводимые как пакистанскими учеными, так и иностранными экспертами, свидетельствуют, что уже в ближайшие годы с аналогичной Белуджистану проблемой столкнутся и остальные провинции.

Согласно исследованию, проведенному Международным институтом водного хозяйства в 1998 г., Пакистан уже может быть отнесен к разряду стран с дефицитом водных ресурсов и поставлен в один ряд с Афганистаном, Ираном, странами Ближнего Востока и Северной Африки¹⁹.

Исследование основывалось на современных данных и прогнозно-экспертных оценках в потребности пакистанского населения в водных ресурсах на период с 1990 по 2025 годы. По сравнению с 2003 г. население страны к 2025 г. должно почти удвоиться – со 149 млн. до 280 млн.; если общий объем потребляемой воды останется без изменений, то среднее количество воды на душу населения должно сократиться вдвое. В качестве возможных путей решения проблемы международные эксперты предлагают два направления: использование воды по принципу замкнутого цикла как в орошении, так и в промышленности; резко (на 50%) сократить потребление воды на нужды ирригации за счет повышения эффективности всей оросительной системы (снижение потерь на инфильтрацию, переход на замкнутый цикл, строительство мелких дамб, рациональное использование водоносных пластов, повсеместное введение очистных сооружений)²⁰.

В настоящее время правительство, признавая существование проблемы дефицита пресной воды, уже отказалось от расширения ирригационного строительства и постепенно выдвигает на повестку дня вопрос об очистке водных ресурсов. Можно, однако, предположить, что уже в ближайшие годы, особенно если Пакистан вновь столкнется с катастрофическими засухами (а население страны будет продолжать увеличиваться при любых погодных условиях), правительство будет вынуждено более радикально пересмотреть свою водную политику.

Еще одним негативным безусловным следствием повышенной загрязненности питьевой воды является неблагоприятная санитарно-эпидемиологическая обстановка в большинстве районов Пакистана. По данным Экономического обзора за 2000–2001 ф.г., около 20% городского и 47% сельского населения уже испытывали недостаток чистой питьевой воды; по мнению медиков, на отравления загрязненной (часто зараженной) водой приходится до 30% всех госпитализированных больных и до 60% всех смертельных случаев²¹. (Для примера: по прогнозам ЮНЕСКО, более 80% болезней людей по всему миру связано с питьевой водой низкого качества.)²²

Вторым источником, оказывающим неблагоприятное воздействие на здоровье нации, является загрязнение атмосферного воздуха. Естественно, что в отличие от питьевой воды (которую все труднее найти в сельских колодцах) атмосфера в наибольшей степени страдает от антропогенного загрязнения в городах.

По таким показателям, как загазованность и задымленность, которые приводят к возникновению респираторных и онкологических заболеваний, крупные пакистанские города вдвое превышают среднемировые показатели²³. Ежегодно количество автотранспорта на дорогах Пакистана возрастает на 12%, в течение последних 20 лет общее количество машин увеличилось в пять раз – с 0,8 млн. до 4,0 млн.²⁴ Можно предположить, что именно во столько же увеличился объем выхлопных газов, засоряющих городскую атмосферу.

Другим не менее опасным для здоровья и постоянно расширяющимся источником загрязнения воздуха являются выбросы промышленных предприятий – в первую очередь это относится к крупным городам Панджаба. Данные, собранные Министерством по охране окружающей среды, свидетельствуют, что за двадцатилетний период (с 1977–78 по 1997–98) содержание выбрасываемой в атмосферу предприятиями различных отраслей двуокиси серы возросло в 23 раза, двуокиси углерода – в 4 раза; выбросы двуокиси азота только предприятиями энергетики увеличились в 25 раз²⁵.

Традиционным источником загрязнения атмосферы остается каменный уголь, который в больших объемах продолжает использоваться в энергетике, при обжиге кирпича и в домашних нуждах. Правительство в этой связи не без удовлетворения отмечает, что с 1998–99 ф.г. начинает прослеживаться, хотя и медленная, тенденция по сокращению сжигания угля по всем трем направлениям (энергетика, обжиг, отопление) и постепенная замена его природным газом. Подобная направленность, по всей видимости, должна сохраниться в ближайшие годы, но здесь стратегические интересы Пакистана будут опираться не столько на собственные ресурсы, сколько на поставки природного газа из Туркменистана. Радужные надежды и Пакистана, и Туркменистана, равно как и Афганистана, через территорию которого должен пролечь газопровод, оправдаются лишь при стабилизации обстановки в регионе и согласии внешних спонсоров о финансировании проекта.

Естественно, что Пакистан (как, впрочем, и любое иное государство в современном мире) не наделен замкнутым пространством с точки зрения экологии. Все природные процессы и проблемы не могут не подвергаться воздействию со стороны внешних факторов как глобального, так и регионального масштаба. В первую очередь это относится к негативному влиянию на атмосферные явления, равно как и на речную систему страны, поскольку именно воздух и вода не признают никаких государственных границ. Некоторые из этих негативных факторов уже заявили о себе, о каких-то пакистанское общество узнает несколько позднее – через несколько лет, однако на ликвидацию их последствий потребуются уже не одно десятилетие.

К негативным экологическим факторам глобального масштаба относится процесс парникового эффекта. Пакистан по мере своих возможностей приступил к разработке и реализации серии проектов в соответствии с Рамочной конвенцией ООН по изменению климата. Согласно Монреальскому протоколу по сохранению озонового слоя, правительство ввело жесткие ограничения на импорт оборудования, содержащего фреон²⁶. Как правило, все комплексные разработки ведутся при помощи и поддержке международных организаций.

Иное положение в этом плане занимают экологические факторы регионального уровня, которые, во-первых, уже оказали негативное вли-

яние на природную среду Пакистана и, во-вторых, не столь активно привлекают внимание внешних спонсоров на уровне международных организаций. К таким негативным внешним факторам со всей определенностью можно отнести боевые действия на территории соседнего Афганистана, продолжающиеся там почти четверть века – с 1979 г.

Огромный поток афганских беженцев, который хлынул в Пакистан сразу после начала войны в Афганистане, принес с собой много непредвиденных проблем для окружающей среды, не говоря уже о социальных и экономических трудностях и для местного населения, и для правительства страны²⁷. К июню 1990 г. численность афганских беженцев на территории Пакистана достигла своего максимального предела – 3,7 млн. человек, после чего она стала постепенно сокращаться. В последующие годы, особенно вследствие «гуманитарной катастрофы» под властью талибов через пакистанскую границу вновь потянулись переселенцы – только в 2000 г. количество беженцев-афганцев составило 150 тыс. человек. Процесс продолжался до тех пор, пока пакистанское правительство после событий 11 сентября 2001 г. не перекрыло свои границы с Афганистаном. В целом, по официальным данным, к январю 2001 г. на родину вернулось более 1,5 миллионов беженцев, в то время как 2,2 млн. оставались проживать в Белуджистане и СЗПП, в основном в приграничных лагерях²⁸.

Именно эти пакистанские районы и их природа в максимальной степени пострадали от длительного присутствия афганских «гостей», большую часть которых представляли пуштунские племена, традиционно занимающиеся отгонным скотоводством. До окончания «холодной войны» они регулярно получали весомую гуманитарную помощь со стороны ООН, других международных организаций, равно как и различных иностранных спонсоров. Поскольку беженцы не испытывали особого недостатка в продовольствии и никогда не имели сильного стремления к переходу от скотоводства к оседлому земледелию, их продолжительное присутствие в Пакистане негативно сказалось в первую очередь на воде и на лесных массивах.

Доступные источники питьевой воды постепенно начали сокращаться и, как уже было отмечено, именно в Белуджистане в настоящее время ощущается наиболее резкая нехватка колодезной воды. Кустарниковые заросли и дикорастущие деревья варварски вырубались на дрова, в то время как массовый выпас скота привел к усилению ветровой эрозии и необратимым процессам почвенной деградации.

В октябре 2001 г. в Пакистане было опубликовано специальное исследование, выполненное совместной группой пакистанских ученых и Международным союзом по охране окружающей среды, в котором утверждалось, что «афганская политика правительства Пакистана несет полную ответственность за экологическую деградацию страны»²⁹.

По мнению авторов исследования, Пакистан не располагает природными ресурсами для удовлетворения потребностей своего населения. Однако «для завоевания так называемого стратегического влияния в Афганистане, мы принимаем 3 миллиона афганских беженцев, не осознавая того факта, что наши возобновляемые природные ресурсы, такие как вода, воздух, земля и леса, погибают и никогда не смогут быть возмещены притоком долларов»³⁰. На пресс-конференции, посвященной презентации исследования, глава Международного союза по охране окружающей среды д-р Азиф Зайди привел красноречивые примеры в подтверждение подобных утверждений.

Так, например, известны не предававшиеся широкой огласке случаи о вооруженной борьбе за источники питьевой воды между местным населением и беженцами. Некоторые из подобных стычек, например в округе Банну в СЗПП, кончались летальным исходом, однако местная система правосудия не сочла нужным выявить и наказать виновных. По словам Зайди, беженцы до такой степени загрязнили своими нечистотами реку Кабул, что в ней уже не осталось никаких признаков речной жизни.

В качестве убедительного подтверждения негативного влияния беженцев на лесную флору и фауну был приведен округ Дир в той же СЗПП: «Раньше Дир являлся наиболее ярким примером пакистанских лесов, теперь же он напоминает пустыню. Афганские беженцы вырубали все деревья и даже выкопали весь торф, чтобы согреть себя зимой или накормить своих животных»³¹.

Мнение экологов-экспертов, по всей видимости, не явилось неожиданностью для правительства: вот уже на протяжении многих лет графа «Афганские беженцы» постоянно включалась в разделы по населению и экологии в годовых экономических обзорах. Во всех разделах особо подчеркивалось, что массовое присутствие афганских беженцев наносит непоправимый ущерб природной среде Пакистана.

Исключение составил лишь последний обзор – за 2002–2003 ф.г., из чего можно предположить, что эта тема начинает отодвигаться на задний план. Видимо, пакистанское правительство стремится сохранять дружественные отношения как с нынешним афганским руководством, так и с силами международной коалиции, ведущей борьбу с мировым терроризмом. Однако экологические проблемы как таковые остаются неразрешенными, поэтому Пакистану все-таки придется их решать самостоятельно (но при обязательной финансовой поддержке международных организаций).

Вполне допустимо, что в более отдаленной перспективе добрососедские отношения между Пакистаном и Афганистаном могут измениться не в лучшую сторону, притом что причиной раздора станут водные ресурсы. «Особый разговор – отношения с Афганистаном, – писали «Московские новости» еще в 1994 г., оценивая политическую ситуацию в Центральной Азии. – Пока «за речкой» идет война, в упо-

требление там идет не больше 3 кубокилометров воды. Но как только распри прекратятся, тут же воды потребуется минимум в три раза больше»³².

Давая оценку глобальным демографическим тенденциям в XXI веке, В.Я.Белокреницкий также обращает особое внимание на Афганистан. «Тревожная закономерность состоит в том, что чем менее благополучна общая экономическая и политическая ситуация в азиатских и африканских, а также латиноамериканских и тихоокеанских странах, тем быстрее увеличивается, согласно прогнозам..., их население. Характерным представляется пример Афганистана, где численность жителей должна вырасти, по расчетам, с нынешних 21 млн. до 61 млн. человек к середине следующего века. Иначе говоря, зоны высокого демографического давления совпадают с районами низкого экономического роста. Отсюда с очевидностью просматривается накопление факторов глубокой стагнации с возможными всплесками («протуберанцами») внутривнутриполитической и геополитической дестабилизации»³³.

Если «геополитическая дестабилизация» прогнозируется В.Я.Белокреницким на середину наступившего столетия, то нынешняя нестабильная обстановка в Афганистане уже начинает оказывать негативное влияние на пакистанскую природную среду. В отличие от проблем водных ресурсов (связанных в настоящее время с массовым переселением беженцев, а в будущем – с фактором демографического роста), загрязненности воздушного пространства и климатическим изменениям в атмосфере пока не уделяется должного внимания. Вместе с тем негативные последствия войны в соседнем государстве уже начинают проявляться и в Пакистане.

Можно предположить, что боевые действия, которые продолжают в Афганистане с 1979 г. и которые пока нельзя назвать полностью завершенными, привели к существенным климатическим изменениям как в самом Афганистане, так и в соседних странах. В первую очередь это относится к территориям Ирана и Пакистана – именно на них направлена афганская роза ветров. Напомним, что все три государства вот уже в течение пяти лет испытывают небывалую засуху.

В октябре-декабре 2001 г. силы контртеррористической коалиции нанесли по территории Афганистана многочисленные авиаудары, используя при этом высокоточные крылатые ракеты воздушного базирования, а также управляемые бомбы и снаряды (например, 900-килограммовая бомба GBU-31, одна из самых последних разработок Пентагона)³⁴.

Без специальных экспертных оценок пока трудно определить вероятные последствия контртеррористической кампании, которые приведут к изменениям в природной среде как самого Афганистана, так и всего региона. Тем не менее произвольно напрашивается аналогия с войной в Югославии, негативные экологические последствия которой уже зафиксированы в большинстве европейских стран.

Так, по мнению российских экологов, война в Югославии в 90-е годы «привела к серьезнейшим последствиям, непосредственно угрожающим населению Юго-Восточной и Центральной Европы. Тысячи тонн взрывчатых веществ, которые натовские самолеты сбросили на Югославию, в тротиловом эквиваленте равняются нескольким Хиросимам. В этой связи сегодня возникает реальная опасность экологической катастрофы в Европе»³⁵. Эксперты полагают, что повышение концентрации продуктов сгорания привело к закислению атмосферы и выпадению кислотных дождей не только в Югославии, но и в соседних странах, в первую очередь по розе ветров. «Это гарантированно приведет к значительным потерям урожаев сельскохозяйственных культур не только в 1999 году, но по циклу регенерации еще в ближайшие 3–5 лет. Другие, более тяжелые, чем двуокись углерода газообразные и аэрозольные продукты сгорания пораженных объектов... приводят к длительному поражению близлежащих территорий, а другие в результате трансграничного переноса выпадают на удалении 100–1000 км (в зависимости от силы ветра, тепловых атмосферных градиентов и т.п.)»³⁶.

Регенерация почв и водоемов, подвергшихся подобному химическому поражению, по отдельным компонентам может даже при интенсивной культивации потребовать многих лет, даже десятилетий: «Такие химические поражения в качестве сопутствующих и последующих эффектов будут приводить к мутациям флоры и фауны, снижению иммунного статуса населения (мутации, аллергии и расширение групп риска по СПИДу и гепатиту), повышение раковых заболеваний...»³⁷. Кроме того, химические поражения усугубляются и применением НАТО боеприпасов повышенной проникающей способности, снабженных урановыми стержнями: «Малая радиоактивность таких стержней не снижает их экологической угрозы, связанной с экологическими поражениями от повышения концентрации высокоактивных металлов. Это одновременно обеспечивает длительную, на 50–100 лет, неконкурентоспособность пораженных территорий на рынке продовольствия»³⁸.

Одновременно разрушение элементов инфраструктуры, в первую очередь канализации и водоснабжения, а также предприятий фармацевтической промышленности приводит к появлению и (или) продуцированию в атмосфере «биологически активных агентов до концентраций, сравнимых с применением биологических вооружений, воздействующих как на население, так и на животных». «Возникающие при этом эпидемии на фоне неблагоприятных экологических условий могут легко «соскользнуть» в пандемии, для которых не существует континентальных границ»³⁹. Наконец, дополнительным неблагоприятным экологическим фактором является снижение прозрачности атмосферы за счет дымов и аэрозолей, приводящее к нарушению теплового баланса значительных территорий, нарушению установившихся климатических циклов, что «равнозначно применению климатиче-

ских вооружений», последствия воздействия которых «пока надежно не установлены»⁴⁰.

Примеры, касающиеся экологического кризиса в европейских странах, вполне могут в ближайшие годы повториться и на пакистанской территории, расположенной непосредственно в розе ветров Афганистана. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые экологические аномалии уже постепенно начинают сказываться на природе и климате Пакистана (низкое качество питьевой воды, сильная загазованность и запыленность воздуха) и как прямое негативное следствие отражаться на здоровье людей.

К сожалению, такие негативные тенденции, как расширение групп риска по СПИДу и гепатиту, равно как и резкое повышение случаев онкологических заболеваний, начинают фиксироваться лишь в последние годы. Правительство, направляя ежегодно дополнительные ассигнования на нужды медицины и здравоохранения, пока не проводило комплексных исследований, посвященных причинам возникновения этих новых для санитарно-эпидемиологической обстановки страны проблем.

Естественно, что все перечисленные выше негативные тенденции, которые обострились или только начинают проявляться в Пакистане (загрязнение воды и воздуха, почвенная деградация, ухудшение здоровья нации), свидетельствуют о том, что страна уже находится на пороге крупной экологической катастрофы.

Однако, строя прогнозы социально-экономического и экологического развития как на ближайшую, так и на отдаленную перспективу, следует учитывать еще один внешний фактор, способный оказать неблагоприятное воздействие на природную среду не только Пакистана, но и всей Южной Азии. Таким фактором являются непрекращающиеся вооруженные инциденты между Индией и Пакистаном, которые вот уже многие десятилетия ведутся вдоль линии контроля, разделившей бывшее княжество Кашмир на две территории. Следует признать, что именно в Кашмирской долине любая географическая дефиниция (будь то ледник, перевал, русло реки или горный склон, покрытый реликтовым лесом) имеет стратегическое значение не только для двух конфликтующих сторон, но и для всей экосистемы региона. Естественно, что любые военные столкновения в этой уникальной по своим естественным ландшафтам зоне не могут не нанести непоправимого ущерба диким видам флоры и фауны, равно как и не вызвать нарушения водного баланса в верховьях главных рек, питающих Индо-Гангскую низменность.

На последнем аспекте возможной экологической катастрофы в Южной Азии (связанном непосредственно с водными артериями всего региона) хотелось бы остановиться особо.

Осознавая значимость природного фактора в современной геополитике, равно как и на уровне межгосударственных отношений, Индия

уже постепенно принимает определенные попытки так называемого «экологического шантажа» Пакистана. Так, во время очередного обострения индийско-пакистанских отношений в декабре 2001 г. в Индии была озвучена идея «спровоцировать в Пакистане кризис с водоснабжением путем выхода Дели из Соглашения о совместном пользовании ресурсами реки Инд»⁴¹. (Напомним, что Договор о водах Инда и Соглашение о развитии бассейна Инда были подписаны в Карачи еще в 1960 году. В результате Индия получила право использовать воды трех восточных рек – Рави, Биаса и Сатледжа, а за Пакистаном были закреплены ресурсы трех западных рек – Инда, Джеламы и Чинаба)⁴². Несмотря на то, что угроза с индийской стороны осталась в виде неформального предупреждения, она не могла не вызвать повышенной настороженности у Пакистана.

Несколько позднее, в мае 2002 г., в пакистанской печати появилось сообщение о намерении Индии перекрыть каскадом плотин некоторые из верхних притоков реки Кабул⁴³. В случае, если Индия действительно реализует этот проект, то в результате ущерб будет нанесен не только самой реке (которая уже значительно пострадала по вине афганских беженцев), но и всему водному балансу, равно как и общей экологической обстановке в пакистанской СЗПП. Все возможные негативные последствия будут иметь необратимый характер.

Следует вместе с тем признать, что до настоящего времени все вооруженные конфликты между Пакистаном и Индией носили, как правило, ограниченный по времени характер и были локализованы приграничными районами (в основном в Кашмире). В этой связи до сих пор каких-либо серьезных экологических негативных последствий, по крайней мере в пакистанской прессе, отмечено не было. Можно, однако, предположить, что подобная информация появится в недалеком будущем одновременно и в пакистанских, и в индийских СМИ. Нельзя забывать, что любые вооруженные конфликты оказывают отрицательное влияние на природную среду, однако последствия проявляются, как правило, не сразу, а с течением определенного периода, чаще всего через несколько лет. Что же касается процесса восстановления экологического равновесия, то он потребует уже более длительного периода.

Так, например, случилось с войной во Вьетнаме в 60–70-е годы, когда впервые в истории человечества была предпринята попытка целенаправленного и широкомасштабного уничтожения природной среды, причем «объектами поражения были выбраны не вооруженные силы противника, а основные экосистемы Индокитая, целью операции – генерирование широкомасштабной экологической катастрофы»⁴⁴.

После войны во Вьетнаме были «Буря в пустыне» с залитым нефтью Персидским заливом, война в Югославии с наводнениями и засухами в Европе, боевые действия в Афганистане, о последствиях которых в Пакистане только начинают серьезно задумываться. Война

в Ираке с его нефтяным комплексом также вскоре повлияет на экологическую обстановку в сопредельных странах.

Пакистану, к счастью, удалось избежать крупных вооруженных столкновений на своей территории, однако он не в состоянии изолировать себя от соседних стран, равно как и от глобальных проблем современности. Столкнувшись с целым комплексом экологических проблем (как в области рационального использования природных ресурсов, так и связанных с внешними факторами), Пакистан вынужден с сожалением признать, что не располагает достаточными средствами для самостоятельного противостояния приближающемуся экологическому кризису.

¹ Вяткин А.Р. Экологический кризис: Роль демографического фактора (на примере ЮВА) // Народы Азии и Африки, 1982, № 3, с. 93.

² Economic Survey 2002–2003. Government of Pakistan. Islamabad, 2003, с. 177–178.

³ Там же, с. 177.

⁴ Там же, с. 178.

⁵ Там же, с. 233.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же, Statistical Appendix, с. 28.

⁹ Цит. по: Economic Survey 1999–2000. Government of Pakistan. Islamabad, 2000, с. 226.

¹⁰ Economic Survey 1999–2000, с. 226; Economic Survey 2002–2003, с. 233.

¹¹ Economic Survey 1999–2000, с. 226.

¹² Economic Survey 2002–2003, с. 233.

¹³ Там же.

¹⁴ Economic Survey 2000–2001, Government of Pakistan. Islamabad, с. 249.

¹⁵ Там же, с. 248.

¹⁶ Economic Survey 2002–2003, с. 233.

¹⁷ Там же, с. 231–232.

¹⁸ Там же, с. 232.

¹⁹ Dawn Economic and Business Review. Karachi, May 6–12.2002.

²⁰ Там же.

²¹ Economic Survey 2000–2001, с. 247.

²² Независимая газета, 22.03.2000.

²³ Economic Survey 2002–2003, с. 230.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 234.

²⁷ Тема была довольно широко освещена в российской литературе. См., например: Березов Н.Н. Пакистан: проблема беженцев. – М., 1999; Жмуйда И. Пакистан. Эхо афганской войны // Азия и Африка сегодня, 1998, № 6, с. 30–31.

²⁸ Economic Survey 2000–2001, с. 171.

²⁹ Dawn. Karachi, 21.10.2001, с. 19.

- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Кириченко А., Мурсалиев А. Водные войны // Московские новости. М., № 18, 1–8.05.1994, с. 9А.
- ³³ Белокреницкий В. Население мира: что впереди? Геодемография и геополитика будущего века // НГ-Сценарии. М., 1999, № 7, с. 5 (13).
- ³⁴ Независимая газета, 23.10.2001; Время новостей, 6.12.2001.
- ³⁵ Независимая газета, 23.06.1999, с. 1.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Время новостей, 20.12.2001.
- ⁴² Подробнее об истории вопроса см.: Пуляркин В.А. Западный Пакистан. Экономико-географическая характеристика. – М., 1962, с. 119–120.
- ⁴³ Dawn Economic and Business Review, 6–12.05.2002, с. I.
- ⁴⁴ Независимое военное обозрение, № 14, 25.07.1996, с. 8.

ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ПАКИСТАНА: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

В последние два года (2002–2003 гг.) проблема не столько эмиграции, сколько роста денежных переводов от зарубежных пакистанцев вновь заняла важное место в доходах страны.

Прошло уже ровно 30 лет (1973 г.) с момента нефтяного кризиса, который пагубно отразился на экономике развивающихся стран, в том числе и Пакистана. Падение доходов на душу населения, многолетние безрезультатные поиски работы на родине и перспектива трудоустройства и получения высоких заработков за границей служили причиной возросшей эмиграции в регион Персидского залива. В нефтедобывающих странах в результате многократно возросших доходов от экспорта нефти основное внимание было сконцентрировано на развитии новых отраслей и особенно строительства. Импорт как квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силы мог скорее обеспечить нефтедобывающим странам выполнение этих задач.

Проблема эмиграции пакистанцев в другие страны мира в известном смысле имеет более длительную историю, чем само государство Пакистан. Еще до его образования в 1947 г. большие группы населения покидали родные края и переселялись в Англию, Канаду, страны Восточной Африки и некоторые другие. В конце 70-х годов выходцев из Британской Индии можно встретить более чем в 75 государствах мира¹.

Из независимого Пакистана основная масса эмигрантов направлялась в Англию, где и сейчас находится самая большая колония выходцев из этой страны. Причем если в 1932 г. здесь проживало не более 7 тыс. эмигрантов из Британской Индии, то в 1980 г. в Англии насчитывалось более 250 тыс. лиц пакистанского происхождения².

В ближневосточном регионе, который ныне стал главным центром эмиграции из Пакистана, также проживало несколько тысяч пакистанцев. Они имели здесь свои школы, мечети, рестораны, магазины; издавали на родном языке газеты и журналы. Жили замкнутыми общинами и почти не общались с местным населением.

Середина 70-х годов явилась как бы рубежом между более или менее устоявшимися темпами оттока трудовых ресурсов из Пакистана и эмигрантским бумом, охватившим эту страну и ряд стран Азии и Северной Африки.

Энергетический кризис резко ухудшил экономическое положение Пакистана, который оказался, по классификации ООН, среди стран, «наиболее серьезно пострадавших» от нефтяного кризиса. Расходы на нефть возросли с 60 млн. долл. в 1973 г. до более чем 1 млрд. долл. в 1979/80 г. Большие экономические трудности испытывала основная масса населения (ведь более 1/3 жителей страны живет ниже официально установленного уровня бедности), росла инфляция, безработица. Из общей численности рабочей силы в 24 млн. чел. на 1980/81 г. 1,3 млн. официально зарегистрированы как безработные, и еще по крайней мере 10 млн. занимались поисками постоянного места работы³.

Как отмечали пакистанские экономисты, поток эмигрантов значительно возрос также в результате острой политической нестабильности после выборов 1977 г. По оценкам, урон, нанесенный экономике политическим хаосом за 5 месяцев 1977 г., составил более 1 млрд. долларов⁴.

Недоверие значительной части национальной буржуазии режиму З.А.Бхутто, резкое сокращение частной инициативы и капиталовложений объясняли желание многих торговцев и промышленников покинуть страну и перевести средства в нефтедобывающие страны Ближнего и Среднего Востока.

Таким образом, нестабильная политическая ситуация и ухудшение экономической обстановки во второй половине 70-х годов, тяжелое положение народа, рост безработицы, неверие трудящихся в завтрашний день – все это явилось причиной массового оттока трудовых ресурсов из страны.

С точки зрения правящих кругов Пакистана, эмиграция рабочей силы выгодна по двум главным причинам. Во-первых, за счет переводов зарубежных пакистанцев происходил значительный приток крайне необходимой казне иностранной валюты. Рост доходов по этой статье поступлений приблизился к экспортным и достиг в 1979/80 г. 1750–2000 млн. долларов (по разным источникам). К этой сумме надо еще добавить примерно 1 млрд. долларов, которые поступали по неофициальным каналам и в виде ввозимых товаров длительного пользования⁵. Власти страны считали эту статью доходов важнейшим и долгосрочным источником поступлений, способствующим смягчению крайне напряженного платежного баланса.

В 90-е годы произошло падение доходов от зарубежных пакистанцев: в 1990–91 г. они составили 1848 млн. долл., а к 1999–2000 г. упали до 983 млн. Главной причиной явилось сокращение объемов строительства в нефтедобывающих странах, изменение состава трудовых ресурсов – от неквалифицированных и полуквалифицированных рабочих до преобладания в потоке «белых воротничков», а также сокращение оплаты труда лиц первой категории и рост стоимости переводов заработанных средств на открытом рынке. Определенным стимулом, повлекшим рост переводов в начале XXI века, явилось замораживание счетов в иностранной валюте в мае 1998 г. и увеличение

разницы между курсом межбанковским и на открытом рынке, сделавшим более выгодным переводы по официальным банковским каналам⁶. Как уже указывалось, почти половину средств зарубежные пакистанцы отправляли на родину частным путем. Существовали даже две формы этих переводов: «хунди» и «хавала».

После 11 сентября 2001 г. США начали серьезно отслеживать перевод средств от зарубежных пакистанцев по неофициальным каналам, а также все «подозрительные» сделки, которые могли бы использоваться международными «террористическими» организациями. Более того, Государственный банк Пакистана перестал покупать валюту, переведенную на принципах хунди – хавала⁷.

Во-вторых, отъезд тысяч людей из страны несколько сокращает безработицу и в некоторой степени социальную напряженность. Данные о количестве выехавших весьма разноречивы: это связано с тем, что наряду с легальной крайне существенна и нелегальная эмиграция. Большинство источников дают данные о пребывании за рубежом более 1,5 млн. пакистанцев, что составляет 27,2% общего числа рабочих рук в городах⁸. По количеству и по величине валютных поступлений от эмигрантов Пакистан занимал в 70-е годы одно из первых мест в мире. В 2002 г. за рубежами Пакистана проживало 3,7 млн. пакистанцев, и это только тех, кто уехал в поисках работы.

Интересно отметить, что хотя существенная часть выходцев из Пакистана проживает в Европе и Америке, 77% переводов валюты приходилось на страны Ближнего и Среднего Востока, 7% – на Англию, 4% – на США и 12% – на другие страны мира⁹. Это было связано, по всей видимости, с тем, что в развитых странах выходцы из Пакистана получали меньшие зарплаты, чем в нефтедобывающих странах, часто жили там с семьями, поэтому им не было надобности ежемесячно переводить деньги. Кроме того, свои сбережения они чаще вкладывали в местный бизнес – страховые компании, банки, акции и т.д.

После событий 11 сентября 2001 г. в связи с ростом переводов по официальным каналам изменилось и географическое их направление в Пакистан: если в 2000–01 гг. из США поступило 13% переводов, то в следующем году они составили более 30% от всего потока (779 млн. долл.; по другим источникам, достигли 900 млн. долл.). Следующее место занимают ОАЭ (469 млн. долл.). Это связано с тем, что, во-первых, здесь проживает много пакистанцев, и во-вторых, можно легко «отмывать» деньги и посылать их обратно в Пакистан. На третьем месте стоит Саудовская Аравия (376 млн. долл.), за ней следует Англия (151 млн. долл.). Управляющий Госбанком Пакистана Ишрат Хуссаин заявил, что в 2003 г. переводы составили более 350 млн. долл. в месяц, а сумма общих переводов превысила 3 млрд. долл.¹⁰

В социальном отношении поток эмигрантов выглядел в 70–80-е годы следующим образом: 70% составляют неквалифицированные

рабочие, 26% – квалифицированные и 4% – дипломированные специалисты и представители других групп населения¹¹.

До середины 70-х годов основная масса эмигрантов была из северных районов Пакистана и Кашмира. Теперь же, по свидетельству пакистанских экономистов, большинство эмигрантов в страны Ближнего и Среднего Востока является жителями районов Карачи, Лахора и Равалпинди, а в социальном отношении – главным образом представителями средних и низших слоев городского населения, а также безработными или малоземельными крестьянами – жителями сельских районов Панджаба, СЗПП и Белуджистана. В район Ближнего и Среднего Востока возросла и «утечка мозгов», ибо здесь по сравнению с прежними центрами эмиграции – Англией и США – больше шансов найти работу, зарплата выше, отсутствуют расовые притеснения. Все большее значение приобретает выезд квалифицированных специалистов.

Поскольку проблема «экспорта» рабочей силы приобрела государственное значение, правительство Зия уль-Хака делало попытки придать ему организованный и планомерный характер. Это выражалось прежде всего в том, чтобы направлять и контролировать отъезд рабочих через государственные организации, как правило, не ограничивая его. С этой целью в стране были созданы Бюро по эмиграции и трудоустройству пакистанцев за рубежом (переименовано в 1976 г. из Бюро эмиграции) и Корпорация по трудоустройству за границей. Первое из них является государственной организацией, занимающейся определением потребностей в зарубежных странах в рабочей силе из Пакистана на межправительственной основе, а вторая была создана в июле 1976 г. и представляет собой государственную компанию с ограниченной ответственностью, занимающуюся вербовкой пакистанцев для выезда за рубеж. Она была специально организована в противовес частным вербовочным агентствам, многие из которых занимались злоупотреблениями и незаконными операциями, взимая взятки до 5–10 тысяч рупий за визу с каждого отъезжающего¹².

Ввиду незаконной деятельности многих агентств, принявшей огромные размеры, правительство Пакистана было вынуждено принять ряд мер, запрещающих деятельность частных вербовщиков. Число агентств к 1978 г. сократилось с почти 800 до 350. Каждое агентство должно было быть зарегистрировано официальными властями, а его владелец должен был внести в банк залог не 5 тысяч рупий, как это было до ноября 1977 г., а 20 тысяч¹³. Кроме того, в январе 1977 г. было принято новое законодательство, значительно ужесточающее наказание за участие и поощрение к нелегальной эмиграции.

Несмотря на попытки пакистанских властей усилить государственное вмешательство в регулирование оттока рабочей силы и прово-

дить более тщательный учет выезжающих, частный сектор остается пока основным источником оформления и отправки эмигрантов.

Через свои организации в стране и за рубежом правительство Пакистана пытается контролировать поток выезжающих, определять перспективы спроса на пакистанскую рабочую силу. Вышеупомянутая корпорация по трудоустройству установила контакты со многими иностранными клиентами, которым требуются пакистанские рабочие. Пакистанские власти провели также переговоры с международными консорциумами строительных компаний Саудовской Аравии, Японии и Франции по найму пакистанских рабочих на стройки в страны Ближнего и Среднего Востока. Эти консорциумы соорудили в 80-е годы более 50 объектов в нефтедобывающих странах.

Поскольку правительство Зия уль-Хака рассчитывало на долгосрочный приток средств от пакистанцев и впредь, им был разработан план «экспорта» рабочей силы и подготовки квалифицированных кадров для работы за рубежом. В марте 1979 г. была утверждена «Политика по экспорту рабочей силы» и принята программа эмиграции директора пакистанского Бюро эмиграции и экспорта рабочей силы Мохаммада Акбара, ежемесячный выезд пакистанцев на работу за рубеж составляет почти 12 тыс. человек. В 1981 г. планировалось отправить на заработки 200 тыс. чел., в 1982 г. – 250 тыс.

Одновременно с ростом переводов от зарубежных пакистанцев в 2002–2003 г. увеличилось и число выезжавших из страны. Так, за 9 месяцев 2002–03 г. их число составило почти 126,5 тыс. человек, а за этот же период 2001–02 г. – 116 тыс. Причем все они покинули страну через Бюро эмиграции и трудоустройства за рубежом и Корпорацию по трудоустройству за границей. Эти организации планируют в 2003–04 г. отправить за рубеж еще 150 тыс. человек¹⁴.

Корпорация по трудоустройству за границей ищет новые регионы для экспорта рабочей силы, в частности, возможности для лиц любых специальностей в Южную Корею, в США – няnek, в Европу – врачей и няnek. Корпорация намерена посылать в ближайшие годы 4–6 тыс. пакистанцев за рубеж. Ею же создан банк данных для получения работы профессионалами и квалифицированными рабочими. Министерство науки и технологии создает специальную программу подготовки кадров для работы за рубежом и еще 100 тыс. профессионалов в области информационной технологии¹⁵.

Заинтересованные в получении максимальных доходов валюты от экспорта рабочей силы правящие круги Пакистана вплоть до конца декабря 1979 г. не принимали никаких законодательных мер, регулирующих условия работы и жизни эмигрантов за рубежом.

В связи с многочисленными требованиями 24 декабря 1979 г. правительство Зия уль-Хака опубликовало новые Правила, оговаривающие минимальный уровень зарплаты для различных категорий паки-

станских рабочих и специалистов за рубежом, условия медицинского обслуживания и т.д.¹⁶

Значительно больше мер по регулированию эмиграции было принято в самих нефтедобывающих странах, т.к. практически неконтролируемый приток рабочей силы, специалистов и предпринимателей вызывал противодействие со стороны местного рынка труда, недовольство местной буржуазии, которая испытывала усиленную конкуренцию в сфере производства и услуг в связи с въездом торговцев и промышленников. Согласно неполным данным, только в эти страны эмигрировало более 5 тысяч бизнесменов из Пакистана.

В связи с этим некоторые нефтеэкспортирующие страны стали вводить различного рода ограничения на использование труда эмигрантов. Так, в Ливии, Омане и ОАЭ были приняты законодательства, согласно которым иностранный рабочий должен покинуть страну сразу же по истечении контракта и не может быть принят на работу, если он не выполнил прежний контракт. В некоторые страны запрещен въезд рабочих с семьями (например, в Саудовскую Аравию), им разрешено селиться только в специально отведенных местах за пределами городов, запрещалась покупка домов. В Саудовской Аравии иностранцам было запрещено иметь собственный бизнес в торговле и производстве пищевых продуктов – отраслях, приносящих обычно большие прибыли¹⁷. В 1980 г. ряд стран депортировал в Пакистан рабочих. Так, ливийские власти предложили 70 тысячам пакистанцев покинуть их страну, а Саудовская Аравия отправила 10 тысяч, которые после паломничества в Мекку «незаконно задержались» или «нелегально пробрались в нее».

Таким образом, массовый приток рабочей силы, выполняющей созидательную функцию по претворению в жизнь программ экономического развития богатых нефтедобывающих стран, создавал там ряд политических и социальных проблем и вынуждал местные власти вводить ограничения на въезд, проживание и деловую активность эмигрантов.

Позитивное в целом отношение правящих кругов Пакистана к экспорту рабочей силы и специалистов вызывало тем не менее многочисленные возражения со стороны общественности и экономистов. На страницах пакистанской печати высказываются различные точки зрения по поводу того, как отъезд различных категорий рабочей силы и специалистов отражается на социально-экономическом положении страны; как он влияет на производство и потребление; каким образом лучше мобилизовать средства, получаемые эмигрантами за рубежом.

Отмечая положительные стороны экспорта трудовых ресурсов (рост переводов валюты в страну, снижение безработицы и в некоторой степени социальной напряженности), пакистанские экономисты вместе с тем высказывали мнение, что утечка трудовых ресурсов оказывает противоречивое воздействие на социально-экономические проблемы страны.

Что касается самой большой группы отъезжающих – неквалифицированной рабочей силы, то ее отъезд, по мнению экономистов, не только не создает больших проблем, но и имеет свои положительные стороны: большая часть этой категории рабочих не имеет работы в Пакистане и является «взрывоопасным» материалом в политической жизни страны.

Экономисты считали, что поскольку на подготовку этой категории рабочих пакистанское государство израсходовало немного средств, а возвращаются многие из них, уже приобретя квалификацию и опыт, выезд неквалифицированной рабочей силы выгоден для страны. Хотя, конечно, надо учитывать, что для многих из них время наиболее активной трудовой деятельности приходится на период работы за рубежом. Эти обстоятельства в известной мере осложняют точный подсчет потерь и выгод для страны за счет оттока этой категории рабочей силы.

Совсем иная картина складывается в связи с отъездом квалифицированной рабочей силы. Данные официальной статистики показывают, что эмиграция этой категории рабочих отрицательно сказывалась на темпах строительства и работе ряда отраслей промышленности. В последние годы в стране стал ощущаться недостаток некоторых специалистов: техников, механиков, водопроводчиков, плотников и др.

Восполнить подобные потери за счет ускоренной подготовки национальных кадров, как рассчитывают плановые органы страны, оказалось трудновыполнимым и дорогостоящим делом.

Еще одна группа выезжающих – дипломированные специалисты, люди интеллектуального труда. Их эмиграция обычно называется «утечкой мозгов». Убытки от отъезда указанной категории людей, по оценке комиссии МОТ, изучавшей эту проблему, невозможно восполнить валютными поступлениями за счет переводов из-за рубежа, поскольку они определяются не только материальными потерями. На подготовку одного врача расходуется 128 тысяч рупий (а из каждых 1000 врачей, получивших образование в Пакистане, 371 покидает страну), одного инженера – 116 тысяч рупий, выпускника университета – 114 тысяч, а на одного квалифицированного рабочего – 19 тысяч рупий.

В связи с тем, что пакистанское правительство не может обеспечить и создать благоприятные условия для работы врачей, учителей и других специалистов, а в стране существует безработица среди лиц интеллектуального труда, сдержать «утечку мозгов» могут только строгие административные меры.

Несомненно, что массовый отъезд пакистанцев за рубеж оказывает влияние на величину потребления и накопления. Крайне остро встает вопрос и о производительной мобилизации переводов из-за рубежа.

Нельзя не согласиться с мнением многих пакистанских экономистов, что перевод средств из-за рубежа сам по себе приводит к увеличению потребления в Пакистане, т.к. несмотря на высокий уровень стоимости жизни и особенно жилья в странах Ближнего Востока, у лиц,

переводящих свой заработок, остается в 3–5 и более раз больше денег в месяц, чем в Пакистане. Те же, кто получает рупийный эквивалент этих средств, увеличивают расходы. Поскольку основная часть выехавших относится к низшим и средним слоям общества, безработным крестьянам, испытывающим постоянную нехватку средств к существованию, их семьи, получив переводы, повышают расходы на потребление, а не увеличивают банковские счета или капиталовложения. Возросший объем импорта потребительских товаров и особенно предметов роскоши в некоторой мере также объясняется ростом потребления, возрастанием роли «демонстрационного эффекта», вызванным ростом доходов семей, получающих переводы из-за рубежа¹⁸.

Несомненно, что отток квалифицированной рабочей силы отрицательно сказывается и на производстве. В результате отъезда людей высокой квалификации может сокращаться производство, производительность труда и ухудшаться качество продукции. На место уехавших рабочих приходят новые из сельских районов, которые по уровню квалификации и производительности труда не могут сравниться с эмигрантами. Они, однако, получают работу в условиях конкуренции между предпринимателями и нехватки рабочих на данной фабрике или заводе.

Отъезд крестьян за рубеж приводит к тому, что многие из них продают свои наделы земли, чтобы получить деньги на выезд. Поскольку, как правило, их скупают помещики, в деревне происходит укрупнение помещичьих земель за счет обезземеливания мелких крестьянских хозяйств.

Наиболее негативным моментом, вызванным эмиграцией, пакистанские экономисты справедливо считают рост инфляции в стране. В связи с увеличением рупийного эквивалента средств, переводимых зарубежными пакистанцами, возрастает общая денежная масса, не обеспеченная эквивалентным производством внутри страны, а учитывая большие масштабы дефицитного финансирования, проводимого правительством, происходит дальнейшее усиление инфляционных тенденций.

Приезд в отпуск или возвращение пакистанцев на родину связан с ввозом массы товаров длительного пользования, часть которых реализуется по спекулятивным ценам, вызывая активизацию «черного рынка», спекулянтов, различного рода дельцов. Как уже указывалось, поступления от реализации этих товаров и ввоз валюты по неофициальным каналам, которые достигают, по некоторым данным, почти половины от официальных переводов, также наносят ущерб экономике и способствуют росту инфляции.

Переведенные средства, по мнению официальных властей, не находят в значительной своей части выгодного для экономики применения, поэтому в Пакистане разрабатываются многочисленные пути их производительной мобилизации.

В 1979 г. была создана инвестиционная корпорация, специально занимающаяся мобилизацией накоплений выходцев из Пакистана. С этой же целью Пакистан значительно расширил сеть отделений банков в зарубежных странах. За 1974–1977 гг. их количество возросло с 70 до 169¹⁹. Кроме того, четыре из пяти национализированных банков создали смешанные банки в мусульманских странах, а с сентября 1978 г. Государственный банк Пакистана разрешил открыть в Лахоре отделения четырех иностранных банков. Это решение преследует цель облегчить процедуру перевода денег пакистанцами, работающими за рубежом. Предпринимаются попытки «капитализации» денежных переводов путем обмена на них гособлигаций, акций частных промышленных компаний и т.д.

Прежде всего зарубежным пакистанцам предоставляются многочисленные льготы в промышленности: свобода в выборе объекта, импортные льготы при ввозе сырья и оборудования, налоговые скидки. Специальные льготы получают лица, создающие предприятия в экспортных отраслях, а также в зонах промышленной и экспортной переработки. По официальным данным, привлечение средств этих грантов в инвестиции идет медленными темпами, ибо всего только 13% капиталовложений направляется в промышленность, сельское хозяйство и торговлю, 22% – на приобретение недвижимости и 65% – на потребительские цели.

Для лучшей мобилизации накоплений и привлечения будущих застройщиков, особенно из числа пакистанцев, работавших в странах Персидского залива, правительство Зия уль-Хака еще 10 августа 1981 г. разрешило предоставлять им займы на сумму не менее 150 тыс. рупий, но не более 300 тыс. на индивидуальное строительство на исламских принципах участия в прибылях и убытках.

Во второй половине 90-х годов Фонд зарубежных пакистанцев разработал схему, согласно которой эмигрантам выделялось 35 тыс. участков земли для строительства домов. Воплощение в жизнь этой программы идет медленно, ибо многие из них напуганы коррупцией среди чиновников и боятся, что их средства бесследно исчезнут. Кроме того, правительство еще в 1998 г. заморозило счета в иностранной валюте, что значительно подорвало доверие к властям зарубежных пакистанцев²⁰.

Таким образом, отток трудовых ресурсов из Пакистана представляет собой сложное противоречивое явление, оказывающее разнонаправленное воздействие на социально-экономическое развитие этой страны.

Главные его «достоинства» – рост переводов валюты эмигрантами, который, как ожидают, может увеличиться к 2004 г. до 3–4 млрд. долл., некоторое сокращение безработицы и социального напряжения – часто затмевают отрицательные последствия экспорта рабочей силы и профессионалов.

- ¹ Дризо А.Д. и др. Индийцы и пакистанцы за рубежом. – М., 1978.
- ² Pakistan Economist. Karachi, 1978; Quarterly Economic Review of Pakistan, Bangladesh, Afghanistan. London, 1981, с. 12.
- ³ Business recorder, 15.11.1980.
- ⁴ Times. London, 18.06.1977.
- ⁵ Quarterly Economic Review, Ist Quarter. London, 1980.
- ⁶ Pakistan Economic Survey 2001–02. Islamabad, 2002, с. 246.
- ⁷ The News, 05.01.2002.
- ⁸ Muslim, 02.12.1980; Dawn, 10.11.2002.
- ⁹ Dawn Overseas, 24.11.1979.
- ¹⁰ Dawn, 10.11.2002; 02.10.2002; 15.11.2002.
- ¹¹ Dawn Overseas, 24.11.1979.
- ¹² Dawn, 23.09.1976; Viewpoint, 2.04.1978; Pakistan Economic Survey 2002–03. Islamabad, 2003, с. 189–190.
- ¹³ Dawn Overseas, 06.11.1977; Dawn, 11.07.1977.
- ¹⁴ Pakistan Economic Survey 2002–03. Islamabad, 2003, с. 189–190.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Muslim, 31.08.1980; Pakistan Times, 29.12.1979.
- ¹⁷ The Fifth five year plan. Islamabad, 1978, с. 18.
- ¹⁸ Dawn, 21.04.1979; Pakistan Economic Survey, 1979–80. Islamabad, 1980.
- ¹⁹ Journal of Contemporary Asia, vol. 10, № 4. Stockholm, 1980, с. 433.
- ²⁰ Dawn, 16.08.1998.

ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ ПАКИСТАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В наступившем новом тысячелетии успешное развитие любого государства, его роль и место на международной арене во многом определяются образовательным уровнем людских ресурсов, участвующих в создании научного, экономического и социокультурного потенциала страны, что несомненно ведет к актуализации образовательных проблем на современном этапе. Процессы глобализации активизируют стремление мирового сообщества к созданию единого образовательного пространства, способного сформировать атмосферу толерантности, взаимопонимания, мира и согласия между всеми субъектами международного права.

Особую значимость всемерное развитие образования приобретает для молодых государств, освободившихся от колониальной зависимости, к числу которых относится и Исламская Республика Пакистан, являющаяся одной из ведущих стран мусульманского мира, где мусульмане составляют около 97% всего населения. Как свидетельствует официальная статистика, оно превышает 149 млн. человек¹.

К моменту провозглашения независимости Пакистана в 1947 г. уровень грамотности в стране не достигал и 13%. Начальные школы были представлены 8413 учебными заведениями. Из них всего 1549 школ предназначались для девочек. В начальных школах обучалось 770 тыс. учащихся, включая 110 тыс. учениц. Разительная тендерная диспропорция наблюдалась и на последующих ступенях обучения. В 2190 неполных средних школах, из которых только 153 предназначались для школьниц, обучалась 221 тыс., учащихся, среди которых насчитывалась 21 тыс. девушек. Количество полных средних школ достигало 408 учебных заведений. В них обучалось 58 тыс. человек. Лишь 64 полные средние школы предназначались для 7 тыс. девушек. В университетах страны обучались 664 студента, включая 56 студенток².

Столь низкие показатели уровня образования во многом были обусловлены тем, что созданная колониальными властями школа европейского типа заметно потеснила позиции существовавшей здесь ранее традиционной мусульманской системы просвещения, представленной теологическими учебными заведениями (мактаба, мадраса и дар ул-улум). Колониальная система образования, не-

смотря на ее продвинутость, не была рассчитана на широкий охват обучением индийских мусульман, которые в отличие от индусов изначально отнеслись настороженно к попыткам модернизации образования по западному образцу. Она была чужда по своей сути мусульманской общине, не отвечала ее религиозным, социокультурным традициям и потребностям, поэтому мусульмане долгое время не проявляли к ней заметного интереса. Неудивительно, например, что соотношение студентов-индусов к мусульманам в высших учебных заведениях колониального периода составляло, по данным 1880 г., 25:1³.

С обретением независимости молодому государству было необходимо в кратчайшие сроки создать национальную систему образования, отвечающую задачам его социально-экономического, политического и культурного развития. Разработка концепции национальной системы просвещения в Пакистане шла по двум направлениям: традиционалистскому, отражавшему идейные взгляды А.А.Маудуди (1903–1979), ратовавшего за возврат к мусульманским корням и полный отказ от западного педагогического опыта; и модернистскому, в основе которого лежали педагогические идеи исламских реформаторов С.А.Хана (1817–1898) и М.Икбала (1877–1938). Основатель Пакистана и его первый руководитель М.А.Джинна (1876–1948), разделяя взгляды последних, выступал за создание в стране интегрированной модели обучения и воспитания, сочетающей в себе достижения западной цивилизации с нормами и ценностными установками ислама. В своем послании Всепакистанской конференции по вопросам образования (1947) – первому общенациональному мероприятию в сфере просвещения – он, в частности, подчеркивал, что для достижения «реального, быстрого и существенного прогресса в обществе нам следует ... привести нашу образовательную политику в соответствие с духом нашего народа, его историей и культурой, а также с современными процессами ускоренного развития стран мира»⁴.

Надо отметить, что традиционалистский и модернистский подходы к формированию национальной системы образования находились на всем протяжении исторического развития пакистанского общества в постоянном противоборстве и имели различную степень востребованности на том или ином этапе государственного становления.

Исламский статус пакистанского государства, закрепленный во всех трех конституциях страны (1956, 1962, 1973), носил с момента провозглашения независимости до 1977 г. в основном декларативный характер, так как внутренняя и внешняя политика страны в данный период, по существу, была светской и реализовывалась в государственных институтах преимущественно западного образца. Однако наряду с ними в структуру Пакистана включались и отдельные исламские институты, призванные гарантировать соответствие государственной жизни принципам ислама.

Так, статья 31 Конституции 1973 г. закрепляла религиозную направленность образования и воспитания в общеобразовательных школах. В ней, в частности, говорится: «Изучение Священного Корана и исламиата обязательно, кроме того, следует поощрять изучение арабского языка»⁵. В соответствии с реформой образования (1972) исламиат (закон божий) стал обязательным предметом обучения в начальной и средней школе. Для изучения пакистанцами арабского языка, на котором написан Коран, были созданы специальные учебные телепрограммы.

Наибольшее распространение исламизация сфер жизнедеятельности пакистанского общества получила в период правления Зия уль-Хака (1977–1988), поставившего ислам на защиту своих политических интересов. На основе принятой в 1978 г. новой национальной политики в области образования правительство создало государственный Комитет по исламизации просвещения с целью «развития и формирования у молодого поколения в соответствии с положениями Корана и Сунны характера, поведения и образа жизни, достойных праведного мусульманина», в программе указывалось на необходимость пересмотра учебников и учебных планов общеобразовательной и высших школ на основе исламской идеологии⁶.

По официальным данным, в результате проведения этой политики к 1981 г. из 551 учебника, действовавшего в стране, были изъяты все «антиисламские» материалы. Арабский язык стал обязательным предметом для учащихся VI–VIII классов общеобразовательной школы⁷.

Начиная с 1981 г. в учебный план вузов в качестве обязательных предметов вводились исламиат и пакистановедение. Этим двум учебным дисциплинам отводилась главная роль в формировании исламского мировоззрения, мусульманского образа жизни у пакистанской молодежи. Как подчеркивалось в предисловии к учебнику «Пакистановедение» для высших учебных заведений, «цель этого обязательного курса – дать логическое обоснование необходимости возникновения Пакистана. Это будет способствовать не только укреплению веры и чувства патриотизма у молодежи, но и окажет воздействие на их физическую и моральную подготовку в борьбе против всякого рода посягательств на идеологию Пакистана»⁸. Изложенный в данном учебнике материал в целом соответствовал программам этого курса на всех других ступенях обучения. В них превозносилась «избранность» мусульман Аллахом по отношению к другим народам и утверждалось деление людей на «верных» и «неверных». В одном из учебников по исламиату для высших учебных заведений указывалось, что «в мире существует только две нации: одна – мусульмане, другая – «кафиры» (немусульмане, отвергающие веру в Аллаха)⁹.

Идеи исламского вероучения в их жесткой ортодоксальной трактовке нашли отражение во всех курсах социально-политических, гу-

манитарных и естественно-научных дисциплин общеобразовательных и высших учебных заведений страны.

Исламизация, предпринятая правительством Зия уль-Хака, затронула и сферу научных знаний. На Всеисламской научной конференции, состоявшейся в Исламабаде в ноябре 1983 г., была высказана необходимость замены современной науки так называемой «исламской наукой», основой которой является Коран и его интерпретация в естественно-научном, филологическом и общественно-политическом аспектах.

Главными защитниками исламской науки и образования в стране выступали пакистанские традиционалисты во главе с А.А.Маудуди, основавшим религиозно-общинную партию «Джамаат-и ислами» (1941). В ее лице военный режим Зия уль-Хака нашел поддержку проводимой им политики исламизации пакистанского общества. Так, в одной из своих лекций по исламскому образованию А.А.Маудуди, в частности, высказал негативное отношение к преподавателям, ведущим учебные курсы по ряду предметов естественно-научного цикла без опоры на ислам: «Анализ сущности современного образования и обычаев сразу же показывает их противоречие сущности исламского образования и обычаев. Вы преподаете молодым умам философию, которая стремится объяснить вселенную без Аллаха. Вы преподаете им естественные науки, которые лишены доказательств и здравого смысла. Вы преподаете им экономику, юриспруденцию, социологию, по духу и сущности отличающиеся от учения ислама. И вы все еще ожидаете сформировать у них исламскую точку зрения на жизнь?». При таком обучении, где духовное отделено от мирского, достичь цели исламского образования, на его взгляд, невозможно. Для этого, по его мнению, необходима новая система образования, которая «не требует введения еще одного курса духовного обучения. Вместо этого все предметы должны быть заменены на религиозные («диниат») курсы»¹⁰.

Такой подход реализовывался через сеть религиозных школ, структурно вошедших в традиционную мусульманскую систему просвещения, которые в незначительном количестве продолжали функционировать в стране параллельно с современной системой образования, выстроенной по западной модели. За весь период правления военных количество таких школ возросло более чем в три раза и составило к началу 90-х годов 2500 мадраса, из которых 98% были суннитскими учебными заведениями, а 2% – шиитскими. В них обучалось до 225 тыс. учащихся.

Этот всплеск религиозного образования был обусловлен рядом причин. В стране начиная с 1981 г. впервые стала осуществляться государственная поддержка традиционной мусульманской системы образования через отчисления от сборов религиозного налога (закят), составлявших до 10% от его общего количества. Эти допол-

нительные финансовые ресурсы для лояльных военному режиму теологических учебных заведений (помимо других поступлений из многочисленных зарубежных исламских фондов) существенно увеличили их бюджеты и составили примерно одну треть их ежегодных доходов¹¹. Кроме того, уже с 1981–82 учебного года уровни религиозных школ всех ступеней стали приравниваться к степеням формальной системы образования, что предполагало расширение для их выпускников возможностей трудоустройства и занятости на рынке труда. Впоследствии это еще позволило выпускникам теологических учебных заведений в связи с введением образовательного ценза для кандидатов в члены парламента принять участие в последних парламентских выборах (2002) и впервые в истории страны обеспечить в нем религиозным партиям третье место по количеству депутатов.

Созданный в 1979 г. Национальный комитет по религиозным школам разработал ряд мер по изменению содержания обучения в них. Теологические учебные заведения становились более привлекательными для учащихся из беднейших слоев населения, включая жителей сельской местности и афганских беженцев. Во многом это происходило из-за того, что обучение в них было бесплатным. Помимо этого ученикам в период обучения предоставлялись бесплатное проживание и питание. Фактически религиозная система образования превратилась в альтернативу государственной системе формального обучения и воспитания, не справлявшейся самостоятельно с предоставлением образовательных услуг широким слоям населения.

Между тем, именно в этот период многочисленные политические партии религиозного толка получили широкую возможность для институализации своей власти через систему открывавшихся подконтрольных им теологических учебных заведений, которые, по мнению пакистанского общественного деятеля и публициста Тарика Али (1943), «выполняли единственную функцию. Они представляли собой питомники по идеологической обработке взращиваемых фанатиков»¹². Именно они впоследствии стали пополнять ряды враждующих религиозно-политических группировок внутри Пакистана, чье соперничество фактически не перестает ослабевать с середины 80-х годов до наших дней. Эти обученные солдаты «джихада» подпитывали, начиная с 1989 г., наиболее агрессивных настроенных участников движения сопротивления властям в Кашмире, а также составили основной костяк отрядов движения «Талибан», столь, казалось, неожиданно для всех возникшего осенью 1994 г.

Трагические события 11 сентября 2001 г. вызвали новую волну неподдельного страха и подозрительного отношения Запада к мусульманскому миру в целом и его традиционным институтам, в частности. Их стали напрямую связывать с джихадом, ростом насилия и террора как на глобальном и региональном, так и на государственном уровнях. Однако подобная исламофобия, отождествление всех тео-

логических исламских учебных заведений с терроризмом неправомерны и опасны, т.к. могут привести к крайне негативной реакции со стороны мусульман, считающих свои традиционные институты просвещения главным инструментом передачи религиозных взглядов, сохранения культурной самобытности и идентичности. Следует понять, что нельзя допускать политизации ислама и попыток использования его в целях легитимизации той или иной власти, ведущих к радикализации ислама, приданию ему воинствующего характера. Свидетельством тому как раз и может служить опыт Пакистана.

Руководством страны предпринимаются конкретные меры по обузданию волны насилия и террора, не утихающих столкновений на религиозно-общинной почве. Можно сказать, что этнический и воинствующий религиозный экстремизм представляет собой главную угрозу внутренней безопасности и целостности страны, способен разжечь в ней пламя гражданской войны. Прецедент войны на этнической почве уже имел место в Пакистане. В результате нее в 1971 г. произошло отделение Восточного Пакистана от Западного и образование независимого государства Бангладеш. Разногласия на этнической почве происходили также в 70-е годы в провинции Белуджистан, а также в Синде (1970, 1972). В последнем столкновении на этнической почве после создания крайне радикальной партии урдуязычных мусульман-мигрантов из Индии под названием «Национальное движение мухаджиров» (1982) приобрели постоянно текущий характер.

Конфессиональная однородность пакистанского государства, как она виделась его создателям, первоначально получила трещину еще во время антиахмадийских выступлений суннитов (1954, 1974), требовавших официального отлучения этой модернистской секты ахмадийя от ислама. Существующие различия между самими суннитскими масхабами, а также суннитско-шиитская рознь способствуют росту религиозной нетерпимости и экстремизма, нагнетаемому многочисленными религиозно-политическими партиями и группировками страны. В результате столкновений на религиозно-общинной почве только в 2001 г., по официальным данным, погибло более 400 пакистанцев¹³.

Одной из основных мер государства по предотвращению вливания пакистанской молодежи в подобные экстремистские движения является проведение в стране с августа 2001 г. реформы традиционной мусульманской системы образования. Она предусматривает достижение государственного контроля как за деятельностью 20 тыс. мадрас, в которых проходит обучение более 3 млн. пакистанцев, так и за их управлением, а также финансированием¹⁴. Реформа предполагает усиление общеобразовательного аспекта в содержании обучения религиозных школ, их сближение с современной школой светского обучения. В конечном итоге она направлена на то, чтобы религиозные учебные заведения далее не могли, по заявлению президента Пакистана генерала Первеза Мушаррафа, «использоваться для рас-

пространения политических и религиозных предрассудков». В своем телеобращении к нации от 12 января 2002 г. он также заявил, что, «если под прикрытием мадраса или мечети осуществляется подрывная пропаганда, идет торговля оружием, мы немедленно закроем эти заведения. Мы не позволим фундаменталистам создать государство в государстве»¹⁵. Решимость президента Пакистана в практической реализации данной реформы прозвучала и в ходе беседы с ним автора данной статьи, состоявшейся во время его официального визита в Москву в феврале 2003 г. Вместе с тем наличие в сагане традиционалистски настроенной оппозиции, обладающей значительной силой и властью, не обещает скорого и плавного реформирования системы религиозных учебных заведений.

В соответствии с Планом действий в области образовательной реформы по секторам (2001–2005), осуществляемым в рамках Плана действий, разработанного с учетом рекомендаций ЮНЕСКО по образованию для всех (2000–2015), на включение религиозных школ в общий поток светского обучения (с помощью обновления их учебных планов и программ, внедрения современных технических средств в учебный процесс и т.п.) выделяется до 14% от всех средств, направляемых на развитие национальной системы образования. Их количество планируется довести со 148 мадраса в 2001 г. до 8000 – к 2005 г.¹⁶ Одновременно с этим в учебные планы общеобразовательных школ предусматривается введение обязательного предмета по изучению Корана (I–VIII классы) и его перевода (IX–XII классы) с целью усиления религиозного аспекта в содержании обучения. В конечном итоге все эти мероприятия, как и предыдущие реформы образования (1970, 1972, 1979, 1992, 1998), направлены на выработку интегрированной модели обучения и воспитания, сочетающей в себе достижения мирового педагогического опыта и исламской культуры.

Следует отметить, что за годы независимости Пакистаном достигнуты определенные сдвиги в развитии системы образования, расширении ее инфраструктуры и доступа к ней населения страны. По официальным данным, к 2002 г. в стране функционировало 169087 начальных школ, в которых обучалось 19,92 млн. учащихся. Количество неполных средних школ достигло 19180 с контингентом учеников до 4,28 млн. человек. В 13108 полных средних школах получали образовательную подготовку 1,79 млн. учеников. Высшая школа Пакистана представлена 68 университетами (28 из них принадлежат частному сектору), где обучается 1,1 млн. студентов. Более 88 тыс. учащихся получают среднее специальное образование в 498 профессионально-технических учебных заведениях страны. Уровень грамотности населения Пакистана увеличился до 50,5% (среди мужчин он достигает 63%, среди женщин – 38%). При этом в городской местности уровень грамотности составляет 70%, а в сельских районах грамотой владеют только 30% жителей¹⁷.

Однако данный количественный рост все еще отстает от социального спроса на образовательные услуги, не соответствует потребностям социально-экономического развития государства и ограничивает возможности его ускоренной модернизации.

Нерешенность образовательных проблем во многом детерминирована характерной для Пакистана политической нестабильностью; вовлеченностью во внешние региональные конфликты (в Афганистане, Индии), что ведет к росту военных расходов за счет социальной сферы; сложной демографической ситуацией (ежегодный прирост населения превышает 2%), усиливающейся бедностью основной массы населения¹⁸.

Улучшение ситуации в области образования планируется осуществить за счет расширения образовательной инфраструктуры для обеспечения доступа всех слоев населения к получению знаний через систему формального и неформального обучения, включая религиозные учебные заведения (особенно в сельской местности); повышения уровня грамотности до 86% к 2015 г. путем поэтапного введения всеобщего базового начального образования (для мальчиков к 2010 г., а для девочек – к 2015 г.) и ликвидации неграмотности среди взрослых (с упором на образовательные программы для женщин); улучшения качества образования, включая диверсификации обучения и внедрение инновационных программ, при активном развитии профессионально-технического и высшего образования; децентрализации управления и финансирования системы просвещения с привлечением в нее частного предпринимательства и неправительственных организаций; расширения подготовки педагогических кадров и повышения их квалификации; совершенствования экзаменационной системы и учебных программ; популяризации информационных технологий среди учащихся всех ступеней системы образования и введения компьютерного обучения¹⁹.

Выступая на конференции по реформированию национальной системы образования, состоявшейся в столице Пакистана Исламабаде (2000), глава государства генерал П.Мушарраф указал на необходимость широкого внедрения в сферу просвещения информационных технологий, способных вывести ее на качественно новый уровень. Более 300 городов страны подключены в настоящее время к глобальной сети «Интернет»²⁰. Функционируют 27 учебных заведений по подготовке более 22 тыс. специалистов-компьютерщиков²¹. Планируется открыть ряд университетов по обучению квалифицированных специалистов в области высоких технологий.

Руководство страны понимает, что залогом силы и мощи пакистанского государства в новом XXI веке является наличие высокого образовательного, научного и интеллектуального потенциала, способного обеспечить благополучие страны, защитить его экономические интересы и безопасность. Так, выступая на открытии первого в

стране Пакистанского сити науки и высоких технологий в г. Лахоре (2000), П.Мушарраф подчеркнул, что «Пакистан не будет принимать участие в региональной гонке вооружений. ... Создание экономически сильного Пакистана является главным в защите от внешней агрессии. Поэтому возрождение национальной экономики стоит во главе деятельности правительства. В качестве одного из приоритетов в достижении экономического роста Пакистана правительство страны рассматривает развитие и использование информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и образовании»²². Эта мысль прозвучала и на международном симпозиуме Российско-пакистанского экономического сотрудничества, состоявшемся в Москве 8 октября 2003 г.

Крайне важно, чтобы государство не ограничивалось простым декларированием очередной образовательной политики, а предпринимало конкретные меры по модернизации национальной системы образования и приведению ее в соответствие с требованиями нового тысячелетия, опираясь на положительный опыт как традиционной мусульманской, так и мировой культуры.

¹ Economic Survey 2002–03. – Government of Pakistan, Finance Division, Economic Adviser's Wing. Islamabad, 2003, с. 179.

² Pakistan Economic Survey 1983–84. – Government of Pakistan, Economic Adviser's Wing, Finance Division. Islamabad, 1984, с. 222–225.

³ Iqbal A. Bhatti. Pakistan Affairs. / For Federal Public Service Commission. Provincial Public Service. Commission Competitive Examinations. Lahore: Bhatti Publishers, 1988, с. 205.

⁴ Quaid-i-Azam Mohammad Ali Jinnah. Speeches as Governor-General of Pakistan 1947–1948. Karachi, 1962, с. 36.

⁵ Yusaf M.M. The Pakistan Study. Textbook for Graduate and Post-Graduate Classes. Karachi, 1990, с. 237.

⁶ Zaman U.S. Banner Unfurled. A Critical Analysis of Developments in Education in Pakistan. Karachi: Royal Book Company, 1981, с. 245.

⁷ National Education Policy' 92 (1992–2002). Islamabad: Ministry of Education, 1992, с. 13.

⁸ Yusaf M.M. The Pakistan Study. Ibidem... – С. 1.

⁹ Lazmi, M.A. Tehfeem-i-Islamiyat. Textbook for Graduate Classes. Punjab Textbook Board. Lahore, 1987, с. 1.

¹⁰ Dawn. Karachi, 01.11.98, с. 6.

¹¹ Jamal Malik. Traditional Islamic Learning and Reform in Pakistan. / ISIM Newsletter. Leiden, 10.2002, с. 20.

¹² Tariq Ali. The Clash of Fundamentalisms. Crusades, Jihads and Modernity. London: VERSO, 2003, с. 196.

¹³ Text of President Musharraf's Address to the Nation. (www.daw.com/2002/01/13_speech_020112.htm)

¹⁴ Jamal Malik. Ibidem... – С. 21.

- ¹⁵ Text of President Musharraf's Address to the Nation. Ibidem...
- ¹⁶ Economic Survey 2002–03... – C. 161, 165.
- ¹⁷ Economic Survey 2001–2002. Government of Pakistan Economic Advisor's Wing. Finance Divisio. Islamabad, 2002, c. 147.
- ¹⁸ Economic Survey 2002–03... – C. 179.
- ¹⁹ The News. Islamabad, 08.09.2001, c. 19.
- ²⁰ Там же, 09.11.2000, c. 18.
- ²¹ Economic Survey 2001–2002... – C. 146.
- ²² Pakistan Observer. Islamabad, 13.03.2000, c. 1.

**СЕВЕРНЫЙ ИРАК:
КОНФЛИКТ МЕЖДУ КУРДАМИ И ТУРКМАНАМИ**

Иракские турки, иракские азербайджанцы или туркмены (Turkoman) являются третьей по численности (около 2 млн. человек) этнической группой Ирака после арабов и курдов. Туркмены исторически создавали культурную буферную зону между арабами на юге и курдами на севере. Несмотря на многовековую оторванность от остального Азербайджана, иракские турки сохранили свой язык, обычаи и духовную культуру. Культурным, научным, экономическим центром азербайджанских тюрок в Ираке считается город Киркук. Кроме Киркука туркмены проживают в городах Багдад, Мосул, Эрбиль, Ханакин, Телефер, Тоз Хурмату, Кифри, Гызыл Рыбат и др.

Официально литературным языком иракских тюрок считается киркукский диалект турецкого языка. Иракские туркмены исповедуют ислам как шиитского, так и суннитского толка. Около 30 тысяч исповедуют христианство. Большая часть христиан проживает в Киркуке. Сельское население живет на равнине, здесь крестьяне производят пшеницу и ячмень (до 90% пшеницы и 40% ячменя, выращиваемых в стране). Вся эта территория омывается рукавами рек Тигр, Дияла, Беюк эль-Заб и др., что делает ее пригодной для земледелия. В горных районах Иракского Курдистана также есть несколько деревень с чисто туркманским и смешанным населением.

Большая часть арабских исследователей считает, что турки начали переселяться в Ирак с конца VII в. Уже во времена правления халифов из династии Омейядов (661–750 гг.) на их службе находились особые войска, сформированные из тюрок-огузов. Впервые о массовом переселении тюрок в Ирак упоминают арабские историки Белазури и ат-Табари, относя начало процесса к 673 г. Арабские династии Омейядов и Аббасидов (749–1258 гг.) относились к неарабскому населению вполне лояльно. Переселявшееся в VII-X вв. в южный Ирак тюркское население в основном было из Туркестана и Средней Азии. Массовое переселение огузов в Ирак продолжалось вплоть до XIII в. После укрепления в Халифате сельджукской элиты и прихода ее к власти в 1055 г. процесс переселения огузов усилился.

Со времен первого правителя из династии Аббасидов Джафара аль-Мансура (774–775 гг.), т.е. с середины VIII в., начинается

укрепление позиции тюрок как среди военной, так и политической элит. Личная гвардия знаменитого багдадского халифа Харуна ар-Рашида (786–809 гг.) состояла только из тюрок, что само по себе уже свидетельствует об уровне доверия к ним в Арабском халифате. Влияние тюркской элиты в высшем политическом руководстве халифата еще более усилилось во времена халифа Му'тасима (833–842 гг.). Известный арабский историк Ас-Су'юти отмечает, что Му'тасим во время церемонии по случаю провозглашения его султаном «был облачен в тюркскую национальную одежду»². Его мать была из рода тюрок, и халиф, окружив себя родственниками по линии матери, стремился укрепить их позиции в войске и в политическом руководстве халифата. Опираясь на тюркскую элиту, Му'тасим нанес поражение Византии и подавил восстание Бабека (837 г.) в Азербайджане. Уже в X-XI вв. в Самарре, Мосуле, Киркуке, Эрбиле, Тикрите и других населенных пунктах Ирака компактно проживало лишь тюркское население.

С приходом сельджуков в XI в. турки начинают играть главную роль на всем Ближнем и Среднем Востоке. Но с падением халифата Аббасидов в 1258 г. был положен конец и тюркским эмиратам сельджуков. Весь Ирак, как и весь Средний Восток, попал под власть татаро-монгольского государства Ильханов (1258–1338 гг.), основанного Хулагу-ханом. Столицей нового государства стал город Марага в Южном Азербайджане. Вскоре монголы полностью смешались с родственным им местным населением. С 1341 г. Ирак, как и весь Средний Восток, находится под властью тюркско-азербайджанского государства Джалаиридов (1341–1431 гг.), затем государств Кара-Коюнлу (1380–1468 гг.) и Ак-Коюнлу (1378–1508 гг.), территория которых охватывала часть современного Ирака, Азербайджана и Восточной Анатолии. В период войн между Османами и Сефевидами Ирак трижды попадал под власть азербайджанского государства Сефевидов. В первый раз – в 1565–1523 гг., во второй – в 1529–1534 гг. и наконец, – в 1622–1638 гг. После этого вплоть до 1918 г. Ирак находился в составе Османского государства.

На первых этапах в переселениях тюрок в Ирак главную роль играли огузы (и частично кыпчаки). Однако начиная с XVI в. основную массу составляют турки, мигрировавшие из азербайджанских земель. Часто это переселение проводилось азербайджанскими правителями для укрепления своего влияния в Ираке. Особенно интенсивно этот процесс осуществлялся при основателе династии Сефевидов шахе Исмаиле I (1501–1524 гг.).

По мнению известного турецкого ученого М.Ф.Кепрюлю, большая часть современных иракских тюрок является потомками выходцев из азербайджанских земель, о чем свидетельствует анализ диалектов, фольклора, особенностей их литературы, обычаев и традиций. Следует напомнить о том, что семья великого азербайджанского поэта

Мухаммеда Физули жила в Ираке, куда его родные – из племени Баят – переселились из Азербайджана из-за феодальных распрей. Сам Физули родился в городе Кербела, где прожил до конца жизни, сочиняя свои произведения.

Туркманский язык можно считать диалектом азербайджанского языка. Основные диалекты, на которых говорят иракские турки, следующие: диалект населения Киркука и Дагуга; диалект населения Тоз Хурмату; Телефер; Куфри и Гаратепе; Ханикин и Гызыл Рыбат; Эрбиль и Алтун Керпю³.

Языковым проблемам посвятил свое исследование турецкий ученый А.Бендероглу. Его труд «Ат-туркман фи-ль-Ирак ва-с-саура» (Туркманское население в иракской революции) был опубликован в Багдаде в 1973 г. Однако в период правления партии Баас молодежь не могла обучаться на родном языке. Если до 1937 г. лишь в нескольких школах осуществлялось преподавание азербайджанского языка, а в Киркуке его изучали как иностранный язык, отдавая ему несколько часов в неделю, то в 1937 г. азербайджанский язык был полностью изъят из школьной программы. Преподавателей азербайджанского языка нередко ссылали на юг страны и даже отдавали под суд за попытку нелегально учить детей языку.

После поражения Османской империи в мировой войне Ирак с 1918 г. находился под властью англичан, а в 1920 г. было образовано Иракское королевство. Практически сразу между новообразовавшейся Турецкой Республикой и Иракским королевством произошел конфликт по вопросу о принадлежности территории, где проживала основная часть иракских турок. Лига Наций, в которой тогда главную роль играла Великобритания, решила этот вопрос в пользу Ирака. Турки утверждали, что иракские турки являются потомками солдат Османской империи, которые завоевали Ирак в первой четверти XVI в. султаном Селимом Явузом после его победы над Сефевидами в Чалдыранской битве в 1514 г. Англичане же утверждали, что предки современного тюркоязычного населения Ирака пришли на эту территорию намного раньше XVI в. С 1920 г. до 1958 г. официальный Багдад откровенно игнорировал законные гражданские права тюркоязычного населения Ирака. Издание газет, журналов, книг на азербайджанском языке было запрещено. С огромными усилиями со стороны азербайджанской интеллигенции издавалась литературная газета «Киркук», которая была основана в 1926 г. известным иракским литератором Хиджри-деде. «Киркук» издавалась на азербайджанском и арабском языках. В 1959 г. газета была переименована в «Гавур багы», потом опять издавалась под прежним названием, а в 1973 г. была закрыта. Никаких сведений об издании книг на азербайджанском (туркманском) языке вплоть до 1958 г. не обнаружено. С 1954 г. по 1962 г. просуществовала газета «Афаг» («Уфуглар»), где публиковались материалы о литературе и культуре азербайджанцев⁴.

Азербайджанцев вытесняли из государственных учреждений только из-за того, что они не были арабами. Те, кто пытался заявить о правах своего народа, жестко преследовались. Королевский режим Ирака проводил политику ассимиляции национальных меньшинств арабским большинством. Иракские турки не рассматривались как коренное население. Азербайджанские семьи насильственно переселились в места проживания арабского большинства.

Как известно, политическое руководство страны в первую очередь занималось экономическим и технологическим развитием регионов с арабским населением. Наблюдалась случаи разжигания межнациональной розни. Естественно, что подобная ситуация провоцировала национальную рознь в стране. Еще в 20-е годы сформировалось и пользовалось большой популярностью среди иракских азербайджанцев общеиракское движение «Аль-ахали» (народ). Это движение требовало от руководства страны «установить в Ираке парламентскую республику, предоставить народу конституционные свободы: независимо от того, к какому классу принадлежит каждый член общества и какую религию он исповедует»⁵.

В июле 1946 г. была совершена массовая расправа над азербайджанским населением в местности Гавур багы, вызвавшая резкий протест в разных частях Ирака. В 1958 г. после падения королевского режима в Ираке была провозглашена республика. Новая власть объявила о равенстве народов Ирака, о прекращении политики национализма. Этот период означал новый этап в жизни иракских азербайджанцев. Появляются печатные издания на родном языке: «Бешир» (1958 г.), «Ираг» (1966 г.), «Гардашлыг» (1961 г.), «Юрд» (1970 г.) и т.д.⁶

В 1963 г. к власти в Ираке пришло правое крыло Партии арабского социалистического возрождения (Баас). Прогрессивные силы страны были беспощадно подавлены. Вскоре в результате восстания правые из Баас были свергнуты. Последующие четыре года прошли относительно спокойно. Правительство Ирака приняло новую политико-экономическую платформу и проводило политику общественно-экономических реформ. Однако 17 июля 1968 г. активисты из партии Баас совместно с группой офицеров-членов подпольной организации «Движение арабских революционеров» совершили государственный переворот, а 30 июля 1968 г. вся власть в стране перешла к руководству партии Баас и правительству во главе с генералом Ахмадом Хасаном аль-Бакром. Его первым заместителем стал Саддам Хусейн, который через несколько лет отстранил своего дальнего родственника от власти.

В сентябре 1970 г. Совет революционного командования Ирака (высший орган в стране) принял специальный закон относительно общины иракских турок. На первый взгляд, этот документ предлагал программу мероприятий по улучшению социально-экономического состояния района расселения туркманов, а также меры по сохране-

нию и развитию их культуры. В частности, предполагалось открытие 200 школ. На деле же было создано 120, но и они просуществовали недолго. В тот период Ирак переживал экономический и культурный подъем. Но для туркманов было издано только 150 книг.

В середине 70-х годов в стране была осуществлена административная реформа, в результате которой территории, населенные исключительно туркманами, были объединены с курдскими и арабскими в единые округа. Одновременно таким же образом притеснялись и другие национальности. Например, в Киркук было переселено много арабов с тем, чтобы в столице одной из богатых нефтью провинций арабы доминировали численно. Саддам Хусейн своеобразно проводил национальную политику. Например, араб, бравший в жены туркманку, мог рассчитывать на получение «приданного» от государства в размере 15 тысяч динаров. Естественно, что дети, родившиеся в таких семьях, регистрировались арабами. Были и другие методы: во время волнений в иракском Курдистане в конце 1987 года правительственные войска разрушили село Джеймен, в котором жили туркмены. Несколько человек были казнены, часть других пропали без вести.

Таким образом режим осуществлял политику арабизации населения страны. Впрочем, проводить аналогичную политику в отношении курдов не удавалось. В результате в последней конституции, принятой в 1990 году, сказано, что в Ираке проживают арабы и курды, никаких упоминаний о национальностях меньшинств уже нет.

В годы правления Саддама Хусейна реальная численность иракских туркманов в отличие от других этнических групп была засекречена и считалась государственной тайной. Попытаемся провести подсчет на основе данных переписей, проводившихся в Ираке в XX в. (их было пять).

Так, в 1947 г. население Киркука составляло 286 005 чел. (5,9% от всего населения); по переписи 1957 г. – 388 939 чел. (6% населения); по переписи 1965 г. – 473 626 чел. (5,8% населения); в переписи 1977 г. (за период 1975–1977 гг. площадь Киркука уменьшилась с 19 543 кв. км до 9 426 кв. км) – 495 425 чел. (4,15% населения). В переписи населения 1987 г. было просто указано, что совокупная численность населения страны составляет 16 млн. человек⁷.

В годы правления Саддама во всех статистических справочниках Ирака численность туркманов указывалась в пределах 2%, что, по мнению специалистов, не соответствовало действительности. Следует отметить, что уменьшение численности населения, принадлежавшего к этническим меньшинствам, было традиционной практикой иракского режима. Точно так же власти относились к религиозным конфессиям, в результате чего самая многочисленная конфессия – шииты – была признана второй после суннитов. Естественно, что подобная практика отражала потребности укрепления режима личной власти Саддама Хусейна.

По статистике 1981 г., население областей с компактным туркманским населением составляло 3 467 269 человек. Численность населения в крупнейших городах составила: Мосул – 1 227 25 чел., Салахаддин – 402 067 чел., Киркук – 567 957 чел., Диала – 637 778 чел., Эрбиль – 632 252 чел. А общая численность населения Ирака – 13 669 689 человек. Если взять за основу 2%, «отведенные» тюркскому (туркманскому) населению, то доля туркманов составляет 273 393 человек, или (по региону их проживания) – 7,88%. То есть в областях с компактным туркманским населением из каждых 100 человек 8 являются туркманами. Впрочем, некоторые специалисты утверждают, что в областях, где тюрки проживают компактно, логичнее предположить, что туркманы здесь являются доминирующим этносом.

Сопоставление прежних справочников с более поздними показывает следующее. До 1960 г. 95% населения Киркука составляли тюрки (туркманы). Однако в последующие десятилетия в результате арабизации сюда были переселены десятки тысяч арабов, многие туркманские селения были разрушены. Кроме того, с гор сюда спустилось много курдов в поисках работы. В итоге количество туркманов в процентном отношении снизилось с 95 до 75.

Есть и другой ракурс: по переписи 1957 г. (период монархии) в Ираке проживало 0,5 млн. туркманов; 1959 года – 567 тыс. Характерно, что и эти цифры считаются заниженными, так как темп прироста населения за год составляет 3,29%. Если использовать данные 1959 г. в качестве базовых, то, учитывая традиционно высокий темп прироста населения в туркманских семьях, можно предположить, что сегодня в Ираке проживает приблизительно 4 миллиона туркманов⁸.

Район проживания туркманов пострадал в период ирано-иракской войны (1980–1988 гг.). После войны в Заливе северные районы Ирака перестали быть подконтрольны саддамовскому режиму. На территории, где курдское население доминировало, туркманы смогли выжить, только объединившись в национальное сообщество со своими выборными органами. Однако из-за вражды между противоборствующими курдскими организациями, сопровождавшейся боевыми действиями, община постоянно подвергалась опасности.

Репрессии и преследования со стороны иракских властей, а также стремление курдов вытеснить иракских тюрков из богатого нефтью района способствовали тому, что многие туркманы, опасаясь за жизнь своих детей, стали переселяться в Европу, Канаду и США, а также Турцию. Выехавшие за пределы Ирака туркманы попытались привлечь внимание мировой общественности к положению своего народа в Ираке. В частности, в 1988 г. организация «Международная амнистия» поставила вопрос о бесправии национальных меньшинств в Ираке.

Одновременно сами туркманы стали создавать свои политические структуры, которые пытались вступить в диалог с иракскими властями.

ми, чтобы достичь национального равновесия на Севере Ирака. Была создана Иракская национальная туркманская партия, Фронт иракских туркманов, Народная туркманская партия и другие организации, деятельность которых значительно способствовала подъему уровня самосознания иракских туркманов.

После свержения диктатуры Саддама Хусейна, туркманы стремятся активно включиться в процесс реформирования Ирака. Однако с самого начала они столкнулись с сопротивлением представителей как прежней власти, так и лидерами национальных и конфессиональных общин, не желающих делиться властью. Примером тому стало назначение губернатором Киркука курда, хотя известно, что 75% населения города составляют туркманы⁹.

Следует отметить также, что, готовясь к проведению операции в Ираке, американские спецслужбы провели обработку руководителей курдских объединений, пообещав им содействие в укреплении позиций в ряде городов на Севере Ирака. Позиции более мелких национальных общин, в том числе иракских туркманов, не были учтены.

Результат подобной политики не замедлил проявиться. Не желая больше мириться с существующим положением, иракские туркманы провели перед резиденцией американского представителя в Ираке П.Бремера демонстрацию. Лидеры иракских туркманов заявили, что туркманы полны решимости претендовать на достойную роль в переустройстве Ирака и, не игнорируя соседей, занять свое место в представительных и иных органах согласно демографическому проценту.

Это была первая организованная и объединенная политическая акция туркманского народа, прошедшая под эгидой Иракско-туркманского фронта. Десять тысяч человек специально прибыли в Багдад, с лозунгами, знаменами и транспарантами они прошли маршем от отеля «Аль-Мансур» до резиденции П.Бремера. Американские военные не вмешивались в ход демонстрации, но предприняли меры безопасности. Перед американской резиденцией демонстранты огласили текст заявления, а затем передали его представителю П.Бремера.

Характерно, что ряд участников марша демонстративно надел повязки на нижнюю часть лица, что должно было символизировать отношение к ним новых властей. Как сообщалось в турецкой печати, причиной этой акции протеста являются игнорирование американскими властями проблем иракских туркманов, несправедливый подход к ним при решении некоторых вопросов, в частности, по поводу представительности в органах управления страной.

Как известно, во Временном совете управления Ираком, состоящем из 25 человек, и который американцы сформировали по своему усмотрению, туркманы имеют всего одного представителя. Им стал Сонгул Чабук, но и он включен туда без ведома Иракско-туркманского фронта, в составе которого объединены все туркманские организации. В другом совете из 9 человек нет ни одного туркмана, тогда как

два места отданы курдам – лидерам двух курдских движений Джалаля ат-Талабани и Масуду Барзани.

Естественно, что американская администрация объясняет свое решение тем, что, согласно их данным, туркмены «составляют... 1 процент от 25-миллионного иракского населения», тогда как туркмены утверждают другое – их количество достигает 4 миллионов (то есть 13% всего иракского населения)¹⁰.

Приоритет, отданный американцами курдам, имел свои последствия: относительное затишье в отношениях между туркменами и курдами на севере Ирака, просуществовавшее с начала иракской кампании, было нарушено из-за грубой провокации курдов-полицейских из отряда Джалаля ат-Талабани.

По информации Иракско-туркманского фронта (ИТФ), столкновения начались сразу после того, как в городе Тузхурмату (72 км от г.Киркук) полицейские разрушили мавзолей Мусы Али, являющийся местом поклонения шиитов-туркман (по преданию, здесь отдыхал халиф Али), и открыли огонь по протестующим. В столкновении были убиты 7, ранены 11 человек. Среди курдских полицейских ранены 3 человека. По одной из версий, они погибли от пуль американских солдат, по другой, – от выстрелов курдских же боевиков.

На следующий день около 5 тысяч жителей Киркука вышли на улицы с протестом. Они несли национальные флаги и лозунги: «Киркук был тюркским и останется тюркским!», «Отомстим за Тузхурмату!». На крыше самого большого дома на площади перед резиденцией губернатора Киркука митингующие подняли флаг ИТФ. Некоторые ораторы призывали Турцию принять меры и ввести войска.

В митинге наряду с туркменами приняли участие также поддерживающие их арабы из четырех племен, проживающих в Киркуке. Столкновение вооруженных туркманов и полицейских курдов (которые прежде были боевиками, подчинявшимися Ат-Талабани) потребовало вмешательства американских оккупационных властей с использованием танков и вертолетов. Последнее обстоятельство хотя и прекратило кровопролитие, но одновременно еще больше накалило обстановку.

В ходе акции туркмены забрасывали камнями здания, принадлежащие курдам, в частности, полицейские участки. Они подожгли также два полицейских автомобиля.

Ночью курды предприняли попытку разрушить памятники, установленные туркманским героям. ИТФ объявил трехдневный траур...

Руководитель киркукского отделения ИТФ Мустафа Кемал Яйджылы назвал происшедшее провокацией, попыткой Объединения патриотов Курдистана (лидер Джалаля ат-Талабани) осуществить геноцид против туркман. Он заявил, что, вероятно, курды хотят, напугав туркман, нейтрализовать их и, пользуясь поддержкой американцев, закрепить Киркук и прилегающие районы за курдами.

По сообщению М.Яйджылы, туркманские лидеры имели встречи с американскими полномочными лицами и потребовали отстранения от должности Ахмада Базенджира (курда по национальности) – начальника городской полиции и вывода из города 200 полицейских-курдов. (По штатному расписанию, составленному американцами, в настоящее время в городе находятся 2750 полицейских. Из них 2 тыс. являются курдами). Туркманы требовали также наказать виновных, иначе, согласно обычаю, они должны будут отомстить за погибших и раненых.

Член руководящего совета ИТФ доктор Айдын Баятлы заявил, что нападения на туркман говорят о возможности осуществления против последних широкомасштабного геноцида, и поэтому в этом районе необходимо дислоцировать контингент турецких миротворцев. По его словам, этого желают и главы четырех крупных арабских племен, проживающих в районе.

Другой член руководящего совета ИТФ Неджмеддин Касса-боглу также не исключил угрозы геноцида против туркман со стороны отрядов курдских боевиков. Со ссылкой на секретные донесения в штаб ИТФ с мест он сообщил о накоплении крупнокалиберного оружия курдскими отрядами из Сулеймание и Эрбиля в окрестностях Киркука.

Одновременно большая группа багдадских туркман также провела манифестацию на улицах иракской столицы, обвиняя ОПК и его лидера Джаляля ат-Талабани в провокациях против туркман на севере страны.

Что касается самих курдов, то их представители по-разному отнеслись к случившемуся: одни говорят, что не несут ответственности за происшедшее, другие приносят извинения за случившееся и входят в контакт с туркманскими партиями, чтобы несколько уменьшить масштабы события. Третьи выдвигают гипотезу о том, что этими акциями туркманы пытаются создать условия для военного вмешательства Турции. Очевидно, что курдские лидеры не выработали согласованной позиции по этому вопросу.

Естественно, события в соседнем с Турцией районе не могли не обеспокоить Анкару. По сообщениям турецких средств массовой информации, глава МИД Турции Абдулла Гюль провел консультации со своим американским коллегой. Анкара положительно встретила предложение американского командования о совместном (с турецкими офицерами) проведении обыска в городском штабе туркманского ИТФ и курдского ОПК. Кроме того, группа турецких военных экспертов в Багдаде провела встречу с П.Бремером, на которой была обсуждена сложившаяся ситуация.

Кроме того, турецкое руководство через анкарский офис ОПК обратилось к курдским лидерам с призывом избегать провокаций.

В самой Турции ситуация, затрагивающая интересы иракских тюрок, вызывает возмущение общественности. Характерный факт. Несмотря на то, что большинство граждан Турции – сунниты, тем не ме-

нее население сочувствует иракским тюнкам, особенно тем, кто проживает по соседству с курдами, подчиняющимися Джалаялю ат-Талабани. В августе 2003 г. в Анкару прибыла делегация во главе с Мухаммадом аль-Курейси, лидером турецких суннитов, а также имамом самой крупной соборной мечети Багдада Абдулкадыром Аль-Джейлани и имамами мечетей Рамади и Фаллуджи. Визит состоялся по инициативе иракской стороны в связи с предстоящей отправкой турецкого контингента миротворцев, которые должны были бы нести службу в районе Фаллуджа-Тикрит-Бакуба. Естественно, что прибывшие сунниты искали поддержки в Турции прежде всего потому, что при американцах основные посты во временном руководстве страны получили шииты. Одним из обсуждавшихся вопросов была проблема иракских туркманов, которых в Турции и Азербайджане считают соплеменниками. Есть основания полагать, что Анкара, оговаривая с американцами свое участие в миротворческой операции в Ираке, будет инициировать решение проблем иракских тюнок.

¹ Kanan Makilya, Cruelty and Silence. Londres, 1994, с. 94.

² Цит. по: Наккаш Мухаммад. Тарих Багдад. Багдад, 1995, с. 93.

³ Бендероглу А. Ат-туркман фи-ль-Ирак ва ас-саура. Багдад, 1973, с. 134.

⁴ Cumhuriyet. Ankara, 14.07.1978.

⁵ Федченко А.Ф. Ирак в борьбе за независимость. – М., 1970, с. 65.

⁶ Ibidem.

⁷ Cumhuriyet. Ankara, 29–30.04.1993.

⁸ Ibidem.

⁹ Сабах. Стамбул, 13.08.2003.

¹⁰ Ibidem.

ПРОБЛЕМА КУРДСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАПАД

Вторжение сил американо-британской коалиции в Ирак весной 2003 г. под предлогом свержения диктаторского режима С.Хусейна и уничтожения оружия массового поражения иракским курдам надежду дало на урегулирование курдского вопроса. Поэтому они не только горячо поддержали наступательную акцию США и Великобритании против Ирака, но и согласились на размещение американских локальных и иных установок на территории Иракского Курдистана, высадку десанта и прочих мер еще накануне начала военных действий по свержению диктаторского режима С.Хусейна. Между тем перспективы решения курдской проблемы в постсаддамовском Ираке оставались неясными. Как известно, этот вопрос обсуждался на конференции иракской оппозиции в Лондоне в декабре 2002 г. и в Салахеддине в мае 2003 г., где была выработана проамериканская антисаддамовская позиция. План включал создание федеративного иракского государства, состоящего из арабского и курдского округов с включением автономного района. Намечалось на 6-месячный переходный период оставить в действии программу «Нефть в обмен на продовольствие», пока не будут решены вопросы создания новых управленческих структур. США направили своего представителя для встречи с курдскими лидерами. Казалось, что план оппозиции по установлению внутренней иракской автономии после падения прежнего режима был одобрен. Однако представители американо-британской коалиции и администрации Д.Буша и Т.Блэра не торопились с принятием конкретных шагов в этом направлении, проявляя сдержанную осторожность. И это не случайно, поскольку неоднозначным было не только курдское общественное мнение, но и мнение мирового сообщества.

Надежды иракских курдов на легитимное самоуправление взбудоражили курдов всего этнического Курдистана, мечтой которых является обретение курдами Западной Азии независимости и образование курдского государства. Этот вопрос широко обсуждался курдской общественностью как в регионе Западной Азии, так и в обширной диаспоре. При этом высказывались самые разнообразные суждения: создание федеративного курдского государства, состоящего из курдских анклавов стран проживания курдов (Ирана, Ирака, Сирии и Турции); создание иракского федеративного демократического государства, где курдам наряду с другими этническими сообществами будет

предоставлено право широкой автономии; отделение Иракского Курдистана от Ирака и его функционирование в режиме автономного самоуправления и др.

Авторитетный курдский общественно-политический деятель д-р Азад Хейлани направил президенту Бушу послание, призывающее сохранить фактически существующее курдское автономное самоуправление в Ираке. Суть этого проекта обустройства нового Ирака, представленного курдами, состояла буквально в следующем: во-первых, Ирак должен включать 3 автономных района по принципу федерации – курдский автономный район, средний автономный район и южный автономный район, каждый из которых должен иметь свой исполнительный и законодательный орган – парламент, избирающийся прямым голосованием большинством голосов. Из числа членов местного парламента назначаются президент и премьер-министр автономного района. Высший управленческий орган Ирака должен состоять из 3 президентов автономных районов, из числа которых избирается президент страны сроком на 4 года. За 12 лет каждый президент автономного района побывает президентом страны. Кроме того, назначаются 2 вице-президента и премьер-министр. Столицей останется Багдад, а главным городом одного автономного курдского района станет Киркук. Другие автономные районы должны будут выбрать себе свои столицы.

Во-вторых, указанный проект регулирует финансовые и экономические взаимоотношения этих автономий, а именно: в них фигурирует одна валюта; нефтяные месторождения распределяются пропорционально численности населения; закрепляется право свободного передвижения между районами. В-третьих, в автономных районах должны соблюдаться демократические принципы – права человека, свобода слова, законность. Суд должен быть независимым органом в каждой автономии и наделяться правом интерпретации законодательства. Все слои населения пропорционально будут иметь своих представителей в федеральном правительстве, включая такие структуры министерства иностранных дел, как посольства¹.

Этот проект был принят американской администрацией к сведению.

Высказывались и альтернативные точки зрения. Например, мнение некоторой части турецких курдов изложил известный курдский журналист К.Миравдели, в значительной мере выражающий взгляды Рабочей партии Курдистана (РПК) Турецкого Курдистана. Он выдвинул проект курдского независимого демократического государства путем создания федеративного Курдистана через отделение Иракского Курдистана от Ирака и присоединение к нему курдских анклавов Ирана, Турции и Сирии. К.Миравдели заявил, что парламент Курдистана должен принять резолюцию, обязывающую коалиционные силы установить статус Курдистана на основе принципов самоопределения. Поскольку ситуация в регионе и в мире быстро меняется, то, по

мнению курдского журналиста, следует настаивать на применении существующих норм международного права в резолюциях ООН;крепить федеративный статус Курдистана в новой иракской конституции с правом на самоопределение курдских анклавов. Он считает необходимым объединить обе администрации (Барзани и Талабани) в Иракском Курдистане и создать единый орган управления в этом районе. Главное, полагает он, закрепить в новой иракской конституции федеративный статус Курдистана и его право на самоопределение. С этой целью курдские партии должны воспользоваться военным присутствием США в Ираке и добиться признания законного права на самоопределение курдов, являющееся главным условием государственного строительства нового Ирака, считает К.Миравдели. Первым шагом к осуществлению этого проекта, должно быть создание федеративного курдского района, состоящего из всех населенных курдами ареалов. Это должно быть узаконено, по его мнению, соответствующей резолюцией ООН. В течение одного года курдам следует провести референдум и решить, хотят ли они оставаться частью иракского государства или жить в независимом курдском государстве. Он полагает, что в настоящее время ситуация, складывающаяся в регионе, весьма благоприятна для осуществления такого проекта, и этот шанс не должен быть упущен².

Как представляется, практическая реализация этого плана в нынешних международных условиях вряд ли возможна, поскольку это связано с переменами в судьбах многих народов и стран региона, что чревато большими потерями, чем выгодой.

Некоторая часть курдской общественности выходит с предложением отделения Иракского Курдистана от Ирака и придания ему статуса независимого государства, поскольку «каждый курд стремится к независимому статусу Курдистана». Приверженцы этой позиции заявляют, что иракские курды не хотят быть частью страны, режим которой угнетал их, считают неприемлемым, чтобы иракские арабы или любой иракский парламент решал судьбу курдского народа. Указывается, что модели урегулирования национальных проблем в европейских странах, например как в Швейцарии, не приемлемы для курдов. Выражается мнение, что создание курдского независимого государства не помешает арабскому Ираку стать процветающим и без Курдистана. «Свободный, демократический и независимый Курдистан – это требование не только курдского меньшинства, а всего курдского народа»³. Они считают, что изменение статуса Курдистана должно произойти быстро, если Европа и США на деле отстаивают демократические ценности и принципы.

Как видно из изложенного, авторов этой концепции более заботит непременно поспешное объявление независимого статуса Курдистана, нежели реальные аргументы в обоснование своей позиции.

Среди множества мнений и концепций по вопросу курдского урегулирования своей взвешенностью и осторожностью выделяется позиция руководства Курдского автономного района в Ираке.

Глубоко проанализировав сложившуюся в Ираке и регионе обстановку, учитывая международное положение, а также изучив мнения различных слоев курдского населения страны, руководители Курдского автономного района в Ираке избрали гибкую и весьма продуманную политику. Используя сотрудничество с США и Великобританией, они прилагают усилия для определения статуса Курдского автономного района в новом демократическом Ираке. В этой связи курдские автономисты рассчитывают реализовать программы минимум и максимум. Первая ограничивается закреплением тех преимуществ, которые были достигнуты в течение 12-летнего существования курдской автономии на территории Иракского Курдистана, подконтрольной Демократической партии Курдистана (ДПК), возглавляемой М.Барзани, и Патриотическому союзу Курдистана (ПСК), руководимому Дж.Талабани. Лидеры этих партий выступили с проектом федеративного устройства будущего Ирака, зафиксированного в конституции, которая закрепит легитимность автономного статуса Иракского Курдистана. Европейцы, посетившие недавно Курдский автономный район, отмечают там наличие хороших дорог, развитой телевизионной и телефонной сетей, бесперебойного электроснабжения, магазинов, полных продовольственными и промышленными товарами (в том числе импортными)⁴. С целью сохранения своих достижений курдские автономисты, опираясь на профедеративное большинство Управленческого Совета Ирака, выступают за демократический, федеративный и плюралистический Ирак. Они хотят иметь 13% прибыли от осуществления программы «Нефть в обмен на продовольствие» для развития социальной сферы и привлечения в Иракский Курдистан беженцев, покинувших его. При этом курдские лидеры выражали недоумение по поводу того, что часть денег (4 млрд. долл.) от этой программы была якобы заморожена французским банком во время наступательной операции американо-британской коалиции и не выплачена из-за некомпетентности бюрократии ООН⁵. Они полагали, что еще в период пребывания у власти С.Хусейна деньги, предназначенные для использования курдами, направлялись в государственный фонд. А оттуда отчисления шли якобы бы в Национальный Олимпийский Фонд, возглавлявшийся Удзем, сыном С.Хусейна. Иракские курды хотят добиться от коалиции разрешения оставлять эти средства на экономические нужды Иракского Курдистана. Они пойдут также на выплаты жертвам репрессий, репатриантам, всем, кто был переселен и желает вернуться. Курды стараются выработать с коалицией механизм, помогающий беженцам вернуться на родину.

Реформы, по мнению курдских автономистов, могут начаться с упорядочения финансовой системы: американцы предлагают ввести новую валюту и реструктурировать Центробанк. Кроме того, будет реализована сбалансированная система управления с предоставлением широкой автономии и суверенитета Иракскому Курдистану. Управленческий совет должен регулировать политические процессы в

стране и обеспечить проведение демократических выборов законодательного органа, считают курдские автономисты.

В рамках программы-максимум курдские лидеры не исключают осуществления и более глобальных замыслов, связанных с переводом автономного статуса Иракского Курдистана на более высокий (независимый) уровень. При этом предусматривается расширение территории курдской автономии, куда должны входить Киркук с его нефтеносными полями, окрестности Мосула (не город), Синджар на западе от Мосула, Ханекин близ границы с Ираном. Эти земли должны будут объединены в новый федеральный район. В связи с этим можно отметить, что в северном городе Мосуле, окрестности которого богаты нефтью, происходят постоянные стычки между курдскими и арабскими группировками за контроль над этой территорией, экономическими ресурсами и за политическое доминирование⁶.

Таким образом, концепция курдских автономистов как бы синтезирует элементы альтернативных концепций. М.Барзани и Дж.Талабани опасаются заявлять о своем стремлении придать Иракскому Курдистану статус независимости, поскольку такая поспешность безусловно вызовет острую реакцию не только сопредельных стран (особенно Турции), но и некоторых соперничающих курдских и исламских экстремистских течений.

Следует также отметить, что появление сил американско-британской коалиции в Ираке существенно изменило взаимоотношения в международном и региональном сообществе. Произошел раскол мнений среди членов Европейского Союза (ЕС), главные страны которого – Германия и Франция – не поддержали эту акцию против Ирака, осуществленную без санкции ООН. Не случайно поэтому в политических кругах Запада и США стали вырисовываться различные подходы по вопросу курдского урегулирования. Один из них характерен для стран, входящих в Европейский Союз (ЕС). Мнение ЕС предполагает предоставление широкой автономии курдам в рамках стран их проживания на основе построения демократического гражданского общества. Позиция этих государств отличается взвешенностью, поскольку урегулирование курдской проблемы на уровне отдельных стран без передела существующих государственных границ и путем предоставления курдскому населению широкой автономии не должно вызвать усиления центробежных тенденций в регионе Западной Азии.

Рассмотрение взаимоотношений курдских автономистов с представителями американско-британской коалиции позволяет уточнить позицию США по вопросу курдского урегулирования в Ираке.

Вопросы автономного статуса Иракского Курдистана руководители иракских курдов подробно обсуждали с американским представителем Дж.Гарнером, относящимся к курдской проблеме с пониманием. Ему, казалось, импонировала идея о внутренней иракской администрации под наблюдением сил коалиции. Он добился доверительного

отношения к себе курдских лидеров и населения, обеспечив надежную поддержку в Иракском Курдистане. В условиях быстро меняющейся ситуации Дж.Гарнеру удалось консолидировать иракскую оппозицию и провести первую совместную встречу в Насирийе, на которой была подтверждена ее позиция по вопросу демократического федеративного парламентского правления в Ираке.

Таким образом, в основе взаимоотношений американцев с курдами в Ираке лежат правила большой политической игры. С одной стороны, предполагается, что американская модель будущего Ирака будет основана на федерализме, учитывающем этнические, религиозные и племенные факторы⁷. С другой стороны, американцы не склонны ситуацию вокруг Иракского Курдистана выпускать из-под контроля, т.е. допускать процессы, способные привести курдов к независимости. Американская администрация, очевидно, посчитала излишней поспешностью сразу приступить к решению проблемы курдов, поскольку этот вопрос возбудит националистические амбиции иракских туркман, христианских ассирийцев и шиитов. Первостепенным стало установление порядка в стране и формирование управленческого аппарата. Гарнер был заменен на Пауля Бремера, пытающегося способствовать воссозданию разрушенных войной структур (социальные службы и гражданская администрация), обеспечить в Багдаде порядок, сформировать условия и открыть возможности для иностранных инвестиций в экономику и пр. Это побудило курдов принять активное участие в органах центрального управления.

В интересах обеспечения своих планов иракские курды идут на тесное сотрудничество с американо-британской коалицией в различных сферах. Прежде всего в Управленческий совет Ирака были делегированы 5 курдских представителей, среди которых и курдские лидеры М.Барзани и Дж.Талабани. Для курдов это является знаменательным символом. В то же время в Эрбиле, столице контролируемой ДПК части автономного курдского района, совместно с американцами была проведена церемония закладки нового гражданского аэропорта. Генерал Петреус Дэйвид, командир 101-й американской авиадесантной дивизии, вручил курдским официальным лицам символический ключ от будущего аэропорта, который было решено назвать Международный аэропорт Хаулер. Это место выбрано не случайно. Ранее оно служило для аварийного приземления самолетов бывшего президента Ирака С.Хусейна. Для реализации совместного проекта с американцами предусматривается выделение 20 млн. долларов⁸.

Другим заметным событием явилось проведение М.Барзани в Иракском Курдистане празднования Дня благодарения для американских солдат. В мероприятии приняли участие все военные командиры и гражданская администрация американо-британской коалиции, а также многие командиры отрядов курдских военных формирований (пешмерга). Поздравляя собравшихся, М.Барзани поблагодарил аме-

риканцев за освобождение страны от тирании и отметил, что курдские пешмерга успешно взаимодействуют с частями американской армии. В ответной речи Дэвид Петреус поблагодарил Барзани за организацию праздника и заметил, что сотрудничество американцев с курдами будет продолжаться. Действительно, это сотрудничество весьма плодотворно: американские части специального назначения тренируют курдских солдат для осуществления мер безопасности на северной и южной границах Курдистана. Уже 300 курдских бойцов приступили к подготовке. На иракско-иранской и иракско-турецкой границах поставлены полицейские посты для предотвращения контрабанды и проникновения нелегальных иммигрантов в Ирак со стороны Ирана и Турции.

Итак, курдские автономисты придерживаются позиции постепенного осуществления своей двухступенчатой программы курдской автономии: независимость путем активного участия в новых политических структурах страны и укрепления экономической базы автономного Курдистана в рамках федеративного демократического иракского государства. Уже апробированные в Иракском Курдистане управленческие структуры, по мнению Дж.Талабани, могут стать моделью для всего Ирака. Кроме того, курды хотят добиться увеличения финансовых вливаний в развитие экономики автономного курдского района. Помимо отчислений от осуществления программы «Нефть в обмен на продовольствие» курды добиваются, чтобы деньги, не дошедшие до них от реализации программы, были направлены на социальные нужды в Иракский Курдистан, на выплату зарплат учителям и врачам. Они обращались по этому вопросу к Генеральному секретарю ООН. Курды выступают за упорядоченное использование нефтересурсов и настаивают, чтобы средства от продажи иракской нефти направлялись бы на нужды иракского народа, а за нефтедобычей был установлен контроль международных инспекторов.

Однако далеко не все курдские политические течения региона Западной Азии выражают свою солидарность с иракскими курдами. Некоторые курдские политические деятели ревниво относятся к таким тесным курдо-американским контактам. Представители турецких курдов подвергают критике политику США и Великобритании в Ираке. Одни из них упрекают Дж.Буша и Т.Блэра в том, что они вознамерились создать в Ираке современное цивилизованное общество без глубокого изучения запросов иракского населения. Другие обвиняют курдских автономистов в том, что те переоценивают поддержку коалиции в реализации планов курдов, которые не вполне согласовываются с заинтересованностью США в Ираке. Оппоненты придерживаются антиамериканской позиции, считая, что США в своей иракской политике не считаются с мнением курдской оппозиции, а иракские курды проявляют медлительность и не торопятся осуществлять свои планы. Союзниками автономистов являются иранские курды. Как из-

вестно, еще в период иранской революции 1978–1979 гг. в Иране руководитель Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК) А.Касемлу после свержения шахского режима обосновывал свою концепцию государственного устройства на базе федерации (хотя традиционно Иран развивался как унитарное государство). Поскольку идеи государственного федерализма близки иранским курдам, то они поддержали курдских автономистов Ирака и высказали свою точку зрения на необходимость проведения аналогичных реформ и в ИРИ и придании автономного статуса Иранскому Курдистану, сформированному по национальному принципу. Под давлением разворачивающихся в регионе Западной Азии событий и обстоятельств иранские власти не оставили без внимания подобные заявления и избрали путь рассмотрения назревших проблем курдского населения, склоняясь к установлению контактов с иранской курдской оппозицией.

Руководство ИРИ поддерживает целесообразность урегулирования курдского вопроса на внутриполитическом уровне. Оно выражает заинтересованность в выдворении сил американско-британской коалиции из Ирака, поощряет политическую активность иракских шиитов.

Во многом сходной позиции придерживается и Турция, опасаясь усиления сепаратистских настроений турецких курдов, претендующих на контроль над нефтеносными районами северного Ирака. Турецкие курды поспешили заявить о том, что поскольку иракские курды добиваются независимого статуса, то и турецкие курды вправе требовать удовлетворения всех их прав или присоединиться к независимому курдскому государству⁹. Поэтому не случайно турецкая администрация заняла компромиссную позицию, предоставляя курдам некоторые социальные и культурные преимущества. Еще в августе 2002 г. турецкий парламент принял резолюцию, разрешающую курдам использование своего языка в радио- и телепередачах, организовать курсы изучения курдского языка и т.д. Но турецкие курды рассчитывают на более широкие экономические и политические уступки.

Позиции Турции по вопросу курдского урегулирования в определенной мере совпадают с концепцией стран ЕС, членом которой она стремится стать. Вместе с тем это не останавливает власти в подстрекательстве иракских туркман к борьбе за автономию в нефтеносных районах окрестностей Киркука, на которые претендуют и турки, и турецкие и иракские курды, и туркманы.

Пребывание коалиционной армии в Иракском Курдистане способствовало заметному изменению взглядов американцев на курдов. В США стал выкристаллизовываться круг людей, занимающий четкую прокурдскую позицию, невзирая на охлаждение американско-турецких отношений.

Придерживаясь прагматического политического курса на основе курдо-американского взаимодействия, курдские автономисты не могут не учитывать и состояние американско-иранских и американско-турецких отношений, с одной стороны, а также отношения своих партий с курд-

скими политическими течениями, не одобряющими их ставку на помощь коалиции в достижении поставленных целей. Так, США и Турция обнаруживают различные стратегические и региональные интересы. Турки выступали за сохранение режима С.Хусейна и национальной целостности Ирака, предотвращающей попытку отделения Иракского Курдистана, способную обострить и без того напряженную ситуацию в Турецком Курдистане. Несмотря на турецко-американские разногласия, Турция вряд ли выйдет за пределы границ в своих преследованиях бойцов РПК на иракской территории. Также маловероятно, что ее политика использования иракских туркман для усиления турецкого влияния достигнет цели. Камнем преткновения в турецко-американских разногласиях стал Кирук, на который претендуют и курды. Поэтому данная проблема, очевидно, потребует турецко-американского переговорного процесса, поскольку появление турецкого военного контингента в этом районе может привести к непредсказуемым последствиям.

В то же время напряженность, существующая в американо-иранских отношениях, оказывает негативное влияние и на ситуацию в южной части Ирака. ИРИ предпринимала попытки с помощью лидера иракских шиитов шейха Хакима пропагандировать идеи имама Хомейни и тем самым подстрекала иракских шиитов на борьбу за усиление их роли в новых управленческих структурах Ирака. Эта политика, как известно, привела лишь к оживлению экстремизма, приведшего к гибели шейха Хакима в августе 2003 г. В связи с этим иракские курды полагают, что следует сохранять разумный баланс: признать существование угнетенных наций и религиозных прав, не отдавая предпочтения ни арабизации иракского общества, ни его консолидации на основе ислама. Не случайно поэтому Б.Салих, премьер-министр округа курдской автономии, подконтрольного ПСК, заявил, что иракские курды должны поддерживать хорошие отношения со своими соседями. По его мнению, Иран и Турция не должны вмешиваться в дела автономного Курдистана. Он призывал также покончить с исламскими экстремистскими группировками, действующими на территории Ирака¹⁰.

Иракские курды заявляют о своей решимости продолжить борьбу с терроризмом. Так, Дж.Талабани, в частности, объясняет факты терроризма в Ираке, случаи нападения на американцев активизацией деятельности сторонников бывшего иракского диктатора, приверженцев партии Баас. Поэтому он настаивает на создании национальной службы безопасности, в которой будут участвовать и курды¹¹.

Таким образом, очевидно, что присутствие сил американо-британской коалиции и миротворцев в Ираке является фактором сдерживания центробежных тенденций в Ираке и играет на руку иракским автономистам в осуществлении поставленных ими задач. В противном случае иракские курды могут повторить судьбу курдов Ирана, создавших в 1946 г. в Мехабаде Курдский автономный район. Ведь в стране осталось немало убежденных приверженцев прежнего режима,

а также исламских экстремистских группировок и враждебных иракским автономистам региональных курдских политических течений, способных разгромить курдскую автономию. События в Ираке могут развернуться и по другим, более усложненным сценариям, поскольку концепция федерализма понятна далеко не всем слоям иракского общества. Однако в настоящий момент партнерство курдов с силами коалиции пока служит позитивному развитию событий в стране и в курдском ареале, в частности, поскольку курды активно участвуют в формировании новых управленческих структур, деятельность которых, вероятно, будет направлена на формирование национального иракского правительства, установление порядка, подготовку выборов, разработку новой конституции и пр.

¹ K.Miravdeli. Changes, Chances and Challenges. June 21, 2003. – <http://home.cogeco.cf/-konuche/21-06-03-opinion-rfvfl-changes-chances.html>

² K.Miravdeli. American policy in Iraq: the dialects of occupation and liberation-I. – <http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/1-7-03-opinion-kamal-us-policy-in-irg-1...>

³ B.Salih. What the Kurds Want // The Wall Street Journal Online. Commentary. Tuesday, 22.04.2003.

⁴ The Kurds are feeling pretty pleased with themselves, though also worried // The Economist, 09.08.2003.

⁵ J.Nalabani and V.Barzani. What Iraq Needs Now. – <http://puk.org/web/htm/news/nws/mammas030709.html>

⁶ P.Constable. Kurds Adapt to a New Order in Iraq. – <http://home.cogeco.ca/-konuche/12-8-03-kurds-new-adaption.html>

⁷ Abdulhamit Bilici. EU and US Models for solution of Kurdish Issue. – <http://home.cogeco.ca/-konuche/7-8-03-eu-us-models-kurdish-issue.html>

⁸ Kurds, Coalition Launch Project to Build Civilian, Airport in Arbil <http://www.krg.org/news/index.asp>

⁹ Jesse Benjamin. Kurds at the Nexus of Global Politics: How the U.S. uses one genocide to justify another. – <http://mywebpage.netscape.com/KO%20News/6-6-03-opinion-us-at-nexus-globe.html>

¹⁰ B.Salih. What the Kurds Want // The Wall Street Journal Online. Commentary. Tuesday, 22.04.2003.

¹¹ J.Nalabani and V.Barzani. What Iraq Needs Now. – <http://puk.org/web/htm/news/nws/mammas030709.html>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ф.А.Тринич

РОССИЯ – ТУРЦИЯ: СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Российско-турецкие торгово-экономические связи насчитывают, по крайней мере, 300 лет. За столь длительную историю они многократно переживали периоды подъемов и спадов, всплеска активности и застоя. Предопределялось такое многовекторное развитие состоянием политических отношений, которые отличались ярко выраженной неоднородностью. Соперничество и военное противостояние сменялось примирением, добрососедским сосуществованием и даже сближением, за которым вновь наступало охлаждение. Исторически сложившееся недоверие, по мнению турецких политологов, остается доминирующим фактором, до сих пор мешающим установлению предлагаемых Россией в последние годы отношений долговременного стратегического партнерства.

Географическая сопредельность и объективно существующая взаимодополняемость хозяйства обеих стран всегда и особенно в новейшей истории подталкивали их к развитию торгово-экономического сотрудничества. Это отмечалось как в советский период, так и после обретения Россией независимости.

Советская Россия была единственной страной, которая еще в 1920 г. оказала правительству основателя Турецкой Республики Кемалю Ататюрку безвозмездную финансовую помощь. Она также стала первым государством, признавшим независимость Турции, установившим с ней дипотношения и подписавшим 16 марта 1921 г. «Договор о дружбе и братстве».

В 1934 г. Россия предоставила Турции беспроцентный кредит в 8 млн. долл. и оказала содействие в строительстве первого в стране текстильного комбината в г.Кайсери. Однако в целом в предвоенные годы и в первые послевоенные десятилетия торгово-экономические связи носили ограниченный характер. Их оживление началось в 70-е годы, когда Советский Союз приступил к оказанию содействия Турции в сооружении ряда важных хозяйственных объектов, а в конце десятилетия начал сравнительно крупные поставки нефти и нефтепродуктов и азотных удобрений.

В этот период были построены 12 крупных промышленных предприятий, в том числе металлургический комбинат в г.Искендерун, алюминиевый завод в г.Сейдишехир, нефтеперерабатывающий завод

в г.Измир, которые составляют основу государственного сектора и по сей день являются крупнейшими в регионе. В конце 70-х – начале 80-х годов на долю машин и оборудования приходилось свыше четверти, а нефти и нефтепродуктов почти половина советского экспорта в Турцию. В обмен закупали продовольственные и потребительские товары, прежде всего орехи, лимоны, а также табак.

Очередное оживление торгового обмена связано с началом в 1987 г. поставок в Турцию российского природного газа по трубопроводу, проложенному по территории тогда еще входивших в СССР Украины и Молдавии, а также Румынии и Болгарии. Очень скоро газ стал главным товаром советского, а затем и российского экспорта. Уже в 1989 г. на его долю пришлось 36% стоимости всех поставок в Турцию. Вместе с нефтью, нефтепродуктами, углем и электроэнергией, поступавшей в Турцию через Грузию, удельный вес энергоносителей в указанном году составил 70%, еще 11% пришлось на долю химических продуктов, прежде всего аммиака, и около 7% – на долю черных металлов, в том числе 3% – на долю лома. Доля машин и оборудования упала до 2%.

Столь подробные данные о товарной структуре экспорта, сложившейся в последние годы существования СССР, приводятся потому, что именно тогда сформировался ее сырьевой характер, который, по существу, мало изменился в последовавшее десятилетие в торговле с Турцией уже независимой России.

Ряд соглашений, подписанных в конце 80-х годов, регулировал оплату российских поставок газа и других энергоносителей встречными поставками турецких товаров, что позволило Турции не только заметно увеличить свой экспорт, но и существенно его диверсифицировать.

В том же 1989 г. торговый баланс впервые был сведен в пользу Турции. Наряду с традиционными продовольственными товарами (лимоны, орехи, изюм) она увеличила поставки меховой одежды, трикотажа, обуви, начала поставлять медикаменты, мыло и моющие средства и, на что следует обратить особое внимание, машины и оборудование, в число которых статистика включила подрядные работы турецких фирм по сооружению в СССР, а затем и в России торговых, лечебных, культурно-массовых учреждений и жилых домов. Объем этих работ уже в 90-е годы достиг внушительных размеров.

Именно устойчивые, хорошо налаженные поставки российского газа и встречные услуги турецких фирм по строительству в России различных объектов позволили партнерам достаточно уверенно и в короткие сроки пережить негативные последствия серьезных перемен, охвативших внешнеэкономические связи России после распада СССР. Отказ от государственной монополии внешней торговли, финансовое ослабление государственных внешнеэкономических объединений и выход на внешний рынок многочисленных, но поначалу малоопытных и маломощных частных организаций привели в первые годы независимого развития России к серьезному спаду внешнетор-

гового обмена, резкому сокращению экономического сотрудничества, нарушению прежних связей и обязательств.

Российско-турецкие связи на первых порах в полной мере испытали влияние этих негативных процессов. Были нарушены обязательства по расчетам за газ и встречным закупкам турецких товаров, заморожены банковские кредиты на закупку турецких товаров и оплату строительных услуг, утеряны в качестве солидных партнеров российские государственные импортеры. Однако уже к 1994 г. удалось восстановить прежние объемы торгово-экономических отношений.

Созданная в предшествовавший период полноценная договорно-правовая база, включавшая десятки соглашений, программ, деклараций, меморандумов, протоколов, памятных записок и других юридических документов, была в сравнительно короткие сроки обновлена и приведена в соответствие с новыми реалиями. В 1992 г. были подписаны Договор об основах отношений России и Турции, новое торговое соглашение и вместе с другими государствами Декларация об экономическом сотрудничестве стран черноморского бассейна. В последовавшие два года состоялся обмен визитами руководящих деятелей правительств обеих стран, прошло заседание Межправительственной российско-турецкой комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, подписан ряд новых соглашений.

В конце 1995 г. были урегулированы финансовые проблемы, доставшиеся партнерам в наследство от СССР. Тогда же Турция предоставила России кредит в 350 млн. долл. в основном для оплаты строительных работ. Наконец, в начале 1996 г. было подписано соглашение об увеличении поставок газа к 2005 г. до 14 млрд. куб. м. Все это создало предпосылки для успешного развития деловых отношений.

Если в 1991 г. торговый оборот между двумя странами сократился до 751 млн. долл., то уже в 1992 г. за счет выполнения старых обязательств вырос до 1,1 млрд., а в 1993 г. – до 1,7 млрд. долл. В 1994 г. он уменьшился до 1,4 млрд. долл., а в 1995 г. возрос на 56%, или до 2,2 млрд. долл. Как и прежде, основу российского экспорта составлял газ, а импорта – потребительские товары и строительные услуги. Портфель заказов турецких подрядчиков в России к середине 90-х годов оценивали в 5–6 млрд. долл. На строительстве различных объектов в Москве, Ставрополье и других районах России работали свыше 10 тыс. турецких рабочих, инженеров и техников. Следует, однако, иметь в виду, что далеко не вся, а скорее, меньшая часть стоимости строительных работ регистрируется таможенной статистикой.

Наряду с традиционными статьями экспорта и импорта обе стороны стремились к внедрению в торговый обмен новых товаров. В частности, большим успехом считали начатое в 1993 г. военнотехническое сотрудничество. Турция первой из стран-членов НАТО согласилась закупать продукцию российских оборонных предприятий. За 1993–1995 гг. туда было поставлено различной спецтехники на

114 млн. долл. Предполагалось, что в дальнейшем ее экспорт будет доведен до 300 млн. долл.

Однако особым, ранее не известным феноменом российско-турецких отношений стала неорганизованная торговля на индивидуальной основе. Она возникла в первые годы после провозглашения независимости России в условиях экономического кризиса в результате ослабления пограничного и таможенного режима.

Пустые полки, то есть острая нехватка потребительских товаров, закрытие тысяч предприятий и «освобождение» от работы огромной массы трудящихся толкнули их на индивидуальную внешнеторговую деятельность, которая, особенно на первых порах, оказалась трудоемкой, но сравнительно прибыльной. Регулярные краткосрочные поездки за границу для закупки за наличную валюту дефицитных товаров и обратно для их сбыта в России, т.е. туда и обратно, обусловили появление терминов «челнок» и «челночная торговля». Большая часть товаров провозилась как личный багаж без таможенной регистрации. По официальной терминологии «челночная» торговля в России получила название неорганизованной.

Одним из главных партнеров наряду с Китаем, Польшей и рядом других стран стала Турция. Оттуда везли и везут кожизделия, меха, одежду, обувь и другие потребительские товары. Определить объем таких закупок практически невозможно. По разным оценкам, стоимость импорта «челноков» из Турции в середине 90-х годов, когда он достиг расцвета, составляла 2–6 млрд. долл.

Значительная часть «челноков», не выдержав трудностей, прекратила эту деятельность. Другие, наоборот, стали профессионалами, разбогатели, создали мелкие и средние фирмы, обрели товарную специализацию, постоянных партнеров в Турции и России.

Турецкие государственные организации по подсказке деловых кругов обеспечили российским «челнокам» льготные условия въезда, пребывания, закупок товаров, таможенного режима и логистики. Такая торговля, конечно, не проходит без обмана, грабежей и других преступлений, однако, в целом партнеры считают ее достаточно прибыльной, и с турецкой стороны ее всячески поощряют.

Турецкая статистическая служба стремится хотя бы часть «челночной» торговли учитывать в своих обсчетах внешнеторговой деятельности. В России же «челночную» торговлю поначалу пустили на самотек, а в конце века попытались поставить под контроль таможенных органов. Это привело к ее сокращению, а частично к переводу в рамки обычных внешнеторговых операций.

«Челночная» торговля, особенно на первых порах, сыграла важную роль в насыщении внутреннего рынка России товарами широкого потребления, обеспечила занятость десяткам, если не сотням тысяч российских граждан. Вместе с тем поступление на рынок сравнительно дешевых импортных товаров усугубило кризис российской легкой

промышленности, лишило государство значительных поступлений от таможенных сборов.

Для Турции она стала важнейшим элементом увеличения экспорта и компенсации постоянного дефицита торгового баланса в официальной торговле с Россией.

Несмотря на относительно благоприятные условия, сложившиеся в середине 90-х годов ушедшего века, все показатели торгового обмена с Турцией, по данным Государственного таможенного комитета Российской Федерации (ГТК РФ), из года в год подвергались существенным колебаниям. Так, стоимость торгового оборота в 1996 г. составила 2,3 млрд. долл., в 1997 г. возросла до 2,8 млрд., но в 1998 г. снизилась до 2,4 млрд., и в 1999 г. упала до 1,9 млрд. долл. Такой спад объясняют воздействием финансового кризиса в России и отчасти нестабильной внутривнутриполитической ситуацией в Турции. Произошел он вопреки хорошему заделу, созданному пакетом из 10 документов (включая соглашение о поставках газа по новой трансчерноморской магистрали), подписанных в 1997 г. в ходе визита в Турцию тогдашнего главы правительства России В.Черномырдина. Однако в 2000 г. этот задел «сработал». Товарооборот резко вырос сразу до 3,4 млрд. долл. и в последовавшие два года, как видно из данных таблицы, продолжал увеличиваться, достигнув рекордных величин.

Немаловажным фактором, содействовавшим увеличению торговли и прежде всего российского экспорта, стал официальный визит в Турцию в конце октября 2000 г. нынешнего премьер-министра России. В ходе переговоров стороны заявили о намерении сотрудничать в реализации крупных инвестиционных проектов и довести объем товарооборота до 10 млрд. долл. в год. Пока, правда, движение к этому показателю идет медленно.

Удельный вес Турции во внешней торговле России в последние годы колебался в пределах 1,8–2,7%. В целом за 1996–2000 гг. он составил 2%, а в 2001–2002 гг. возрос до 2,7%. Это позволило ей занимать 13–15-е места в списке российских торговых партнеров. В торговле России со странами дальнего зарубежья, т.е. без учета партнеров из СНГ, на ее долю за 1996–2000 гг. пришлось 2,6%, а в последовавшие два года – 3,3%. Среди стран Азии Турция как российский партнер уступает лишь Китаю и Казахстану.

За январь-апрель текущего года экспорт России в Турцию по сравнению с тем же периодом 2002 г. увеличился на 58% и достиг 1440,5 млн. долл., импорт вырос на 31% до 239,4 млн. долл., а оборот составил 1679,9 млн. долл., то есть увеличился почти на 54%. Однако без учета «челночной торговли» и строительных услуг турецких подрядчиков российский экспорт в Турцию постоянно и весьма значительно превышает импорт, что предопределяет большое положительное сальдо, которое в целом за последние пять лет XX в. превысило 7,75 млрд. долл., а в 2001–2002 гг. – еще 5,3 млрд. долл.

Столь значительный дисбаланс, однако, отражает лишь торговлю, проходящую российскую таможенную регистрацию.

Несколько иная картина складывается по данным турецкой внешне-торговой статистики, которой удается учитывать часть неорганизованного вывоза в Россию. Это вместе с разницей в методике подсчета, принятой во внешнеторговой статистике обеих стран, предопределяет существенные различия публикуемых ими показателей по экспорту и импорту.

Как видно из приводимой таблицы, по турецким данным, за 1996–2000 гг. суммарный оборот торговли между двумя странами оказался на 5,7 млрд. долл., или на 44% больше, чем по данным ГТК РФ, в том числе экспорт Турции в Россию в 2,4 раза больше данных ГТК РФ по импорту оттуда, а импорт из России – на 21% больше турецкого экспорта.

Торговля России с Турцией¹

(млн. долл.)

	1996 г.	2000 г.	1996–2000 гг.	2001 г.	2002 г.
Оборот	2281	3447	12915	3768	4078
Экспорт России (фоб)	1686	3098	10334	3246	3351
Импорт России (сиф)	595	349	2581	522	727
Сальдо	1091	2749	7753	2724	2624

Торговля Турции с Россией²

(млн. долл.)

	1996 г.	2000 г.	1996–2000 гг.	2001 г.	2002 г.
Оборот	3433	4492	18621	4360	4270
Импорт Турции (сиф)	1921	3864	12488	3436	3550
Экспорт Турции (фоб)	1512	628	6133	924	720
Сальдо	-409	-3236	-6355	-2512	-2830

¹ Российская внешнеторговая статистика.

² Турецкая внешнеторговая статистика.

Как известно, международные организации определяют разницу между стоимостью экспорта товаров на условиях фоб и импорта на условиях сиф в 10% в пользу последнего. Иногда стоимость фрахта и страхования бывает больше, но редко превышает 20% стоимости товара. Исходя из этого, сравнение различий в показателях экспорта России и импорта Турции можно считать вполне приемлемым, учитывая также возможную разницу по времени регистрации и расхождения в методиках учета.

Вместе с тем весьма существенные различия между размерами импорта России и экспорта Турции (за 1996–2000 гг. – 2,15 млрд. долл.) можно понять лишь как подтверждение того, что турецкая статистика часть закупок российских «челноков» регистрирует как экспорт.

В 2001–2002 гг. расхождения между показателями российской и турецкой внешнеторговой статистики существенно уменьшились, что, видимо, по крайней мере частично объясняется сокращением «челночной» торговли.

По турецким данным, за 1996–2000 гг. на долю России пришлось 5,1% внешней торговли страны, в том числе 4,7% экспорта, 5,4% импорта и 6,2% отрицательного сальдо торгового баланса. В последовавшие два года значимость России как рынка сбыта турецких товаров снизилась до 2,5%, а как поставщика возросла до 7,7%. В результате в торговле с Россией Турция получила почти четверть отрицательного сальдо внешнеторгового баланса. Следует, однако, напомнить, что важным средством компенсации этого сальдо наряду с неорганизованной торговлей выступают весьма солидные доходы не только строительных компаний, но и туристических фирм, ежегодно принимающих десятки тысяч россиян, оставляющих во время отдыха в Турции миллионы долларов.

Товарная структура российского экспорта в Турцию носит устойчивый характер. Удельный вес ведущих товаров меняется лишь под влиянием конъюнктуры и движения цен. В 2002 г. она, по данным ГТК РФ, выглядела следующим образом: энергоносители – 58%, черные металлы – 19%, алюминий – 6%, продукция химической промышленности – 3,5%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия – 3%, машины и оборудование – всего 4,5%.

В Турцию поставили 11,8 млрд. куб. м газа, 1,5 млн. т нефти, 1,3 млн. т нефтепродуктов, 4,7 млн. т угля, 2,1 млн. т стальных полуфабрикатов и 1,7 млн. т лома черных металлов, а также различные виды проката, 180 тыс. т алюминия и 64 тыс. т цинка, свыше 1 млн. т азотных удобрений и 460 тыс. куб. м необработанных лесоматериалов. В группе машин и оборудования ведущее место заняли электрические конденсаторы и вычислительные машины, около 5 тыс. легковых автомобилей, а также бритвы и электроды.

В товарной структуре импорта свыше четверти его стоимости пришлось на закупки текстиля, текстильных изделий и обуви, из которых 15% составила одежда, еще 6% – кожаные и меховые изделия. Важное место в импорте сохраняют овощи, фрукты, орехи (14%), табак (5,5%), химические продукты (10%) и прежде всего пластмассы и изделия из них (4,5%).

В 2002 г. в Турции закупили 202 тыс. т цитрусовых и 36 тыс. т винограда, 73 тыс. т томатов, 21 тыс. т лука, 6 тыс. т огурцов. Однако особое внимание следует обратить на то, что на долю машин и оборудования пришлось 20% импорта.

Наряду с таким уже традиционным товаром, как аккумуляторы, Турция поставила коммутаторы для телефонной связи, бытовое электротехническое оборудование, насосы, холодильники, кондиционеры, строительное и пищевое оборудование, кабель и провода.

Приведенные данные позволяют констатировать, что в торговых отношениях между двумя странами Турция выступает как поставщик промышленной продукции и продовольствия, а Россия – как поставщик энергоносителей и полуфабрикатов. Такая структура должна вполне устраивать Турцию.

Существенно изменить сложившийся характер торгового обмена в ближайшие годы вряд ли удастся. Слишком велика в российском экспорте роль энергоносителей, а расширению поставок машин и оборудования препятствует традиционная ориентация турецкого рынка на продукцию стран ЕС, в первую очередь Германии, а также США и Японии.

Неспешное, но поступательное развитие торгово-экономических связей, видимо, будоражит антироссийское лобби в турецких политических и деловых кругах, которое не желает отказываться от претензий на лидерство на Кавказе и в среднеазиатском регионе, населенном тюркскими народами, и пытается возродить отношения взаимного недоверия и конфронтации. Только этим можно объяснить проблемы, возникающие с выполнением турецкой стороной обязательств, взятых при сооружении газопровода «Голубой поток».

Исходя из постоянно растущих потребностей Турции в природном газе, с которыми существовавший газопровод мог не справиться, в середине 90-х годов после длительного изучения возможных путей увеличения поставок обе стороны решили построить новый мощный трубопровод, впервые в мире проложенный по дну Черного моря. Соответствующее соглашение было подписано 15 декабря 1997 г. и ратифицировано турецким парламентом в апреле 1998 г. Для осуществления проекта российский Газпром и итальянский концерн ENI в 1999 г. создали на паритетной основе компанию «Blue Stream Pipeline Co», которая за три года построила трубопровод протяженностью в 1212 км, из которых 396 км проложены по дну моря. В поставке труб участвовали японские компании. Строительство обошлось в 3,3 млрд. долл. Его мощность может обеспечить поставку 16 млрд. куб. м газа в год. Пробная прокачка газа началась в январе, а эксплуатация – в марте 2003 г.

Согласно первоначальному контракту, турецкая компания Botas, которая участвовала в сооружении турецкого участка газопровода и выступает покупателем газа, предполагала уже в этом году закупить 4 млрд. куб. м газа по цене 110 долл. за тысячу кубометров на условиях take or pay, то есть платить за газ, даже если он ей не нужен. Далее планировалось до 2010 г. ежегодно увеличивать импорт на 2 млрд. куб. м, доведя его до 16 млрд. куб. м. За 25 лет действия контракта Газпром рассчитывал получить 25 млрд. долл.

Однако уже в апреле Botas прекратила отбор газа, заявила, что не согласна с условиями контракта и, ссылаясь на экономический кризис, потребовала снизить цену до 70 долл. за куб. м, сократить объемы поставки чуть ли не вдвое и даже пригрозила подать на Газпром иск в Международный арбитраж. Газпром в свою очередь счел действия турецкой стороны грубым нарушением достигнутых ранее межправительственных соглашений и подписанных контрактов и подал свой иск в Международный арбитраж.

В ходе длительных и трудных переговоров обе стороны достигли компромисса. Газпром, в частности, согласился пересмотреть формулу цены, унифицировать действующие контракты на поставку газа в Турцию с тем, чтобы они заметно не отличались от аналогичных соглашений с европейскими странами, и прекратить арбитражное разбирательство. Он также выразил готовность направить часть выручки на развитие турецкой газовой инфраструктуры.

Botas, поняв, что не получит в этом споре поддержку от ЕС, заявила о возобновлении отбора газа с 1 августа на действующих условиях и, как минимум, закупит до конца года 800 млн. куб. м газа, что позволит избежать платежей по формуле «take or pay», которая действует с 1 июня. Все спорные вопросы стороны согласились решать во внесудебном порядке и начать с обсуждения конкретных условий поставки газа в 2004 г. Однако конфликт вряд ли можно считать исчерпанным.

В Газпроме справедливо считают, что Анкара настаивает на изменении условий контракта не только по экономическим соображениям. С помощью давления, которое можно назвать шантажом, определенные политические силы пытаются заставить Россию терпимо относиться к сооружению нефтепровода Баку – Джейхан, а в дальнейшем и к разработке азербайджанского газового месторождения Шах-Дениз и строительству трубопровода Баку – Тбилиси – Эрзрум, по которому предполагают ежегодно вплоть до 2018 г. поставлять в Турцию 6,6 млрд. куб. м газа. Наконец, в более отдаленном будущем хотят наладить поставку в Турцию иранского и туркменского газа. В большинстве перечисленных проектов активное участие принимают международные ТНК, которые готовы при содействии Турции потеснить, а то и вытеснить российские нефтегазовые компании из этого региона.

Еще во время строительства газопровода руководителей компании Botas пытались обвинить в коррупции, однако вскоре скандал прекратили. Потом появились угрозы возобновить расследование, что подталкивает руководство на конфронтацию с Газпромом.

Объективное положение дел, однако, подсказывает, что турецкие деловые круги, заинтересованные в связях с Россией, найдут приемлемые пути для решения этой острой, но во многом надуманной проблемы, тем более, что у России, конечно, имеются ответные рычаги давления. Это самым благоприятным образом скажется на состоянии и перспективах развития всесторонних отношений между двумя государствами.

СОДЕРЖАНИЕ

В.Ф.Урляпов МАЛАЙЗИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	3
В.Н.Москаленко, Н.В.Мелёхина ПАКИСТАН И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	13
Г.М.Зиганшина ОБ УЧАСТИИ ТУРЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	24
В.Ф.Урляпов ИНДОНЕЗИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИСЛАМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	31
Ю.О.Левтонова ФИЛИППИНЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ОТНОШЕНИЙ С ОИК И ГОСУДАРСТВАМИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	38
М.Н.Гусев ОБ ИСТОЧНИКАХ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРИЗМА	45
Я.Е.Камлевская БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ В ЕГИПТЕ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВЕКОВ	51
А.В.Кудрявцев МАМУН АЛЬ-ХОДЕЙБИ – НОВЫЙ ЛИДЕР ЕГИПЕТСКИХ «БРАТЬЕВ-МУСУЛЬМАН» (ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ)	64
С.Б.Дружиловский О ВОЗМОЖНОСТЯХ БОРЬБЫ С ПРОЯВЛЕНИЯМИ ИСЛАМСКОГО РАДИКАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	75
В.Н.Москаленко, Н.В.Рубина ИСЛАМИЗМ И СЕПАРАТИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КАШМИРЕ	81
Н.Г.Киреев ПЕРВЫЙ ГОД ПРЕБЫВАНИЯ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ (АКП) У ВЛАСТИ В ТУРЦИИ	99
У.В.Окимбеков ЭКОНОМИКА АФГАНИСТАНА В ПОСТТАЛИБСКИЙ ПЕРИОД И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ	115
Р.Р.Сикоев ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АФГАНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ	128

З.А.АРАБАДЖЯН ИРАН: НАВСТРЕЧУ СВОБОДЕ ИЛИ РАЗВАЛУ СТРАНЫ?	133
М.Р.АРУНОВА РОССИЙСКО-ИРАНСКИЙ ДИАЛОГ И ПОЗИЦИЯ ИРАНА В ОТНОШЕНИИ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (2001–2003 ГГ.)	140
А.А.СМОЛЕНСКИЙ ИРАНО-ИРАКСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ)	152
Л.М.КУЛАГИНА ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИРИ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ИРАКЕ	162
А.М.МУСТАФИН ОБ ИТОГАХ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИРАНЕ	170
Р.М.МУКИМДЖАНОВА ПАКИСТАН И АРАБСКИЕ ГОСУДАРСТВА	178
В.Я.БЕЛОКРЕНИЦКИЙ РОССИЙСКО-ПАКИСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЕТЕ НОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕГИОНЕ	188
О.В.ПЛЕШОВ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В ПАКИСТАНЕ	200
М.Ю.МОРОЗОВА ПАКИСТАН: НА ПОРОГЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА	208
И.В.ЖМУЙДА ЭМИГРАЦИЯ ИЗ ПАКИСТАНА: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ	225
И.Н.СЕРЕНКО ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ ПАКИСТАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	235
К.С.АЗИМОВ СЕВЕРНЫЙ ИРАК: КОНФЛИКТ МЕЖДУ КУРДАМИ И ТУРКМАНАМИ	245
О.И.ЖИГАЛИНА ПРОБЛЕМА КУРДСКОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ И ЗАПАД	255
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Ф.А.ТРИНИЧ РОССИЯ – ТУРЦИЯ: СОСТОЯНИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	265

КНИГИ, ИЗДАВАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства
в экономическом развитии".
18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко,
З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-
ческий потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском
Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.

29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.
37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).

45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг."
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности".
Сборник статей (Совместно с РАЕН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей
(Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
59. **Аль-Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".
60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).
61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".
62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. "Турция между Европой и Азией". Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
64. "Ислам и политика". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".
66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".
67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.
68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".
69. "Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке". Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).
70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".
71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".
72. **Зезв Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"
73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.
74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.
75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.
76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".
77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей, (совместно с ИВ РАН).
78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.
80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)".
Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы
торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".

97. В.А.Исаев, А.О.Филоник "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. О.В.Плешов "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.
101. М.З.Ражбадинов "Радикальный исламизм в Египте". (совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.
103. "Иран и СНГ". Сборник.
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии". Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. **Ахмедов В.М.** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".
108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.
109. **Юрченко В.П.** "Египет: проблемы национальной безопасности (1952–2002 гг.)".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы". Сборник.
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетнамизация» (по материалам круглого стола)
- 113 **Уразова Е.И.**"Экономическое сотрудничество Турции и тюркских государств СНГ".

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio-economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI-th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev
and A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by
A.Filonik and N.Rogozhina
12. "The Arab World in the end of the XX-th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**
15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**

30. "The contemporary Saudi Arabia"
 31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**
 32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
 34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
- 1999**
35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
 37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
 38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
 39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
 40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
 41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
 42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
 43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**

44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**
49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)
50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"
52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**
53. "Political Elite in the Middle East"
54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays)
(In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**
56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)
57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)
58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays).
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**
60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**
61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**
62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
64. "Islam and Policy" (collection of essays)
65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**
66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**
67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)
68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State
Creation" by **K.Polyakov and A.Hasyanov**
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays)
In cooperation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Russian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**

97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**.
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)
105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
- 113 "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

Подписано в печать 28.11.2003 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 18,125 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 85

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»